Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

Комитет по культуре администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии
АНО «Центр археологических исследований»

Материалы и исследования
по археологии Днепровского Левобережья
Выпуск V

Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур

К 25-летию Курского государственного областного музея археологии

Сборник научных трудов

Курск
2018

ББК 63.4
М 34

На обложке: Подвеска с головой тура и стилизованными фигурами вокруг неё. Бронза. XI в. Гочевский могильник. Курган №164. Раскопки Г.Ю. Стародубцева. 1998 г. Фонды Курского государственного областного музея археологии.

Редакторы-составители:
Г.Ю. Стародубцев (отв. редактор), А.В. Зорин, А.Г. Шпилев

Рецензенты:
д.и.н., профессор С.В. Белецкий (Институт истории материальной культуры РАН)
д.и.н., профессор Е.А. Шинаков (Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского)

Тексты статей даны в авторской редакции

Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 5. Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур [Текст] : к 25-летию Курского государственного областного музея археологии : сборник научных трудов / Комитет по культуре администрации Курской области, Курский государственный областной музей археологии, АНО «Центр археологических исследований». – Курск: ИП Бескровный Александр Васильевич, 2018. - 309, [2] с. : ил.

ISBN 978-5-6041327-7-7

Пятый выпуск «Материалов и исследований по археологии Днепровского Левобережья» посвящён 25-летию со дня основания Курского государственного областного музея археологии.

Вошедшие в сборник научные труды посвящены вопросам истории и археологии Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья.

Сборник предназначен для археологов, историков, краеведов и всех интересующихся историей Отечества.

© Курский государственный областной музей археологии

© Авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово (Г.Ю. Стародубцев).....5

Эпоха камня

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. (Курчатов, Санкт-Петербург)
Новые технологии и формы костяных изделий по материалам новейших исследований на многослойной стоянке Быки-7 в Курском Посеймье.....7
Чубур А.А. (Брянск)
Три очерка о зооморфных образах из Авдеево: «мамонты-оборотни, мамонты-мишени», «неусыпный страж» и «лошадь без головы» 19

Ранний железный век

Шпилев А.Г. (Курск)
Новые находки булавок с ажурными навершиями эпохи раннего железного века из Курской области 38
Обломский А.М. (Москва)
Материалы первых веков н.э. на поселениях Ксизово-17 и 19.....47
Провоторов Е.В. (Москва)
Находки изделий круга выемчатых эмалей на территории Хомутовского района Курской области.....81

Эпоха раннего средневековья

Винников А.З. (Воронеж)
Славяне на р. Воронеж.....92
Шпилев А.Г. (Курск)
Новые находки лучевых височных колец IX – X вв. из Курской области 104

Развитое и позднее средневековье

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. (Курск)
Жилая зона Жидеевского городища рубежа X – XI вв. 112
Чубур А.А., Стародубцев Г.Ю., Горобец Л.В. (Брянск, Курск, Киев)
Археозоологические наблюдения по материалам раскопок феодального замка «городище Жидеевка».....147
Зорин А.В. (Курск)
Отопительные сооружения жилищ средневекового Курска (по материалам исследований 2008 г.).....159
Стародубцев Г.Ю. (Курск)
Исследование кургана 121 Гочевского курганного могильника в 2016 г. 184
Симоненков А.В. (Курск)
Хронология древнерусских памятников Моква 1-я (поселение 1, поселение 2) (Курская область).....195

Климова Т.А. (Курск)
Предметы погребального убора из курганов Горнальского некрополя (раскопки Д.Я. Самоквасова, 1872 г.): к изучению погребального костюма.....204
Чуракова А.Ю. (Санкт-Петербург)
Христианская пластика малых форм с городища «Царский Дворец» у с. Гочево 220
Климова Т.А. (Курск)
Перстни Гочевского курганного некрополя.....228
Шпилев А.Г. (Курск)
Древнерусские клады Курского края 240
Тропин Н.А. (Елец)
Вещевой клад середины XIII в. с Лавского археологического комплекса.....262
Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Безбородых В.И., Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. (Москва, Белгород, Курск)
Комплексное антропологическое исследование защитников пограничной крепости XIV – XV вв. «Царский Дворец» 268
Андреев А.А. (Курск)
Клад монет XVII века из села Асмолово Рыльского района Курской области 280

История науки

Стародубцев Г.Ю. (Курск)
История исследования Гочевского курганного могильника в 1909 – 1915 гг. 295
Захарова Е.Ю. (Воронеж)
Исследования археологов ВГУ в Курской области.....300

Сокращения.....308
Сведения об авторах.....309

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
© 2018 г. Г.Ю. Стародубцев

Начало 1990-х годов было весьма непростым временем в истории нашей страны. В ходе слома старой государственной системы значительные изменения происходили и с центральными научно-исследовательскими учреждениями (ИА РАН, ИИМК РАН), которые традиционно проводили львиную долю полевых археологических работ. Начался процесс сокращения (а в отдельных случаях и полного прекращения) деятельности многих экспедиций. Это было связано, в первую очередь, с практически полным отказом государства от финансирования фундаментальных исследований.

В тоже время на этом фоне во многих регионах России начинается активизация исследований, проводимых местными археологами, возникают региональные исследовательские центры, в том числе и в Курске. В 1990 г. в Курском областном краеведческом музее был создан отдел археологии, который 4 июня 1991 г. был преобразован в Курский музей археологии – филиал Курского областного краеведческого музея.

Благодаря настойчивости заведующего филиалом Н.А. Тихомирова, решением малого Совета Курского областного Совета народных депутатов от 12 августа 1993 г. № 77 филиал Курского областного краеведческого музея – музей археологии был преобразован в Курский государственный областной музей археологии. Так возник один из немногих специализированных археологических музеев в России, первым директором которого стал Н.А. Тихомиров. С ноября 1994 г. директором музея назначен Г.Ю. Стародубцев.

За прошедшие годы сотрудниками музея проведены разведочные работы по выявлению новых памятников на территории Курской области. В ходе этих работ: в Курчатовском районе открыта палеолитическая стоянка Быки 1 (А.Н. Апальков, Г.Ю. Стародубцев (1994)); по заданию МК РФ проведено сплошное обследование центральной части Суджанского района и выявлено более 70 памятников различных исторических периодов – от неолита до позднего средневековья (Н.А. Тихомиров (1995 – 1996)); обнаружены два раннесредневековых поселения около д. Духовец Курского р-на (Г.Ю. Стародубцев (2002)); при обследовании окрестностей Курска зафиксированы 8 ранее неизвестных поселений: пять к юго-востоку – позднероменского времени «Линёво озеро 4» и «Линёво озеро 5», древнерусского времени «Линёво озеро 6», многослойные «Городище» и «Букреево» (М.В. Дьяконов (2013)) и три к юго-западу от города – позднероменского времени «Моква 1-я, поселение 1», древнерусского времени «Моква 1-я, поселение 2» и «Духовец 3» (А.В. Симоненков (2013)).

Кроме того проводились и продолжают проводиться стационарные исследования памятников, относящихся к различным историческим периодам. Среди них: курганы около с. Коробкино и поселение у с. Гуторово эпохи бронзы (А.Н. Апальков (1993)); поселение раннего железного века около г. Льгова (А.Н. Апальков (1994, 1995)); раннеславянское поселение в окрестностях Замощанской дюны у с. Княжий 2 (Н.А. Тихомиров (1995)), курган роменской культуры конца X в. около д. Шуклинка (А.В. Зорин (1998)) и городище Капыстичи X – начала XI вв. (А.В. Зорин (2001)), курган с погребением кочевника XI – XII вв. у д. Люшинка (А.Н. Апальков (1993)) и городище Жидеевка конца X – начала XI вв. (Г.Ю. Стародубцев (2010-2012)). К категории древнерусских городов, несомненно, нужно отнести исследуемые археологические комплексы: Гочевский (Г.Ю. Стародубцев (1994-2000, 2002-2010, 2014-2018)) (раскопки курганного и грунтового могильников, усадебной застройки и оборони-

тельных сооружений в юго-западной части посада, средневекового замка последней трети XIV – первой половины XV вв. – городища Царский Дворец) и Люшинский (Г.Ю. Стародубцев в 2000 г.) (работы на городище и поселении X – XIII вв.).

Значительные исследования произведены и продолжают проводиться на территории исторических частей Курска (Н.А. Тихомиров (2004, 2014), А.В. Зорин (2005, 2007, 2008), Г.Ю. Стародубцев (2006), А.Н. Апальков (2011)) и Рыльска (А.В. Зорин (2000)). Охранные исследования в центральной части Курска помогли уточнить границы и особенности оборонительных сооружений крепости на различных этапах ее существования, позволили выявить застройку периода ранней истории города (в том числе и в Закурной его части), были зафиксированы границы посада древнерусского города, обнаружены интересные объекты, относящиеся к XVII – XVIII вв. В результате раскопок Рыльска найдены жилые и хозяйственные объекты, относящиеся к древнерусскому времени.

Раскопки каждого из названных памятников открыли новые страницы в древней истории нашего края. Материал, полученный в результате их исследования, представляет особый научный интерес в связи со слабой изученностью данного периода на территории Курского края.

Издаваемый сборник приурочен к 25-летию Курского государственного областного музея археологии и посвящены вопросам истории и археологии Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ФОРМЫ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ БЫКИ-7 В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ

© 2018 г. Н.Б. Ахметгалеева[1], Н.Д. Бурова[2]

1– Курчатовский краеведческий музей, Курчатов

2 – Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-11-46601), а также в рамках государственного задания ИИМК РАН (№ 0184-2018-0004)

В данной статье представлены результаты новых открытий на многослойной верхнепалеолитической стоянке Быки-7 в бассейне реки Сейм на Русской равнине. Её культурные слои датируются в диапазоне от 18 до 15 тыс. лет (некалиброванные даты). В 2017 году был вскрыт участок, на котором сохранились 4 культурных слоя, два из них (Ic и Ib) зафиксированы впервые. Подтвердилась гипотеза о существовании нового жилища. При изучении I культурного слоя, обнаружен новый жилой объект зимнего периода с искусственными ямами и очагом. Изучение обработанной кости показало, что материалы этих слоёв относятся к единой Быковской археологической культуре, известной по присутствию в её каменной индустрии треугольных микролитов. В то же время, ряд предметов из обработанной кости, как и последовательность технологических приёмов, встречаются впервые по материалам этого памятника. Им и посвящена данная статья. Это изделия из концов и сколов трубчатых костей, подвеска из бивня мамонта, получение заготовок из тазовой кости лошади и мн. др.

Ключевые слова: Верхний палеолит Русской равнины, многослойная стоянка Быки-7, обработанная кость.

Стоянка Быки-7 является ключевым памятником комплекса каменного века Быки (Ахметгалеева, 2015). Возраст её культурных слоёв оценивается в диапазоне от 18 до 15 тыс. лет т.н. (даты некалиброванные). В отличие от известных долговременных поселений Русской равнины с мамонтовой фауной, эта стоянка была неоднократно обитаема небольшими коллективами охотников на копытных животных, посещения которых имели сезонный характер (Ахметгалеева, Бурова, 2008).

Результаты раскопок 2017 года показали, что микростратиграфия памятника на вскрытом участке имеет существенные отличия от ранее наблюдавшейся. Мощность вскрытых отложений составила 2 метра, культуросодержащих горизонтов – около 1 метра. Их тщательное изучение привело к выводу, что мы наблюдаем четыре культурных слоя, из которых два обнаружены впервые. Они получили обозначение Ic и Ib. Культурный слой II на участке 2017 года отсутствовал. Культурный слой Ic залегал над самым обширным в пространственном отношении культурным слоем Ia. После десятилетнего перерыва возобновилось исследование I культурного слоя: Вскрыт небольшой сектор нового, второго жилого объекта с очагом и искусственными ямами. Отметим, что два жилых объекта находятся на расстоянии 8 м друг от друга, находок между ними не было. Неожиданным явилось присутствие между культурными слоями Ia и I нового культурного горизонта/слоя Ib. Костные остатки присутствовали в трёх нижних культурных горизонтах. Среди них были встречены и предметы со следами обработки, в том числе и в новом Ib культурном слое. Почти все они в технологическом и стилистическом плане не имели серьёзных отличий от ранее изученных коллекций обработанной кости этого памятника (Ахметгалеева, 2015, 2017). Тем не менее, среди находок оказались изделия с нестандартной обработкой и формой. Собственно, о них и будет вестись речь в данной статье.

Стратиграфия и краткое описание культурных слоёв памятника

Поскольку Быки-7 является многослойной стоянкой, и мы будем представлять изделия разных горизонтов, предлагаем рассмотреть подробно стратиграфическую колонку участка (рис. 1), на котором присутствуют остатки четырёх культурных слоёв (сверху вниз, м):

1. Мешаная, перекопанная неоднородная порода, представленная тёмно-серым, гумусированным материалом современной почвы и бурым суглинком. Мощность0,05 – 1,05 м;
2. Горизонт В современной почвы, коричневого цвета, нарушен многочисленными кротовинами. Мощность 0 – 0,4 м;
3. Лёссовидная слоистая, тяжёлая, плотная на ощупь супесь серовато- бурого цвета, нарушенная кротовинами и корнеходами. Мощность 0 – 0,08 м. В верхней части содержит расщеплённый кремень и неопределимые костные обломки. Данный культурно-содержащий горизонт в этом году выделен как **культурный слой Ic**, на разрезе он обозначен под номером **3c;**

3а. **Культурный слой Ia.** Расположен в нижней части лёссовидной супеси. Вмещающая порода представлена супесью лёссовидной, бурой, близкой по составу и характеру отложениям всей толщи №3. Выделяется слой по включениям золистой и охристой массы, кремня и костных остатков. Мощность 0,15 – 0,25 м;

4. Коричневато-бурая супесь с карбонатным псевдомицелием, более песчаная, чем слой 3. Входит в заполнение мерзлотных трещин II генерации. Мощность 0,10 – 0,25 м. На крайних северных участках слоится, в верхней части выделяются прослойки светло-жёлтого песка. На центральных и южных участках в верхней и средней толще (ниже – на участках с природными нарушениями) данного литологического слоя залегали **культурные остатки слоя Ib**;
5. Серо-жёлтый мелкозернистый песок, в нижней части включает линзочки белого крупнозернистого и бурого мелкозернистого песка аллювиально-деллювиального происхождения. Мощность 0,40 – 0,55 м. Содержит многочисленные кротовины, заполненные современной гумусированной породой, карбонатным зеленовато-бурым суглинком, тёмно-жёлтым песком.

   К верхней толще (0 – 0,35 м) песка на южных квадратах были приурочены отложения **I культурного слоя,** и с данного уровня впущен новый **второй жилой** объект. В зависимости от концентрации культурного заполнителя и его характера в данном слое выделены прослойки;
6. Бурые слоистые супеси и пески 0,10 – 0,13 м.

Первый жилой объект **I культурного слоя** имеет радиоуглеродные даты в диапазоне 17-18 тыс. лет. В 2017 году был вскрыт северо-западный сектор ***второго жилого объекта*** с шестью искусственными ямами и очагом. Находки за пределами жилого объекта были минимальны, что характерно для зимнего периода обитания. Культурный слой перекрывал заполнение всех ям, в нём присутствовал элементарный культурный наполнитель в виде частичек золы, костного угля, кусочков мела (который в естественном состоянии не встречается в данной толще отложений). Заполнение шести ям диаметром около 60 см характеризовалось присутствием во взвешенном состоянии расщеплённого кремня, в том числе орудий. Округлый очаг имел диаметр около 80 см в средней и нижней части и около 50 см в верхней части, глубину 10 – 12 см. В южном направлении от очага отходит полоса выброса или специальная канавка для поддува шириной около 15 см. Точная конфигурация всего этого объекта (или двух?) пока не ясна. Канавка, заполненная углистой массой,

соединяется ещё с одним очагом или его частью, которая уходит в южную стенку раскопа. Заполнение очага представляет собой мелкодисперсную углистую массу с включением кусочков костного угля размером около 0,5 – 1,5 см. В верхней толще заполнения данного объекта встречались крупные и мелкие фрагменты костей со следами обжига. Расщеплённый кремень залегал также в верхней толще очага и имел меньшую степень патинизации, чем в остальном культурном слое. Некоторые кремнёвые изделия не имели патины.

В 2017 году был зафиксирован достаточно мощный для этого памятника **Ib культурный слой** в литологическом слое 4 красновато-бурой супеси. Ранее здесь находки отсутствовали. Он тяготеет к верхней и центральной толще супесчаных отложений. Окрашенности слоя не наблюдалось. Но элементарный культурный наполнитель присутствовал в виде мелких кремнёвых чешуек и мелких фрагментов неопределимых костей, большого количества кусков мела диаметром около 1 см и менее, не встречающегося в естественном состоянии в данных отложениях.

Ia культурный слой (радиоуглеродные даты в диапазоне 15 – 17 тыс. лет). Анализ расположения культурных остатков в лёссовидной серовато-бурой супеси показал, что в её нижней толще находки залегают in situ, образуя единый горизонт, за исключением нарушенных участков. Участок 2017 года является периферийным для данного культурного слоя. Он отличается слабой окрашенностью зольной массой и большей мощностью вмещающих отложений. Костные остатки редки, в центральной и северной части значительно падает количество расщеплённого кремня на квадратный метр. Объектов не обнаружено.

Ic культурный слой. В этом году расщеплённые кремни фиксировались примерно на одном уровне сразу после снятия горизонта В современной почвы. Ранее отдельные находки в этом горизонте на южных квадратах линий А-Г имели место, но были редки. Предполагалось, что это результат действий роющих животных. Но в 2017 году стало очевидно, что артефакты лежат in situ и представляют собой отдельный культурный слой. Он прослеживается везде, где сохранился верх лёссовидной супеси (литологический слой 3). Так, только с шести квадратов раскопок этого года, на которых сохранился контакт лёссовидной супеси с современной почвой, собрано 27 экз. расщеплённого кремня, включая орудия. От Ia культурного слоя его отделяет 15 – 20 см стерильной супеси. Обработанная кость в данном культурном слое отсутствует.

Особенности коллекций обработанной кости

Обработанная кость из 2 жилого объекта I культурного слоя. Преобладающее количество изделий из обработанной кости происходит из заполнения ям, что было характерно и для первого жилого объекта. Остеологический материал представлен в основном фрагментами трубчатых костей и фаланг дикой лошади (384 экз.), тремя фрагментами рога и кости северного оленя, есть изделие из бивня мамонта, встречаются кости зайца. Большинство костей неопределимо из-за сильной фрагментации (339 экз.). Коллекция предметов обработанной кости I культурного слоя составляет 14 экз., из них 7 изделий и их фрагментов. Они разнообразны и по представленным типам изделий, и по используемому сырью. Так, встречено достаточно типичное для данной коллекции игловидное остриё из грифельной кости лошади размерами 3,3 х 0,35 х 0,25 см. Из коронарного отростка рога северного оленя выполнена рукоятка длиной 5,8 см, диаметром основания 1,5 см. Найдена лопаточка из ребра лошади размерами 13,7 х 1,6 х 0,5 см.

Опишем предметы, вызвавшие особый интерес.

Среди редких индивидуальных *неутилитарных* находок – овальная подвеска с просверленным отверстием из бивня мамонта размерами 4,9х1,6х0,8 см (рис. 2, *1*). Она была найдена над ямами. Предмет расслоился по конусу роста и состоял из двух фрагментов, один из которых был обломлен в современности (третий фрагмент рассыпался в слое). Изделие представляет собой подвеску овальной формы с просверлено-пробитым отверстием. Вероятная заготовка – небольшой отщеп из внутренней части бивня мамонта. Основная форма придана с помощью строгания. Сверление производилось с двух сторон. На последнем этапе перегородка была пробита, о чем свидетельствует неровность прикромочной грани. С внутренней стороны с обеих сторон отверстия идут продольные неглубоко выскобленные желобки. Возможно, это следы утончения подвески в этой части. Но район самого отверстия не утончался. По отверстию в древности подвеска была обломлена. Так же в центре её нижней части есть группа преднамеренных нарезок, произведённых боковым лезвием кремнёвого орудия. Две из них выполнены поступательно-возвратными движениями. С внешней стороны видны только следы выскабливания, придающего окончательную форму подвеске. Следов утончения нет. Поверхность поделки покрыта с обеих сторон окислами марганца, в том числе и поверхность расслоения. Микро-выемки естественного происхождения и окатанные грани поделки не окрашены. Под увеличением видно, что в некоторые выемки с обеих сторон попала красная охра.

Впервые найден предмет особой формы, функциональная и типовая принадлежность которого неизвестна. Это преднамеренно отчленённый и сильно подработанный дистальный эпифиз лучевой кости северного оленя с двумя выструганными тупыми остриями из продольных выступов стенки диафиза кости (рис. 2, *2*). Диафиз на остальных участках сколот практически до основания. Губчатая масса выбрана, внутренняя поверхность заглажена, переход от внешней поверхности к внутренней затёрт. Возможно, здесь перекрываются следы обработки и износа. Кромки изломов так же заглажены. В итоге изделию придана вилкообразная форма. Размеры изделия 5х4,3х1,5 см. Одно остриё этого изделия обломано в древности, сохранившееся имеет более тёмный цвет и следы износа в виде рассеивающейся заполировки. Данное остриё создавало углубление в каком-то достаточно мягком материале.

Был выделен продольный скол трубчатой кости лошади со следами, которые мы определили как износ (рис. 3, *3*). Это вторичный скол, который был снят после поперечного членения кости. Его размеры 10,5 х 4,5 х 0,7 см. Рабочее лезвие оформлено на узком конце. Возможно, рабочее лезвие было преднамеренно сужено строганием с обоих боков. Длина рабочей зоны, как и лезвия, около 2 см, ширина 2,2 см. Торец рабочего края выщерблен, несёт на себе негативы продольных сколов и смятости ткани. Вероятная кинематика – долото/кирка. Контактный материал – умеренно твёрдый, абразивный (твёрдый/мёрзлый грунт?). Наиболее интенсивно заполировка сформировалась на торце сохранившихся участков рабочей кромки, на внутренней поверхности и выступающих участках рабочего лезвия.

В этой коллекции есть два обработанных конца крупных трубчатых костей копытного животного. Аналогичные предметы встречались и ранее.

Наше внимание было обращено на преднамеренность формирования кромки изломов данных изделий. Проксимальная часть бедренной кости лошади залегала непосредственно на поверхности очага (рис. 4, *6*). Диафиз был поперечно обрублен около проксимального конца. Кромка излома настолько ровная для техники рубки, что вероятно, в данном случае имело место ретуширование её в целях снятия выступающих фрагментов диафиза. Размеры: высота 11,2 см, длина макс. Диафиза 8 х 4,5 см. Луче-

вая кость лошади первоначально была расколота в целях добычи костного мозга (рис. 4, *5*). Затем на 2/3 длины окружности кости была произведена необходимая для полного отчленения её дистального конца рубка и удаление выступающих участков диафиза с помощью ретуширования. Длина предмета 9,3 см, диаметр трубчатой кости 5,3 х 3,2 см. Залегал предмет также в очаге.

В данном культурном слое мы впервые фиксируем следы преднамеренного продольного раскалывания трубчатых костей. Нами определены ромбовидный осколок и стержневидные фрагменты с негативами нескольких противоположных продольных сколов (рис. 3, *4*; 4, *7*).

Обработанная кость Ib культурного слоя. Среди находок можно назвать крупные фрагменты костных остатков трубчатых костей лошади. Встречены изделия со следами сильного абразивного износа, фрагменты краниального скелета. Впервые найдена целая лопатка лошади. Единичны кости зайца и мамонта. Остеологическая коллекция в целом составляет 220 экз., из них 187 экз. – неопределимые мелкие фрагменты. Из культурного слоя Ib происходит 14 предметов, отнесённых нами к обработанной кости. Преобладающее сырьё – трубчатая кость лошади. Заготовок 5 экз., остальные являются изделиями, в том числе незаконченными. Типично миниатюрное остриё на стержневидном обломке кости со следами прокалывания мягкого и тонкого материала (растительного происхождения?) из стенки локтевой кости лошади со следами износа размерами 3,9 х 0,4 х 0,1 см. Рассеивающуюся заполировку на кончике острия можно охарактеризовать как растительную. Она зеркальная, придающая более жёлтый оттенок кости, утончающая рабочую поверхность и сглаживающая рельеф.

Особенность данной коллекции – обработка трубчатых костей копытных животных с помощью продольного и поперечного скалывания, формирование изделий из проксимальных и дистальных концов трубчатых костей.

Плечевая кость лошади была раздроблена в целях добычи костного мозга (рис. 4, *4*). Затем, с помощью серии поперечных ударов по 1/2 длины окружности кости было произведено скалывание выступающих частей диафиза около дистального конца. Длина предмета 11 см, диаметр диафиза 4,5 х 3,7 см. Проксимальная часть локтевой кости была поперечно отрублена серией ударов по окружности кости, с помощью ретуши сняты выступающие части диафиза (рис. 4, *2*). Есть небольшой участок с сохранившейся плоскостью первичного раскалывания при добывании костного мозга. Приросшая лучевая кость была сколота продольным ударом от торца, сколот поперечно и эпифиз этой кости. Длина предмета 8,3 см; диаметр эпифиза 8,7 х 3,4 см, а диаметр диафиза локтевой кости 5,5 х3,2 см.

Отметим два очень интересных и не встречающихся ранее изделий: На проксимальном конце лучевой кости лошади до основания были сколоты стенки диафиза и выбрана губчатая масса (рис. 5, *2*). Кромки изломов неровные. Назначение предмета не ясно. Видимых следов износа нет. Размеры предмета 4,5 х 0,3 см, диаметр эпифиза 5 см.

Впервые мы наблюдаем обработку первой фаланги лошади (рис. 5, *1*). Длина предмета 4,3 см; диаметр эпифиза 3 х 5,5 см. Фиксируются крупные трещины усыхания. Губчатая масса полностью выбрана, поверхность сглажена. Стенки диафиза сколоты до основания за исключением остроконечного участка. Приострённый выступ диафиза подправлен поперечным скоблением. Кромки изломов заглажены и затёрты. Максимальная истёртость и сглаженность наблюдается на правой грани выступа. Пятнами образовалась поверхностная и матовая заполировка. Её линейная направ-

ленность идёт от торца вглубь по стенки диафиза. Предполагаемый контактный материал – глинистый грунт с признаками заморозки.

Ещё один пример грунтовой заполировки мы видим на отходе производства из метатарзальной кости III лошади (4, *1*). Это проксимальный конец с негативами от продольного раскалывания диафиза в его направлении. И это следы нескольких ударов. На сохранившейся внешней поверхности диафиза в центральной её части сохранился паз после извлечения продольной, подтреугольной в сечении заготовки. Продольно расколотый фрагмент уже в «сухом» состоянии был сломан поперечно в древности. На противоположной от паза поверхности, напротив негативов от продольного скалывания наблюдается зона износа 2,5 х 1,5 см сглаженной и смятой костной ткани. Она немного затрагивает плоскости изломов, поэтому мы можем сказать, что её появление вторично по отношению к раскалыванию кости. Заполировка поверхностная матовая, истирающая, связанная с работой с подтаившим грунтом. Чёткая кинематика не выявляется. Следы продольного раскалывания видны и на фрагменте метакарпальной кости лошади (рис. 4, *3*).

Надо отметить, что присутствие изделий с износом по абразивному материалу, а конкретнее, начавшему оттаивать глинистому грунту, является в функциональном плане особенностью данной коллекции.

Было выделено ещё два продольных скола трубчатой кости копытного животного со следами износа. Оба предмета эродированы. Первый размерами 8,4 х 2,6 х 0,4 – 0,8 см (рис. 3, *1*). Поверхность истёрта и утончена. На более узком крае и внутренней выступающей поверхности сформировалась поверхностная, матовая заполировка. Точная функция и кинематика не понятна. Большую сходность имеет с работой совка по глинистому грунту со снегом.

Второе изделие размерами 6,8 х 2,3 х 1 см (рис. 3, *2*). В данном случае основные следы износа концентрируются на торце боковой кромки предмета и прилегающей к ней зоне внутренней поверхности. Это затёртые в ходе износа и пребывания в грунте фасетки ретуши. Контактный материал может быть связан со снежным, глинистым грунтом в стадии оттаивания.

Впервые обнаружен угловидный фрагмент тазовой кости лошади размерами 9х2,8х0,7 см со следами производства четырёх парных пазов (рис. 5, *3*). Толщина стенки коротких пазов (соответственно и их глубина) 0,7 см, толщина длинных пазов (стенок кости) 0,3 см. Одна пара пазов расположена перпендикулярно другой. Пазы, судя по неровным плоскостям излома в сочетании с ровной кромкой, вероятно, были прорублены по неглубоким нарезкам - разметкам. Это первый известный по материалам стоянок Быки случай обработки тазовой кости.

Обработанная кость Ia культурного слоя. Остеологическая коллекция включает 132 экз., определимы только 10 фрагментов трубчатых костей лошади. Выделено 7 стержневидных фрагментов трубчатых костей копытного животного, полученных в ходе продольного раскалывания. В среднем, размеры их сечения в диапазоне 0,8х0,5 см.

Обсуждение. Открытие в 2017 году двух новых культурных слоёв, как и открытие новых палеолитических структур в виде жилого объекта с ямами и очагом, позволяет нам заново поставить целый ряд вопросов, связанных с изучением этой своеобразной материальной культуры эпохи позднего верхнего палеолита.

Этот год раскопок принёс новые ценные коллекции обработанной кости. Если в I культурном слое большинство предметов являлось готовыми изделиями, то в Ib преобладали разнообразные заготовки и отходы производства. Особенностью являлись

изделия из сколов с абразивным износом и предметы, связанные с нестандартной для быковской культуры обработкой. В Ia культурном слое встречались только стержневидные преднамеренные сколы. Среди изделий I и Iб слоёв есть нетрадиционные формы, найден неутилитарный предмет, а также получены свидетельства об использовании техники продольного скола при получении заготовки из трубчатых костей в слоях I-Ia. Впервые отмечено применение техники прорезания / пробрубания нескольких пазов при получении серии заготовок из тазовой кости лошади по материалам нового культурного слоя Ib. Так же обращает внимание наличие в I-Iб слоях наличие проксимальных и дистальных концов трубчатых костей копытных животных, которые были первоначально расколоты в целях добычи костного мозга, а затем последовала дополнительная их обработка.

Изучение обработанной кости всех слоёв показало, что материалы относятся к единой Быковской археологической культуре, известной по присутствию в каменной индустрии треугольных микролитов, функционально являющихся наконечниками стрел. Тем не менее, прослеживается разница в самом наборе изделий и их заготовок, которая может быть отражением, как разной функциональной направленности вскрытых участков, так и хронологических отличий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 в Посемье на основе зооархеологических данных// Человек. Адаптация. Культура. М., 2008

Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск, 2015

Ахметгалеева Н.Б. Трасологические критерии культурного единства стоянок поздней поры верхнего палеолита Быки в Посеймье // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2018

NEW TECHNOLOGIES AND FORMS OF BONE ON MATERIALS OF THE LATEST STUDIES OF THE MULTI-LAYERED BYKI-7 SITE IN KURSK REGION

N.B. Akhmetgaleeva, N.D. Burova

This article presents the results of recent discoveries on the multi-layered Upper Paleolithic site of Byki-7 (Desna basin, Carbon 14 dates from 18 000 – 14 000 B.P). Basic hunting animals for human inhabitants of Byki-7 site were hare, arctic fox, reindeer and horse. In 2017, the site was studied, on which 4 cultural layers were preserved. Two cultural layers (Ic and Ib) were recorded for the first time. The hypothesis about the existence of a new dwelling was confirmed. A new dwelling of the winter period with pits and the hearth of the Cultural Layer I was found. The study of the new worked bone from the Byki-7 site showed that the materials of these layers belong to the Bykovskaya archaeological culture, known for the presence in its stone industry of triangular microliths. At the same time, new forms of bone products were discovered for the first time, as well as a sequence of technological methods. This article is devoted to them. These are products from the ends and flakes of tubular bones, a pendant from ivory, obtaining a blank from a horse's pelvic bone and many others.

Keywords: the European Late Upper Paleolithic, Byki-7 site, worked bone.

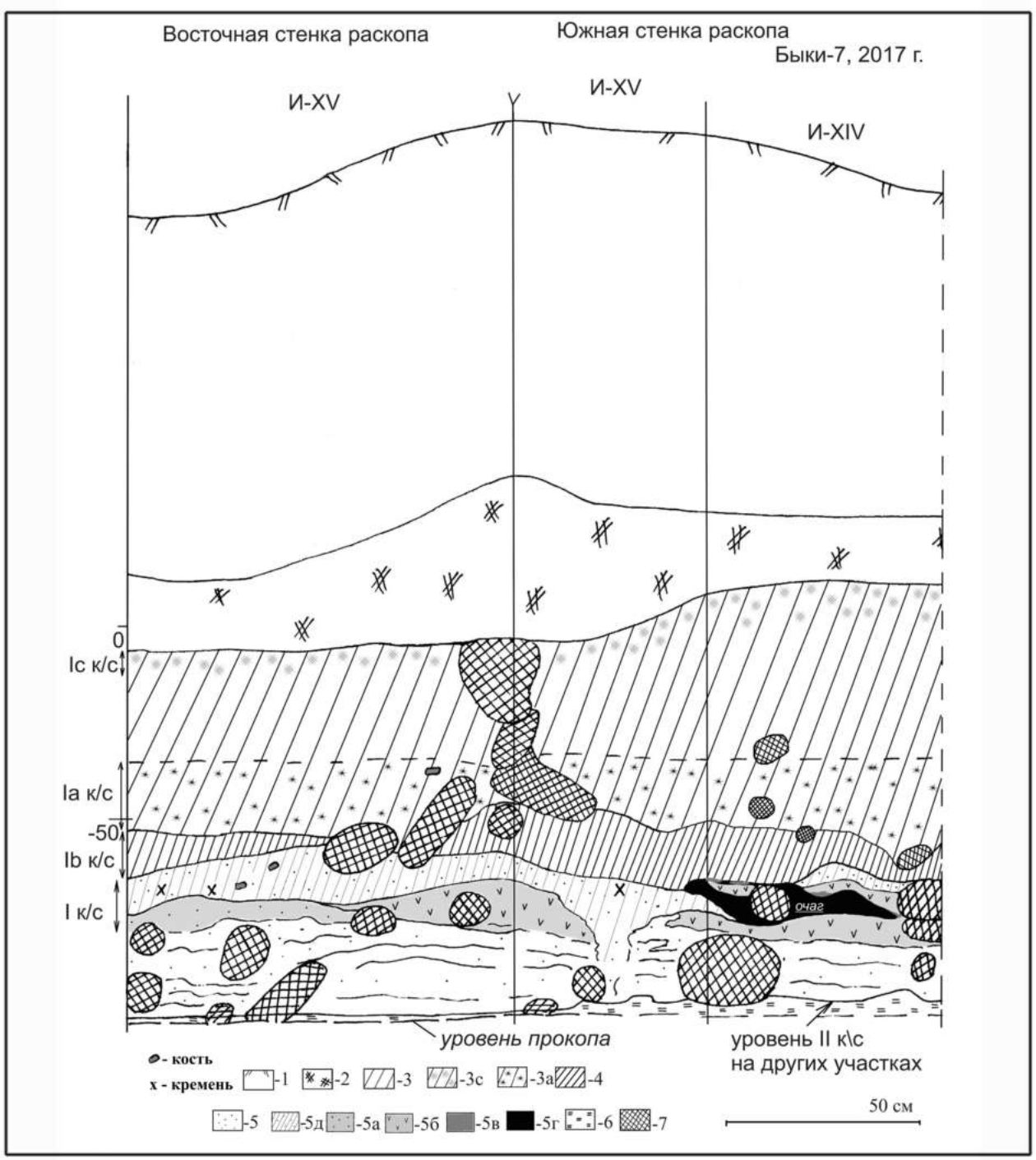


Рис. 1.

Разрез стенок на участке раскопа Быки-7 в 2017 году.

Условные обозначения: 1 – Перекопаная неоднородная порода; 2 – горизонт В современной почвы; 3 – лёссовидная супесь; 3с – культурный слой Ic; 3а – культурный слой Ia; 4 – коричневато-бурая супесь с культурными остатками слоя Ib; 5 – серо-жёлтый мелкозернистый песок, вмещающий I культурный слой; 5а – I культурный слой, слабо насыщенный элементарным культурным наполнителем; 5б – I культурный слой, слабо насыщенный углистой массой; 5в – I культурный слой, насыщенный углистой массой; 5г – углистая масса; 5д – I культурный слой, имеющий тёмно-жёлтый окрас; 6 – бурые слоистые супеси и пески; 7 – кротовины.

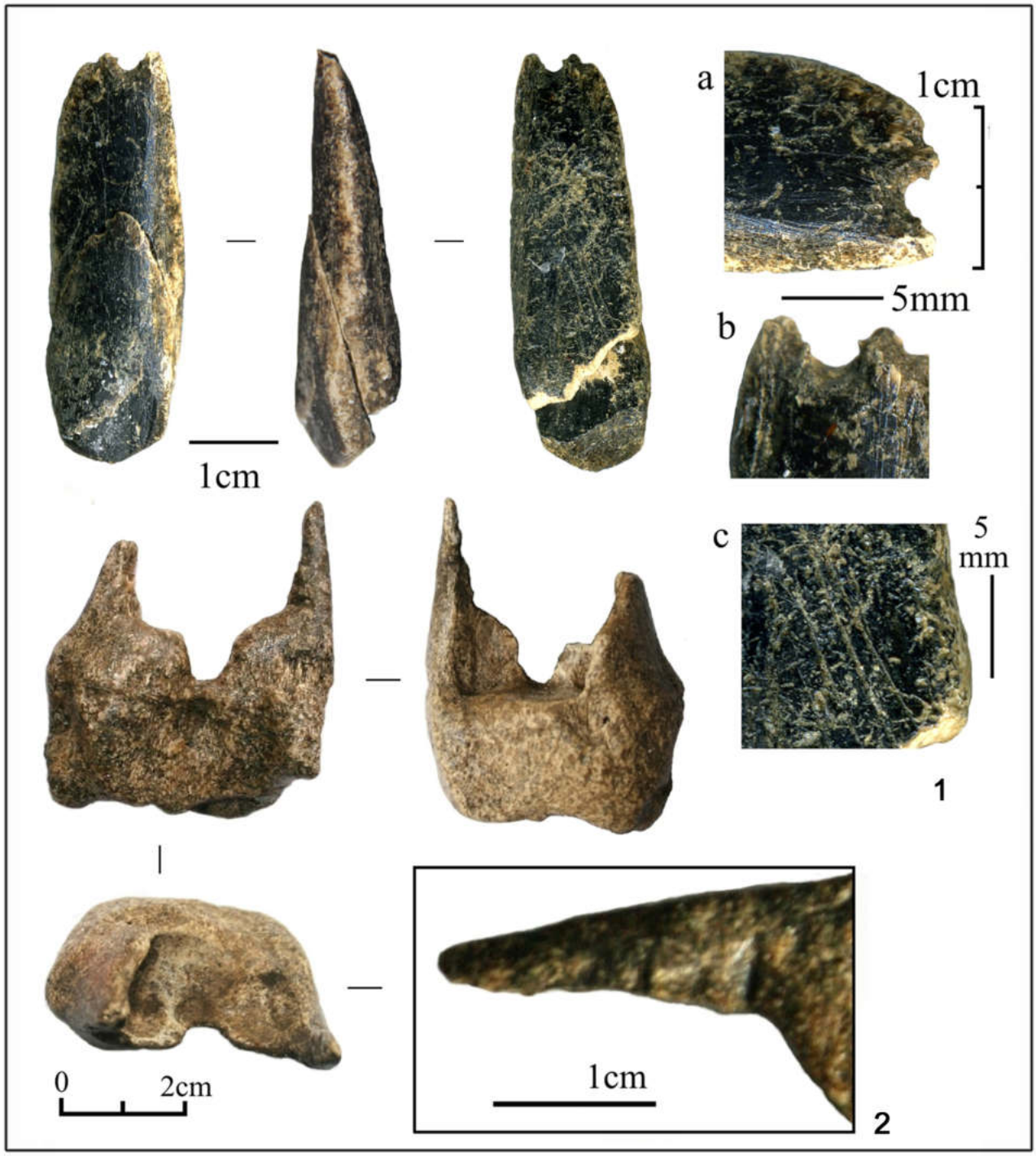


Рис. 2.
Обработанная кость со стоянки Быки-7, I культурный слой.
1 – подвеска из бивня мамонта;
2 – вилкообразное изделие из лучевой кости северного оленя.

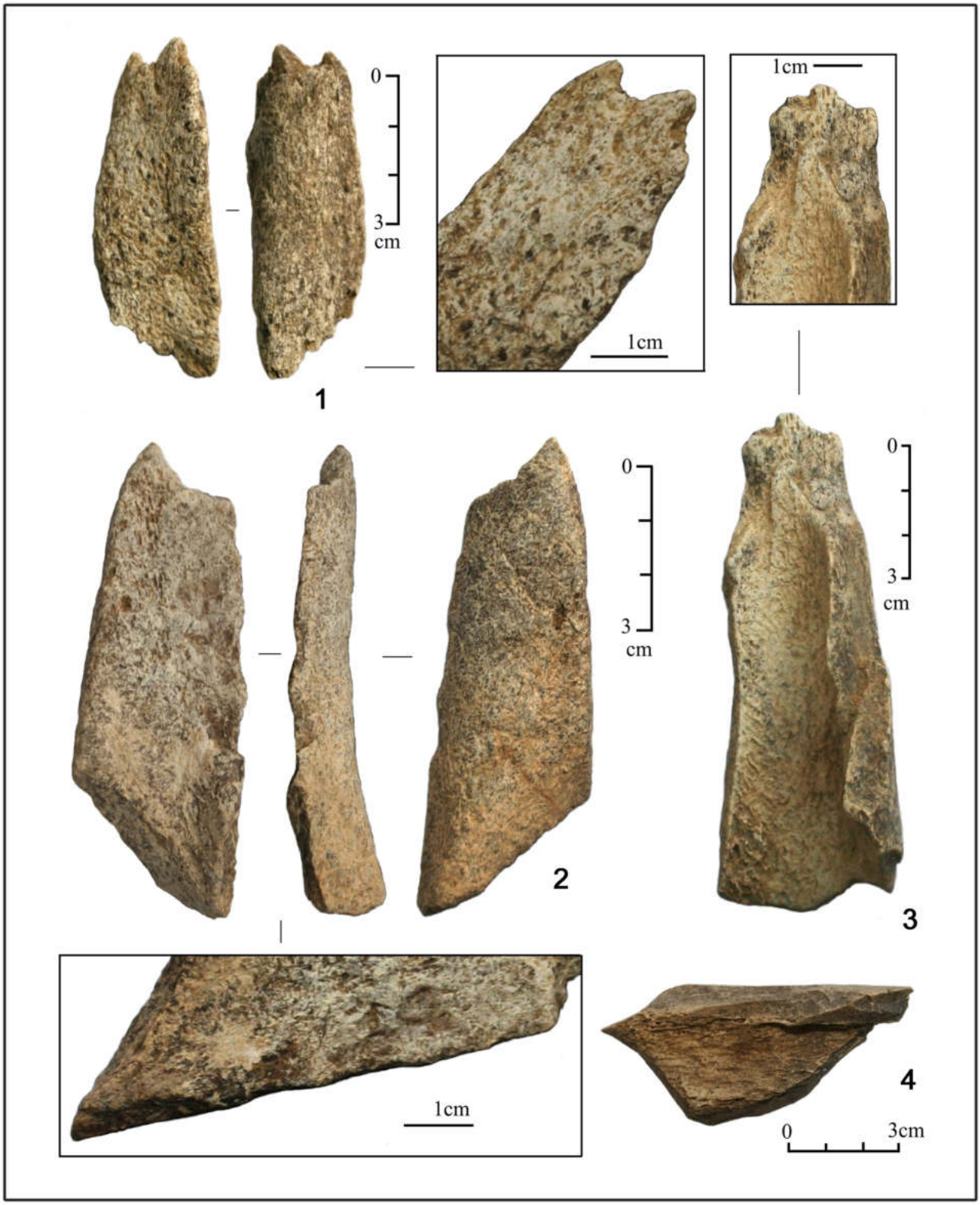


Рис. 3.
Обработанная кость со стоянки Быки-7, слои I и Ib.
1-3 – Изделия из сколов трубчатой кости с износом по мёрзлому грунту, стоянка Быки-7; 4 – скол трубчатой кости с негативами продольных сколов.

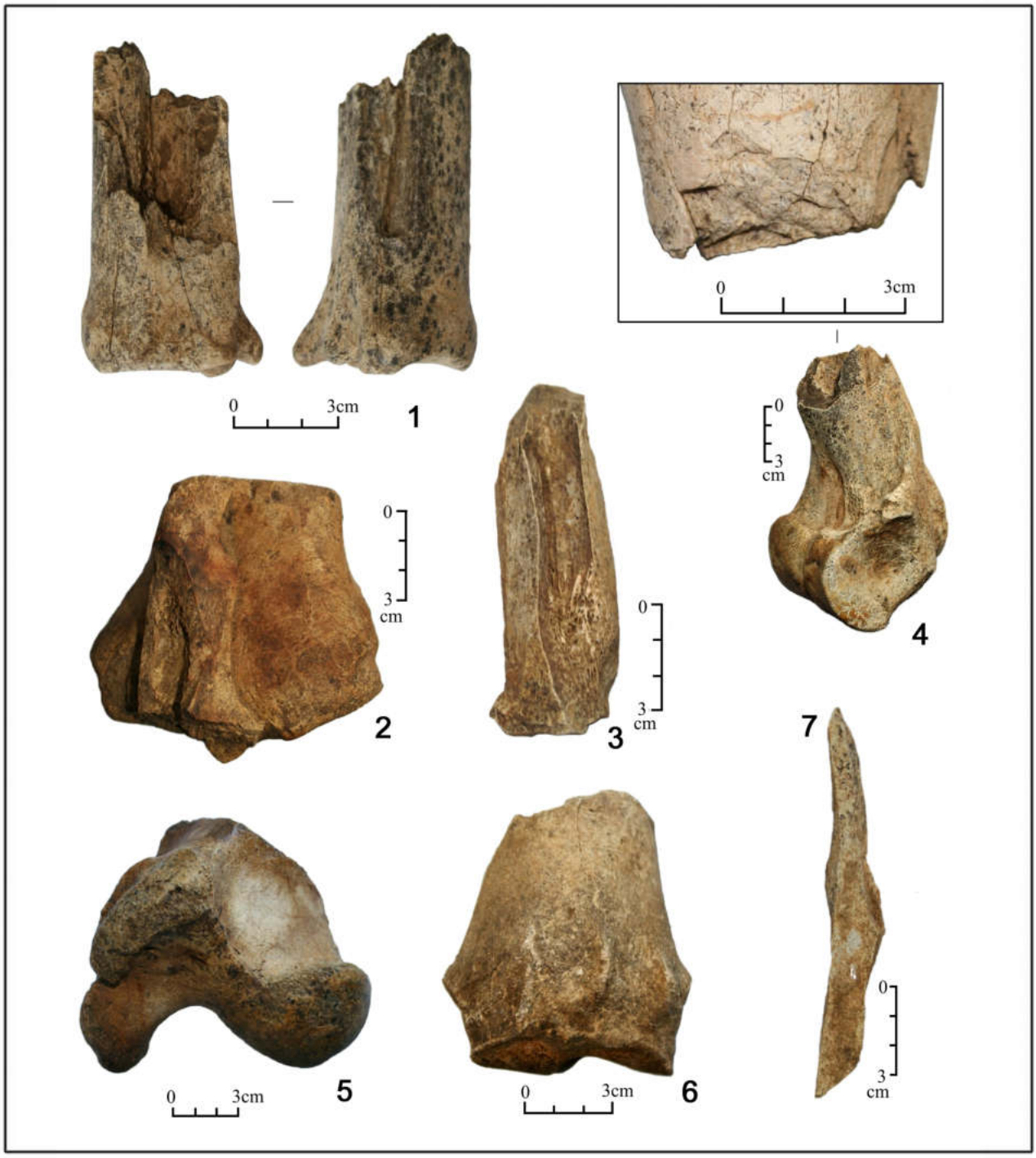


Рис. 4.
Трубчатые кости лошади со следами обработки со стоянки Быки-7, слои I и Ib.

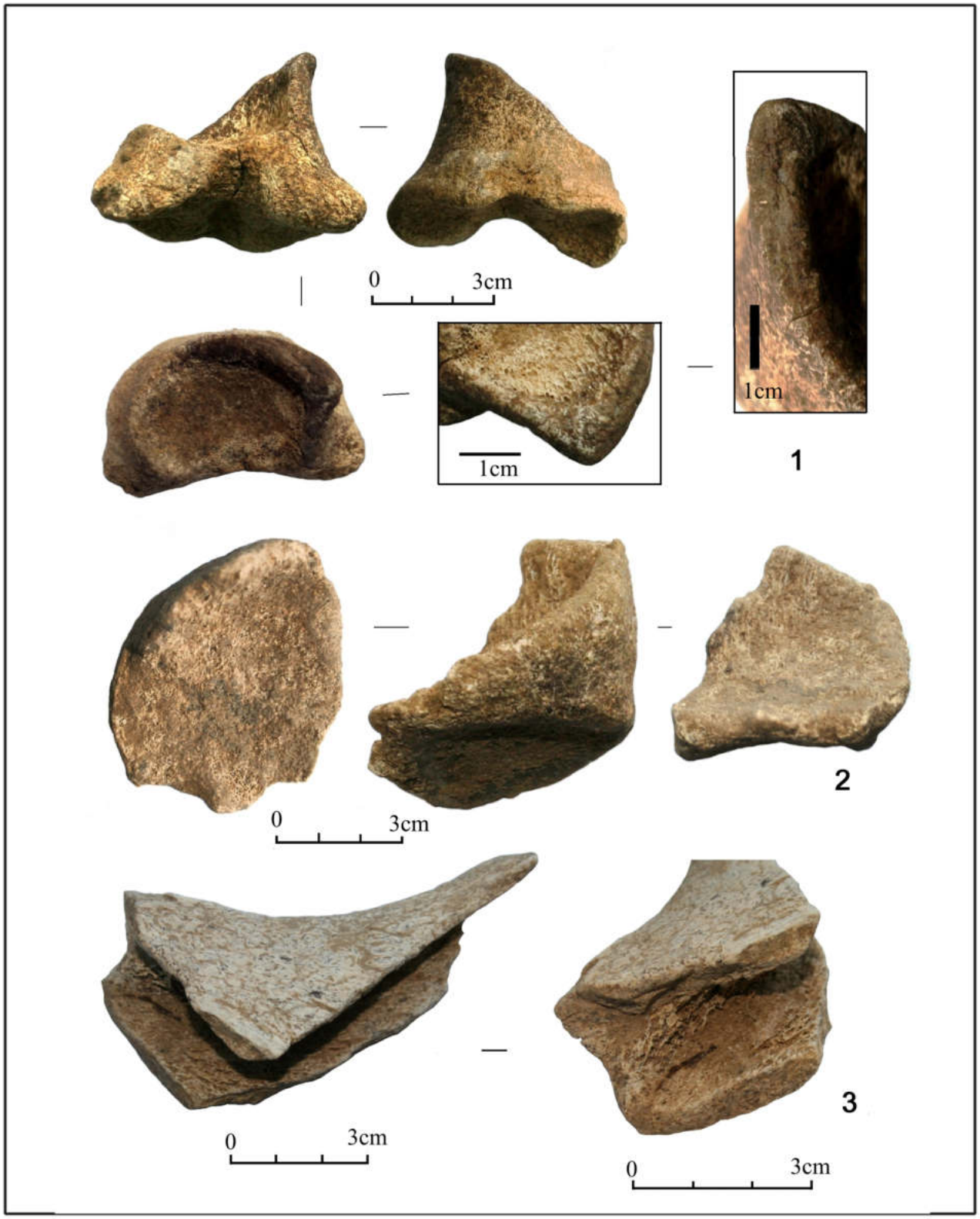


Рис. 5.
Обработанная кость со стоянки Быки-7, Ib культурный слой.
1 – изделие из фаланги лошади; 2 – изделие из эпифиза лучевой кости лошади; 3 – фрагмент тазовой кости лошади со следами пазов.

ТРИ ОЧЕРКА О ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗАХ ИЗ АВДЕЕВО: «МАМОНТЫ-ОБОРОТНИ, МАМОНТЫ-МИШЕНИ», «НЕУСЫПНЫЙ СТРАЖ» И «ЛОШАДЬ БЕЗ ГОЛОВЫ»

© 2018 г. А.А. Чубур

Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского, Научно-исследовательский центр комплексного изучения Среднедеснинского региона, совместный с Институтом археологии РАН, Брянск

Статья о мобильном искусстве палеолитической стоянки Авдеево состоит из трех очерков. 1. О 4 фигурках мамонтов и их назначении. Впервые демонстрируется полиэйкония 2 изображений мамонта / голов росомахи, пещерного льва. 2. Об утилитарно-мифологической трактовке лопаточек с навершием (снеговыбивалки с изображением стражей-медиаторов). 3. О видовой принадлежности сломанной фигурки зверя. Сравнительная морфология установила, что это шерстистый носорог.

***Ключевые слова*:** Авдеевская верхнепалеолитическая стоянка, первобытное искусство, зооморфные образы, первобытная мифология, снеговыбивалка.

Необходимое предисловие

Этот материал изначально готовился как доклад для проходившей в 2017 г. в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина (МГУ) конференции «Позднепалеолитические памятники Восточной Европы». Конференция была посвящена 100-летию со Дня рождения Марианны Давыдовны Гвоздовер – известной исследовательницы палеолита, моей первой Учительницы в полевой археологии и в археологии каменного века. Общение на конференции носило характер свободной дискуссии, не предполагая публикации докладов в специальном сборнике, судьбу подготовленных материалов участникам предстояло решить самостоятельно. С радостью пользуюсь возможностью опубликовать работу в расширенном, уточненном и дополненном виде в очередном, юбилейном выпуске «Материалов и исследований по археологии Днепровского Левобережья» под эгидой Курского государственного областного музея археологии. Исследовательская деятельность и имя Марианны Давыдовны прочно и навсегда связаны с курской археологией, в экспедиции под её руководством успели поработать еще в студенческие годы и директор, и некоторые сотрудники музея, как и автор этой статьи. Собственно именно в Авдеево началась и моя дружба с будущим директором КГОМА Г.Ю. Стародубцевым, длящаяся и крепнущая уже четвертое десятилетие. Одним из главных векторов многогранного таланта М.Д. Гвоздовер было изучение палеолитического искусства. Многие произведения первобытных резчиков по кости и камню были извлечены из культурного слоя Авдеевской стоянки ею лично. О них – три предлагаемых вниманию исследовательских очерка.

1. Мамонт, копием побиваемый и росомахою пожираемый

«По разным местам видел кости оного зверя,
то есть зубья коренные, ребра, голени, позвонки
и протчее, все гнилые, великостью не все равны,
каковых костей яко в Руси, тако и в протчих
европейских странах в земли довольно находится»
(Василий Татищев «Сказание о звере мамонте»)

«С дуба капли падают, по палатке бьют,
Мамонты, мамонты из раскопа прут!»
(Экспедиционная песня, Хотылёво, 1994)

В культурном слое стоянки Авдеево встречены останки сотен мамонтов – от утробных мамонтят до стерших зубы почти до корней старых особей (Гвоздовер,

2002). Установить возрастную структуру популяции по зубам теперь будет очень трудно, возможность упущена в период раскопок, а в переданной в Геологический институт РАН коллекции фауны сохранены далеко не все зубы. По моим впечатлениям (а я участвовал в раскопках Авдеево-Нового 9 сезонов) большая часть зубов принадлежала молодым зверям, но не мамонтятам. Мамонт был основой экономики обитателей стоянки – и как добыча охотников, и как объект собирательства (часть костей и бивней на стоянку явно принесены из накапливавшихся постепенно естественных скоплений, что отразилось на разбросе радиокарбоновых дат). Не удивительно, что мамонт отражен и в искусстве поселения. Из двух комплексов Авдеево известны четыре скульптурных изображения.

При раскопках первого комплекса (Авдеево-Старое) в яме обнаружена фигурка мамонта размером 95 х 86 х 30 мм из губчатой ткани мамонтового позвонка. Это вписывающееся в круг изображение стоящего зверя с хоботом, шеей, характерным изгибом спины (Рис.1, *1*). Шероховатая поверхность передает шерстяной покров. Находка подробно опубликована (Гвоздовер, 1952; 1953) и даже представляет Авдеевскую стоянку в I томе «Большой Советской Энциклопедии», где, правда, помещена верстальщиком в перевернутом виде. Правый бок фигурки сбит в древности, углубление в правом боку может быть следом удара острием, но о преднамеренности повреждений судить трудно.

Еще одна фигурка из Авдеево-Старого размером 3,5 х 3,5 и с толщиной до 2,5 см, изготовленная из песчаника, долгое время оставалась без атрибуции. М.Д. Гвоздовер полагала, что она напоминает костенковские «личины» из мергеля, указывая, что «смысловое содержание этого обломка скульптурной поделки для нас неясно» (Гвоздовер, 1953. С.219), а позже предположила полиэйконию, являющую в разных проекциях образы различных неназванных животных и их морд (Gvozdover, 1995. P.14).

Мне представляется, что изделие является стилизованной фигуркой молодого мамонта, даже мамонтенка, имеющего более укороченные и широкие пропорции тела по сравнению с взрослой особью. На боковых поверхностях скупыми прорезями в камне проработаны ноги и хобот, ясно читается выступающий лоб, низкий круп и пышная зимняя шерсть. Животное идет, у него приподнята правая передняя лапа (Рис.2, *1-3*). Очень похожа на это изделие известняковая фигурка идущего мамонта со стоянки Елисеевичи (Грехова, 1980), где так же отставлена назад левая задняя нога и поднята правая передняя (зачатки «изобразительного канона»?) (Рис.2, *7*). Общие черты есть и с фигуркой №3 из первого комплекса Костенок 1 (Ефименко, 1958. С.386. Рис.172).

При развороте фигурки на 45° против часовой стрелки на правой стороне фигурки можно увидеть вытянутую морду хищника на вертикально поставленной шее (Рис2, *4*). В животном нетрудно узнать росомаху: не возвышающиеся над головой уши, вытянутая морда, высокий лоб (Рис.2, *5*). Что может связывать ее с мамонтом? Росомаха не только крупный опасный хищник семейства куньих, с которым не рискует связываться даже волк-одиночка и медведь, но и ненасытный пожиратель падали. Этот зверь был спутником мертвых мамонтов, его можно было встретить у туш, накапливавшихся половодьями и селями в виде мамонтовых «кладбищ» (Верещагин, 1981. С.119). Возможно, эта связь и отражена в фигурке-оборотне. Человек тоже использовал «кладбища» как источник кости: стройматериала, поделочного сырья, топлива (все очаги Авдеево заполнены костным углем), а возможно порой, по примеру росомахи, и экстремальной пищи. В годину голода, например, после неудачных охот,

лучше отведать мороженой падали, чем заняться людоедством или умереть. Интересна в этом ключе чукотская сказка, в которой люди находят торчащие из земли бивни, танцуют вокруг с заклинаниями, и в результате открывается скелет мамонта, обрастает плотью, и мясо идет в пищу, спасая от голодной смерти (Сериков, Серикова, 2004).

Второй объект (Авдеево-Новое) тоже принес две фигурки мамонтов из песчаника. Первая изображает стоящее взрослое животное и имеет размер 10 х 7,3 х 5 см (Гвоздовер, 1983). Правая и левая ноги не разделены. Привлекают внимание расположенные на левом боку в области груди пятно втертой в камень красной минеральной краски и серия округлых углублений от ударов округлым заостренным предметом (Рис.1, *2*). Уже М.Д. Гвоздовер расценила их как возможные следы магического ритуала (Gvozdover, 1995).

Близкое стилистически изображение мамонта из известняка известно из второго комплекса Костенок 1 (Праслов, 1986). На левом боку фигурки, как и в Авдеево, имеются пятна вишневой краски и следы ударов острым предметом (Рис.1, *3*). После находки в Зарайске статуэтки бизона с аналогичными следами, имитирующими удары копья и кровотечение (Рис.1, *4*) (Амирханов, Лев, 2003), можно говорить о представленной минимум на трех памятниках костенковско-авдеевской культуры серии свидетельств ритуала гомеопатической охотничьей магии, основанной на принципе подобия (Рис.1, *5*).

То, что мамонт был объектом охоты в палеолите, сомнений и не вызывало. Вопрос состоял в том, какова была эта охота. Статуэтки вполне подтверждают мою точку зрения (Чубур, 1993): не массовые облавы и применение ловушек, а бытование активной охоты на отдельных зверей (Рис.1, *6*): сложного, опасного процесса, требовавшего с точки зрения охотников предварительной подготовки, включающей даже магические ритуалы. Это подтверждает и находка в однокультурном Авдеево верхнем слое Костенок 1 наконечника с боковой выемкой, вонзившегося в ребро мамонта (Нужный, Праслов, Саблин, 2014). А вот уничтожение целых стад мамонтов – проявление гигантомании марксистов и их невольных продолжателей, сражающихся с самодельными чучелами «апологетов трупожорства» как основы питания, и изобретающих обкуренных мамонтов-наркоманов, добровольно приходивших на убой (Аникович, Анисюткин, Платонова, 2010).

Четвертая фигурка (63 х 47 х 25 мм) также изготовлена из песчаника (Рис.2, *6*). Узкая голова с характерной «челкой» и парой глаз, горбатая спина. Справа проработан узкий хобот, прижатый к передним ногам. Слева хобот скрыт за выставленной вперед ногой. Большая часть скульптуры – необработанная поверхность камня (Gvozdover, 1995. Fig. 84, 85). Оказывается, если развернуть фигурку на 90°, то вместо бредущего мамонта взору неожиданно предстает голова пещерного льва (Рис.2, *8*): выпуклая челка становится силуэтом уха, глаз остается собой, а выставленная вперед передняя нога и сливающийся с нею хобот превращаются в морду с характерным носом. Вновь полиэйкония, статуэтка-оборотень. Это не единственный случай сочетания образов мамонта и льва в палеолите Восточной Европы. В материалах раскопок стоянки Елисеевичи 1935 – 1936 гг. выявлены и опубликованы две похожих фигурки-перевертыша из мергеля (Хлопачев, 2016а. С.218-221) (Рис.2, *12,13*). Пещерный лев – единственное животное приледниковой зоны, которое охотилось, пусть и эпизодически, на мамонта (Рис.2, *9,10,11,14*). Может быть, это и отразили двуликие миниатюры, а согласованная деятельность прайдов огромных кошек могла подсказать людям некоторые приемы охоты на одиночного крупного зверя.

В восточной части комплекса Авдеево-Новое у крайнего очага и ямы 77 отмечено скопление черепов, челюстей и костей автоподия росомахи и пещерного льва, вероятно носящее ритуальный характер (Гвоздовер, 2002). Набор костей характерен для шкур, снятых с головами и когтями. Именно в этих животных «обращаются» вторая и четвертая фигурки мамонта, являющиеся уже не мишенью простейшей охотничьей магии, а отражением сложных представлений о мире.

Столь же функционально неоднородным, как скульптура малых форм, могло быть и наскальное искусство. Среди фресок и барельефов следует выделять, как минимум, «вольты» для магических воздействий и элементы древней мифологической системы, причем качество исполнения первых и вторых может не отличаться.

2. Неусыпный страж или «снежный Аргус»

«Провидению препоручаю вас, дети мои, и заклинаю:
остерегайтесь выходить на болота в ночное время,
когда силы зла властвуют безраздельно»
(Артур Конан Дойль «Собака Баскервилей»)
Глаза мои бродят сами, глаза мои стали псами.
Всю ночь они бродят садом меж ягод, налитых ядом.
(Федерико Гарсия Лорка «Газелла о воспоминании»)

Все мы помним детскую дразнилку, обращенную к сверстникам, носящим очки: «У кого четыре глаза – тот похож на водолаза». Довелось в свое время слышать её и автору, не расстающемуся с очками с первого класса. Однако образ существа с четырьмя глазами возник много ранее первых оптических опытов и погружений на морское дно.

При раскопках Авдеевской стоянки найдена серия целых и фрагментированных изделий, известных как «лопаточки с навершием». Немало аналогичных предметов известно из других поселений костенковско-авдеевской культуры – жилых комплексов первого слоя Костенок 1 и Зарайска. Они представляют собой длинные изделия, изготовленные из продольно расщепленных ребер мамонта (Рис.3, *1*). На сужающейся рукояти вырезана округлая зооантропоморфная или зооморфная головка с прорезными – сквозными или глухими «глазками» (Рис.3, *2-4*), к противоположному скругленному концу изделие несколько расширяется. «Глаз» на рукояти всегда четыре. М.Д. Гвоздовер, а затем С.А. Демещенко и Б. Громадова убедительно доказали, что лопаточки представляют собой стилизованные зооантропоморфные изображения, сочетающие черты зверя и женщины (Гвоздовер, 1985; Демещенко, 2006; Громадова, 2012). Четыре прорезных глаза на голове хищника могут стать семантическим ключом к пониманию образа.

В индийской мифологии повелитель смерти – Яма, владыка подземного царства, судья умерших, и бог правды и добродетели выступает в сопровождении Сарамейя – двух сторожевых псов с четырьмя глазами (Ригведа X 14.10-12). Основная их функция –стражи-медиаторы, которые сопровождают умерших в царство своего владыки через границу между реальным и потусторонним миром.

Общие корни с псами Ямы имеет в германо-скандинавской мифологии гигантский четырехглазый пёс Гарм (Гармр), хтоническое чудовище, рожденное великаншей Ангрбодой и богом-трикстером Локи. Он привязан к скале в пещере, чтоб неусыпно охранять вход в царство мертвых, Хельхейм, находясь на границе двух миров.

В мифологии эллинов также имеется четырехглазый (и двуглавый – по паре глаз на голове) пёс Орф (Орфр) – одно из порождений Тифона и Ехидны (Рис.3:8),

старший брат трехглавого Кербера, что стережет чертоги Аида. Орф же стерёг красных коров великана Гериона и был убит Гераклом при их похищении. Скорее всего, образы Орфра и Кербера являются отголосками предшествовавших классической античной мифологии древних индоевропейских мифов. Заметим, что в иконографии, на керамике и в других античных произведениях искусства Кербер изначально изображался в виде двуглавой овчарки, как и Орф, и лишь позднее установилось представление о трехголовом псе, причем у римлян средняя его голова часто изображалась львиной (Рис.3:9).

Античные мифические стражи, зооморфы, и антропоморфы, сохраняют удвоенные органы зрения – важный элемент архетипа «неусыпного стража», часто стоящего на грани миров: живых и духов, земного и потустороннего. Таков Аргус – четырехглазый великан-страж (Гигин, 2000, С.177). У римлян двуликий, и, соответственно, четырехглазый неусыпный Янус – бог дверей, ворот, входов и выходов, страж врат меж мирами. Первоначально он – бог Солнца, создавший Космос из Хаоса: в образе демиурга и привратника Януса соединились брахманский Яма – солярное божество, после смерти ставшее хозяином Подземного мира – и его Сарамейя, четырехглазые псы-стражи.

В белорусских мифах также упоминается пара псов-теней – Ставры и Гавры, прижизненные и посмертные спутники легендарного родоначальника белорусов князя Бая (Боя). Увы, фольклористы не зафиксировали их облик и число глаз, но видимо и они были изначально четырехглазыми стражами грани миров, происходящими от тех же древних корней, что и Сарамейя. В.Ф. Миллер полагал, что имена восходят к балтским корням: имя князя Боя (Бая) он связывает с литовским «bajùs» (страшный), имя Ставры с «staugiu/staugti» (выть), а имя Гавры с «gauras/gaurai» (лохмы) (Миллер, 1880). Ю.А. Гурская, подтверждая отнесение имен к праиндоевропейскому языковому пласту, то есть к эпохе камня, и этимологию имени Гавры, полагает, что имя Ставры связано с Мировым Древом, опять же соединяющим мир живых и умерших (Гурская, 2009 С.12-13).

Ю.Е. Березкин в работе «Черный пес у слезной реки» продемонстрировал широчайшее распространение в Евразии, Северной Африке и обеих Америках мифологического архетипа собак, стерегущих границу миров (Березкин, 2005). Истоки сюжетов с собаками-стражами лежат в евразийской степи-лесостепи. Но загробные псы-стражи могли занять свое место в мифологической картине мира лишь после приручения собаки. Древнейшие известные собаки Восточной Европы (Елисеевичи, Мезин, Межиричи) датируются началом позднеледнковья (Germonpre etc. 2009; Саблин, 2016). В более древнем Авдеево, несмотря на встречающиеся утверждения (Борисковский, 1984. С.353), останков собак пока не выявлено, но сюжет о неусыпных стражах мог возникнуть уже тогда, и их роль вначале была отведена не псам. Поищем их предтечу, изучив колоритный облик четырехглазых «псов» Сарамейя в текстах «Ригведы» (X 108, 2, 4).

Псам этим дала жизнь богиня Сарама, родоначальница хищников. Если присмотреться, становится ясно, что Сарамейя не совсем псы. Первого зовут Шарбар от санскритского «*sarvarā*» - пятнистый, то есть он похож по окрасу на леопарда или барса. Второго, полосатого, называют Удумбала от санскритского «*udumbalau*» - рыжеватый, тигровый. Скорее всего, он и есть чудовищный тигр – мне неизвестны псы, дикие или домашние, имеющие полосатый окрас, а вот среди кошачьих это не редкость. Изначально Сарамейя скорее ужасные коты. На изображениях двуглавого четырехглазого пса Орфа на греческой краснофигурной керамике видна характерная

тигровая полосатость, как у Удумбала. Следует думать, что Кербер, в свою очередь, должен иметь леопардовую масть. Тут уместно вспомнить и про его львиную голову в римской иконографии.

В свете сказанного вспомним пусть не четырехглазых, но львиноголовых Урудимму шумеро-аккадской мифологии, поставленных Мардуком на стражу Подземного мира. «Urudimmu» означает «ужасная собака» или «демоническая собака», но на барельефах можно видеть зооантропоморфных демонов с телом человека и головой льва. (Рис.3, *10*). Лингвистика свидетельствует, что «древние обитатели Месопотамии, вероятно, считали львов особой разновидностью собак» (Ellis, 2006). Возможно, такой взгляд на систематику был распространен шире? Урудимму живо напоминают палеолитическую скульптуру человекольва (женщины-льва?) из Холленштайна (Schmid, 1989) (Рис.3, *11*). Часть зооантропоморфных костенковско-авдеевских лопаточек так же сочетает семантику стилизованных женских фигур и больших кошек, которым принадлежат округлые львиные ушки и форма головы (Чубур, 2009), или иных хищников. Марианна Давыдовна Гвоздовер одну из находок так и называла в августе 1988 года: «Киса».

Роль стража должно играть существо, вселяющее страх. Волки вряд ли пугали людей, бивших их десятками для получения меха. Иное дело пещерный лев, крупнейший и опаснейший хищник перигляциальной Евразии. Можно предположить, что он и играл в мифологии позднего палеолита роль стража-медиатора, отголоски чего дожили до шумерской цивилизации. Пропорции его морды соответствуют части лопаточек (Рис.3, *7*). Не удивит, если он делил свою роль с уже упоминавшейся в первой новелле росомахой – часть личин напоминает росомаху анфас с характерными широко поставленными глазами (действительно шире, чем у других хищников) и почти незаметными ушами на широкой же морде (Рис.3, *6*). В мифологии лесных индейцев Северной Америки она также является стражем Нижнего Мира. В конце плейстоцена, с сокращением ареалов крупных кошачьих и росомахи, на передний план вышла функция стража, ставшая в быту работой домашних псов – ими и заменили не всем уже понятных львов в обновляющейся демонологии.

О том, что двуглавые животные, такие как Кербер, могут считаться версией четвероглазов, нам подсказывает одна из авдеевских находок. Найденная в 1988 г. двойная «киса» имеет не одну личину на навершии, а две, и у каждой лишь пара глаз (Рис.3, *12*). Они расположены по бокам рукояти и смещены друг относительно друга, словно символы Инь и Ян (дневное и ночное лица?). Аналогичный вариант расположения ликов имеется и в иконографии Януса (Рис.3, *13*). К Керберу следует вернуться еще и затем, чтобы прояснит функцию рассматриваемых артефактов. Согласно древнейшим текстам, Кербер разрывает на куски тех, кто пытается убежать из Гадеса, входящих же в посмертное царство он приветствует хвостом. Иными словами, вовсе не царство Аида бережет он от непрошенных визитеров (да и кто туда отправится добровольно – разве что жаждущий подвигов Геракл или же Орфей за возлюбленной Эвридикой). Кербер поставлен на границе миров затем, чтобы охранять мир живых от рвущихся в него теней.

В большинстве мифологий ночь – время тьмы не только в прямом, но и в переносном смысле. Помните навевающую жуть фразу блистательного А.К. Дойля: «…в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно»? Где человеку укрыться от этих недобрых всемогущих сил? Лишь в собственной рукотворной Вселенной: в жилище. Вход в него должен был быть защищен магическим оберегом.

Тут время напомнить тексты чукотских сказок: «…с уличной стороны входа в ярангу стоит сторож – тивичгын. Кэлы (злой дух – А.Ч.) каждый раз подходит к входу в ярангу и спрашивает у тивичгына: «Ты не знаешь, где вход в ярангу?». Тивичгын отвечает: «Нет, не знаю. Ты спроси у моего брата, он давно стоит на той стороне яранги». Кэлы обошел ярангу и вернулся опять к тивичгыну. Кажется, я тебя уже видел» – говорит кэлы. «Нет, я тебя в первый раз вижу. Что ты здесь делаешь?» – притворяется тивичгын. «да вот ищу вход в ярангу. Ты не знаешь, как можно войти в ярангу?» – опять спрашивает у тивичгына кэлы. «Нет, сам ищу» – притворно вздыхает тивичгын. И так всю ночь кэлы бродит вокруг яранги. Наступает рассвет, он исчезает под землю. Боится кэлы солнечного света. А когда наступает утро и хозяйка открывает вход в ярангу, она укладывает сторожа-тивичгын под нарту спать, потому что в следующую ночь он опять будет сторожить вход в ярангу» (Сказки, 2017). В этом отрывке интересно, помимо прочего, то, что страж-тивичгын предстает один в двух лицах, будучи одновременно и единственным стражем входа и собственным братом-напарником. А вот еще одна попытка проникновения злых духов в ярангу к мудрой старухе и её дочке, которые вовремя развели огонь в очаге: «…злые духи боятся дыма, особенно от кэнъут[1], вот и говорят старухе: «Мы не можем <войти>, твой очаг дымит». А старуха им отвечает: «Ну что ж, ждите, когда дым рассеется. А чего через дверь не заходите?» Злые духи ей говорят: «Ты что издеваешься? Там же тивичгын стоит на страже» (Мудрая.., 2017).

Кто же этот загадочный храбрый сторож-тивичгын? Повседневный быт охотников и собирателей перигляциальной зоны, где безморозный период вряд ли превышал 4 месяца в году, был очень сходен с бытом современных народов крайнего севера. Для большинства из них обязательным предметом повседневного обихода по сию пору является снеговыбивалка – колотушка для выбивания инея и снега из одежды, из нарт, из пологов чумов и спальных помещений яранг. Без личной снеговыбивалки коренные жители крайнего севера не ходят. Как правило, её, изготовленную из расщепленного продольно оленьего рога, носят, подвесив к поясу. Предмет этот необычайно важен как в утилитарном, так и в сакральном планах. Именно он и зовется у чукчей «тивичгын».

Вот как В.Г. Богораз описывает применение снеговыбивалок у чукчей (Рис.4, *5,6,9,10*). Ночью пары дыхания и испарения тел оседают изнутри на мехе полога. Утром «женщины снимают полог и дают ему промерзнуть на снегу в течение одного или двух часов; затем они выбивают иней из меха тяжелыми колотушками, а потом расстилают полог для сушки на земле или вешают его на дереве. Колотушка для выбивания снега делается из оленьего рога или из дерева. Она имеет несколько изогнутый вид, часто более широкая к концу и более тонкая к рукоятке… Женщины при пользовании колотушкой высоко поднимают ее над головой и с силой ударяют по распростертой шкуре. …Крупные части одежды, кухлянка, штаны высушиваются тем же способом, как и полог, т.е. вымораживанием и выколачиванием» (Богораз, 1991. С.105 – 106). Так как в ярангу нельзя заносить лишнюю сырость, «перед входом в полог вся одежда, от шапки до подошв обуви, тщательно отбивается колотушкой, чтобы очистить ее от малейших следов снега, который, растаяв в тепле, может причинить излишнее беспокойство. Поэтому вечером, когда спальный полог приготовлен к ночи, все стойбище оглашается короткими ударами колотушек, обивающих одежду. Это

[1] Трава кассиопея (семейство вересковых) богатая эфирными маслами, применяется при растопке очага

продолжается с полчаса, пока все обитатели, покончив с этим делом, не скроются в шатры» (Богораз, 1991. С.109).

Снеговыбивалка – инструмент универсальный. Ею можно проверить глубину снега, указать направление, дотянуться до удаленного или упавшего предмета. Ямки, в которые у северных народов принято закладывать дары духам, копают костяным или деревянным предметом, ибо духи отвергнут дар из ямки, вырытой железом. Снеговыбивалка выполнит функцию мотыжки. У коряков после смерти снеговыбивалкой «стряхивали грехи» с умершего (Горбачева, 2004). А на ночь снеговыбивалка ставится у входа в жилище в качестве оберега. Эта функция отражена в облике: «Верхушка их часто имеет вид человеческой или собачьей головы, которая в данном случае играет роль духа-покровителя, так называемого «путешествующего товарища» (lei'hu-tu'-mgm)» (Богораз, 1991. С.109). Часто колотушки с изображениями людей и животных называют еще и geluiqətlinet – то есть «имеющими лица» (Богораз, 1938. С.64). У ненцев, как и у чукчей, колотушки делят на мужские и женские. Мужские, массивные, служат для сбивания снега с нарт, раскапывания снега при осмотре пастбищ, установке капканов. Женские колотушки саблевидной формы (янгаць) служили для обивания снега с обуви и меховых вещей. В фольклоре упоминаются колотушки из кости (лы янгаць) (Хомич, 1966. С.110). Археологи подтверждают, что женские выбивалки ненцев раньше делались из рога оленя (Кардаш, 2006. С.14). Есть похожие изделия у коряков, эскимосов и других народов (Рис.4, *7,8,11*).

Вернемся к лопаточкам. П.П. Ефименко считал, что они привязывались к одежде на тонком кожаном ремешке и служили частью повседневного женского убора, применяясь для выедания костного мозга (Ефименко, 1958. С.202-203). Он понял, что лопаточки - не лощила, ибо хрупки для направленных статичных нагрузок. К сходным выводам пришла М.Д. Гвоздовер, обратив внимание на то, что концы лопаточек не имеют сработанности (Гвоздовер, 1953). Зато по многим признакам упругие изогнутые лопаточки могут оказаться снеговыбивалками. Сходство колотушек (особенно одежных) северных народов и лопаточек говорит само за себя (Рис.4).

1. Форма: упругая саблевидная изогнутая рабочая часть (часто ввиду природной формы и свойств рога оленя и ребра мамонта), расширенная к концу, наличие рукояти;

2. Размер: длина по хорде до 45 см в палеолите, до 50 см у современных северных народов; ширина 2-3,5 см в палеолите, 2,5-5 см в современности;

3. Рукоять у палеолитических и у многих современных колотушек оформлена в виде личины или головы.

Не исключено, что именно из снеговыбивалки эволюционировала колотушка для шаманского бубна. Об этом говорит сходство форм и рукоятей обоих видов колотушек у современных циркумполярных народов (Рис.4, *12*). Возможно, и в палеолите некоторые лопаточки использовали как шаманский инструмент. Кому, как не шаману, искать помощи у стражей границы с миром духов и теней?

3. «Лошадь без головы»: копытное-инкогнито

«…То ли буйвол, то ли бык, то ли тур»
(Владимир Высоцкий)
«…не милы мне теперь ваши зайцы:
у меня инкогнито проклятое сидит в голове».
(Николай Гоголь «Ревизор»)

Часто археологи попадают в непростую ситуацию: найдено древнее произведение первобытного искусства, а понять, кого изобразил скульптор или художник, сложно. Палеолитовед М.В. Аникович писал в одном из своих романов о каменном веке, что до нас дошли «лишь тени того Мира, лишь “осколки разбитого вдребезги”». Это не только красивый образ, но и констатация факта: следы былых культур столь сильно подвергались природным и человеческим воздействиям, что в руки археологов чаще всего попадают именно осколки, обломки или, если повезло, сильно поврежденные вещи.

При раскопках Авдеево-Нового непосредственно в культурном слое, вне ям и землянок, была найдена выполненная из бивня фигурка животного (5 х 4 х 2,2 см), (Рис.5, *1*) (Gvozdover, 1995), вид которого было сложно определить по веской причине. Голова миниатюрной скульптуры была утрачена еще в древности, а шея повреждена, отсутствуют нижние части правых ног (задняя обломана, передняя сдвоенная отбита с правой стороны). Найти недостающие фрагменты не удалось. По первому впечатлению исследователей стоянки её окрестили «лошадью» (Гвоздовер, 1983), что исподволь утвердилось в более поздних публикациях (Хлопачев, 2016. С.60, 65), но вопрос о систематическом положении остался открытым, что признавала и сама Марианна Давыдовна. Попробуем, наконец, разобраться с видовой принадлежностью зверя, используя возможности базисного для биологической систематики сравнительно-морфологического метода.

Наложение палеолитических скульптур лошади из ориньяка (Фогельхерт) (Рис.5, *2*) и мадлена (Эспелюг, Брюникель) (Рис.5, *3,4*), на реальный абрис лошади показывает, что в обеих фигурках соблюдены основные пропорции тела, толщины и расположения конечностей. Однако аналогичное наложение Авдеевской фигурки показывает, что при таком же, как в предыдущих случаях, совмещении линий крупа и груди с эталонным силуэтом наблюдаются существенные расхождения (Рис.5, *5*):

1. Туловище на треть толще лошадиного: соотношение длины и высоты туловища лошади обычно близка к 3:1, у статуэток из Фогельхерта и Эспелюга эта пропорция выглядит как 2,6:1 и 2,8:1, у статуэтки же из Авдеево лишь 2:1.

2. Ноги массивней лошадиных: у статуэтки из Авдеево они пропорционально вдвое толще, чем лошади и у статуэток из Фогельхерта, Брюникеля и Эспелюга.

3. Поперечник шеи от плече-лопаточного соединения до соединения шеи и спины равен у лошади высоте ее туловища в районе груди. Фигурки из Фогельхерта, Эспелюга и Брюникеля отвечают данной пропорции, в Авдеевской же статуэтке соотношение оказывается равным 0,7. Шея странным образом расширяется, будучи направлена и вверх, и вперед, что невозможно. Если со спины показана не поднятая шея, а высокая холка-горб, то у лошадей такого горба нет.

Несмотря на «горб» в холке и, в таком прочтении, горизонтальную шею, не может Авдеевская фигурка быть и изображением бизона (Рис.5, *6*): для бизона совершенно не характерны приподнятый круп и длинный и пышный хвост. Слишком массивны и ноги изваяния. Соотношение высоты туловища в груди к его длине у бизона примерно 1:1,5. Таким образом, туловище скульптуры из Авдеево по своим пропорциям ощутимо короче лошадиного, но заметно длиннее бизоньего.

Ближайшие родственники лошадей по отряду непарнопалых – носороги, в целом обладающие лошадиной статью, но не столь грациозные и более массивные. Усредненные пропорции тела шерстистого носорога вычислялись по смонтированным скелетам. Уточнить данные позволило изучение осенью 2017 г. чучела и скелета самки шерстистого носорога из озокеритов Старуни (Украина) в Краковском приро-

доведческом музее Института систематики и эволюции животных Польской Академии наук. (Рис.5, *7*).

Соотношение высоты туловища в груди (за передней лапой) и длины туловища (от основания шеи до наиболее удаленной от головы точки крестца) у старуньской самки составляет 2:1, что совпадает с параметрами туловища Авдеевской фигурки. Сходны пропорции скелета той же особи. Слегка длиннее (2,2:1) скелет из Национального природоведческого музея НАН Украины. Скелет самки из Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, найденный на р. Большой Иргиз, дал показатели 1,85:1, а скелет из московского музея «Ледниковый период» 1,98:1. Скелет из собрания частной геолого-палеонтологической компании «Paleo Art and Minerals» (Нью-Йорк, США), найденный на р. Иртыш, имеет указанную пропорцию 1,9:1. Таким образом, усредненные пропорции длины и высоты туловища шерстистого носорога и фигурки из культурного слоя Авдеево тождественны (Рис.5, *8*).

Если фигурка является изображением носорога, находят объяснение и массивные ноги, и горбатая холка, и относительно низко посаженная голова, и довольно большой и толстый хвост, которому совершенно не обязательно быть лошадиным: хвост шерстистого носорога превышал 40 см в длину и был покрыт густой длинной шерстью. Все перечисленные элементы прекрасно укладываются в представления об экстерьере шерстистого носорога. Современная деревянная резная статуэтка носорога, сделанная мастером из племени масаи (Кения) весьма сходна по своим пропорциям (Рис.5, *9*)

Левая задняя лапа сохранилась целиком. Слегка поврежден низ и правый бок передней неразделенной пары, где, учитывая полученное при измерении пропорций скелетов соотношение между высотой зверя в крестце и в холке близкое к 5:6, недостает, вероятно, одного слоя дентина бивня.

Чем была фигурка для обитателей Авдеево? Не была она навершием копьеметалки, как вздыбленный конь из позднемадленского слоя пещеры Абри де Монстарюк (Брюникель): во-первых, мы не знаем пока костенковско-авдеевские атлатли, во-вторых, сама форма фигурки отрицает этот вариант. Конечно, это может быть просто сломанная детская игрушка. Но более вероятно участие фигурки в разовом ритуале, после которого она была за ненадобностью брошена прямо в культурном слое. Обломанные с правой стороны, как у Зарайского бизона ноги (Амирханов, Лев, 2003), позволяют предположить ритуал симпатической охотничьей магии по аналогии с описанными выше мамонтами. Правда следов ударов острием не видно, но ведь и головы и шеи тоже нет, а сохранность плохая. М.Д. Гвоздовер указывает, что в культурном слое Авдеево-Нового встречено лишь 23 зуба от 3 особей шерстистых носорогов (Гвоздовер, 2002. С.337). Однако я помню, что в раскопе 1985 г. на верхнем контакте культурного слоя залегали несколько фрагментов длинных костей конечностей этого животного плохой сохранности (не попавшие в коллекцию по этой причине). Носорог был объектом эпизодической охоты.

Заключение и благодарности

Рассмотрение всего двух групп находок из Авдеево – зооморфной скульптуры и лопаточек с навершием – позволило проследить интереснейшие параллели и сформулировать гипотезы об отраженных в них архетипах древнейшей мифологии. Автор благодарит за полезные советы Евгения Шалахова (музей «Замок Шереметева», Йошкар-Ола), Валерия Гурьянова (Брянский государственный университет), Олену Черненко (Национальный университет Черниговский коллегиум, Украина) и склоняет го-

лову в память о своих первых учителях в археологии – Марианне Давыдовне Гвоздовер (МГУ) и Геннадии Павловиче Григорьеве (ИИМК РАН).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // Российская археология. 2003. № 1

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Платонова Н.И. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // Stratum plus. 2010. № 1

Березкин Ю.Е. Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. 2005, №2

Богораз В.Г. Чукчи. Т.2. Религия. Л., 1938

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991

Борисковский П.И. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя // Палеолит СССР / Серия: Археология СССР. [Т. 1]. М., 1984

Верещагин Н.К. Записки палеонтолога. По следам предков. Л., 1981

Гвоздовер М.Д. Скульптурное изображение мамонта из Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска // Ископаемый человек и его культура на территории СССР / Ученые записки. Вып.158. Московский государственный университет. М., 1952

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит. МИА. Т.39. М-Л., 1953

Гвоздовер М.Д. Новые находки из Авдеева // Вопросы антропологии. Вып.71., М., 1983

Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костенковской культуры // Советская археология. 1985. №1

Гигин. Мифы / Пер. с лат. Д.О. Торшилова; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи (Античная библиотека). СПб, 2000

Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб, 2004

Грехова Л.В. Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМа. Вып.51. М., 1980

Громадова Б. К вопросу об атрибуции изображений на костёнковско-авдеевских лопаточках // КСИА. Вып.227. М., 2012

Гурская Ю.А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Минск, 2009

Демещенко С.А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // РА, 2006, №1

Ефименко П.П. Костенки 1. М.-Л., 1958

Кардаш О.В. Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка). Автореф. дисс. канд. ист. Наук. СПб, 2006

Миллер В.Ф. По поводу одного литовского предания // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1880, Т.VIII

Мудрая старуха (чукотская сказка). Запись от 30.05.2017 // Чукотка [электронный ресурс] https://www.facebook.com/chukotken.love/ (дата обращения 25.02.2018)

Нужный Д.Ю., Праслов Н.Д., Саблин М. В. Первый случай подтверждения успешной охоты на мамонта в Европе (стоянка Костенки 1, Россия) // Свод археоло-

гических источников Кунсткамеры. Вып.4: История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. СПб, 2014

Праслов Н.Д. Скульптурное изображение мамонта из раскопок Костенок 1 в 1985 г. // Млекопитающие четвертичной фауны СССР / Тр. ЗИН, т.149. Л., 1986

Саблин М.В. Собака из верхнепалеолитического поселения Елисеевичи 1 // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб, 2016

Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии // Российская археология. 2004. №2

Сказки бабушки Тымнеквыной // Народная книга. Истории народной летописи. 2017. [электронный ресурс] http://nk.ast.ru/bd/story/2774/ (дата обращения 25.02.2018)

Хлопачев Г.А. Образы, символы, знаки верхнего палеолита: древности археологического собрания МАЭ // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб, 2016

Хлопачев Г.А. Изображения животных, птиц и рыб // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб, 2016а

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографический очерк. М.-Л., 1966

Чубур А.А. Система человек-мамонт в бассейне десны (культурная адаптация в верхнем палеолите). Курск, 1993

Чубур А.А. Животный мир плейстоцена в мелкой пластике древних обитателей бассейна Десны // Русский сборник, вып.5. Брянск, РИО БГУ, 2009

Germonpre M., Sablin M.V., Stevens R.E., Hedges R. E.M., Hofreiter M., Stiller M., Despre V.R. Fossil dogs and wolves from Palaeolithic sites in Belgium, the Ukraine and Russia: osteometry, ancient DNA and stable isotopes // Journal of Archaeological Science. 36**.** 2009

Gvozdover M. Art of mammoth hunters. The finds from Avdeevo. Oxbow Monograph 49. Oxford, 1995

Ellis R.S. Well, Dog my Cats! A Note оп the URIDIMMU // If a Маn Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Brill: Leiden-Boston, 2006

Schmid E. Die altsteinzeitliche Elfenbeinstatuette aus der Höhle Stadel im Hohlenstein bei Asselfingen, Alb-Donau-Kreis // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Band 14, 1989

THREE ESSAYS ON THE ZOOMORPHIC IMAGE FROM AVDEEVO: «MAMMOTH-TURNSKIN, MAMMOTH-TARGET», «SNOW ARGUS» AND «HORSE WITHOUT A HEAD»

A.A. Chubur

The article on the mobile art of the Avdeevo paleolithic site consists of three essays. 1. About 4 figures of mammoths and their purpose. For the first time, a polyicony of 2 mammoth / wolverine images, a cave lion, is demonstrated. 2. The utilitarian and mythological interpretation of the spatulas with top (snow-throwing with the image of guardians-mediators). 3. The species belonging to the broken figure of the beast. Comparative morphology established that this is a woolly rhinoceros.

Keywords: Upper Paleolithic site Avdeevo, primitive art, zoomorphic images, primitive mythology, snow-throwing

Подписи к рисункам

Рис.1. Статуэтки мамонта из Авдеево с возможными следами магических ритуалов подготовки к охоте и их аналогии на памятниках костенковско-авдеевской культуры.
1 – Статуэтка мамонта из кости (Авдеево-Старое) (по M. Gvozdover, 1995). Стрелкой указано возможное повреждение фигурки при ритуальных ударах; 2 - Статуэтка мамонта из песчаника (Авдеево-Новое). На левом боку наблюдается окрашенность и выемки – следы ударов при ритуальных действиях; 3 – Статуэтка мамонта из второго комплекса Костенок 1 (раскопки Н.Д. Праслова). На левом боку наблюдается окрашенность и выемки – следы ударов при ритуальных действиях; 4 – Статуэтка бизона из Зарайска со следами окрашенности и ударов заостренным предметом на левом боку при ритуальных действиях (по Х.А. Амирханову и С.Ю. Леву, 2003); 5 – Сцена магического ритуала перед охотой (по Ангусу МакБрайду); 6 – Реконструкция возможной сцены охоты на мамонта на пойменном лугу.

Рис.2. Полиэконические фигурки мамонта из Авдеево и их аналогии.
1 – Статуэтка мамонта из песчаника (Авдеево-Старое) (по М.Д. Гвоздовер, 1953, с дополнениями автора); 2 – Реконструкция облика мамонтенка с картины палеонтолога К.К. Флёрова. Экспозиции Зоологического музея РАН в Санкт-Петербурге; 3 – Реконструкция-муляж мамонтенка 5-6-летнего возраста. Национальный природоведческий музей НАН Украины, Киев (фото автора); 4 – Изображение головы росомахи (перевернутая статуэтка мамонта из песчаника, Авдеево-Старое); 5 – Голова росомахи в профиль и облик росомахи; 6 – Статуэтка мамонта из песчаника (Авдеево-Новое) (по M. Gvozdover, 1995); 7 – Статуэтка мамонта из известняка (Елисеевичи, по Л.В. Греховой,1980); 8 – Изображение головы пещерного льва (перевернутая статуэтка мамонта из Авдеево-Нового). 9 – Голова статуэтки человеко-льва из Холленштейна (Германия); 10 – Голова пещерной львицы, мергель. Костенки 1 (по П.П. Ефименко, 1958); 11 – Голова пещерного льва (реконструкция Erik Le Brun); 12, 13 – Известняковые полиэйконические фигурки мамонт/голова пещерного льва со стоянки Елисеевичи (по Г.А. Хлопачеву, 2016а); 14 – Голова мумии пещерного львенка с р. Индигирка (Отдел изучения мамонтовой фауны, Академия наук Республики Саха (Якутия), находка 2017 г.).

Рис.3. Зооантропоморфные лопаточки с навершием из Авдеево и их возможная семантика. 1 – Лопаточка с навершием, Авдеево-Новое (по M.Gvozdover, 1995); 2-5 – Некоторые примеры «четырехглазых» личин на рукоятях лопаточек из двух комплексов стоянки Авдеево (по M. Gvozdover, 1995); 6 – голова росомахи, вид спереди; 7 – голова львицы, вид спереди; 8 – Геракл и Орф. Роспись краснофигурной амфоры «мастера Андокида». 520–510 до н.э. Париж, Лувр; 9 – Римская статуя львиноголового Кербера. Храм Плутона в Гиераполе (Памуккале, Турция); 10 – Демоны-охранники Уридимму из Северного дворца Ашурбанипала в Ниневии (Каркемиш). Музей Анатолийских цивилизаций (Анкара, Турция); 11 – Статуэтка человекольва из Холленштайна (музей г., Федеративная Республика Германия); 12 – Двуликая рукоять («киса») из Авдеево-Нового, раскопки М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева, 1988 г. (фонды Музея и НИИ антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ). Сплошной линией показаны имеющиеся фрагменты, пунктирной – реконструкция недостающей части; 13 – Фракийская драхма (Истрос) с изображением двуликого Януса на аверсе. 480-450 г. до н.э.

Рис.4. Зооантропоморфные лопаточки с навершием из Авдеево: утилитарное назначение.
1-4 – Целые лопаточки из Авдеево-Нового (по Gvozdover, 1995); 5, 6 – Современные чукотские оленеводы демонстрируют снеговыбивалки; 7 – Корякская снеговыбивалка; 8 – Снеговыбивалка восточных хантов мужская; 9-10 – Чукотские снеговыбивалки (по В.Г. Богоразу); 11 – Эскимосская снеговыбивалка (по С.В. Гусеву);12 – Эвенкийская шаманская колотушка.

Рис.5. Авдеевская фигурка животного из бивня и ее систематическая принадлежность.
1 – Прорисовка фигурки из бивня мамонта, известной как «лошадка», в четырех проекциях (Авдеево-Новое); 2 – Фигурка лошади из пещеры Фогельхерт (Германия), ориньяк, 36600 лет (калиброванная радиоуглеродная дата). Наложение на абрис лошади. Почти полное совпадение; 3 – Фигурка лошади из пещеры Эспелюг (Франция), мадлен, около 15000 лет. Наложение на абрис лошади. Почти полное совпадение; 4 – Фигурка лошади с копьеметалки из пещеры Брюникель (Франция), поздний мадлен, около 14000 лет. Наложение на абрис лошади. Почти полное совпадение; 5 – Наложение фигурки из Авдеево на абрис лошади. Видны существенные несовпадения; 6 – Наложение фигурки из Авдеево на абрис бизона. Существенное расхождение; 7 - Чучело самки шерстистого носорога из озокеритов Старуни (Украина). Краковский природоведческий музей Института систематики и зоологии животный Польской академии наук. Фото автора, 2017 г.; 8 – Наложение фигурки из Авдеево на абрис шерстистого носорога. Совпадение по всем основным пропорциям; 9 – Современная деревянная фигурка носорога, племя масаи, Кения (частная коллекция).

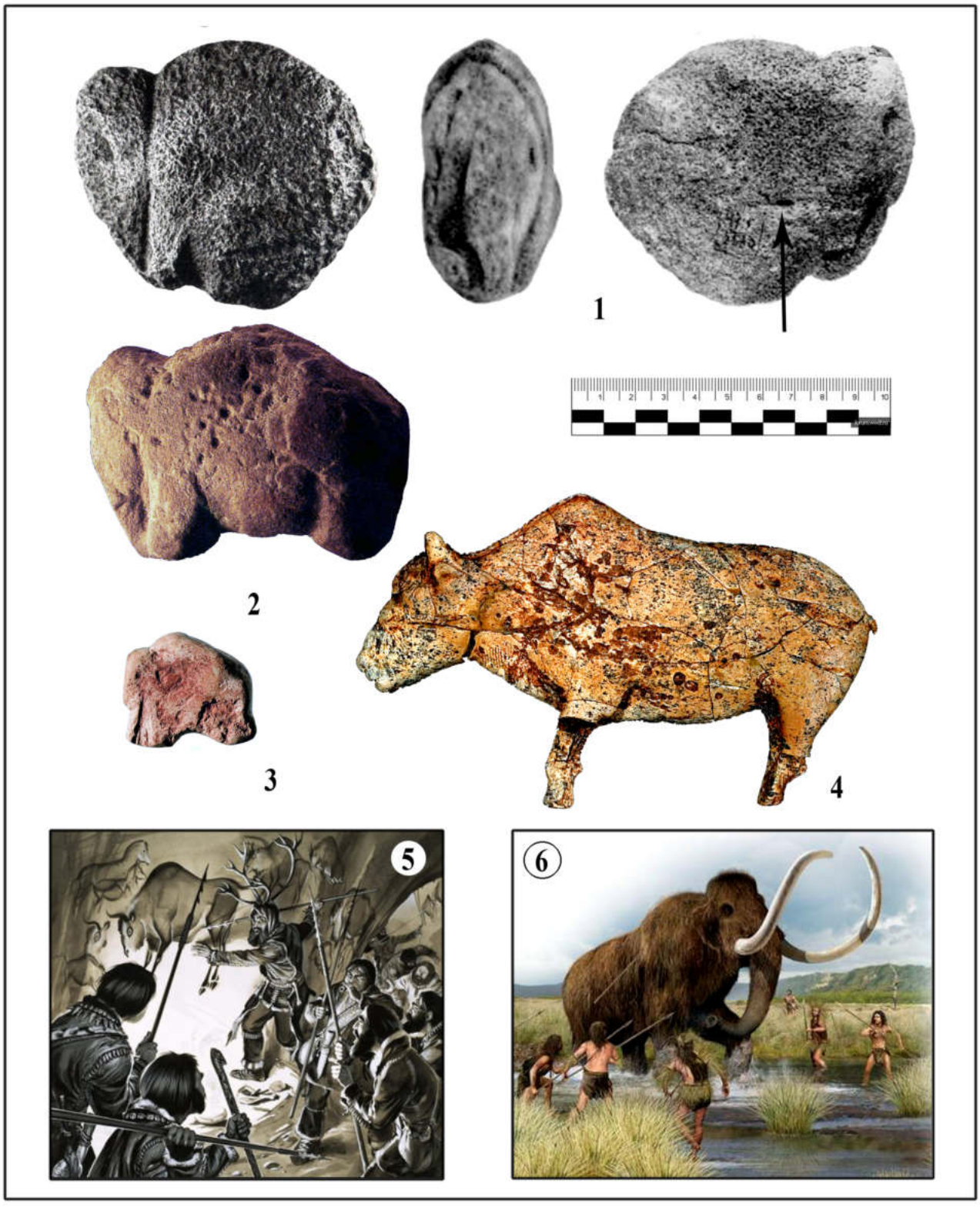


Рис.1

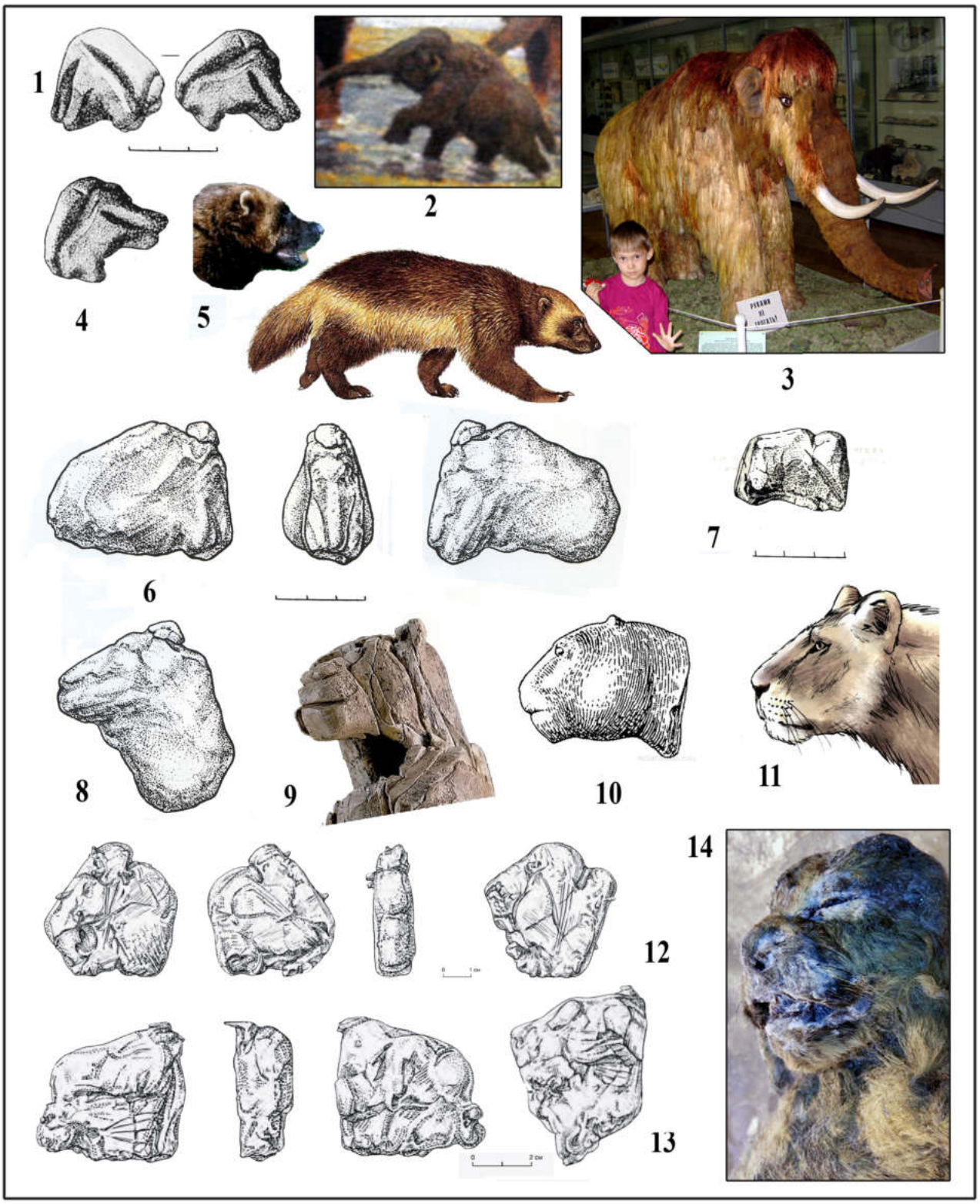


Рис.2

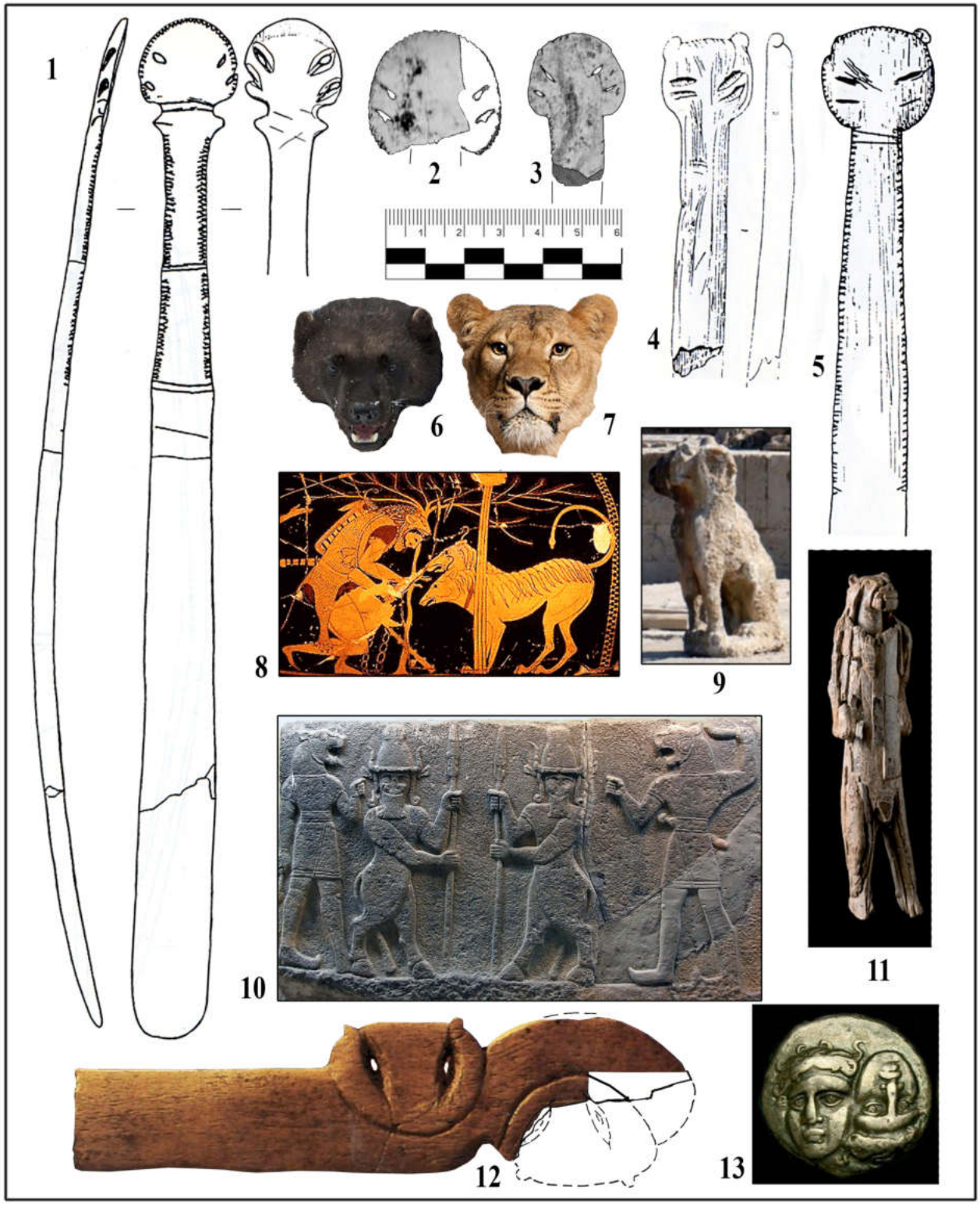


Рис.3

Рис.4

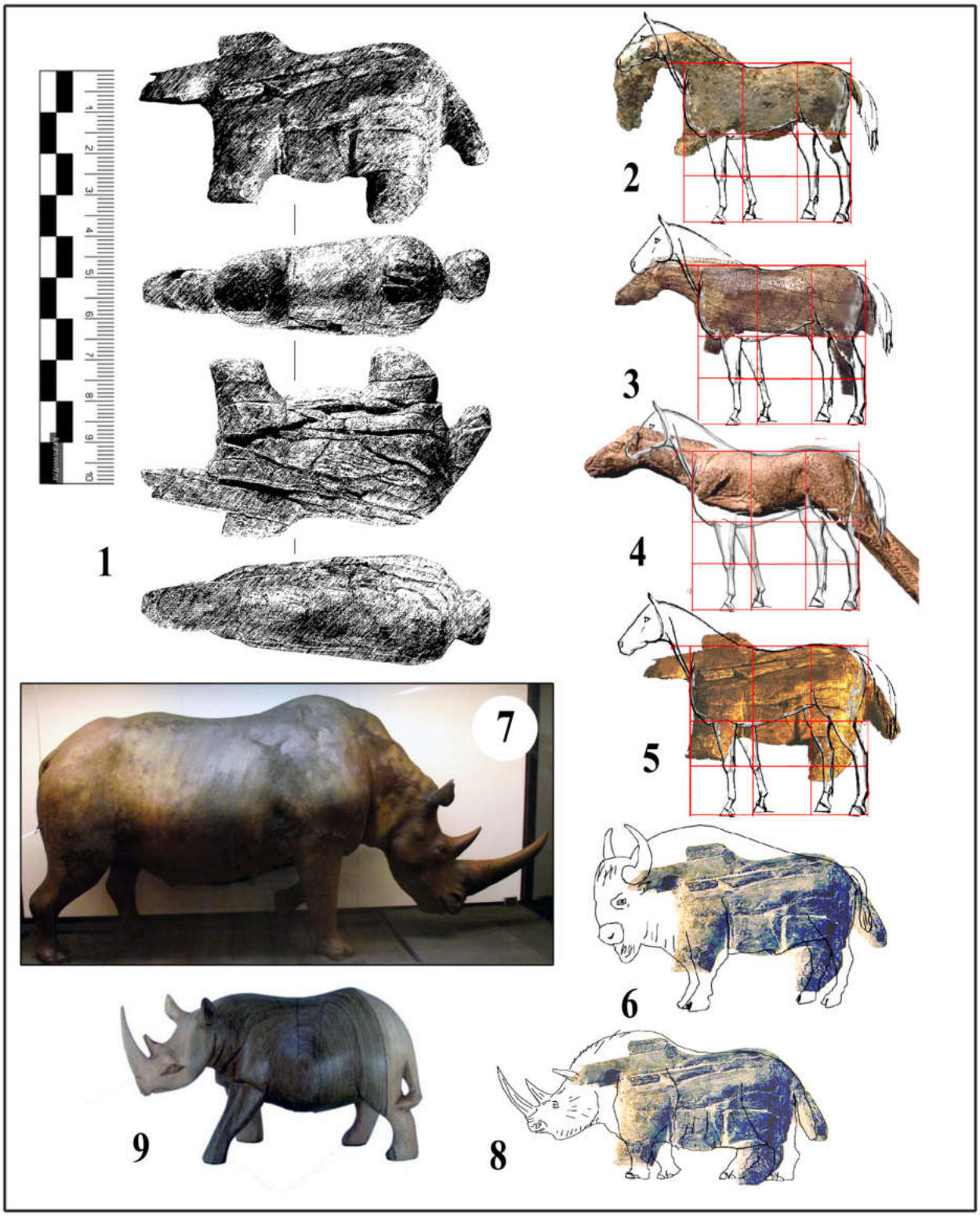


Рис.5

НОВЫЕ НАХОДКИ БУЛАВОК С АЖУРНЫМИ НАВЕРШИЯМИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г. А.Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья вводит в научный оборот новые находки булавок с бронзовыми ажурными навершиями скифского времени из Курской области (Россия).

Ключевые слова: украшения скифского времени, Курская область.

После выхода статьи А.А. Чубура «Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика» (Чубур, 2012. С.123-135) в пределах Курской области было обнаружено несколько новых украшений этого вида. Введение их в научный оборот дополняет имеющуюся источниковедческую базу и позволяет уточнить области распространения отдельных видов булавок с ажурными навершиями.

Все украшения (кроме Пименово) являются случайными находками. Места их обнаружения указаны со слов находчиков.

Булавки с ажурным листовидным навершием (8 экз.)

Кармановский лес (Железногорский р-н). 4 экз.

Хранятся в фондах Железногорского краеведческого музея.

1. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.1, *1*). ЖКМ/оф-23146. Сохранилась нижняя часть украшения. Ободок состоит из трёх рядов «веревочки». В нижней части ободка прикреплена гладкая петля (слева) и по одному двойному завитку с обеих сторон. Стержень украшен поперечными гладкими выпуклыми полосами. Он соединяется с ободком гладкими волнообразными перемычками имеющими небольшой наклон вверх. Основание навершия выполнено в виде двух поперечных гладких выпуклых валиков. Ввиду неполной сохранности навершия, восстановить его общий вид затруднительно. Предположительно, навершие относится к выделенному А.А. Чубуром типу 3 (Деснинский), подтипу 3-б или 3-в (Чубур, 2012. С.119).

2. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.1, *2*). ЖКМ/оф-23147. Левая сторона украшения сохранилась полностью, правая – частично. Ободок навершия состоит из трёх полос: одного (внешнего) в виде «верёвочки» и двух гладких выпуклых. Под ободком к стержню слева прикреплены две петли, под которыми размещена пирамидка из трёх шариков, соединённая с основанием вершиной. Напротив, с правой стороны стержня, находятся три таких же пирамидки. Стержень попеременно украшен тремя косыми крестами из пяти выпуклых гладких шариков и расположенными между ними полосами из трёх поперечных выпуклых линий. В верхней части стержень соединяется с ободком поясом из двух гладких поперечных линий. В нижней части навершия пояс из девяти таких же линий составляет его основание. Соединяющие стержень и ободок перемычки сделаны в виде прямых полос из двух выпуклых гладких линий, направленных под наклоном вверх. По классификации А.А. Чубура, навершие относится к типу 1 (Верхнеокский), подтипу 1-а (Чубур, 2012. С.119).

3. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.2, *1*). ЖКМ/оф-23145. С левой стороны часть навершия утеряна. Ободок навершия состоит из трёх полос – двух с «верёвочным» узором по краям и одного гладкого выпуклого в середине. К нижней части навершия слева прикреплена петля и тройной завиток,

напротив справа – три соприкасающихся двойных завитка. Стержень украшен поперечными выпуклыми гладкими полосами. Стержень соединяют с ободком поперечные перемычки из двух выпуклых гладких полос – по семь прямых и двух волнообразных с каждой стороны. По классификации А.А. Чубура, навершие относится к типу 3 (Деснинский), подтипу 3-б (Чубур, 2012. С.119).

4. Бронзовое навершие с остатками железной иглы (Рис.2, *2*). ЖКМ/оф-23144. Ободок состоит из пяти чередующихся полос: трёх с «верёвочным» узором и двух – гладких выпуклых. К нижней части украшения с левой стороны прикреплены две небольшие петли, под ними – три пирамидки из трёх шариков, соединённых вершинами с навершием. Напротив, с правой стороны, к ободку крепятся семь таких же пирамидок. Стержень украшен продольными соприкасающимися двойными завитками. Часть завитков уничтожена ржавчиной. С каждой стороны стержень с ободком поперечно соединяют 7 прямых и четыре волнообразные перемычки из гладких выпуклых полос. По классификации А.А. Чубура, навершие относится к типу 3 (Деснинский), подтипу 3-б (Чубур, 2012. С.119).

д. Пименово (Курский район). 1 экз. Разведки О.А. Радюша.

Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.1, *3*). Ввиду неполной сохранности навершия, восстановить его общий вид невозможно.

Льговский район. 4 экз.

Между с. Кудинцево и д. Сергеевка на участке 30 х 40 м найдено большое число обломков глиняных сосудов, скопление глиняных блоков, шлаки, предметы из железа (обломок ножа со слегка выгнутой спинкой, игла) и бронзы (2 булавки с вытянутым вдоль стержня S-овидным завитком (одна с петлёй), сплошное литое кольцо с лицевой частью из трёх гладких выпуклых полос, наконечник стрелы, зубило, куполообразная подвеска с остроконечным навершием и украшенным пояском из соприкасающихся двойных завитков круглым основанием, 4 булавки с бронзовыми ажурными навершиями, литьевой брак).

1. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.3, *1*). Ободок навершия состоит из трёх (местами переходящих в две) гладких выпуклых полос и одной (внешней) – из «верёвочки». У основания навершия с левой стороны прикреплена петля из двух гладких выпуклых полос. С обеих сторон у основания расположено по двойному завитку. Стержень украшен поперечными выпуклыми линиями, частично повреждёнными ржавчиной. Перемычки между стержнем и ободком сделаны в виде прямых гладких полос из двух выпуклых линий, направленных под наклоном вверх. По классификации А.А. Чубура, навершие относится к типу 1 (Верхнеокский), подтипу 1-а (Чубур, 2012. С.119).

2. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.3, *2*). Украшение имеет незначительные утраты, полученные при литье. Ободок навершия состоит из четырёх полос: двух гладких выпуклых с внутренней стороны и двух с «верёвочным» узором – с внешней. Внутри навершия вписан ещё один ободок из трёх полос – гладкой выпуклой внутренней и двух внешних с «верёвочным» узором. Перемычки у внешнего ободка идут разнонаправлено, у внутреннего – наклонно вверх. В нижней левой части навершия прикреплены две петли. С обеих сторон у основания размещено по двойному завитку. Стержень украшен чередующимися скоплениями поперечных гладких выпуклых линий и валиков. По классификации А.А. Чубура, навершие относится к типу 2 (Сеймский) (Чубур, 2012. С.119).

3. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.3, *3*). Украшение имеет утраты, из верхней правой части ободка выступает литник. Ободок со-

стоит из одной внутренней гладкой выпуклой полосы и двух с «верёвочным» узором. У основания навершия с левой стороны прикреплена петля. Стержень украшен поперечными полосами из выпуклых гладких линий, частично повреждённых ржавчиной. Перемычки между стержнем и ободком сделаны в виде прямых полос из двух выпуклых линий («верёвочная» и гладкая), направленных под наклоном вверх. По классификации А.А. Чубура, навершие относится к типу 1 (Верхнеокский), подтипу 1-а (Чубур, 2012. С.119).

4. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.4, *1*). Сохранилась нижняя часть украшения. Ободок состоит из трёх рядов «верёвочки». К левой нижней стороне ободка прикреплена петля. У основания с обеих сторон расположено по одному спиралеобразному завитку. Стержень украшен поперечными гладкими выпуклыми полосами. Перемычки между стержнем и ободком сделаны в виде прямых полос из двух выпуклых линий, направленных под наклоном вверх. Ввиду неполной сохранности навершия, восстановить его общий вид затруднительно. Предположительно, навершие относится к выделенному А.А. Чубуром типу 1 (Верхнеокский), подтипу 1-а (Чубур, 2012. С.119).

Булавки с ажурным прямоугольным навершием (2 экз.)

д. Якунино (Курский район). 2 экз. Окрестности деревни.

1. Обломок бронзового навершия с остатками железной иглы (Рис.4, *2*). Украшение повреждено. Сохранившиеся части ободка навершия имеют два (низ) и три (левый бок) «верёвочных» пояса. Стержень украшен поперечными гладкими выпуклыми линиями. В верхней части стержня расположены выпуклые шарики. Вершина стержня сделана в виде плоской округлой выступающей шляпки. Между стержнем и ободком с обеих сторон идёт продольная перемычка в виде полосы из «верёвочки». С ободком она соединяется одиночными шариками, со стержнем – пирамидками из пяти шариков, прикреплённых к нему вершинами.

2. Обломок бронзового навершия (Рис.4, *3*). Общий вид украшения непонятен, т.к. от него сохранился лишь стержень с прилегающими к нему незначительными остатками навершия, предположительно, имевшего прямоугольные очертания.

Булавка с ажурным петлеобразным навершием (1 экз.)

Курская область.

Обломок бронзового навершия (Рис.2, *3*). Часть правой петли отсутствует. В верхней части навершия места соприкосновения петель украшены двойными поперечными завитками. В нижней части – помещён увенчанный двойным завитком плоский круг из которого выходит верхняя часть утраченного бронзового острия.

Итоги

Впервые в пределах Курской области отмечены находки булавок с ажурными навершиями прямоугольной формы. Оба украшения найдены в окрестностях д. Якунино (Курский район). Единичные находки железных булавок с прямоугольными ажурными бронзовыми навершиями встречаются в области распространения милоградской, дьяковской, днепро-двинской и верхнеокской культур. Однако, самым стилистически близким среди известных автору соответствий является бронзовое навершие, обнаруженное на позднескифском поселении IV – III вв. до н.э. Малая Салтановка (Киевская обл., Украина) (Рис.4,*4*). Исследовавшая памятник Е.А. Петровская отнесла его к импортным украшениям, свидетельствующим «о соседстве и контактах позднескифских поселений с подгорцевскими» (Петровська, С.180. Рис.7). Большинство современных учёных считают расположенные в Среднем Поднепровье подгорцевские памятники одним из вариантов милоградской культуры. Именно в области

распространения этих памятников обнаружен на сегодня самый большой и разнообразный набор железных булавок со сложноажурными, круглыми и прямоугольными ажурными навершиями, позволивший учёным выделить такие украшения в особый «подгорцевский тип» (Рассадин, 2005. С.32 – 33).

По С.Е. Рассадину, единственным видом булавок не встреченным в Среднем Поднепровье являются распространённые севернее булавки с листовидными навершиями (Рассадин, 2005. С.33). Согласно Е.В. Столярову, «подавляющая часть находок ажурных наверший булавок листовидного типа происходит как с территории верхнеокского бассейна (15 сохранившихся экземпляров), а с учетом ряда вновь найденных находок, несколько отличающихся оформлением, так и с территории юхновской культуры (Брянское Подесенье, Курское Посеймье). В то время как круглые, прямоугольные и сложноажурные навершия отчетливо концентрируются на подгорцевской территории в Среднем Поднепровье (Петровська, 1971. С. 113). Вероятно, именно на территории занятой носителями верхнеокской культуры, на основе подгорцевских импортов из Среднего Поднепровья (Геродотов путь к исседонам − оживленный торговый путь между Днепром и Камой) выработался этот специфический тип украшений, который пользовался особой популярностью у местного восточнобалтского населения. И именно здесь этот стиль получил своё новое (типологическое) воплощение» (Столяров, 2012. С.114 – 115).

В отличие от Е.В. Столярова А.А. Чубур скептически относится к связи булавок с ажурными листовидными навершиями с носителями юхновской культуры: «Из материалов доброго десятка юхновских городищ раскопанных В.А. Падиным, Л.В. Артишевской и О.Н. Мельниковской на Деснинском правобережье не происходит ни одной булавки с ажурным навершием. Нет таких находок и в Новгород-Северском полесье (Каравайко, 2012). Основной ареал распространения листовидных ажурных наверший достаточно четко совпадает с ареалом верхнеокской культуры. Булавки показывают, что естественной её границей с юхновцами служила, скорее всего, река Десна. В таком случае, позволительно поставить вопрос об особом месте в культурной мозаике региона памятников Посемья, где, в отличие от правобережья Десны, находки ажурных наверший обильны и своеобразны (в частности именно тут концентрируются навершия с двойным контуром). Насколько правомерно их традиционное отнесение к юхновской культуре покажут дальнейшие исследования» (Чубур, 2012. С.119 – 120).

Время существования всех видов данных украшений среди исследователей особых споров не вызывает. С.Е. Рассадин определяет существование большинства булавок с ажурными навершиями IV – II вв. до н.э. (Рассадин, 2005. С.33). Е.В. Столяров датирует встреченные в области распространения верхнеокской культуры булавки с бронзовыми ажурными навершиями V – III вв. до н.э. (Столяров, 2012. С.114), А.А. Чубур относит бытование булавок с листовидными навершиями ко IV – II вв. до н.э. (Чубур, 2012. С.117). Более поздние даты предлагаются для булавок с ажурными навершиями, входивших в состав украшений носителей дьяковской культуры. Н.А. Кренке и С.Н. Чаукин относят найденную на городище Круглице (Московская область) булавку «с навершием, включавшим умбон и ажурное полотно, декорированное зернью» к I – II вв. н.э. (Кренке, Чаукин, 2013. С.114 – 115. Рис.6,*б*). Такую же дату предлагает и Б.Е. Янишевский для булавки обнаруженной им при исследовании Борисовского городища (Московская область). «Булавка … представляет собой железный стержень, диаметр которого 3 – 4 мм, обернутый медной полосой, покрытой частыми поперечными вдавленными линиями. Полоса с орнаментом спускается по

ширине вниз на 1 см. На полосе отлит орнамент (традиционный для украшений дьяковской культуры) в виде «косички», повторенной два раза. Один конец полосы украшен поперечной полоской с таким же орнаментом, развернутым соответственно на 90º. Только тут между косичками отлит зигзаг, который так же часто встречается на украшениях дьяковской культуры» (Янишевский, С.162. Рис.4,*8*).

Имеющих чёткие датировки и привязки к археологическим объектам соответствий булавкам с ажурными петельчатыми навершиями автору неизвестно. Предположительно, они так же входят в круг украшений лесных и лесостепных культур скифского времени.

Благодарности

Автор благодарит научного сотрудника Института археологии РАН О.А. Радюша, директора и главного хранителя фондов Железногорского краеведческого музея Т.Г. Моталыгину и О.В. Белашову, а так же С.В. Емельяненкова и А.В. Сотникова за помощь при работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кренке Н.А., Чаукин С.Н., 2013. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА, №1

Петровська Е.О. Памятка пізньоскіфського часу на р. Стугні // Археологія. Т. XVI. Київ, 1964

Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск, 2006.

Столяров Е.В. Культурные традиции населения бассейна Верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. – I в.н.э.) // Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. М., 2012

Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып.IV. Курск, 2012

NEW FINDINGS OF PINS WITH OPENWORK POMMELS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE KURSK REGION

A.G. Shpilev

The article publishes new findings of pins with bronze lace tops of Scythian time from the Kursk region (Russia).

Keywords: jewelry of Scythian time, Kursk region.

Рис.1
1-2 – Кармановский лес, 3 – Пименово

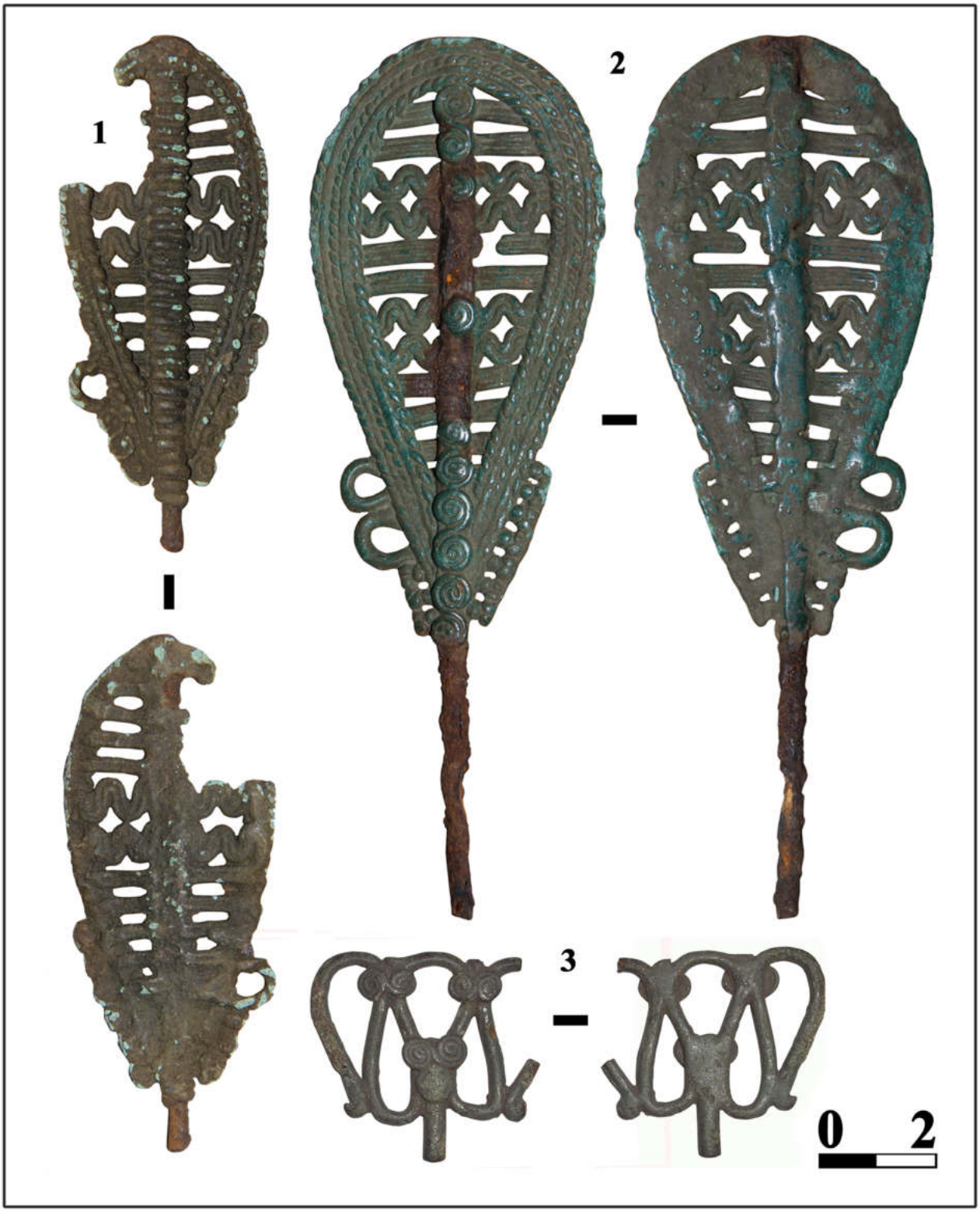


Рис.2
1-2 – Кармановский лес; 3 – Курская область.

Рис.3
1-3 – Льговский район.

Рис.4
1 – Льговский район; 2-3 – окрестности д. Якунино;
4 – Малая Салтановка (по Е.А. Петровской).

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. НА ПОСЕЛЕНИЯХ КСИЗОВО-17 и 19

© 2018 г. А.М. Обломский

Институт археологии Российской академии наук, Москва

В статье публикуются материалы раннеримского времени поселений Ксизово-17 и 19 Задонского р-на Липецкой обл. На этих памятниках обнаружены остатки сооружений этого периода (кладка камней, постройка-полуземлянка, хозяйственные ямы). Из них, а также из культурного слоя и заполнения более поздних объектов происходит выразительный набор лепной керамики (с шероховатой и лощеной поверхностью), обломки сероглиняных гончарных сосудов. Найдены также пряслица и другие бытовые предметы. Украшения и детали ременной гарнитуры представлены фибулами, пряжками, бусиной из египетского фаянса. Из предметов вооружения и снаряжения боевого коня найдены удила, наконечники стрел, мраморные навершия мечей. Поселение Ксизово-17 датируется около конца I в. до н.э. - рубежа н.э. – начала I в.н.э. Ксизово-19 возникло не позднее первой половины I в. до н.э. и существовало по II в.н.э. включительно. Оба памятника принадлежат к кругу древностей типа Ишутино, которые представляют собой особую группу позднескифской археологической культуры.

Ключевые слова: Раннеримский период, Верхнее Подонье, Ксизово, позднескифская археологическая культура

Ксизовский археологический комплекс разновременных памятников занимает большую часть правого коренного берега Дона в пределах с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл., участок высокой поймы при впадении в Дон р. Сновы, сниженную часть (склон) коренного берега Дона к востоку от села на расстояние до 2,250 км. Общая протяженность комплекса памятников (поселений и могильников) вдоль берега Дона – около 4,5 км. Большинство селищ отделены друг от друга оврагами и занимают господствующие на местности высоты (Ксизово Южное, 5, 8, 16,17, 18, 19, 19А, Острая Лука-4). Исключение составляет поселение Ксизово-6, которое находится в устье р. Сновы.

Подробные сведения о топографии и истории исследований этой группы памятников изложены в нескольких изданиях (Острая Лука Дона, 2015 С. 9-14; Григорьев, Обломский, 2008; Козмирчук и др. 2011; Разуваев, 2010; 2011; Ивашов, Мельников, 2009; Обломский, Разуваев, 2009, 2013; Обломский, 2009). В настоящей статье публикуются материалы первых вв. н.э. из двух поселений, расположенных у с. Ксизово, на которых проводила раскопки Раннеславянская экспедиция Института археологии РАН.

Ксизово-17.

Общая территория памятника представляет собой обширный плоский отрог второй надпойменной террасы или низкого края коренного берега (геоморфологическая ситуация в этом месте не совсем ясна), плавно понижающегося в сторону реки (Рис. 1). Высота над уровнем поймы Дона – 13 – 27 м. С северо-востока и юго-запада мыс ограничен оврагами, из которых первый отделяет его от пункта Ксизово-16, а второй - от городища. Общие размеры памятника составляют не менее 220 – 320 х 240 – 280 м. Эти данные – обобщенные, поскольку они относятся ко всему ареалу культурного слоя достаточно длительного периода его накопления. Поверхность этой части долины Дона задернована.

Площадка памятника условно разделена на три участка (мыс, А и Б). Первый из них отделен от остальной части памятника довольно глубоким оврагом. Границей участков А и Б служит ложбина, находящаяся юго-западнее раскопа 4 участка А (Рис.1).

В 2003 – 2008 гг. в Ксизово-17, включая участки А и Б, на девяти раскопах вскрыто 4974 кв.м. Работами на раскопах, кроме меня, руководили И.А. Козмирчук, В.Е. Родинкова, О.А. Радюш, О.С. Румянцева. Памятник – многослойный с отложениями от эпохи энеолита до Древней Руси. Культурный слой представляет собой однородный чернозем толщиной иногда до 1 м, местами нарушенный распашкой на глубину (в среднем) до 20 – 30 см. В его толще контуры сооружений, как правило, не прослеживались. Они зафиксированы либо на поверхности материка, либо чуть выше в нижней более светлой части слоя гумуса. Сам слой сильно перемешан: как ранние, так и поздние материалы встречались от дерна до материка. Стратиграфия как таковая отсутствует, хотя объекты разных периодов иногда перекрывали друг друга.

Материалы раннеримского времени (лепная и гончарная керамика, пряслица из черепков сосудов, железная пряжка, фрагменты железной и бронзовой фибулы, бусина из египетского фаянса) (Рис. 2, 3) происходят из культурного слоя, заполнения более поздних сооружений. К раннеримскому периоду относятся кладка камней и две хозяйственные ямы участка А[1] (Рис. 1; 2, *17*).

Кладка камней на раскопе 3 Ксизово-17А 2005 г. (Рис. 2, *17*) зафиксирована в слое чернозема. Представляет собой скопление необработанных кусков известняка разного размера (от 4 х 4 до 10 х 17 см), залегавших в один слой. Ширина скопления – 0,54 – 1,0 м, длина – 4,54 м. Оно было несколько более плотным в северо-западной части, чем в юго-восточной. Еще 3 камня продолжали линию скопления, но находились в 1,1 м к юго-востоку от него на том же уровне, а 3 других лежали в 2 м к западу от кладки. С учетом крайних юго-восточных камней общая длина их полосы составляет 6,5 м. Между камнями и рядом с ними встречались мелкие угольки. У восточного края скопления и у южной его оконечности на уровне залегания камней обнаружены три индивидуальных находки: обломок согнутого железного ножа с т.н. горбатой спинкой, фрагмент глиняного пряслица из черепка лепного нелощеного сосуда (Рис. 2, *15*), фрагмент венчика сероглиняного гончарного кувшина с рифленой поверхностью (Рис. 2, *14*). По всей видимости, т.н. каменная кладка была основанием стены наземной постройки, сооруженной из какого-то органического материала (дерева, плетня или др.).

Ксизово-19.

Селище находится в 0,7 км к востоку от МТФ с. Ксизово и в 0,8 км в том же направлении от водонапорной башни (Рис. 4). Оно расположено на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Дон, на высоте 19 м от реки, 10 – 13 м от поймы, имеет размеры около 680 – 740 х 170 – 260 м (в целом, для всех периодов заселения). Приблизительно половина площади селища распахана, ближняя к реке часть задернована.

В 2003 – 2004, 2008 – 2010 гг. Раннеславянской экспедицией на памятнике вскрыто 2704 кв.м. Работами руководили, кроме меня, И.А. Козмирчук, О.А. Радюш, Ю.Д. Разуваев, К.И. Масленников.

Территория памятника неоднократно использовалась в разные эпохи. Из культурного слоя происходят материалы от финального неолита и энеолита до монгольского времени.

Культурный слой (чернозем) так же, как и в Ксизово-17, имеет толщину до 1 м. Какая-либо внутренняя стратиграфия не прослеживается, а сам гумус, судя по наблюдениям за глубинами залегания находок разных периодов, сильно перемешан.

[1] Сведения о хозяйственных ямах Ксизово-17 и 19 приводятся в табл. 1.

Из культурного слоя и заполнения более поздних сооружений происходят лепная и гончарная керамика раннеримского периода, мраморное навершие меча, 11 железных наконечников стрел, железные удила и две пряжки, одна целая и два фрагмента бронзовых фибул (Рис. 7, 9, 13-16). Из объектов к этому времени относятся 3 локальных скопления материала в культурном слое, остатки углубленной в материк постройки, 9 хозяйственных ям. Сведения о большинстве из них приведены в табл. 1.

Скопление 19 раскопа 6 2010 г. В культурном слое на глубине 0,48 м от дневной поверхности зафиксировано скопление 9-ти фрагментов груболепных сосудов общими размерами 0,26 х 0,25 м. Один черепок (фрагмент стенки лепного сосуда, украшенной длинным гребенчатым штампом) относится к катакомбной культуре эпохи бронзы, один - имеет примесь крупного шамота в керамическом тесте, остальные – дресвы. Из фрагментов удалось реконструировать крупный обломок верхней части горшка с шероховатой поверхностью, пальцевыми вдавлениями по венчику и налепом по тулову (Рис. 11, *1*).

Скопление 22 раскопа 6 2010 г. Перекрывает яму 28, зафиксированную ниже на поверхности материка. Представляет собой скопление керамики размерами 1,0 х 1,8 м, залегавшее в культурном слое на уровне 0,82 – 0,96 м от дерна. Черепки лежали плоскими сторонами кверху в 1 – 2 слоя. В центре скопления находился большой камень-валун размерами 40 х 15 см и высотой около 10 см. Еще один камень размерами 18 х 15 см (известняк) лежал у северо-западного края области концентрации черепков. Между черепками найдено несколько костей животных.

Груболепная керамика из скопления содержала примеси мелкого шамота в тесте (7 фрагментов), шамота в сочетании с дресвой (29 фрагментов), дресвы (99 фрагментов). Столовая посуда представлена 2-мя фрагментами лепных лощеных сосудов и 4-мя подлощенных (Рис. 11, *2-6,8*).

Яма 18 раскопа 1 2004 г. (Рис. 5). Фактически, представляла собой постройку, скорее всего, имевшую овальную форму. Прослежен ее южный край размерами 3,8 х 1,4 м. Контуры объекта зафиксированы на поверхности материка, сооружение было углублено в материк на 8 – 19 см. Ширина стены котлована составляла 3,0 м. Вдоль нее с внутренней стороны находились 4 овальные ямы от столбов размерами от 28 х 20 см до 50 х 44 см и глубинами от 8 до 49 см.

Заполнение было однородным и представляло собой чернозем. Из него происходят кости животных, 2 куска обмазки, груболепная керамика, в том числе и выразительный обломок верхней части округлобокого горшка с насечками, нанесенными по краю венчика лезвием ножа (Рис. 7, *12*), 2 обломка гончарных серолощеных сосудов, 2 маленьких фрагмента стенок гончарных древнерусских горшков, занесенных сюда, по всей видимости, кротами. Выше постройки в культурном слое (но в ее пределах) залегало скопление культурных остатков 17 (Рис. 6). Оно занимало пространство 1,2 х 0,6 м. Кроме костей животных, его составляли фрагменты груболепных сосудов с примесью дресвы в тесте (некоторые, с насечкой по венчику), а также несколько обломков лепного лощеного горшка (Рис. 6, *4*). Несколько фрагментов корчаги (Рис. 6, *1*) происходили из заполнения находящейся рядом постройки 4 гуннского периода.

Скопление 15 раскопа 1 2004 г. (Рис. 5) залегало в культурном слое. Оно частично перекрывало край ямы 18, занимало пространство 44 х 26 см, состояло из 8-ми фрагментов стенок лепных сосудов с примесью дресвы в тесте (очень близких по фактуре к тем, которые происходили из скопления 17, и вероятно, того же времени) и костей животных.

Яма 19 раскопа 1 2004 г. (Рис. 5). В плане овальная с небольшим выступом с юго-западной стороны. Размеры по верхнему краю составляли 2,3 х 1,6 м, в нижней части - 2,05 х 1,5 м. Контуры зафиксированы на поверхности материка, общая глубина объекта - около 30 см. Заполнение представляло собой однородный серый гумусированный суглинок. Из него происходят кости животных, составлявшие небольшое скопление у северо-западного борта ямы, обломки лепных сосудов, в основном, с примесью дресвы или шамота и только дресвы в тесте, несколько фрагментов гончарных серо- и красноглиняных сосудов (вторично обожженных), а также одного черно-лощеного, маленький обломок гончарного древнерусского горшка, занесенный в заполнение кротами. Весьма выразителен обломок верхней части позднескифского сосуда с насечкой по венчику и вертикальными дольковидными налепами по тулову (Рис. 7, *9*).

У южного борта ямы находилось **скопление 22**. Оно состояло из 7 обломков стенок одной и той же округлобокой корчаги с примесью шамота и дресвы в тесте.

Объект 1, яма 11, погребение 65 раскопа 6 2010 г. (Рис. 10). Эти сооружения сливались краями и частично перекрывали друг друга. По стратиграфии наиболее поздним является *объект 1*, представляющий собой круглую хозяйственную яму с примыкающей к ней с юго-востока ступенькой-сходом, находившейся в овальном углублении. Диаметр ямы по верхнему краю – 1,2 м, в нижней части – 1,1 – 1,12 м. Размеры углубления в месте схода в верхней части – 0,8 х 1,28 м, в нижней – 0,95 х 0,77 м. Своим восточным краем объект сливается с ямой 11. Точную границу между этими сооружениями провести невозможно. Контуры объекта 1 прослежены на поверхности материка, максимальная глубина в материке – 0,56 м.

Профиль по линии А-Б показывает, что реальная глубина объекта 1 была, по крайней мере, на 58 см больше, т.к. ее заполнение «читалось» выше материка в слое чернозема. В южной части этой хозяйственной ямы залегала линза темного гумуса толщиной до 90 см. Ее подстилал слой темно-серого гумуса толщиной до 1 м. Объект 1 перекрывал безынвентарное погребение 65, которое по профилю было более ранним. Находки, обозначенные, как происходящие из объекта, брались от уровня фиксации его контуров до дна. К ним относятся кости животных, 12 кусочков глиняной обмазки, железная пластина (Рис. 12, *27*), груболепная керамика (Рис. 12, *18-24*), обломок лепной лощеной миски (Рис. 12, *25*), фрагмент гончарного серолощеного сосуда. На границе объекта 1 и погребения 65, но, скорее, в объекте 1 обнаружено мраморное плоское навершие меча или кинжала с характерной протертой ложбиной посередине (Рис. 12, *26*).

Яма 11 (Рис. 10). В плане – овальная, западным краем сливается с объектом 1. Контуры прослежены на поверхности материка, общая глубина ямы – 0,3 – 0,44 м. Размеры составляли 1,48 м х 1,32 м в верхней части, 1,02 х 1,4 м – в нижней. Заполнение представляло собой однородный темный гумус. В средней его части находилось скопление костей животных и керамики размерами 0,66 х 0,44 м. Из черепков скопления удалось реконструировать верхнюю часть груболепного горшка с дресвой в тесте и с вдавлениями по краю, обломок лепной миски и днища горшка с шероховатой поверхностью с примесями мелкого шамота (Рис. 11, *7,9,10*).

Вне скопления в заполнении обнаружены кости животных, груболепная керамика. Венчики горшков зачастую украшены косыми насечками. Столовая посуда представлена двумя обломками лепных сосудов с лощеной поверхностью, одним – с подлощенной, одним фрагментом сероглиняного гончарного кувшина (?) с шероховатой поверхностью и зонами валиков и горизонтальных каннелюр, орнаментированных нарезками (Рис. 12, *1-16*). У юго-восточного края ямы компактно лежали три камня размерами от 4 х 5 до 20 х 10 см.

Описание материала

Керамика

Лепная керамика раннеримского времени делится на кухонную и столовую, соответственно, с шероховатой, лощеной (или подлощеной) поверхностью. Встречены также обломки гончарных сероглиняных сосудов. Большинство черепков происходит из культурного слоя, где найдена также керамика скифского периода – городецкой и лесостепной скифоидной культур, которая часто имеет фактуру (примеси в керамическом тесте, обжиг), близкую к той, что наблюдается у кухонных сосудов раннеримского времени. По этой причине точный подсчет соотношения технологических групп керамики рубежа н.э. – первых вв. н.э. невозможен. Выводы сделаны по тем обломкам сосудов, которые в настоящей статье отнесены к раннеримскому периоду на основании аналогий и находок в перечисленных выше комплексах. Вся кухонная керамика – довольно рыхлая, имеет относительно тонкий черепок и неравномерный обжиг. Среди нее преобладает посуда с примесями дресвы в керамическом тесте, реже встречается керамика с мелким шамотом, иногда с дополнительными включениями дресвы и железной руды. В ряде случаев примеси выражены не были.

Тесто столовых сосудов – плотное. Примеси могут быть различными (дресва, шамот), но зерна включений – очень мелкие.

Кухонная керамика делится на две категории. К первой относятся горшки, ко второй – крышки. Шероховатую поверхность также имели единичные миниатюрные сосуды.

Большинство кухонных горшков орнаментированы насечками, нанесенными ножом или плоской тонкой палочкой по краю венчиков (Рис. 2, *1-11, 12*; 3, *1-3,6*; 6, *1-3, 5,6*; 7, *1, 3, 4, 6-12, 14-16*; 8, *1, 2, 4, 6-8, 11, 13, 15, 20*; 9, *1-2, 5*; 11, *1-3*; 12, *4, 6, 8, 12, 14, 15, 18, 19, 22-24*; 13, *3-9*; 14, *1, 3-6, 9-20*; 15, *1-7, 10*). Встречаются также горшки с пальцевыми вдавлениями по венчику (Рис. 3, *4, 5*; 8, *9, 12, 14, 16, 17, 19*; 11, *10*; 12, *11*; 14, *7, 8*). Корпус сосудов иногда орнаментирован налепными вертикальными долькаами (Рис. 7, *9*; 11, *1*). Крышки и столовая посуда орнамента не имеют (кроме одного случая, Рис. 9, 6).

Набор керамических форм реконструирован на основании состава материала из объектов. Керамика из культурного слоя отнесена к раннеримскому периоду по аналогиям с той, которая происходит из постройки-полуземлянки, ям и скоплений. К сожалению, для формализованной типологии материала из памятников у с. Ксизово недостаточно. Группы, выделенные ниже, предварительные, служат для описания основных форм.

Кухонная посуда

Горшки. Все они – округлобокие, ребристые сосуды с охарактеризованной выше фактурой и даже обломки ребер горшков на обоих памятниках отсутствуют.

1. Закрытые и открытые сосуды с изогнутым, отогнутым наружу венчиком. Изгиб шейки плавный (Рис. 2, *1*; 6, *1*; 7, *12,13*; 9, *2*; 11, *10*; 12, *17*; 14, *2,10,11,13,14*).

2. Закрытые сосуды с двухчастным отогнутым наружу венчиком (состоит из выделенных края и шейки). Перегиб в месте перехода к тулову - плавный (Рис. 6, *3*; 7, *9*; 8, *14*).

3. Закрытые и открытые сосуды с раструбовидным прямым (или почти прямым) венчиком, часто с подчеркнутым изнутри резким перегибом шейки (Рис. 2, *3*; 6, *2*; 7, *1,2,6*; 8, *10*; 9, *1,3*; 11, *1*; 14, *1,5,6,8,12,16*).

Крышки. По форме – усеченно-сферические или усеченно-конические. Снабжены цилиндрическими или коническими полыми ручками (Рис. 2, *8-10*; 3, *7-10*; 9, *7-9*; 13, *1*; 15, *8,9,11-20*).

Миниатюрные сосуды

Усеченно-конические по форме. У одного из них заметны насечки по венчику (как у горшков) (Рис. 11, *7*).

Столовые сосуды

Миски. 1. Округлобокие чашевидные (Рис. 8, *21*; 12, *25*)

2. Со сглаженным ребром и загнутым внутрь изогнутым венчиком (Рис. 2, *13*)

3. С острым ребром и слегка загнутым внутрь прямым венчиком (Рис. 3, *12-16*)

Горшки единичны и весьма разнообразны по формам (Рис. 6, *4*; 11, *6*; 12, *1*). Хотя бы предварительная их типология может быть предложена лишь при дальнейшем накоплении материала. Выделяется закрытый горшок с вертикальным прямым венчиком. Шейка изнутри подчеркнута ребром (Рис. 11, *4*).

Гончарные сосуды, импорт

Вся типологически определимая керамика – сероглиняная, имеет шероховатую поверхность. Весьма немногочисленна. Выделяются горло кувшина из Ксизово-17А (Рис.2, *14*), ребристые миски с прямыми венчиками и горизонтальными каннелюрами в верхней части из Ксизово-17Б и 19 (Рис. 3, *17*; 15, *21*), обломок горшка или кувшина с горизонтальными каннелюрами и насечками (Рис. 12, *16*). По указанным выше причинам точный подсчет доли гончарной посуды в общем наборе керамики раннеримского времени из Ксизово невозможен. В Ксизово-19 в заполнении ямы 18 раскопа 1 2004 г. гончарной керамики было 8%, в яме 19 – 9%.

Сероглиняные гончарные кувшины и миски на верхнедонских поселениях раннеримского времени являются импортными. Они произведены в мастерских, расположенных в Нижнем Подонье (Медведев, 1987. С. 93-97; 2008. С. 70, 71).

Уникален для керамического комплекса из Ксизово лепной шаровидный горшок с раструбообразным венчиком, заглаженной поверхностью и без отчетливых примесей в керамическом тесте. Сосуд орнаментирован пальцевыми вдавления по венчику, вертикальными налепными дольками и зигзагообразной композицией из прочерченных линий по тулову. Несмотря на то, что нижняя часть этого сосуда утрачена, по сохранившейся верхней видно, что он был довольно приземистым (Рис. 9, *4*).

Точных аналогий этому сосуду мне найти не удалось. По форме он соответствует горшкам раздела II, отдела А, типа III по А.С. Скрипкину, которые происходят из сарматских погребений Нижнего Поволжья. Сосуд из кургана 12 Нехаевского могильника орнаментирован вертикальными дольками-налепами, как и горшок из Ксизово (Скрипкин, 1984. С. 28. Рис. 8, *3*). В Верхнем Подонье горшок подобной формы, но без орнамента, происходит из кургана 11 могильника Третьяки на Хопре (Ефимов, 1998. Рис. 2, *1*). В целом, орнаментация тулова сосуда врезанными линиями, расположенными зигзагом, достаточно типична для сарматских горшков разных форм степного Подонья и Поволжья (Скрипкин, 1990. Рис. 48, 49). Все эти наблюдения заставляют отнести сосуд из Ксизово к сарматской традиции.

Пряслица

Три из них (два из объектов раннеримского периода, а именно, из кладки камней на раскопе 3 Ксизово-17А 2005 г. и из ямы 30 раскопа 6 Ксизово-19 2010 г., третье – из культурного слоя Ксизово-17А) (Рис. 2, *15,16*; 13, *11*) изготовлены из черепков лепных сосудов. Четвертое (из культурного слоя Ксизово-19А) сделано из глины

и имеет коническую форму (Рис. 16, *17*). Оба типа пряслиц имеют аналогии среди материалов раннеримского времени Третьего Чертовицкого городища (Медведев, 2008. С. 71).

Вещевой комплекс и вопросы хронологии.
Фибулы

Бронзовая проволочная фибула среднелатенской схемы со скобчатой спинкой из Ксизово-19 (Рис. 16, *15*) относится к достаточно обширной группе. Подобные украшения преимущественно распространены на территории зарубинецкой культуры и в Северном Причерноморье, встречаются на Северном Кавказе, в деталях довольно разнообразны. Одним из основных признаков, разделяющим массив, является форма крепления ножки к спинке. У фибул Восточной Европы скрепа может быть в виде пластинчатой лапки или завязки (обмотки проволокой – продолжением ножки), изредка – бусины. К сожалению, эта очень важная деталь у экземпляра из Ксизово утрачена.

Проволочные фибулы со скобчатой спинкой А.К. Амброз относил к группе 2, подгруппе 3, вариантам «типа табл. 1: 17; 2: 6,7», проволочных северопричерноморских (со скрепой), «неапольскому» (Амброз, 1966. С. 20-22).

Мною на памятниках зарубинецкой культуры такие фибулы были отнесены к типу 2, варианту Г2 по модифицированной классификации Ю.В. Кухаренко (Обломский, 1983. С. 107. Рис. 2, *2*). В системе периодизации Чаплинского могильника они распространены в фазах 1 и 2 (первая половина II в. до н.э. – первая половина I в.до н.э.) (Обломский, 1997. С. 143-144).

С.П. Пачкова объединяет аналогичные фибулы в «тип В-Костжевский». Они появляются в зарубинецкой культуре на первом периоде ее существования и распространены во втором. Эти периоды синхронизируются с фазами C1b-D1 культуры Латен или фазами А1-А2 пшеворской и датируются в широких рамках конца III – первой половины I в. до н.э. (Пачкова, 2006. С. 77-78, 128-129. Рис. 28).

В Северном Причерноморье крупные фибулы со скобчатым корпусом и скрепой В.В. Кропотов относит к группе 2, серии 1, варианту 1 и большинство из них датирует последней четвертью II в. до н.э. – первой половиной I в. до н.э. (Кропотов, 2010. С. 43-44).

А.К. Амброз скобчатые фибулы с завязкой объединял в выделенный им «неапольский» вариант гладких проволочных среднелатенской схемы и суммарно датировал I в. до н.э. (Амброз, 1966. С. 22).

Применительно к фибулам из Беляусского могильника застежки «неапольского» варианта рассматривал Б.Ю. Михлин. Он датировал их несколько иначе: концом II – не позднее третьей четверти I в. до н.э. (Михлин, 1980. С. 200). В.В. Кропотов, собравший каталог таких фибул на современном уровне, датирует их второй половиной/последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э., хотя и упоминает, что экземпляр из некрополя Нижнегниловского городища происходит из довольно позднего погребения – второй половины I – начала II в. (Кропотов, 2010. С. 49-50).

В Верхнем Подонье фибула «неапольского» варианта найдена на поселении Стаево-5 в верховьях р. Воронеж (Обломский, Масленников, 2017. Рис. 4, *2*).

Таким образом, наиболее вероятная дата фибулы среднелатенской схемы из Ксизово-19 – II – первая половина I в. до н.э.

Фрагментированная железная фибула из Ксизово-17Б (Рис. 3, *19*) – одночленная, со следами ремонта (пружина обмотана вокруг корпуса, в нее вставлен толстый железный стержень). Корпус – проволочный, прогнутый. Такие фибулы имеют

т.н. позднелатенскую конструкцию (или схему). Их прототипы находят среди застежек латенизированных культур Средней Европы. В Восточной Европе подобные фибулы встречаются в лесостепном и лесном Поднепровье (преимущественно, на памятниках классической зарубинецкой культуры и на поселениях позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта), в Причерноморье. На территории зарубинецкой культуры такие фибулы относятся к типу 3 вариантам Н или П по модифицированной классификации Ю.В. Кухаренко. Отличает их друг от друга форма приемника, соответственно, рамчатого или сплошного (Обломский, 1983. С. 106, 107. Рис. 3), который у фибулы из Ксизово утрачен. А.К. Амброз включил фибулы с рамчатым приемником в группу 3 подгруппу 2, а со сплошным – в группу 4 подгруппу 2 (Амброз, 1966. С. 22-25). С.П. Пачкова, классифицируя фибулы зарубинецкой культуры, пользуется центральноевропейской терминологией Ю. Костшевского (фибулы групп М с рамчатым приемником и N со сплошным), выделяя в каждой из них по несколько типов. Прогнутый проволочный корпус имеют экземпляры типов М1б, N1б, N1в (Пачкова, 2006. С. 84, 85. Рис. 30).

На памятниках классической зарубинецкой культуры фибулы вариантов Н и П по Ю.В. Кухаренко распространяются на третьей (завершающей) фазе Чаплинского могильника, которая по аналогиям с пшеворской культурой и корректировками по материалам из Поднепровья датируется второй половиной I в. до н.э. – серединой I в.н.э. (Обломский, 1997. С. 142-145). В Среднем Поднепровье такие фибулы также встречаются на финальных классических зарубинецких памятниках. В позднезарубинецкий период, который начинается около середины – третьей четверти I в. н.э., одночленные проволочные фибулы позднелатенской схемы с прогнутым корпусом встречаются на памятниках типа Лютежа и Среднем Поднепровье и типа Почепа в Подесенье (Поднезарубинецкие памятники… 2010. С. 36,37,48,49).

С.П. Пачкова относит зарубинецкие фибулы групп М и N к третьему периоду зарубинецкой культуры, который она синхронизирует с латеном D2-D3 (60 – 50 гг. до н.э.– начало – середина I в.н.э.) (Пачкова, 2006. С. 109, 129), т.е. датирует одночленные фибулы с прогнутым корпусом фактически так же, как и я.

В.В. Кропотов в Северном Причерноморье датирует одночленные фибулы позднелатенской схемы со сплошным приемником (группа 3 по его классификации) концом I в. до н.э. – серединой I в.н.э. (Кропотов, 2010. С. 61).

Насколько мне известно, кроме застежки из Ксизово-17Б, железная фибула, вероятнее всего, также позднелатенской схемы в Верхнем Подонье найдена на городище у с. Мухино (Целыковский, 2012. С. 15). На территории Днепровского Левобережья обломок железной фибулы такой же схемы со сплошной ножкой вместе с материалами, типологически близкими к верхнедонским раннеримского времени, происходит из Битицкого городища в Сумской области (фонды Сумского областного краеведческого музея).

Обломок бронзовой раннеримской фибулы типа «Авцисса» (Рис. 3, *20*) найден на поселении Ксизово-17Б. Подобные фибулы появились в последние два десятилетия I в. до н.э., в основном, распространены в первой половине I в. н.э., но известны и позже, вплоть до начала II в.н.э. (Поздзарубинецкие памятники…, 2010. С. 26). В Верхнем Подонье аналогичные фибулы без надписей встречены в сарматском кургане 11 Второго Чертовицкого могильника (Медведев, 1990. С. 87), на городищах Третье Чертовицкое, Паженьское, Верхнее Казачье (Пряхин, Разуваев, 1991. Рис. 2, *9*; Медведев, 2008. Рис. 61, *5*; Разуваев, Козмирчук, 2016. Рис. 5), в месте сражения Нижнее Казачье-5 (Обломский, 2010. Рис. 6, *1*).

На поселении Ксизово-8 найдена застежка этого типа с надписью «Avcissa». Она подвергалась ремонту: шарнирный аппарат для застегивания заменен железной пружиной (Рис. 3, *22*).

Одночленная бронзовая лучковая подвязная фибула (Рис. 16, *14*) происходит из культурного слоя поселения Ксизово-19. Аналогичные изделия относятся к серии 1 варианту 1 по А.К. Амброзу. А.К. Амброз датировал их I в. н.э., возможно, первой его половиной (Амброз, 1966. С. 48). В.В. Кропотов относит такие фибулы ко второму варианту серии I и датирует их, в основном, серединой I в. - рубежом I/II вв. (Кропотов, 2010. С. 72-74).

В лесостепном Подонье такие фибулы встречаются в сарматских погребениях (Медведев, 2008. С. 23,42). Известны они и на поселениях раннеримского периода (Обломский, 2017. Рис. 20, *24*).

Обломок спинки бронзовой фибулы с рифленой поверхностью (Рис. 16, *16*) из Ксизово-19 слишком мал для точного типологического определения. В наибольшей степени он соответствует фибулам группы 12 (пружинные с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника), варианту 3 по А.К. Амброзу, которые А.К. Амброз датирует концом I – первой половиной II в. (Амброз, 1966. С. 43. Табл. 5, *7*). В.В. Кропотов относит такие фибулы к группе 9, варианту 1 и датирует их второй половиной I – началом II в. (Кропотов, 2010. С. 212-213. Рис. 59, *2,8*).

Предметы вооружения и конского снаряжения.

Удила из Ксизово-19 снабжены прямыми псалиями с двумя отверстиями и лопатковидными концами (Рис. 16, *1*). Широко распространены территориально и хронологически. На Северном Кавказе они входят в раннюю группу древностей сарматской эпохи (III – I вв. до н.э.) (Абрамова, 1993. С. 78. Рис. 25, *10*) Подобные псалии известны и в Прикубанье, где они характерны для первых вв. н.э. (Гущина, Засецкая, 1994. С. 11. Табл. 14, *136*; 40, *368*).

В Верхнем Подонье они найдены в т.н. странных комплексах: Антиповском кладе и Усманском кургане (Медведев, 2008. Рис. 9, *6,7*; 10, *21*). Первый из этих комплексов А.П. Медведев датирует концом II – первой половиной I в. до н.э. Хронологию второго он специально не рассматривает, но отмечает, что находки из Усманского кургана должны относиться к тому же горизонту, что и прочие «странные комплексы», т.е., в основном, к I в. до н.э. (Медведев, 2008. С. 19,20)[2].

В Ксизово-19 найдены **две большие плоские бусины** из мрамора или мраморовидного минерала (Рис. 7, *19*; 12, *26*). Первая из них происходит из культурного слоя, вторая – из объекта 1 раскопа 6 2010 г. вместе с выразительным набором керамики раннеримского периода.

Подобные изделия использовались как навершия мечей, рукоятка которых представляла собой длинный черешок-штырь либо как деталь для крепления портупей для ношения таких мечей. Эти крупные бусины изготавливались из различных поделочных и полудрагоценных камней, стекла, кости, глины (Хазанов, 1971. С. 16; Безуглов, 2000. С. 172; Симоненко, 2009. С. 48). Наличие среди них изделий из мрамора отмечено С.И. Безугловым (Безуглов, 2000. С. 178). А.М. Хазанов указывал, что длинные мечи без металлического навершия появились еще в прохоровский период, но широкое распространение получили со II в. н.э. и использовались по эпоху Великого переселения народов включительно (Хазанов, 1971. С. 19-22). По С.И. Безуглову у донских сарматов они появились во II – I вв. до н.э. (Безуглов, 2000. С. 174).

[2] Благодарю А.П. Медведева и Ю.Д. Разуваева за консультацию по этому вопросу.

В Верхнем Подонье самые ранние мечи без металлического навершия на рукояти происходят из Первого Чертовицкого могильника (Медведев, 2008. С. 41. Рис. 45, *8,9*), который А.П. Медведев датирует I – началом II в.н.э. (Медведев, 1990. С. 62, 63). В сочетании с крупными каменными бусинами они найдены в Вязовском могильнике (курганы 15 и 33) (Медведев, 2008. Рис. 75, *3,4*), который по А.П. Медведеву относится к первыми десятилетиями II – середине III в. (Медведев, 1990. С. 166-167).

Железные наконечники стрел найдены на поселении Кизово-19 (11 экз.) (Рис. 7, *20*; 16, *2-11*). Все они – черешковые, трехлопастные, с треугольными лопастями. Стрелы с такими наконечниками типичны для сарматского вооружения. Десять из них относятся к типу 2 по А.В. Симоненко (с лопастями, срезанными под прямым углом), а один – к типу 3 (с лопастями, срезанными под тупым углом – рис. 16, *5*) (Симоненко, 2009. С. 98).

Наконечники стрел таких форм типичны для средне- и позднесарматской эпохи. В Верхнем Подонье они неоднократно встречены в сарматских могильниках (Медведев, 2008. С. 25,27,30,41,87; Разуваев, 2006. Рис. 3, *4*), на памятниках оседлого населения (Разуваев, Бирюков, 1996, Рис. 2, *1*; Разуваев, Козмирчук, 2016. Рис. 24; Обломский, Масленников, 2017. Рис. 4, *8,9*; Медведев, 1990. Рис. 48, *15*; 2008. Рис. 63, *1*; Целыковский, 2012. С. 15; Бирюков, Разуваев, 2009. Рис. 8, *2-4*). Восемнадцать подобных наконечников стрел и два их фрагмента происходят из местонахождения Нижнее Казачье-5, которое было интерпретировано, как поле сражения (Обломский, 2010. С. 23. Рис. 3).

Детали поясной гарнитуры.

Железная подпрямоугольная пряжка с прогнутыми сторонами (Рис. 16, *12*) происходит из Ксизово-19. Язычок утрачен. Подобные изделия получили название гитаровидных. В Восточной Европе пряжки таких форм встречаются как в римское время, так и в средневековье. Вопрос о разделении их по хронологии был поставлен М.Б. Щукиным и Т.А. Щербаковой. Пряжки римского периода, которые эти исследователи, в основном, датируют фазами В1-В2, т.е. I – второй третью II в. в целом, более узкие и длинные, чем средневековые, хотя сам по себе этот признак и не является абсолютным (Щукин, Щербакова, 1986. С. 185-186).

В Верхнем Подонье аналогичная железная пряжка найдена на поле сражения в Нижнем Казачьем-5, массив материала из которого датируется I-II вв. (Обломский, 2010 Рис. 5, *5*. С. 34).

Округлые железные пряжки из Ксизово-17Б и 19 (Рис. 3, *18*; 16, *13*) имеют широкий круг аналогий. К сарматскому периоду они отнесены условно по форме прямого со слабым прогибом язычка.

Фаянсовая бусина

Происходит из культурного слоя Ксизово-17Б, по заключению О.С. Румянцевой точных аналогий не имеет. Тем не менее, принадлежность ее к горизонту раннеримского времени весьма вероятна (Острая Лука… 2015. С. 255).

Кроме перечисленных вещей, к раннеримскому периоду относятся железные пластина (Рис. 12, *27*), обломок ножа и игла (Рис. 13, *10, 12*), фрагмент каменного грузила с отверстием (Рис. 13, *13*), поскольку эти предметы происходят из объектов раннеримского периода.

Судя по насыщенности культурного слоя керамикой, основным участком заселения в раннеримское время было селище Ксизово-19. Найденные здесь фибулы и некоторые предметы вооружения, а также удила показывают, что дата его возникновения относится ко времени не позднее первой половины I в. до н.э. (по фибуле

среднелатенской схемы). Не исключено, что поселение продолжало существовать до II в. н.э., т.е. до начала массового распространения мечей без металлического навершия, в «комплект» с которыми входили крупные каменные бусины. Даты всех прочих фибул, а также удил из Ксизово-19 этому хронологическому диапазону не противоречат.

Культурный слой Ксизово-17 слабо насыщен материалом, а объектов раннеримского времени на значительной раскопанной площади здесь обнаружено всего 3. Заселение этого участка памятника, по всей видимости, было относительно кратковременным. Хронологические рамки происходящих отсюда фибул (позднелатенской схемы и типа Авцисса) суммарно соответствуют периоду около конца I в. до н.э. – рубежа н.э. – начала I в.н.э.

Вопрос культурной принадлежности памятника

По набору керамики поселения раннеримского периода у с. Ксизово для Верхнего Подонья не уникальны. Наиболее многочисленная коллекция аналогичных найденным в Ксизово лепных сосудов с шероховатой и лощеной поверхностью, а также гончарной сероглиняной посуды происходит с Третьего Чертовицкого и Ишутинского городищ (Медведев, 1998. С. 42-50; 2000; Разуваев, 1998). Раскопками также исследованы еще несколько городищ и селищ с материалами этого круга (из опубликованных – городища Сырское, Паженьское, Малый Липяг, Липецкое, Подгоренское, Вертячье, Животинное, Пекшево; селища У пионерлагеря Солнечный-2, Студеновка-3, Пады-4, Замятино-14; Курино-1, Ярок-9, Каменка; Чертовицкое-6) (Бирюков, 1996. С. 62-66; 1998; 2001; 2003; Пряхин, Разуваев, 1991; Козмирчук, Разуваев, 2001. С. 75, 76; Бирюков, Бессуднов, 2006; Обломский, 2017; Медведев, 1990. С. 174; 1996; 2008. С. 77; Разуваев, Бирюков, 1996; Бирюков, Разуваев, 2009. С. 142-143; Бирюков, Голотвин, 2009. С. 164)

Все эти памятники относятся к единой культурной группе, идея о выделении которой в качестве особого археологического явления принадлежит А.П. Медведеву и И.Е. Бирюкову (Медведев, 1990. С. 193, 194; Бирюков, 1999). Городища и селища этой группы распространены в лесостепном Подонье приблизительно от г. Данкова Липецкой обл. на севере до устья р. Воронеж на юге, а также в среднем и нижнем течении рек Красивая Меча, Быстрая Сосна, Снова и Воронеж вплоть до верховьев (см. карты И.Е. Бирюкова, А.П. Медведева и опубликованную мною) (Медведев, 2000. Рис. 1; Бирюков, 2001. Рис. 1,2; 2003. Рис. 1; Обломский, 2017. Рис. 1). Два пункта с подобными материалами известны и на Днепровском лесостепном Левобережье: Ратское городище на Курщине и Битицкое на Сумщине (Енуков, Медведев, 2003; Медведев, 2000. С. 243; Обломский, 2002. С. 14). А.П. Медведев расценивает эти памятники, как поселения потомков автохтонного населения лесостепной скифоидной культуры Подонья (Медведев, 2000. С. 242, 243). И.Е. Бирюков считает, что они относятся к особой «постскифской» волне заселения обширного региона от Днепровского Левобережья до Среднего Поволжья (Бирюков, 2009). По моему мнению, верхнедонские городища и селища представляют собой особую группу позднескифской археологической культуры. Эту группу я предложил называть «памятниками типа Ишутино», чтобы избежать столь обычного в скифо-сарматской археологии этнического ярлыка (Обломский, 2006; 2017. С. 323).

Верхнедонские поселения, близкие по набору керамики к Ишутинскому и горизонту раннеримского периода Третьего Чертовицкого городища, обычно датируют I – II вв.н.э. А.П. Медведев по амфорному материалу из Третьего Чертовицкого показал, что возможность более раннего появления древностей этого типа, еще до нашей

эры, даже в III – II вв. до н.э., вполне допустима (Медведев, 2000. С. 238). Фибула среднелатенской схемы из Ксизово-19 подтверждает это наблюдение.

Ранее уже отмечались факты симбиоза оседлого верхнедонского населения раннеримского времени с кочевниками-сарматами (Медведев, 2000. С. 242, 243, Бирюков, 1999. С. 112). Материалы из Ксизово также демонстрируют сарматское влияние на памятники типа Ишутино. Сарматское происхождение имеют удила, наконечники стрел и крупные каменные бусины от мечей из Ксизово-19. Здесь же найден и обломок верхней части лепного горшка сарматской традиции.

К сожалению, все приведенные выше наблюдения о характере, датировке памятников оседлого верхнедонского населения раннеримского времени и о его культурных связях высказывались время от времени и лишь в отдельных статьях, что оставляет множество пробелов в изучении этих материалов. Необходимо специальное монографическое исследование древностей этого круга – в жанре свода археологических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в.н.э.). М., 1993

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э.– IV в. н.э.) // САИ, Д1-30. М., 1966

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) //Сарматы и их соседи на Дону. Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону. 2000

Бирюков И.Е. Материалы раннего железного века с поселения Курино-1 на р. Воронеж. //Археологические памятники лесостепного Придонья. Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 1996

Бирюков И.Е. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье. //Древности Волго-Донских степей. 6. Волгоград, 1998

Бирюков И.Е. Поселения первых вв. н.э. на Верхнем Дону. //Археология Центрального черноземья и сопредельных территорий. Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 1999

Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые вв. н.э. //Верхнедонской археологический сборник, вып. 2. Липецк, 2001

Бирюков И.Е. Северо-западная часть бассейна Верхнего Дона в первые вв.н.э. //Куликово Поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2003

Бирюков И.Е. Постскифская волна от Дона до Волги (сравнительный анализ поселений Подонья и Поволжья первых вв.н.э.) //Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. Ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2009

Бирюков И.Е., Бессуднов А.Н. Поселение сарматского времени в районе Острой Луки Дона //Археологические памятники Восточной Европы, 12. Воронеж, 2006

Бирюков И.Е., Голотвин А.Н. Поселение Чертовицкое-6 на р. Воронеж (бассейн Верхнего Дона) //Верхнедонской археологический сборник, 4. Липецк

Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д. Поселение скифо-сарматского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник, 4. Липецк

Григорьев А.В., Обломский А.М. Материалы боршевской культуры поселения Ксизово-17 //Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи. Ред. А.З. Винников. Воронеж, 2008

Гущина И.И. Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб, 1994.

Енуков В.В., Медведев А.П. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм //Stratum plus, 4 2001-2002. Кишинев, 2003

Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс.н.э. Ред. А.П. Медведев. Воронеж, 1998

Ивашов М.В., Мельников Е.Н. Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья. //РА, 2009. №2

Козмирчук И.А. Разуваев Ю.Д. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону //Верхнедонской археологический сборник, вып. 2. Липецк, 2001

Козмирчук И.А., Моисеев А.В., Разуваев Ю.Д. Погребения скифского времени на верхнедонском поселении – могильнике Ксизово-16 //Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.

Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья. // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Ред. А.Д. Прях-хин. Воронеж, 1987

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990

Медведев А.П. Подгоренское городище на р. Воронеж. //Археологические памятники лесостепного Придонья. Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 1996

Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины 1 тыс.н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс.н.э. Ред. А.П. Медведев. Воронеж, 1998

Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах. //Сарматы и их соседи на Дону. Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008

Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника //СА, 1980. №3

Обломский А.М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА, 1983. №1

Обломский А.М. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника. //Стратум + Петербургский археологический вестник. Ред. В.Ю. Зуев и др. СПб-Кишинев. 1997

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.) (Раннеславянский мир, 5). М., 2002

Обломский А.М. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Ред. В.В. Мурашова. М., 2006

Обломский А.М. Материалы позднеримского времени поселения Ксизово-17 Задонского р-на Липецкой обл. //Vita antiqua, 7-8. Киев, 2009

Обломский А.М. Новые памятники первых веков нашей эры в Верхнем Подонье // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Ред. О.Б. Супруненко. Київ-Полтава, 2010

Обломский А.М. Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж //De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный, И.Н. Ершов. М.-Смоленск, 2017

Обломский А.М., Масленников К.И. Раскопки поселения Стаево-5 в Мичуринском р-не //Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Ред. Н.Е. Чалых. Липецк, Воронеж, 2017

Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. Материалы скифского времени с верхнедонского поселения Ксизово 17 // Археологические памятники Восточной Европы. 13. Воронеж, 2009

Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА, 2013. Вып.231

Пачкова С.П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Восточной Европы. Киев, 2006

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II в.н.э.). (Раннеславянский мир, 12). Ред. А.М. Обломский. М., 2010

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Исследования Паженьского городища. // Елец и его округа (археологические исследования 1991 г.). Воронеж, 1991

Разуваев Ю.Д. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс.н.э. Ред. А.П. Медведев. Воронеж, 1998

Разуваев Ю.Д. Сарматские курганы в урочище «Белая Гора» севернее Воронежа //Археологические памятники Восточной Европы, 12. Воронеж, 2006

Разуваев Ю.Д. Ксизовский комплекс памятников скифского времени на Острой Луке Дона. //Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Международной научной конференции 28-29 октября 2010 г. Харьков, 2010

Разуваев Ю.Д. Первые данные об укрепленных поселениях конца I тыс. до н.э. в лесостепном Подонье (по материалам Ксизовского городища) // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Ред. В.Д. Березуцкий (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского, 1). Воронеж, 2011

Разуваев Ю.Д., Бирюков И.Е. Городище первых вв. н.э. у с. Вертячье. // Археологические памятники лесостепного Придонья. Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 1996

Разуваев Ю.Д., Козмирчук И.А. Раскопки городищ в Верхнем Подонье // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2015. Ред. Н.Е. Чалых. Липецк, 2016

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПБ, 2009

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые вв. н.э. Саратов, 1984

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971

Целыковский М.В. Разведочные работы Елецкого университета // Археологические открытия 2011 г. в Липецкой обл. Ред. А.А. Найденов, Н.Е. Чалых. Липецк, 2012

Щукин М.Б., Щербакова Т.А. К хронологии могильника Данчены.// Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III – IV вв. н.э. Кишинев, 1986

Таблица 1.
Хозяйственные ямы поселений Ксизово-17 и 19

№	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/по дну (в м)	Глубина в м	Заполнение	Находки	Примечания
1 раскопа 4 2005 г. Ксизово-17А	Овальная	1,2 х 0,96/ 1,12 х 0,88	0,52-0,56	Верхняя часть - чернозем толщиной до 30 см. Ниже - серый гумусированный суглинок	Лепная керамика городецкой культуры и первых вв.н.э. (рис. 2: 1)	В северо-западной части - скопление костей животных, которое занимало пространство 0,16 х 0,44 м
22 раскопа 3 2008 г. Ксизово-17А	Круглая	диаметр 1,0-1,13/ 0,95-1,05	0,4-0,43	Черный гумус	Фрагменты сосудов эпохи бронзы, городецкой культуры, сероглиняного гончарного сосуда, лепная керамика первых вв.н.э. (рис. 2: 3), раковины улиток	В придонной части - скопление золы мощностью до 0,05 м и необработанных камней
12 раскопа 6 2010 г. Ксизово-19	Овальная	1,22 х 1,4/1,2 х 1,2	0,26-0,43	Чернозем	Кости животных, груболепная керамика (рис. 12: 17)	Частично перекрыта погребением 62 гуннского времени. В верхней части находилось пятно серой глины толщиной около 0,1 м и размерами 0,6 х 0,62 м
18 раскопа 6 2010 г. Ксизово-19	Овальная	1,08 м х 1,2	0,37-0,44	Верхняя часть - светло-серый золистый суглинок толщиной до 20 см. Ниже - темно-серый суглинок.	Кости животных, отдельные кости человека, черепки эпохи бронзы, лепная керамика первых вв.н.э. (рис. 13: 1,2)	
30 раскопа 6 2010 г. Ксизово-19	Круглая	1,3-1,32/ 1,25-1,2	0,43-0,44	Верхняя часть - чернозем толщиной до 25 см, нижняя - слой золы.	Верхний слой - кости животных, лепная керамика, нижний – лепная керамика, пряслице, железная игла (рис. 13: 3-5,11,12)	Перекрывает край погребения 83

31 раскопа 6 2010 г. Ксизово-19	Округлая	1,46 х 1,5/1,3 х 1,4	0,61-0,67	В верхней части - чернозем толщиной до 10 см, ниже - черный гумус с отдельными угольками и примесью золы (до 40 см), Ниже до дна - серый гумусированный суглинок.	Кости животных, лепная керамика, фрагмент железного ножа, обломок каменного грузила (рис. 13: 6-10, 13).	
32 раскопа 6 2010 г. Ксизово-19	Овальная?	1,7 х 1,25/1,5 х 1,15	0,22-0,31	Чернозем	Кости животных, лепная керамика	Частично выходит за пределы раскопа
3 раскопа 10 2010 г. Ксизово-19	Овальная	2 х 1,3-1,4	0,4-0,45	Чернозем	Кости животных, груболепная, лепная подлощенная и гончарная сероглиняная керамика (рис. 14: 1,4)	Перекрывает юго-восточный край погребения 72 катакомбной культуры эпохи бронзы

THE FIRST CENTURIES AD MATERIALS
OF THE SETTLEMENTS KSIZOVO-17 AND 19.

A.M. Oblomsky

The early Roman period materials from settlements Ksizovo-17 and 19 (Zadonsk district of Lipetsk region) are published in the article. On these archaeological sites the remains of this period constructions (a laying of stones, semi-pit dwelling, household pits) were discovered. There were an expressive set of hand-made ceramics (with rough and polished surface), fragments of wheel-made vessels from grey clay, spindle whorls and other household things, adornments and metal details of belts (fibulae, buckles, a bead from the Egyptian faience), details of armament and equipment of a fighting horse (a bit, tips of arrows, the marble pommels of swords). These artifacts were found in the Roman period constructions, later objects, cultural layer. The settlement Ksizovo-17 is dated about the end of the 1st century BC – the beginnings of the 1st century AD. Ksizovo-19 has arisen no later than the first half of the 1st century BC and existed till the 2nd century AD inclusive. Both settlements belong to Ishutino type of sites which represent special group of late Scythian archaeological culture in the Upper Don region.

Keywords: Early Roman period, the Upper Don region, Ksizovo, late Scythian archaeological culture

Подписи к рисункам

Рис. 1. Поселение Ксизово-17 с обозначением объектов раннеримского времени.

1 – кладка камней на раскопе 3 2005 г.; 2 – яма 1 раскопа 4 2005 г.; 3 – яма 22 раскопа 3 2008 г.

Рис. 2. Ксизово-17А, материалы раннеримского времени.

1-12 – груболепная керамика (1,4 – с мелким шамотом и дресвой в керамическом тесте; 2,11,12 – с дресвой в тесте; 3,5-10 – с мелким шамотом) ; 13 – фрагмент лепной миски с подлощенной поверхностью; 14 – обломок горла сероглиняного гончарного кувшина с шероховатой поверхностью; 15-16 – глиняные пряслица из черепков лепных сосудов; 17 – кладка камней на раскопе 3 2005 г.

1 – раскоп 4 2005 г., яма 1; 2,9,10,13 – раскоп 5 2007 г.; 3 – раскоп 3 2008 г., яма 22; 4-8,16 – раскоп 3 2005 г., культурный слой; 11 – раскоп 3 2007 г., яма 14; 12 – раскоп 3 2007 г., культурный слой; 14,15 - кладка камней на раскопе 3 2005 г. (рис. А.М. Обломского).

Рис. 3. Ксизово-17Б (1-21), Ксизово-8 (22).

1-10 – груболепная керамика (1,3,6,9,10 – с мелким шамотом в тесте; 2,4,5 – с дресвой в тесте); 11-16 – лепная лощеная керамика; 17 – фрагмент гончарной сероглиняной миски с шероховатой поверхностью; 18 - железная пряжка; 19 – железная фибула; 20,22 – бронзовые фибулы; 21 – фаянсовая бусина;

1,3,6-10,17,18,20,21 – раскоп 2, 2006, культурный слой; 2,11-16 – раскоп 1, 2007, культурный слой; 4,5 – раскоп 2 2008 г., культурный слой; 19 – раскоп 2 2005 г. (4,5 - рис. Ю.Д. Разуваева; 19 – рис. И.О. Гавритухина; остальные – рис. А.М. Обломского).

Рис. 4. Ксизово-19, общий план памятника с обозначением объектов раннеримского времени. А – план памятника; Б – раскопы 1,3,5,6; В – раскоп 10.

Рис. 5. Ксизово-19, 2004, раскоп 1, ямы 18 и 19, план, профили.

Рис. 6. Ксизово-19, 2004, раскоп 1, скопление 17, лепная керамика.

1-3,5-7 – с шероховатой поверхностью и примесью дресвы в керамическом тесте; 4 – фрагменты лощеного сосуда (рис. А.М. Обломского).

Рис. 7. Ксизово-19, 2003-2004, материалы из культурного слоя и объектов.

1-18 – груболепная керамика (1 – с мелким шамотом и песком в керамическом тесте; 2,5,8-14,16 – с дресвой; 3,4 – с мелким шамотом и дресвой; 6,15,17,18 – с мелким шамотом; 7 – без выраженных примесей); 19 – навершие рукояти меча из мрамора; 20 – железный наконечник стрелы;

1 – раскоп 2 2003 г., постройка 1; 2 – раскоп 1 2003 г., яма 21; 3,4 – раскоп 1, 2003, яма 11; 5 – раскоп 1, 2003, яма 9; 6 – раскоп 1, 2003, «очаг 1»; 7 – раскоп 1, 2003, «постройка 1»; 8,10,11,13,14-20 – раскоп 1 2004, культурный слой; 9 – раскоп 1, 2004, яма 19; 12 – раскоп 1 2004, яма 18 (рис. А.М. Обломского).

Рис. 8. Ксизово-19. Раскопки 2008-2009 гг. Лепная керамика из культурного слоя и более поздних объектов.

1-20 – груболепная (1,2 – с мелким шамотом в керамическом тесте; 3-19 – с дресвой; 4 – с мелким шамотом и дресвой); 21 – фрагмент лощеной миски;

1 – раскоп 7 2008 г.; 2 – раскоп 4 2008 г.; 3 – объект 1 раскопа 7 2008 г.; 4 – раскоп 7 2009 г.; 5 – 21 - раскоп 6 2009 г. (рис. А.М. Обломского).

Рис. 9. Ксизово-19, Раскопки 2009 г. Лепная керамика из культурного слоя раскопа 6.

1-3,5, 7-9 – с шероховатой поверхностью (1 – с мелким шамотом и известняком в тесте; 2 – с мелким шамотом в тесте; 3 – с дресвой и железной рудой; 4 – без выраженных примесей; 5,7-9 – с дресвой); 4 – с заглаженной поверхностью; 6 – с подлощенной поверхностью (рис. А.М. Обломского).

Рис. 10. Ксизово-19, раскоп 6 2010 г. Объект 1, яма 11, погребение 65.

Рис. 11. Ксизово-19, раскоп 6 2010 г. Скопления 19, 22, яма 11. Лепная керамика.

1-3,5,7-10 – с шероховатой поверхностью (1-3,8,10 – с дресвой в керамическом тесте; 5,7,9 – с мелким шамотом в тесте); 4,6 – с подлощенной поверхностью;

1 – скопление 19; 2-6,8 – скопление 22; 7,9,10 – яма 11 (рис. А.М. Обломского).

Рис. 12. Ксизово-19, раскоп 6 2010 г. Ямы 11 и 12, объект 1, материалы.

1 – обломок лепного сосуда с подлощенной поверхностью; 2-15, 17-24 – груболепная керамика (2,4-10,12-15,17-20,22-24 – с дресвой в керамическом тесте; 3,11,21 – с мелким шамотом); 25 – фрагмент лепной лощеной миски; 16 – фрагмент гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью; 26 – мраморное навершие меча; 27 – железная пластина;

1-16 – яма 11; 17 – яма 12; 18-27 – объект 1 (рис. А.М. Обломского).

Рис. 13. Ксизово-19, раскоп 6 2010 г. Ямы 18, 30, 31, материалы.

1-9 – груболепная керамика с примесью дресвы в керамическом тесте; 10,12 – железо; 11 – из черепка лепного сосуда; 13 – камень;

1,2 – яма 18; 3-5,11,12 – яма 30, слой золы; 6,8,9,10,13 – яма 31; 7 – яма 31, черный слой (рис. А.М. Обломского).

Рис. 14. Ксизово-19 2010 г., яма 3 раскопа 10 (1,4), культурный слой раскопа 6 (2,3,5-20). Груболепная керамика.

1,2,4,5-20 – с дресвой в керамическом тесте; 3 – с мелким шамотом и известняком; 6 – с мелким шамотом и дресвой (рис. А.М. Обломского).

Рис. 15. Ксизово-19 2010, керамика из культурного слоя раскопа 6.

1-20 – груболепная (1-5,7,9-13,15,17,19,20 – с дресвой в керамическом тесте; 6,14,16,18 – с мелким шамотом и дресвой; 8 – с мелким шамотом); 21 – фрагмент гончарной сероглиняной миски с шероховатой поверхностью (рис. А.М. Обломского).

Рис. 16. Ксизово-19, 2008-2010, индивидуальные находки из культурного слоя и подъемного материала.

1-13 – железо; 14-16 – бронза; 17 – глина;

1 – шурф 2 2009 г.; 2 – раскоп 4 2008 г.; 3,4,8,12 – раскоп 7 2009 г.; 6,13,14 – раскоп 6 2010 г.; 7 – раскоп 6 2009 г.; 9 – раскоп 9 2009 г.; 5,10,15,17 – раскоп 10 2010 г.; 11 – 2010 г., подъемный материал; 16 – 2009 г., подъемный материал (1,4,7-9 – рис. Ю.Д. Разуваева; 15,16 – рис. И.О. Гавритухина; остальное – фото и рис. А.М. Обломского).

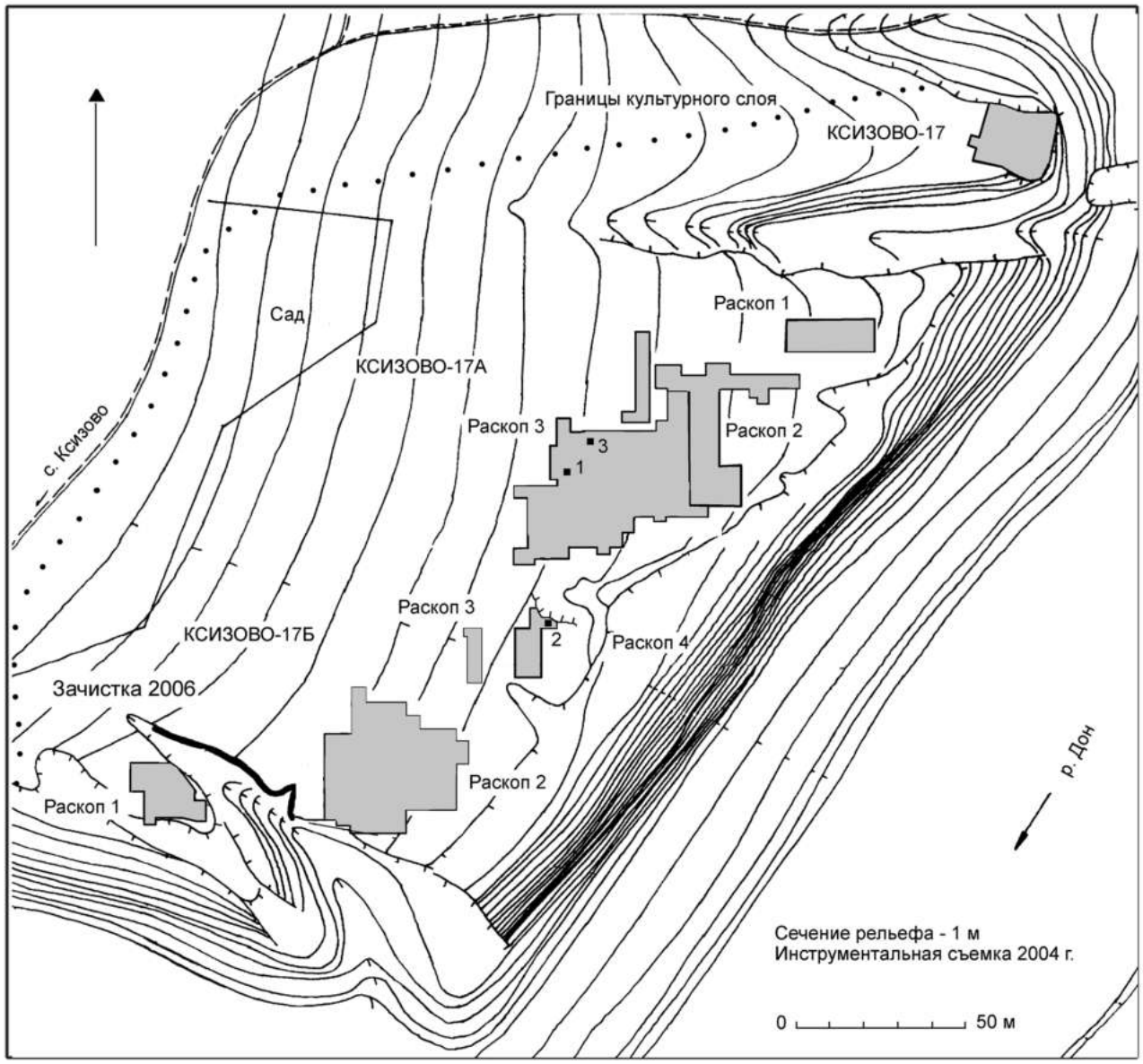

Границы культурного слоя
КСИЗОВО-17
Раскоп 1
Сад
КСИЗОВО-17А
с. Ксизово
Раскоп 3
Раскоп 2
3
1
Раскоп 3
2
Раскоп 4
КСИЗОВО-17Б
Зачистка 2006
Раскоп 2
Раскоп 1
р. Дон
Сечение рельефа - 1 м
Инструментальная съемка 2004 г.
0
50 м

Рис. 1

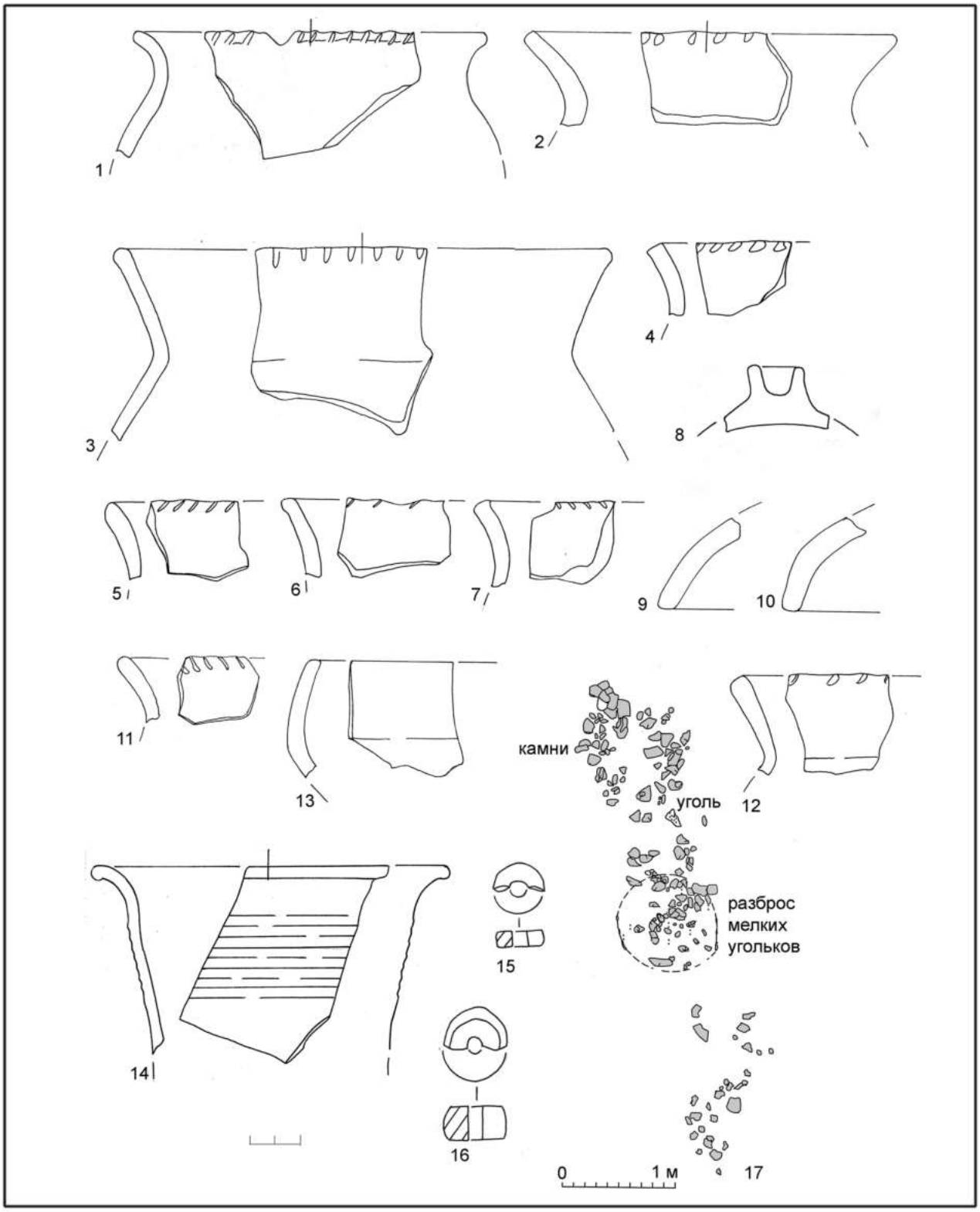

1
2
3
4
8
5
6
7
9
10
11
13
камни
уголь
12
15
разброс
мелких
угольков
14
16
0
1 м
17

Рис. 2

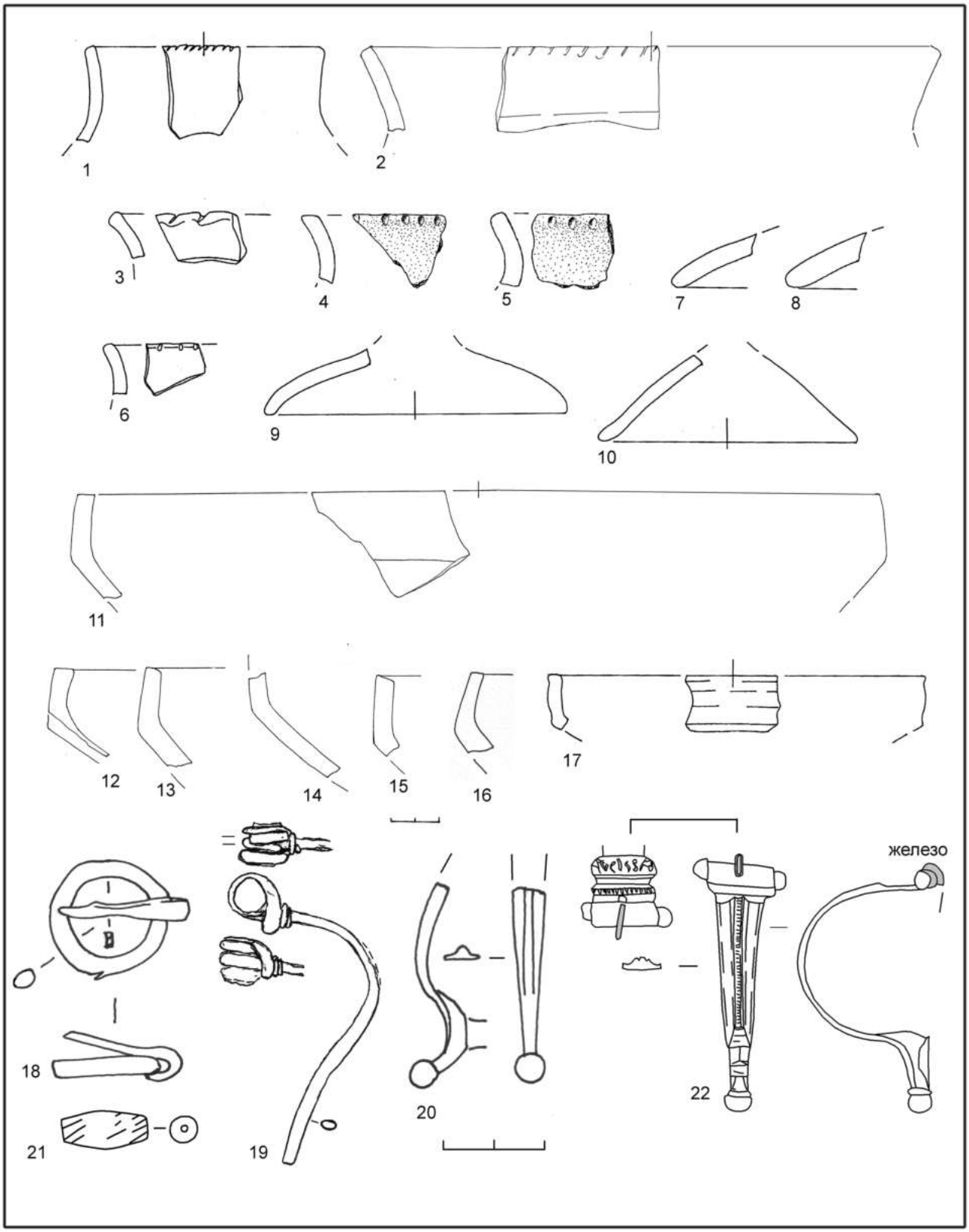


Рис. 3

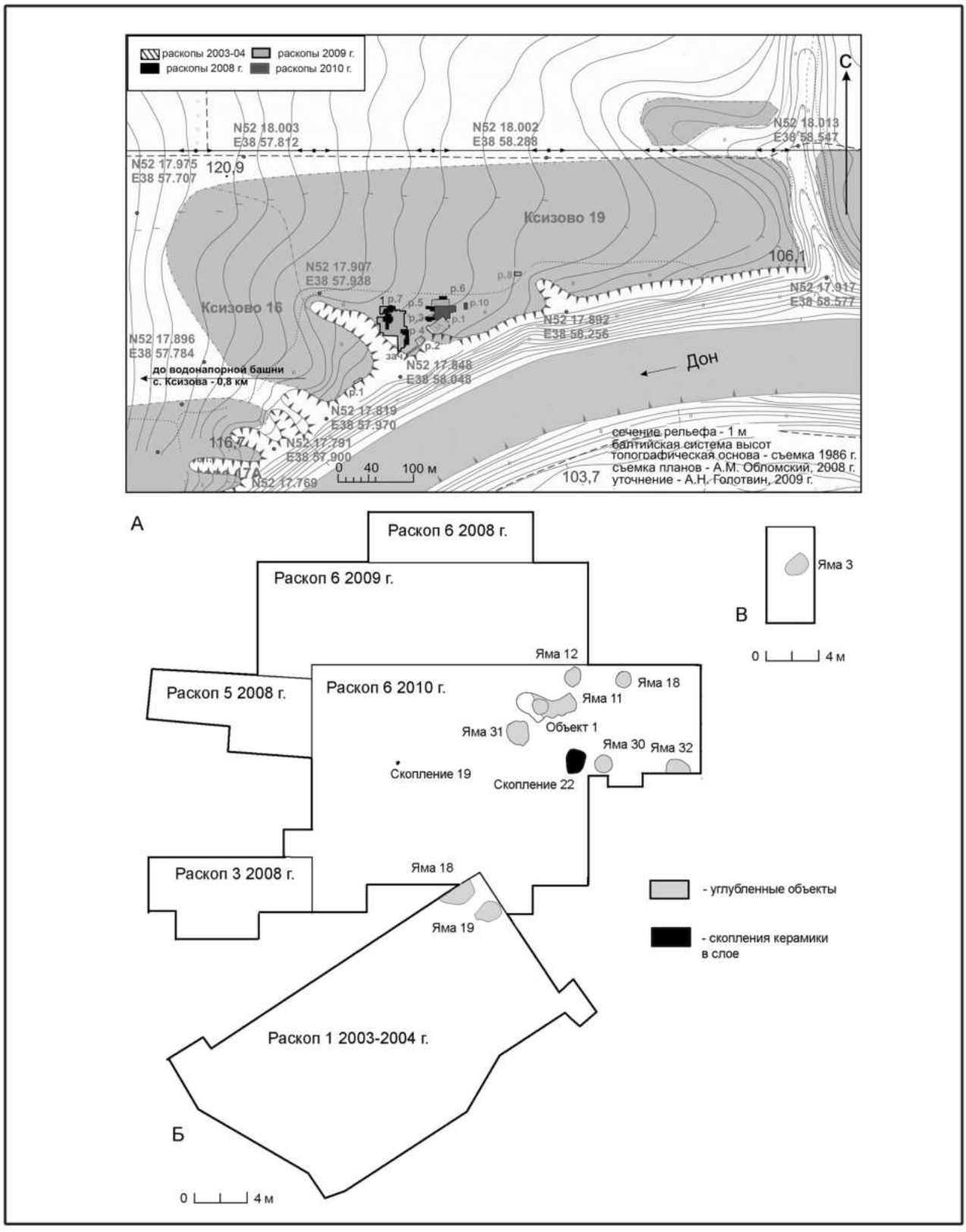

раскопы 2003-04
раскопы 2009 г.
раскопы 2008 г.
раскопы 2010 г.
С
N52 18.003
E38 57.812
N52 18.002
E38 58.288
N52 18.013
E38 58.547
N52 17.975
E38 57.707
120,9
Ксизово 19
106,1
N52 17.907
E38 57.938
Ксизово 16
N52 17.917
E38 58.577
N52 17.896
E38 57.784
до водонапорной башни
с. Ксизова - 0,8 км
N52 17.892
E38 58.256
Дон
N52 17.848
E38 58.048
N52 17.819
E38 57.970
116,7
N52 17.791
E38 57.900
N52 17.769
0 40 100 м
103,7
сечение рельефа - 1 м
балтийская система высот
топографическая основа - съемка 1986 г.
съемка планов - А.М. Обломский, 2008 г.
уточнение - А.Н. Голотвин, 2009 г.
А
Раскоп 6 2008 г.
Раскоп 6 2009 г.
Раскоп 5 2008 г.
Раскоп 6 2010 г.
Раскоп 3 2008 г.
Раскоп 1 2003-2004 г.
Б
Яма 12
Яма 18
Яма 11
Яма 31
Объект 1
Яма 30
Яма 32
Скопление 19
Скопление 22
Яма 18
Яма 19
В
Яма 3
0 4 м
0 4 м
- углубленные объекты
- скопления керамики
в слое

Рис. 4

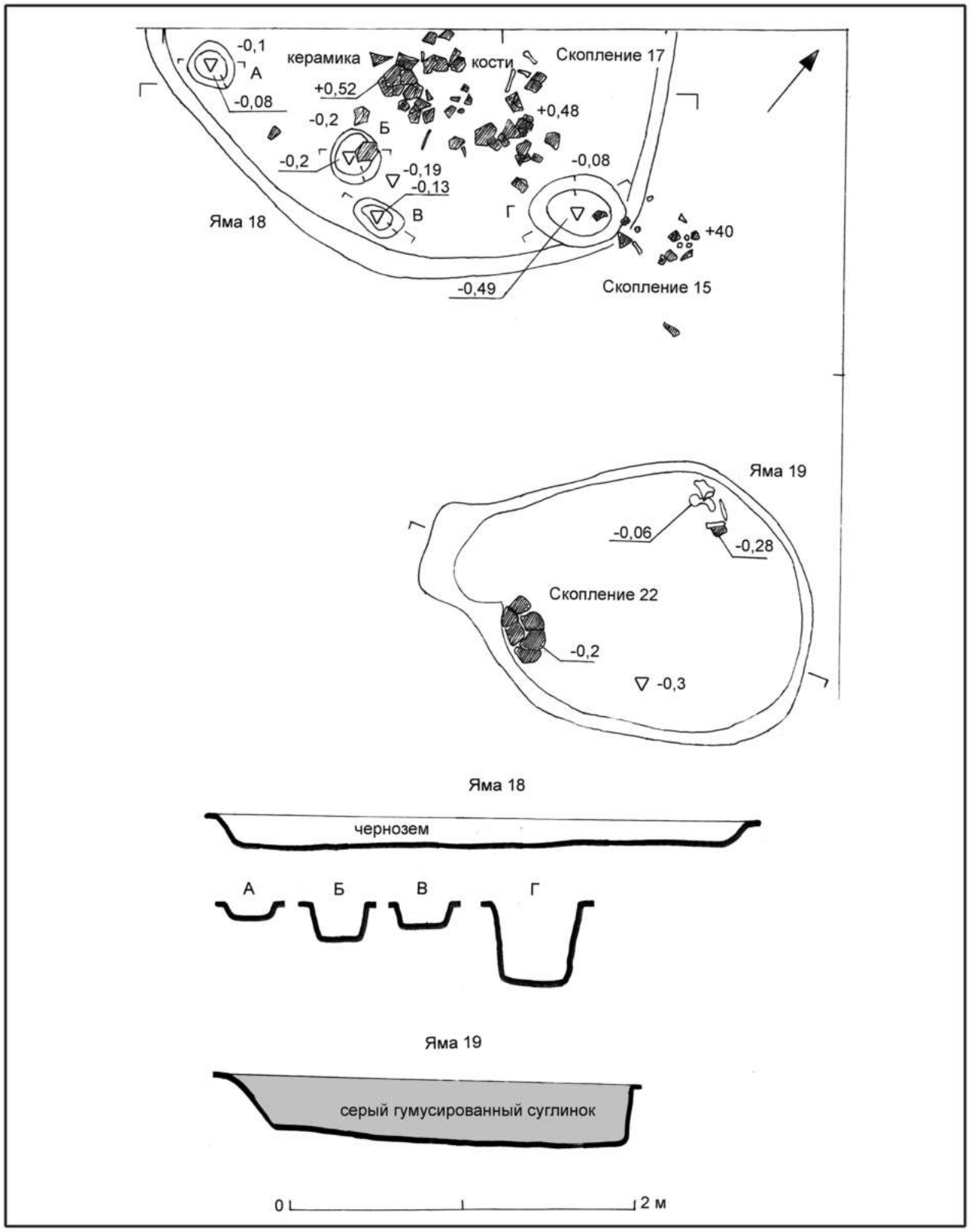

-0,1
А
керамика
кости
Скопление 17
+0,52
-0,08
-0,2
Б
+0,48
-0,2
-0,19
-0,13
-0,08
Яма 18
В
Г
+40
-0,49
Скопление 15
Яма 19
-0,06
-0,28
Скопление 22
-0,2
-0,3
Яма 18
чернозем
А
Б
В
Г
Яма 19
серый гумусированный суглинок
0
2 м

Рис. 5

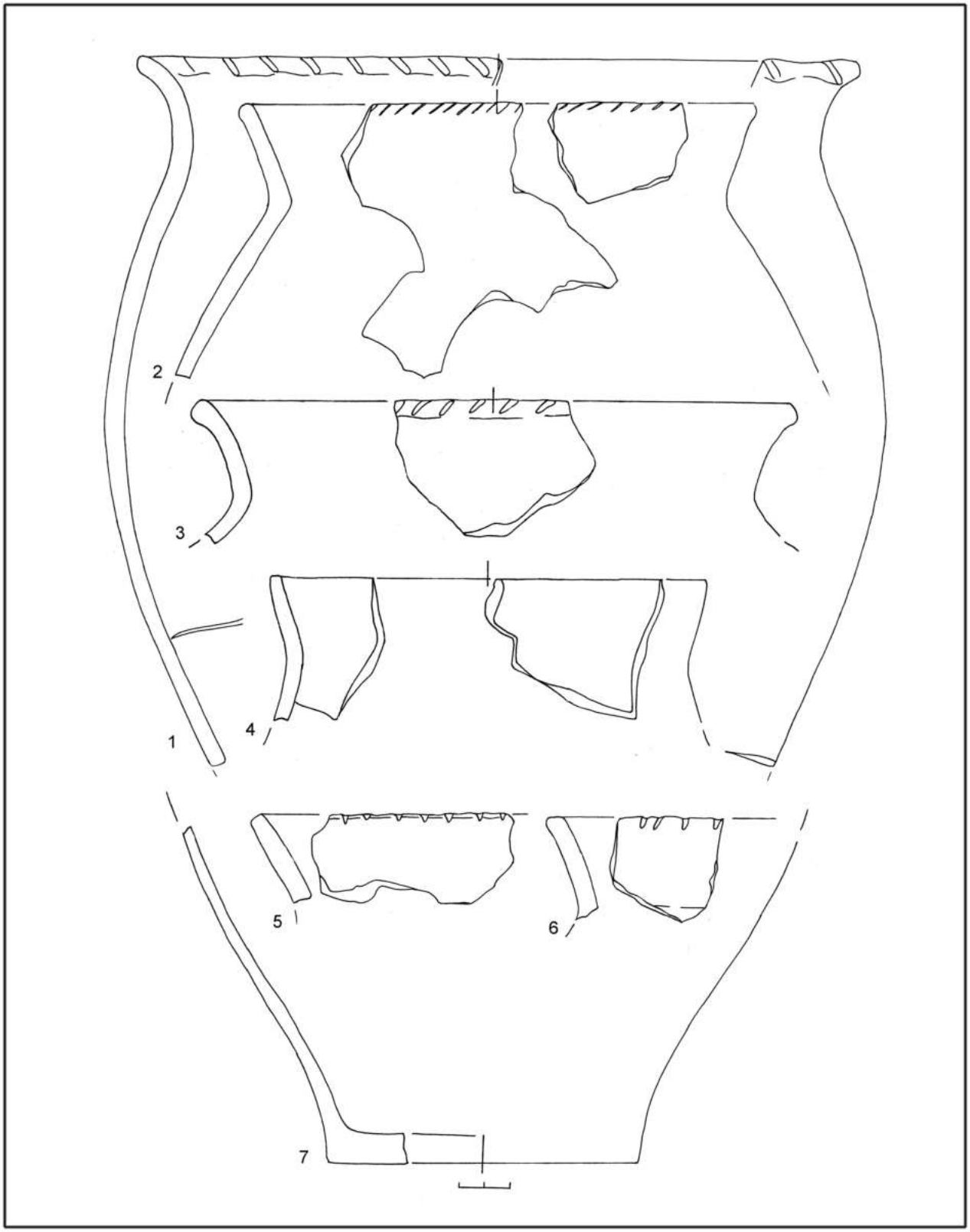


Рис. 6

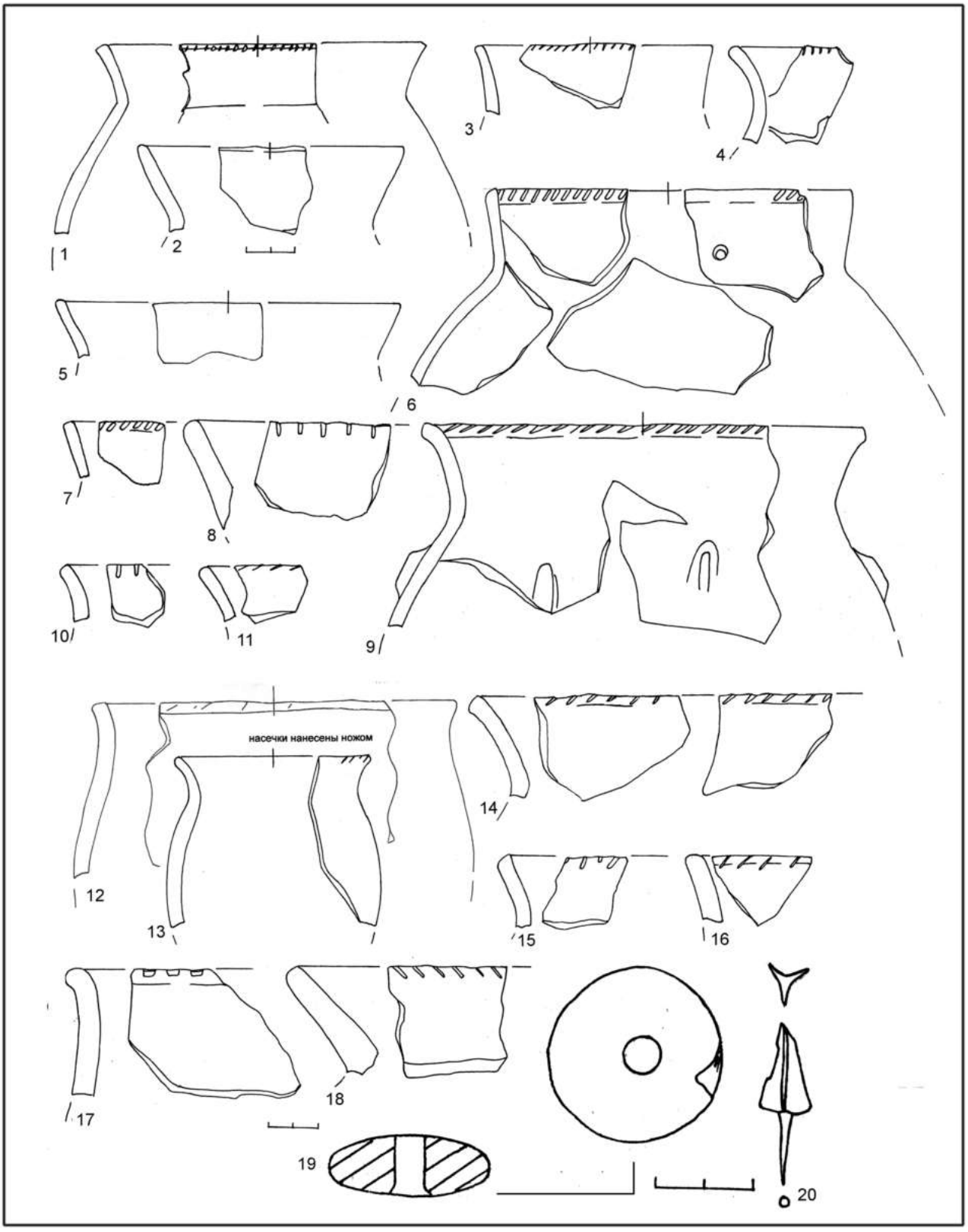

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
насечки нанесены ножом
14
15
16
17
18
19
20

Рис. 7

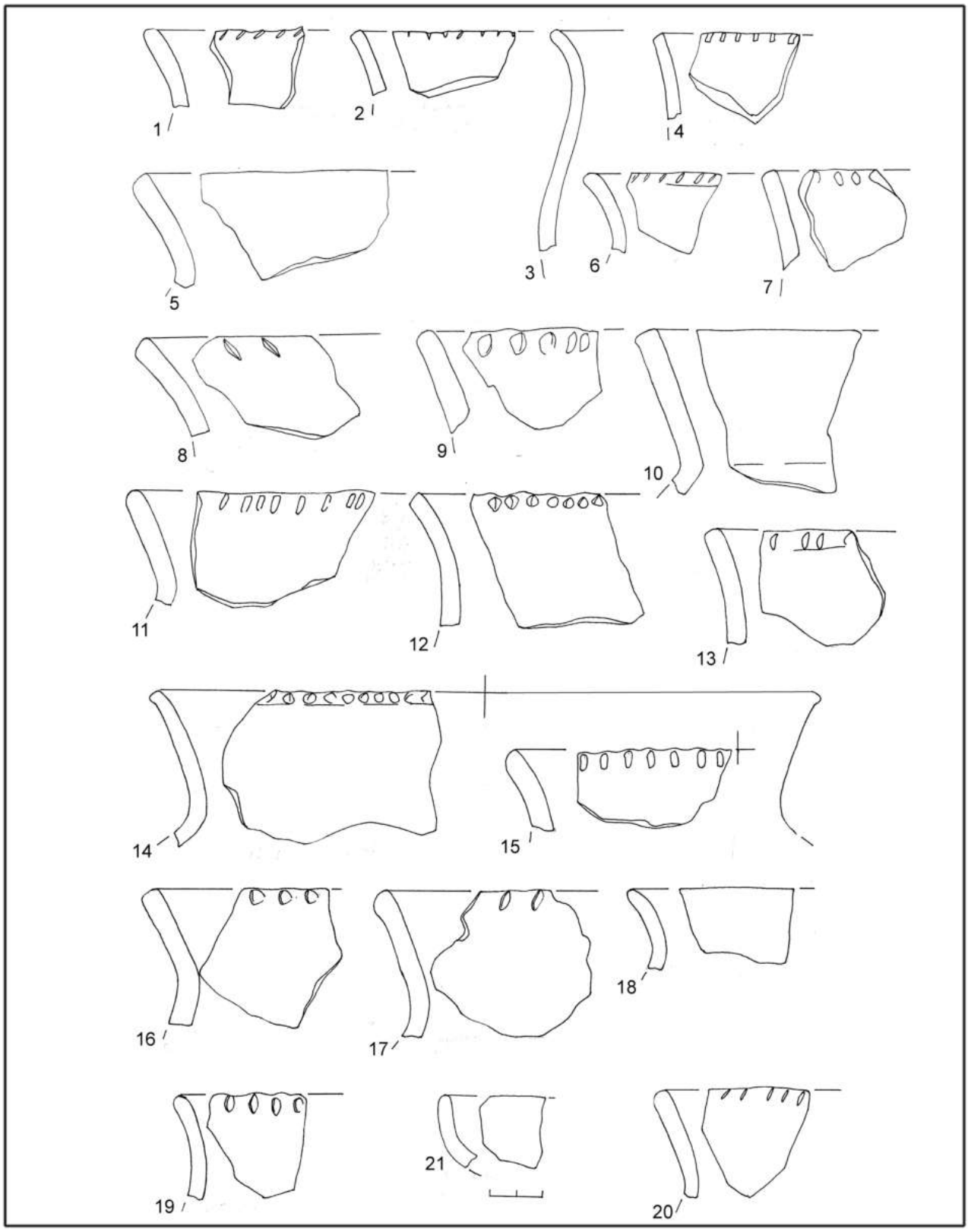


Рис. 8

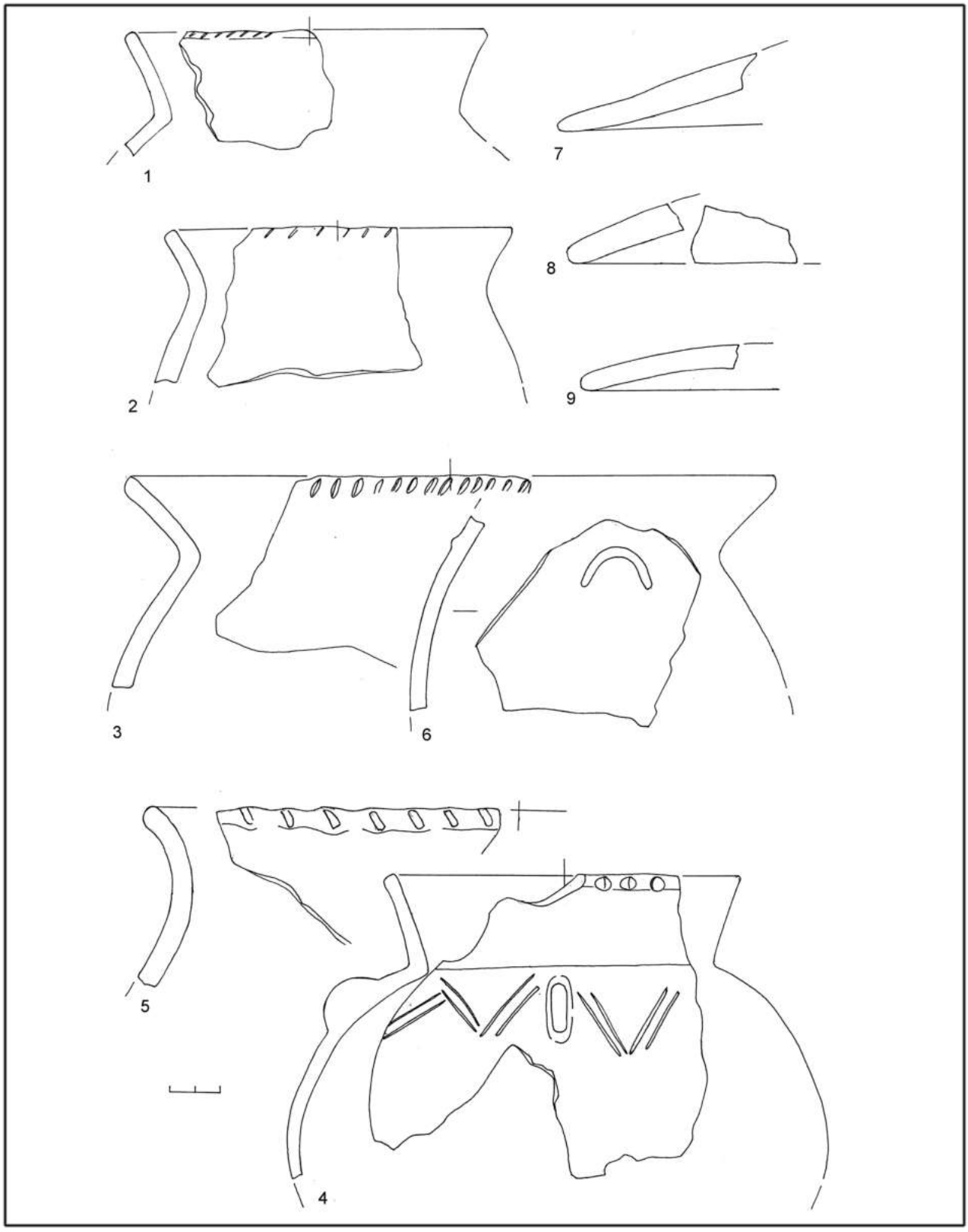


Рис. 9

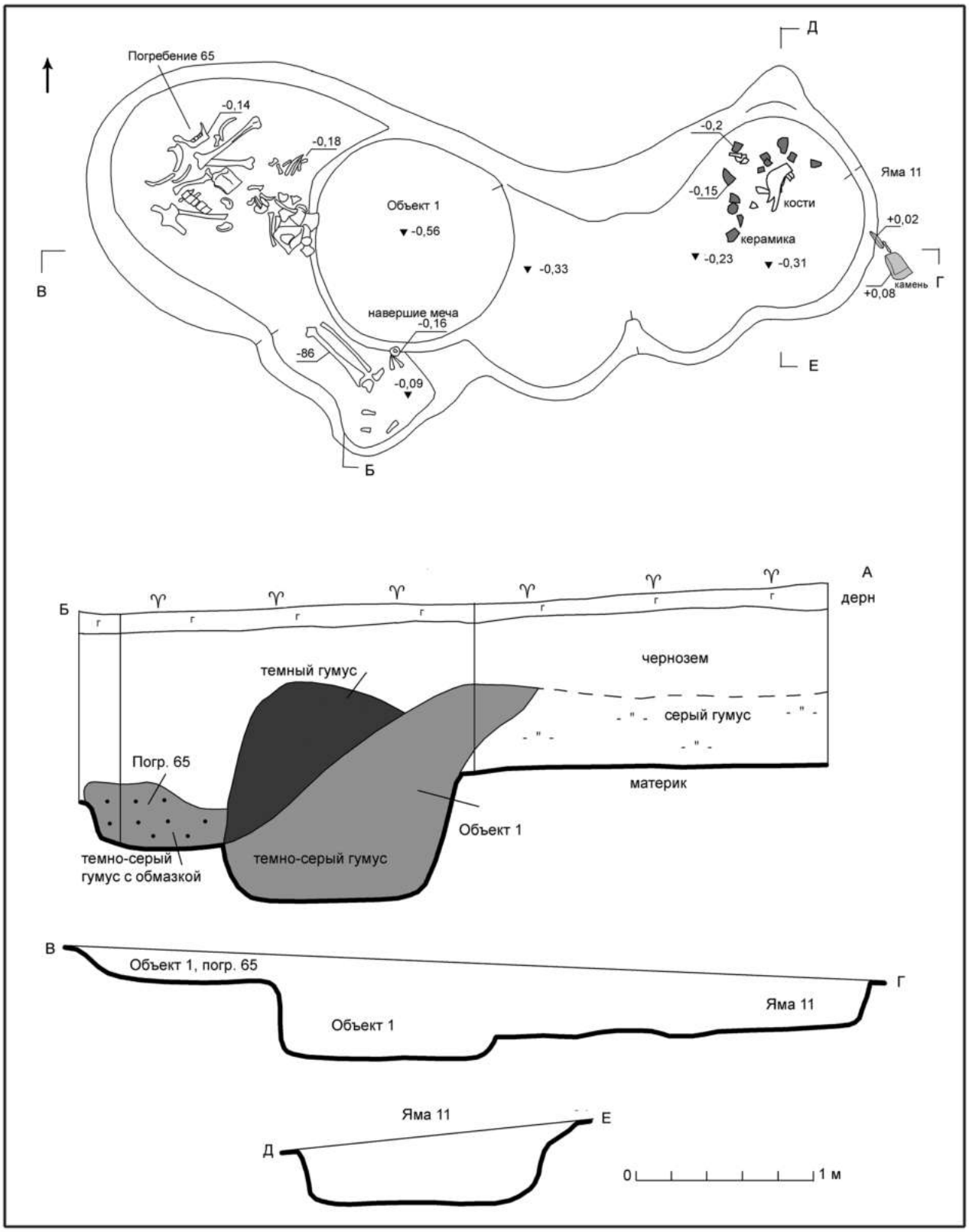

Погребение 65
-0,14
-0,18
Объект 1
-0,56
-0,33
навершие меча
-0,16
-86
-0,09
-0,2
-0,15
кости
керамика
-0,23
-0,31
Яма 11
+0,02
камень
+0,08
А
Б
В
Г
Д
Е
дерн
чернозем
темный гумус
серый гумус
материк
Погр. 65
Объект 1
темно-серый гумус с обмазкой
темно-серый гумус
Объект 1, погр. 65
Яма 11
0
1 м

Рис. 10

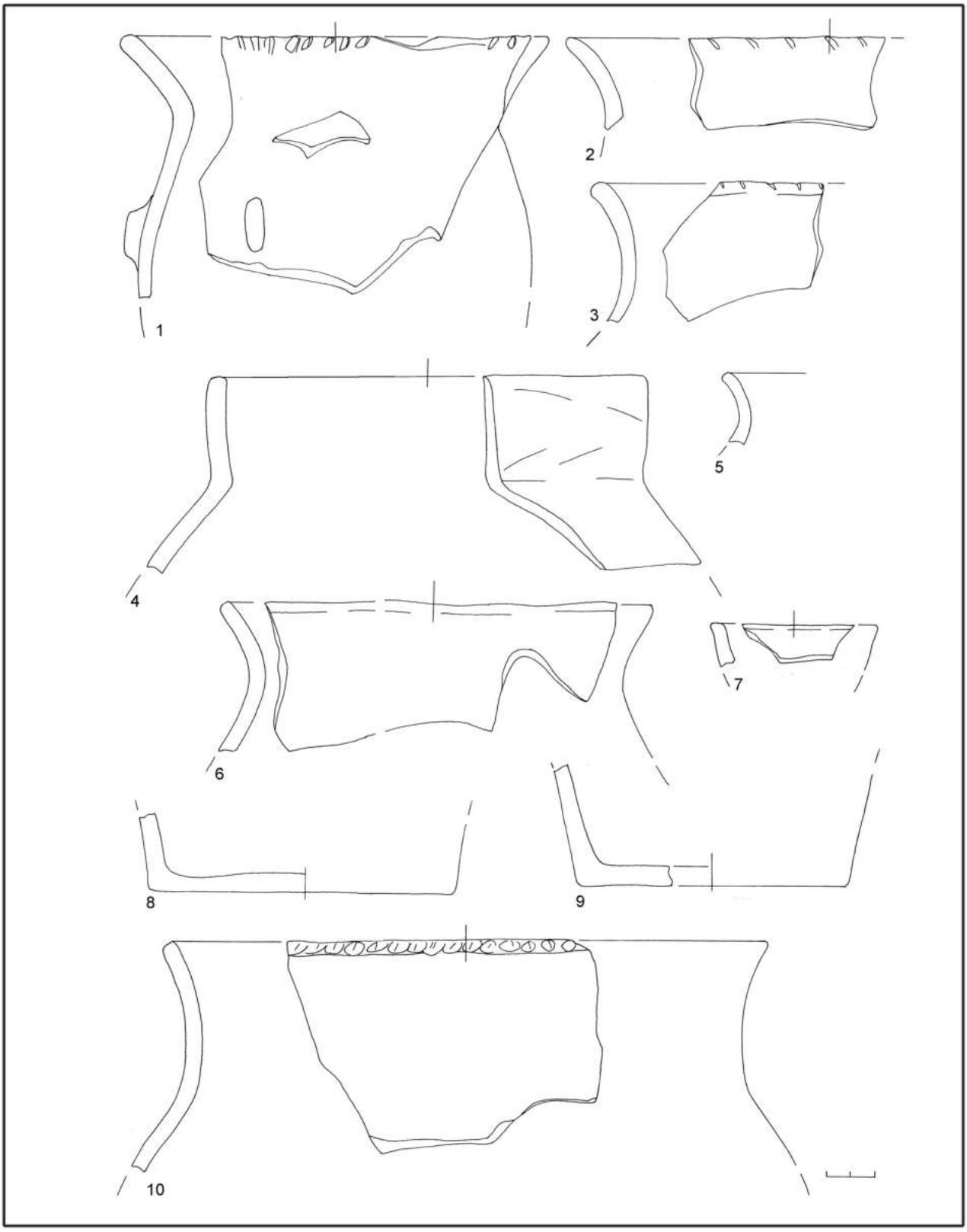


Рис. 11

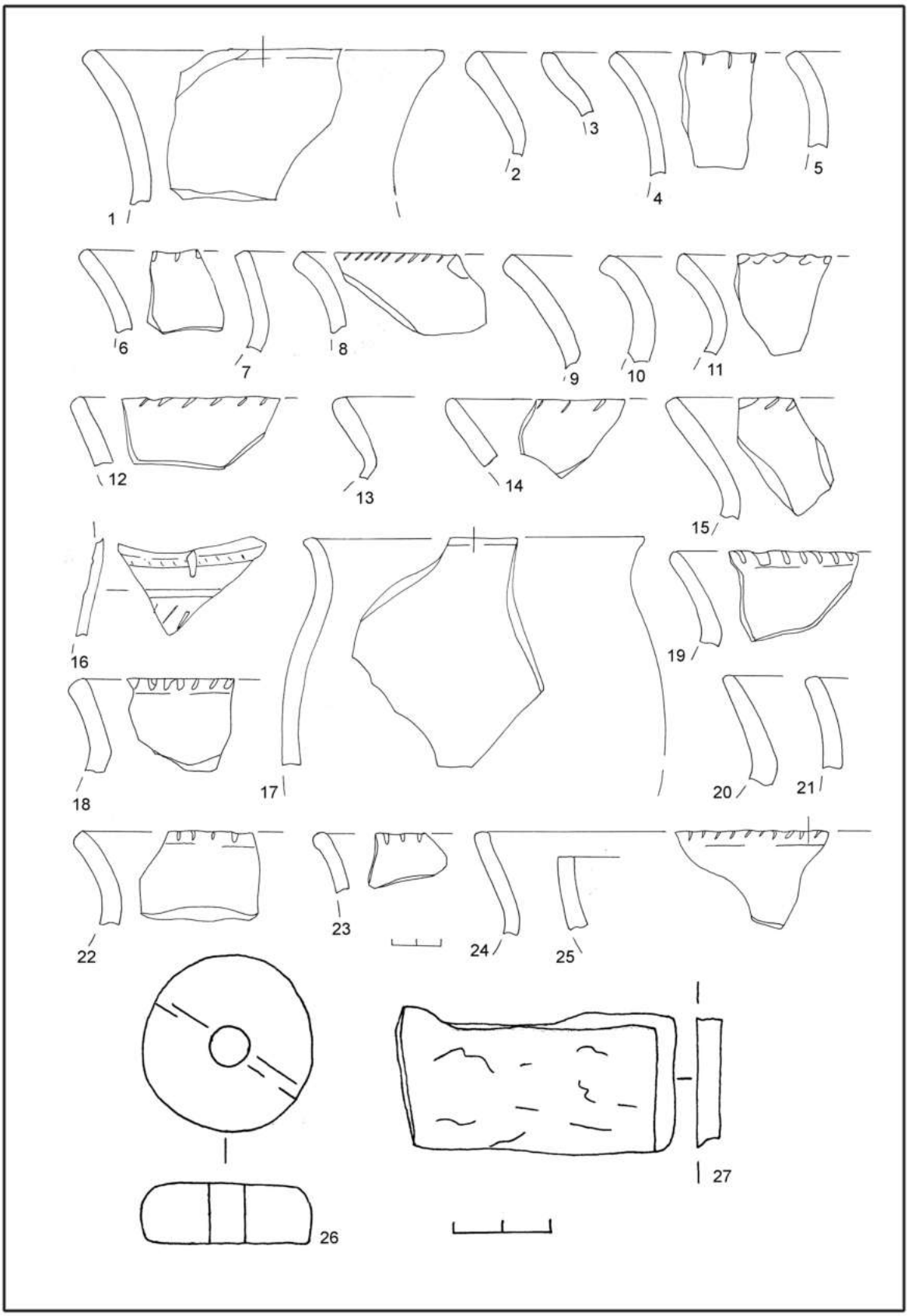


Рис. 12

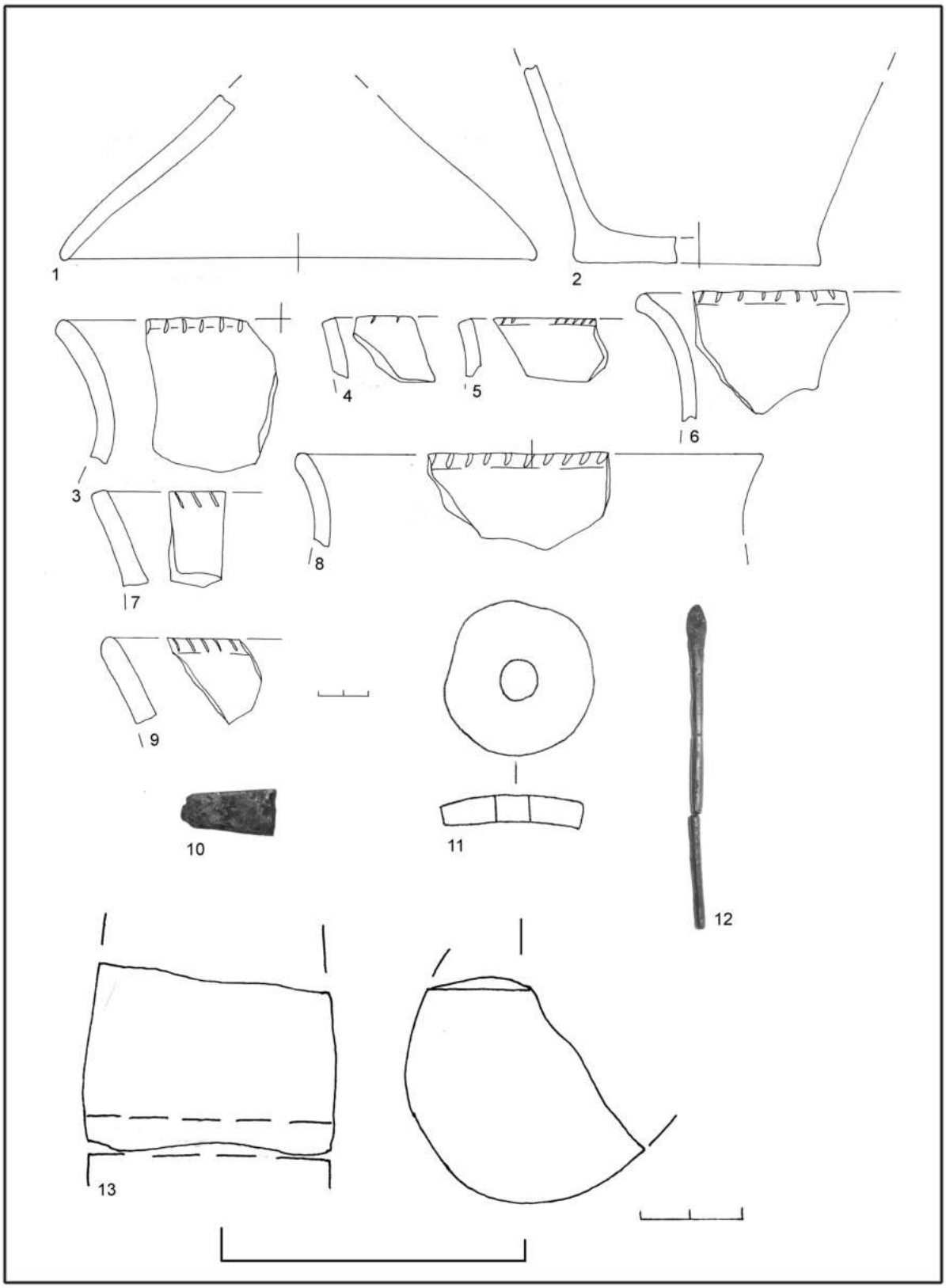


Рис. 13

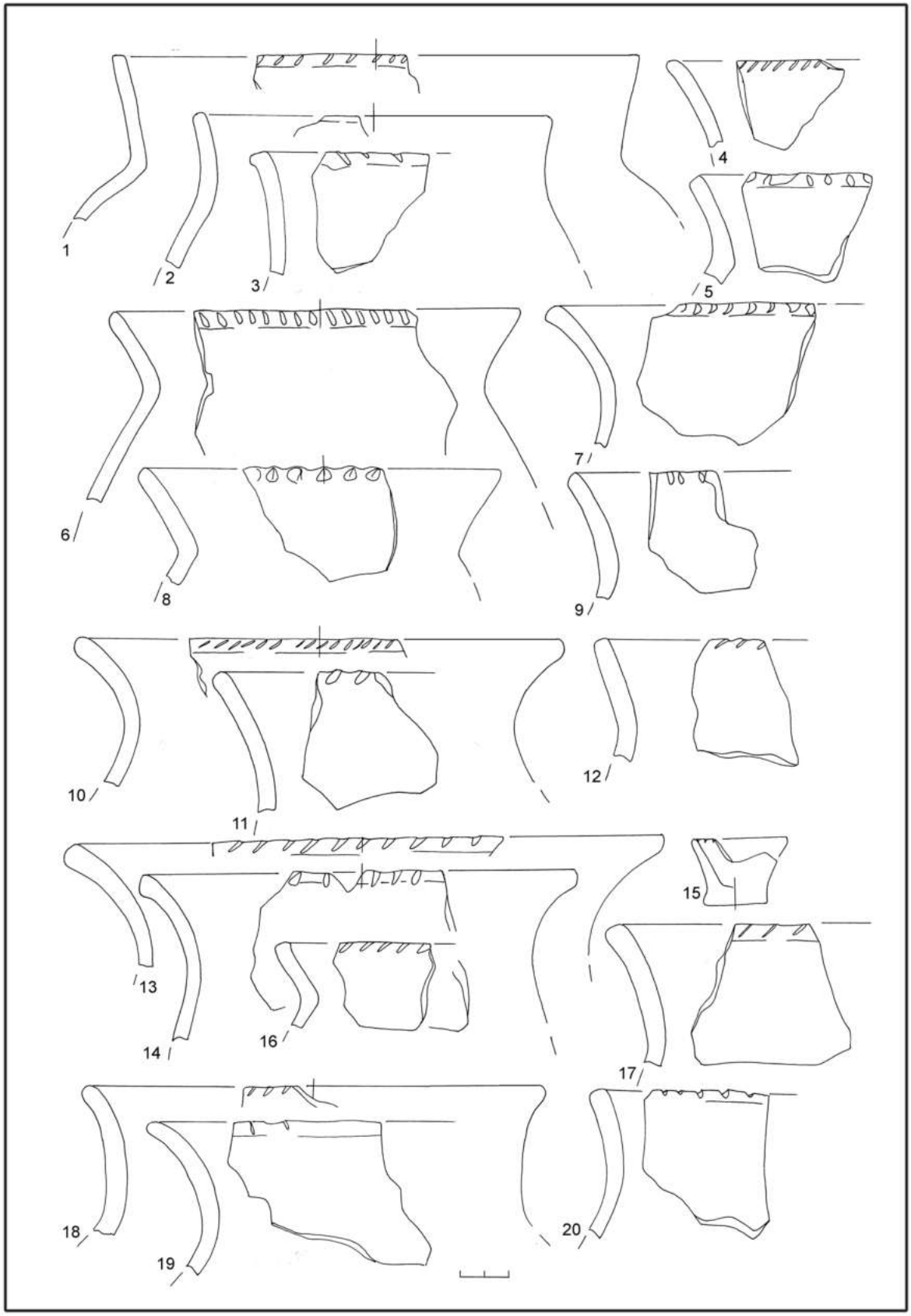


Рис. 14

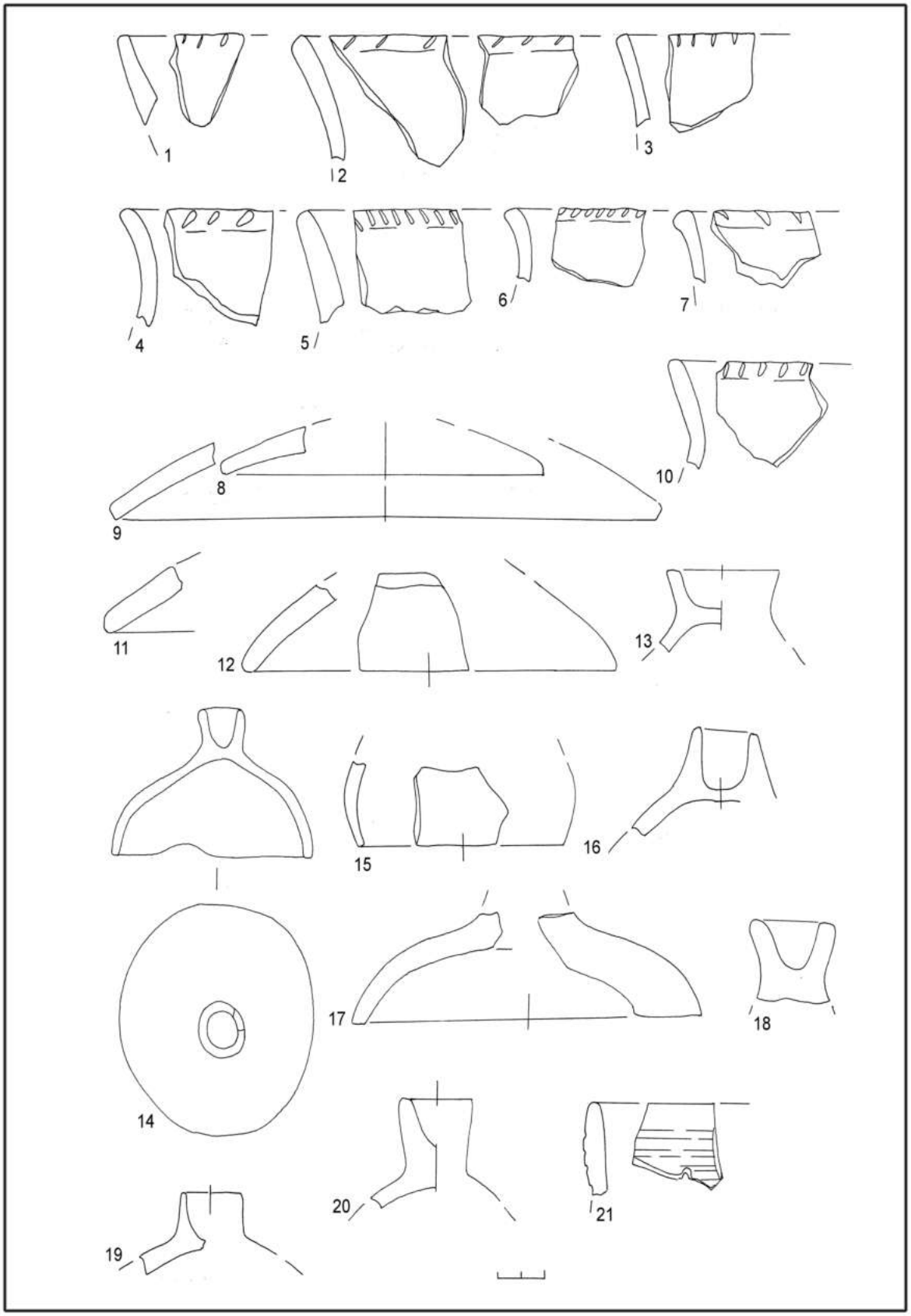


Рис. 15

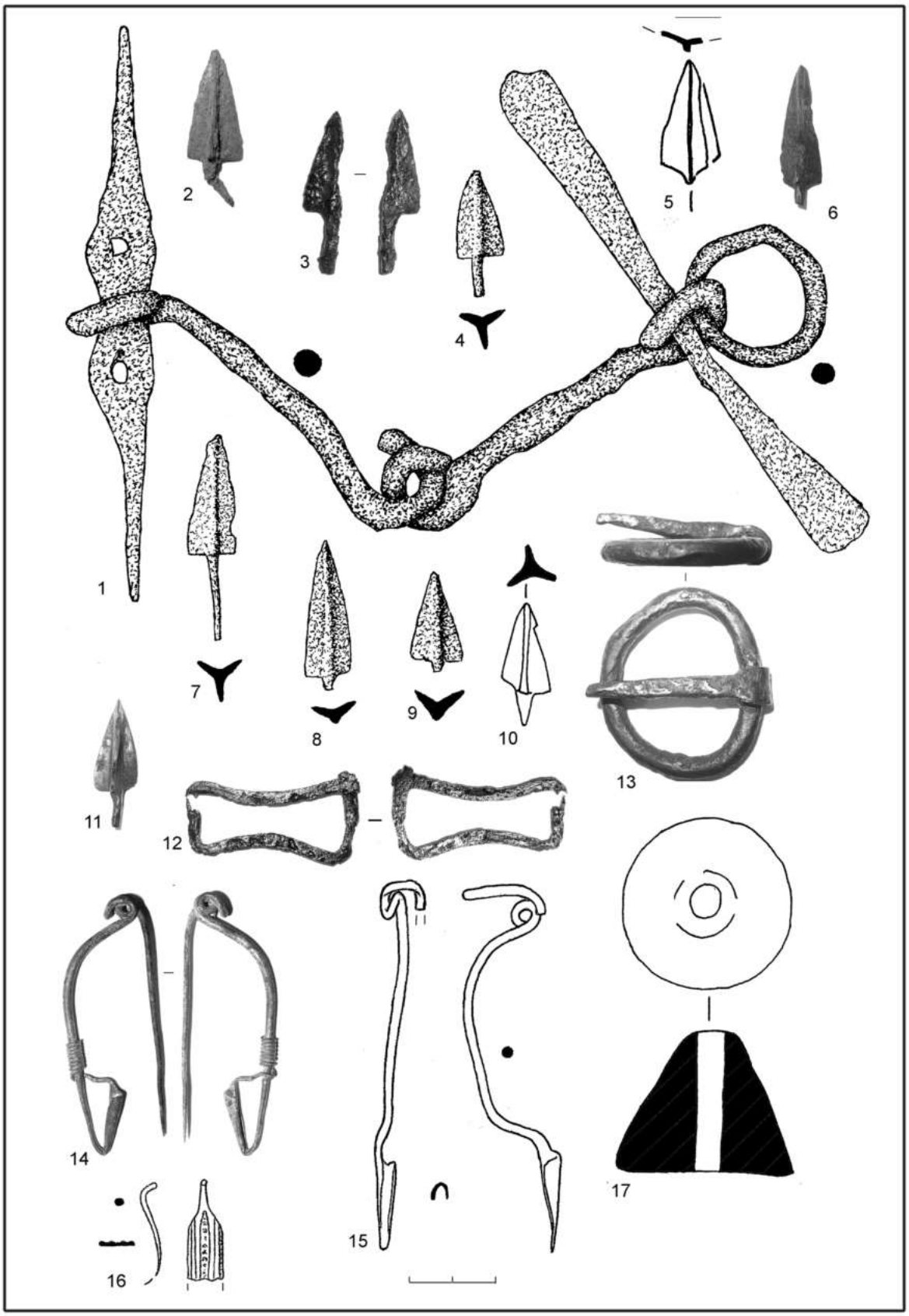


Рис. 16

НАХОДКИ ИЗДЕЛИЙ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХОМУТОВСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г. Е.В. Провоторов

Институт археологии РАН, Москва

В статье приводится обзор находок изделий выемчатых эмалей из Хомутовского района Курской области. Большинство находок это фрагменты браслетов, преимущественно без эмалей, кроме того найдена сюльгама, бляшка с орнаментом, обломки Т-образной и треугольной фибулы, а также клад фрагментов бронзовых браслетов. Находки были обнаружены в бассейнах рек Сев, Свапа, Сухая Амонька. Выемчатые эмали из Хомутовского района заполняют имевшуюся ранее лакуну между юго-востоком Брянской области и Посемьем.

Ключевые слова: выемчатые эмали, киевская культура, браслеты, фибулы, Хомутовский район.

Настоящая статья является началом работы по созданию общего свода находок круга восточноевропейских выемчатых эмалей с территории Хомутовского района Курской области.

До недавнего времени о находках восточноевропейских «варварских» выемчатых эмалей на территории Хомутовского района Курской области не было известно. Территория района вообще является так называемым «белым пятном» в плане археологической исследованности. Это подтверждает и археологическая карта России (АКР, 2000. С. 162 – 167). За прошедшее столетие было выявлено всего лишь 15 памятников различных эпох, среди которых отсутствуют памятники раннеславянского периода. Ситуация кардинально изменилась в последние годы. Так, в 2004 году при обследовании правобережья р. Свапа (правый приток р. Сейм), Раннеславянской археологической экспедицией под руководством А.М. Обломского открыто селище Снyткино-2 с материалами киевской или раннего этапа колочинской культуры III – VI вв. (Обломский, 2005. С. 5). В ходе проводимых в разные годы археологических исследований Сейминско-Суджинской археологической экспедицией (ССАЭ) под руководством О.А. Радюша[1], на территории района обнаружены вещи круга выемчатых эмалей, а также поселения с материалами в виде груболепной керамики, характерной для киевской археологической культуры: Красный Курган, Мокроусово-1,2,3.

В данной работе впервые приводится полный обзор находок выемчатых эмалей с территории Хомутовского района известных автору на сегодняшний день. Важно отметить, что большинство артефактов были выявлены и полностью задокументированы в ходе археологических работ, проводимых ССАЭ. Все находки происходят из бассейнов рек Свапа (правобережье), Сухая Амонька и верховья реки Сев, все относятся к бассейну Днепра. Собрана достаточная информация с достоверной географической привязкой по 9 местонахождениям выемчатых эмалей (Рис. 1).

1. Веть, Романовский с/с. Бронзовый фрагмент широкого трехгранного в сечении гребенчатого браслета, без эмалей и орнамента (Рис. 2, *1*). На концевой части расположен поперечный гребень. Размеры фрагмента около 6,5 х 4,7 см. Найден в ходе проводимой разведки ССАЭ в 2013 г. (Радюш, 2015. С. 132. Рис. 172-174). Фрагмент обнаружен на пахотном поле за огородами в 0,45 км к югу от юго-восточной окраины села и в 0,55 км к югу от р. Веть (правый приток руч. Романовский, являющийся правым притоком р. Сев), у отрожка оврага впадающего в долину ручья. На обследуемой территории культурного слоя позднеримского времени не выявлено.

[1] Автор выражает признательность научному сотруднику отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН О.А. Радюшу за консультации и предоставление личного архивного материала к данной работе.

2. Драгодань, Гламаздинский с/с. Бронзовый пирамидальный колокольчик-привеска с шишечками по углам основания (Рис. 2, *2*). Обнаружен местным жителем в 2015 г. и передан ССАЭ с указанием точного места находки. Колокольчик размерами 3,8 х 1,8 х 0,3 см был обнаружен в 1,6 км к юго-западу от западной окраины д. Малеевка, на окраине леса в урочище Драгодань возле господствующей высоты 234,1, недалеко от грунтовой дороги, ведущей из д. Малеевка в д. Кожановка. Культурный слой на месте находки не обнаружен (Радюш, 2016. С. 19, 68. Рис. 28).

Данные привески получили широкое распространение и датируются II – первой половиной III вв. (Обломский, Гороховский, 1986. С.16). Ближайшие аналоги происходят с Мощинского городища (Массалитина, 1991. С. 33. Рис. 2, *4*), Брянского клада (Ахмедов, Обломский, Радюш, 2013. С.103. Рис. 3, *9*), из клада с поселения Красная Горка (Харитонович, С. 180. Рис. 4, *5*).

3. Злобино, Гламаздинский с/с. Бронзовая подковообразная фибула (сюльгама) с эмалью и железной иглой (Радюш, 2015. С. 129. Рис. 164-165), (Рис. 2, *3*). Дужка уплощенная средней ширины, треугольная в сечении, в верхней части разделена прямоугольником 1,5 х 0,7 см заполненным красной эмалью, на концах два диска диаметр каждого 1,2 см, заполненные также красной эмалью. Вместе крепления иглы, имеются следы выработки от нее в виде съеденного металла и осыпавшейся патины. Размеры сюльгамы 4,6 х 4,5 см. Находка была сделана местным жителем с указанием точного места обнаружения и передана в ССАЭ в 2014 г. Сюлюгама была найдена в верховье правобережной балки, впадающей в р. Сухая Амонька (правый приток р. Сейм). В 1,65 км к северо-западу от западной части с. Злобино, на склоне пологого лесного мыса в урочище Круглое. Культурный слой на месте обнаружения отсутствовал.

По классификации Г.Ф. Корзухиной относится к типу V.2, достаточно распространен в прежнюю очередь в Среднем Поднепровье, имеет множество аналогий или схожим им по стилистике (Корзухина, 1978. С.24). Сюльгама относится к средней стадии развития подковообразных эмалей и датируется в пределах первой половины III в. (Гороховский, 1982. С. 32).

4. Кирилловка, Сковородневский с/с. Бронзовый фрагмент широкого гребенчатого браслета без эмалей, с продольными рельефными валиками по краям и центру обода и не соприкасающиеся с поперечным гребнем (Радюш, 2015. С. 131. Рис. 169-171), (Рис. 2, *4*). Размеры фрагмента 5 х 4,5 см. Находка была сделана в 2013 г. на нежилой юго-восточной окраине с. Кирилловка, в ходе разведки ССАЭ. Фрагмент браслета был обнаружен практически на границе пахотного поля (использовавшегося когда-то под огороды) и глубокой балки впадающей в долину правого берега р. Береза (правый приток р. Свапа), в 0,3 км к юго-востоку от этого ручья и в 0,1 км к юго-востоку от крайнего сохранившегося дома.

5. Красный Курган, Сковородневский с/с. Бронзовый фрагмент широкого гребенчатого браслета с остатками красной эмали на ромбовидном в центре и треугольниками по краям щитке (Радюш, 2015. С. 130. Рис. 166-168), (Рис. 2, *5*). Браслет сохранился практически полностью, за исключением небольшого фрагмента с гребнем на конце. Деформирован, край браслета завернут внутрь к щитку. На браслете помимо щитка с остатками эмали расположены три поперечных гребня, два окаймляют щиток и один находится на конце. По центру обода тянется продольная грань. Размеры 4,7 х 4 см. Браслет был обнаружен в ходе разведки ССАЭ на правом берегу р. Свапа в 2012 г. во рву северо-восточной части городища Красный Курган. Помимо браслета в месте обнаружения выявлена груболепная толстостенная керамика с при-

месью шамота, характерная для киевской культуры. Границы распространения керамического материала на месте обнаружения и насыщенность культурного слоя не установлены.

Браслеты данного типа датируются в пределах первой половины III в., и относятся к средней стадии развития стиля. Стилистически схожие браслеты происходят из Брянского, Межигорского и Мощинского клада (Ахмедов, Обломский, Радюш, 2013. С.103. Рис. 3, *6*; Корзухина, 1978. С.29; Baye, 1891. С.10).

6. Мокроусово, Петровский с/с. В ходе археологической разведки ССАЭ, на селище Мокроусово-2[2], на правом берегу среднего течения р. Поды (правый приток р. Сухая Амонька), были обнаружены два бронзовых фрагмента фибул (Радюш, 2017. С. 91-92. Рис. 16), (Рис. 2, *6*).

a) Фрагмент т-образной перекладчатой фибулы без эмали с крестчатым концом (Рис. 2, *6a*). Отделенным от спинки поперечной перекладиной 3 х 0,6 см, орнаментированной продольной бороздкой. Ножка ромбовидная с парными дисковилными отростками шириной 4,6 см. Нижний край крестчатой ножки обломан. По центру спинки от нижней до обломанной верхней перекладины прослеживается грань. Иглоприемник обломан. Размеры фрагмента фибулы 7,3 х 4,6 см.

Данная фибула относится к типу II подтип 2 по Г.Ф. Корзухиной (Корзухина, 1978. С. 18). Подобная фибула встречена в Брянском кладе, отличается от представленной вставками из красной эмали (Ахмедов, Обломский, Радюш, 2013. С.103. Рис. 3, *1*).

b) Фрагмент треугольной фибулы с прорезным полем на спинке и остатками красной эмали на треугольном нижнем конце (Рис. 2, *6b*). Конец отделен поперечной прямоугольной перегородкой с продольной бороздкой по центру. Выше перегородки у раструба спинки фибулы находится поперечный орнаментированный треугольными зубцами прямоугольник. На обратной стороне расположен иглоприемник. Размеры фрагмента фибулы 4,5 х 3,8 см. Находки двух фрагментов фибул на данном поселении подтвердили раннее сделанное хронологическое определение памятника III-(возможно) IV вв. и принадлежность его к киевской культуре (Провоторов, 2018. С. 17-18).

Фибула данного вида относится к типу III.1 по Г.Ф. Корзухиной, схожие по стилистике встречены в Мощинском кладе (Корзухина, 1978. С. 19, 111. Рис. 18, *5*), в Черемушное Харьковская область (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 133, 295. Рис. 143, *2*).

7. Подровное, Гламаздинский с/с. Бронзовая, дисковидная бляшка с орнаментом (Рис. 2, *7*). По всей видимости, является нагрудным украшением. На бляшке диаметром около 7,5 см нанесен штампованный рельефный орнамент, в виде дужек разделенными полукруглыми бугорками, напоминающий крестообразную форму цветка, в центре которого находится отверстие диаметром около 1 см. Также, край бляхи орнаментирован 4 солярными знаками, расположенными друг напротив друга, тем самым образую форму креста. Находка обнаружена в 2013 г. местным жителем и передана в КГОМА. Диск был найден в окрестностях д. Подровное, однако, точное местонахождение локализовать не удалось.

Аналогичные диски-бляшки происходят из грабительских раскопок с территории Украины. В частности, эмалевых кладов из Сумской области, а также в виде отдельных находок. Возможные корни представленной бляшки восходят к прототипам со схожей стилистикой. Так, в милоградцкой культуре встречена бляшка из клада,

[2] Поселение было выявлено автором настоящей статьи в 2017 г.

обнаруженного в 1915 г. в местечке Подгорцы Киевской области Украины (Рассадин, 2005. С. 34, 93. Рис. 3.20), а также в зарубинецкой культуре из погребения №5 Горошковского могильника Гомельской области Белоруссии (Дробушевский, 2016. С. 82. Рис. 17.15. С. 84).

8. Прудное, Гламаздинский с/с. В ходе проведения разведки отдельным отрядом ССАЭ в 2017 г. под руководством автора настоящей статьи, в верховье р. Сухая Амонька, между деревнями Малеевка и Тепловка был обнаружен клад(?) состоящий из 10 фрагментов бронзовых браслетов (Радюш, 2017. С. 91-92. Рис. 17), (Рис. 3, *1-10*). Все фрагменты были на небольшом участке площадью 0,15 га в распашке пахотного поля, вблизи лесного массива урочища Прудное. Некоторые фрагменты находились на относительно большом расстоянии друг от друга, видимо это произошло вследствие интенсивных сельскохозяйственных работ, проводимых на данном участке. Культурный слой на месте обнаружения и поблизости отсутствовал, ядро клада выявить не удалось. Все находки были в пахотном слое до 0,3 м. Преимущественно все фрагменты (7 шт.) принадлежат к широким гребенчатым браслетам без эмалей, за исключением одного обломка средней ширины обода и двух фрагментов с узким ободом. Два фрагмента от одного массивного гребенчатого браслета с остатками красной эмали.

№1 Фрагмент средней части широкого массивного гребенчатого браслета с одним гребешком и остатком крестовидного щитка с остатками красной эмали (Рис. 3, *1*). Центральная часть щитка ромбовидная. Обод фрагмента орнаментирован гравировкой в виде треугольных фестонов и двумя дугами с разделяющими их кружками. Часть рисунка утрачена из-за осыпавшейся патины. Центральная продольная грань обода орнаментирована частой косой насечкой, такой же орнамент изображен и на торце гребня. На боковой стороне гребня выполнена гравировка в виде треугольных фестонов с частой косой насечкой в углублении орнамента. Размеры фрагмента 5,4 х 6, 3 см.

№2 Секировидный фрагмент браслета без эмали (Рис. 3, *2*), являющийся обломком щитка с остатками красной эмали от фрагмента браслета №1 (Рис. 3, *1*). Найден практически рядом с предыдущим фрагментом. Размеры фрагмента 2,5 х 1,2 см.

№3 Фрагмент широкого, трехгранного в сечении гребенчатого браслета с одним концевым гребешком (Рис. 3, *3*). Обод фрагмента орнаментирован гравировкой в виде треугольных фестонов и двух дуг с разделяющими их кружками. Центральная продольная грань обода орнаментирована частой косой насечкой, такой же орнамент изображен и на торце гребня. Боковая сторона гребешка украшена гравировкой в виде треугольного фестона с частой косой насечки в углублении орнамента. Размеры фрагмента 5 х 3,1 см.

№4 Фрагмент широкого, трехгранного в сечении гребенчатого браслета с одним концевым гребнем (Рис. 3, *4*). На лицевой стороне обода выполнена гравировка в виде треугольных фестонов. На продольной грани по центру обода выполнен орнамент в виде частой косой насечки. Такой же орнамент расположен и на торце гребешка. На боковой стороне гребня выполнена гравировка в виде треугольных фестонов с частой косой насечкой в углублении орнамента. Размеры фрагмента 4,7 х 2,3 см.

Фрагменты №1, 2, 3 и 4 аналогичны по орнаменту и очень близки по стилистике браслетам из Брянского и Мощинского клада (Ахмедов, Обломский, Радюш, 2013. С.103. Рис. 3, *5,6;* Baye, 1891. С.10).

№5 Мелкий фрагмент браслета, средней ширины обода, треугольный в разрезе. Без орнамента, местами осталась рыхлая патина. Размеры фрагмента 1,7 х 1,6 см (Рис.3, *5*).

№6 Средний фрагмент широкого, трехгранного в сечении браслета с одним гребешком по центру обода (Рис. 3, *6*). Без орнамента, размеры фрагмента 4,1 х 4,8 см.

№7 Фрагмент широкого, трехгранного в сечении браслета с концевым гребешком (Рис. 3, *7*). Без орнамента и эмали. Имеет следы износа, патина рыхлая, местами отсутствует. Размеры 4,4 х 4 см.

№8 Фрагмент широкого, трехгранного в сечении гребенчатого браслета с одним концевым гребнем, без орнамента (Рис. 3, *8*). Деформирован, край обода подогнут внутрь, концевая часть с гребнем немного поведена. Размеры фрагмента 4,1 х 3,7 см.

Фрагменты браслетов № 5, 6, 7 и 8 схожи с образцами из клада Шишино-5 Белгородская область (Обломский, 2007. С.171. Рис. 19, *1*), Волынцево Сумская область (Там же. С.314. Рис. 162, *2*), Мощинского клада (Baye, 1891. С.10), с Супрутского городища Тульской области (Воронцов, 2010. С. 86, 88. Рис. 2, *11*).

№9 Фрагмент узкого, треугольного в плане сечения браслета, с продольным желобом на внутренней стороне обода. Без орнамента, края обода не ровные со следами износа, подъедены. Размеры фрагмента 3,2 х 1 см (Рис. 3, *9*).

№10 Концевая часть узкого, треугольного в плане сечения браслета с округлым невысоким толстым гребешком на конце (Рис. 3, *10*). На внутренней стороне обода расположен продольный желобок. Без орнамента и эмали. Размер фрагмента 2,3 х 2 см. Данный фрагмент найден поблизости от фрагмента №9 (Рис. 3, *9*). С большой вероятностью можно сказать, что оба фрагмента (№9 и 10) являются частями одного браслета.

Ближайшие, стилистически схожие браслеты происходят из грабительских раскопок преимущественно с территории Украины, известны в виде отдельных находок и в составе кладов.

9. Тепловка, Гламаздинский с/с. Бронзовый фрагмент широкого гребенчатого браслета с гребнем на конце (Рис. 3, *11*). По краям и центру обода имеются продольные валики, не соприкасающиеся с поперечным гребнем. Размер 8,3 х 5 см. Обломок найден местным жителем в 2014 г. и передан ССАЭ с указанием места находки. Фрагмент был обнаружен в верховье р. Сухая Амонька, в районе бывшего колхозного сада расположенного в северо-западной части деревни и в 0,6 км к северо-востоку от клада, обнаруженного в урочище Прудное (Рис. 3, *1-10*). Можно предположить, что эти находки являются единым комплексом, на это указывает схожий стиль исполнения браслетов и близость обнаруженных вещей.

Данный фрагмент, так же как и фрагмент из Кириловки, являются близкими образцами браслетов встреченных в Курской области (Радюш, 2010. С. 18. Рис. 5, *2,3*), в Нижнем Прикамье, Усть-Брыскинского могильника (Бугров, 1994. С. 34, 39. Рис. XIII. Б1), Пакачине-Дембай в Литве (Корзухина, 1978. С. 29. 119. Рис. 26.3), Кживулка в Польше (Битнер-Врублевска, 2017. С. 171. Рис. 2) и др.

Практически все описанные выше браслеты (за исключением двух узких фрагментов из клада) относятся к типу I по классификации Г.Ф. Корзухиной (Корзухина, 1978. С. 29).

Представленные украшения восточноевропейских выемчатых эмалей с территории Хомутовского района аналогичны или схожи по стилистики, преимущественно с вещами из Брянского, Межигорского, Мощинского и Шишинского кладов. Соответственно, датировать их можно в пределах первой половины III века, что относится к

среднему этапу развития эмалевого стиля (Обломский, Гороховский, 1986. С. 15-17; Фурасьев, 2002. С. 85-86; Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120). Таким образом, предположительно, выявленные поселения Мокроусово 1,2,3 и отдельные местонахождения эмалей, являются синхронными и их можно отнести к раннему этапу развития киевской культуры.

На территории области известны и находки позднего этапа развития эмалевого стиля, происходящие из Большесолдатского, Железногорского, Золотухинского и Курчатовского районов (Радюш, 2010. С. 8, 14-18). Также, встречены изделия на различных этапах развития эмалевого стиля и в соседних с Хомутовским районом областях, в Брянской области (Воронятов, Шинаков, в печати. С. 180. Рис. 1; Шинаков, Чубур, в печати. С. 216. Рис. 1) и Сумской области Украины (большинство находок с данной территории происходят из грабительских раскопок).

Наблюдения показали, что практически все из вышеперечисленных артефактов, выявлены вне поселений и с отсутствующим культурным слоем в местах обнаружения[3]. Большинство находок сделано в местах нетипичных для поселений киевской культуры, на высоких склонах, иногда, значительно удаленных от водных ресурсов. Основная концентрация эмалей происходит из центральной и северо-восточной части района. Наибольшее количество вещей круга выемчатых эмалей выявлено в бассейне р. Сухая Амонька (6 местонахождений), в бассейне р. Свапа две вещи и одна находка сделана в верховьях р. Сев. На остальных же водных артериях района, в виду слабой археологической исследованности территории, памятников позднеримского времени пока не встречено. Однако можно с большой уверенностью утверждать, что наличие данных памятников на остальной территории района, бесспорно. Количество выявленных вещей выемчатых эмалей позволяет говорить о достаточно высокой активности населения на раннем этапе существования киевской культуры.

Важно отметить, большинство находок с территории Хомутовского района представлены в виде обломков браслетов. Безусловно, многие браслеты ломались в виду хрупкости материала и уже в дальнейшем использовались как сырье для изготовления новых ювелирных изделий. Однако складывается впечатление, что часть браслетов были намеренно разломаны. Можно предположить, что это носило какой-то ритуальный характер, например, связанный с погребальной традицией. Возможно, эти обломки были преданы земле также как и кремированные останки владельца данных вещей. Таким образом, данный ритуал был направлен против вандализма, совершаемого расхитителями могил. Однако, данное предположение является всего лишь одной из гипотез.

В заключении можно отметить, что имевшаяся ранее лакуна между юго-востоком Брянской области и Посемьем в связи с находками относящихся к среднему этапу развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, частично закрыта. Возможно, что проведение дальнейших исследований на территории района дадут новые данные, которые существенно расширят источниковую базу касательно памятников позднеримского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России: Курская область. Часть 2 / Автор-сост. А.В. Кашкин / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М., 2000. 240 с.

[3] За исключением эмалевых вещей, происходящих с городища Красный Курган и селища Мокроусово-2, где выявлена керамика киевской культуры.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году: Научный ежегодник. Ред. О.А. Макушников. Гомель, 2013. С. 99-107.

Битнер-Врублевска А. Невеста издалека? Импортный браслет из Кживулки под Сувалками (северо-восточная Польша) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. Раннеславянский мир. Вып. 19 / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М., 2017. С. 161-172.

Бугров Д.Г. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Межвузовский сборник. Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола, 1994. С. 33-39.

Воронцов А.М. Новые находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей на памятниках Окско-Донского водораздела // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Ред.-сост. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб, 2010. С. 86-93.

Воронятов С.В., Шинаков Е.А. Отдельные находки и клады круга «варварских эмалей» в Брянском Подесенье // Germania-Sarmatia. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. М., В печати. С. 179-214.

Гороховскій, Е. Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виімчатою емаллю / Е. Л. Гороховскій // Археологія. 1982. № 38. С. 16-36.

Дробушевский А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск, 2016. С. 38-136.

Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье / Г. Ф. Корзухина // САИ / отв. ред. М. А. Тиханова. Л., 1978. Вып. Е1-43.

Массалитина Г.А. Мощинский клад // Славяно-русские древности. М., 1991. КСИА. Вып. 205. С. 29-37.

Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья (тезисы докладов 1-ой Калужской историко-археологической конференции). Калуга, 1986. С. 15-17.

Обломский А.М. Отчет о работах Раннеславянской экспедиции в Курской области в 2004 г. М., 2005 //Архив ИА РАН

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М., 2007. С. 113-141.

Поболь Л.Д., Харитонович З.А. Находки изделий с эмалями на территории Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск, 2016. С. 175- 197.

Провоторов Е.В. Отчет об археологических разведках проведенных в 2017 г. на территории Хомутовского района Курской области М., 2018 // Архив ИА РАН.

Радюш О.А. Украшения и снаряжение круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч.2. Тула, 2010. С. 5-18.

Радюш О.А. Отчет об археологических разведках проведенных в 2014 г. на территории Курской и Орловской областей. М., 2015 // Архив ИА РАН.

Радюш О.А. Отчет об археологических разведках проведенных в 2015 г. на территории Курской, Белгородской и Орловской областей. М., 2016 // Архив ИА РАН.

Радюш О.А. Исследования Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк, 2017. С. 89-92.

Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск, 2005. 106 с.

Фурасьев А.Г. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями // Клады. Состав, хронология, интерпретация: Матер. тематической науч. конф. СПб, 2002. С. 83-85.

Шинаков Е.А., Чубур А.А. Лунницы круга «варварских выемчатых эмалей» в среднедеснинском регионе // Germania-Sarmatia. Вып. III / Ред. О.А. Радюш, О.А. Щеглова и др. М. В печати. С. 215-226.

Baye J.D. Les bronzes emailles de Mostchina: gouvernement de Kalouga (Russie) / par le baron J. de Baye, J.D. Baye. Paris, 1891. 13 c.

FINDS OF ITEMS WITH CHAMPLEVÉ ENAMELS FROM KHOMUTOVSKY DISTRICT OF KURSK REGION

E.V. Provotorov

The article gives an illustrate of items with champlevé enamels found from the Homutovsky district of the Kursk region. Most of the finds represent a mostly without enamels bracelets fragments, besides was found a brooch, a decorated breast plaque, fragments of a T-shaped and triangular fibulas, and also a treasure of bronze bracelets fragments. The objects were found in the basins of the Sev, Swapa, Suhaya Amonka rivers. The champlevé enamels from the Homutovsky district fill the gap which existed between the southeast of the Bryansk region and Seim area.

Key words: items with champlevé enamels, Kiev archeological culture, braslets, fibulas, Homutovsky district.

Рис. 1
Находки вещей круга выемчатых эмалей на территории Хомутовского района.
1 – Веть; 2 – Драгодань; 3 – Злобино; 4 – Кирилловка; 5 – Красный Курган;
6 – Мокроусово; 7 – Подровное; 8 – Прудное; 9 – Тепловка

Рис. 2

1 – Фрагмент браслета найденный у с. Веть; 2 – Колокольчик-привеска найденный в урочище Драгодань; 3 – Сюльгама с эмалями обнаружена в районе с. Злобино; 4 – Фрагмент браслета с валиками из с. Кирилловка; 5 – Фрагмент браслета с остатками эмали найден возле городища Красный Курган; 6 – Фрагменты Т-образной (a) и треугольной (b) фибул с селища Мокроусово-2; 7 – Бляшка с орнаментом найдена в районе д. Подровное.

Рис. 3
1-10 – Клад фрагментов браслетов обнаруженный в урочище Прудное;
11 – Фрагмент браслета с валиками из д. Тепловка.

СЛАВЯНЕ НА р. ВОРОНЕЖ

© 2018 г. А.З. Винников

Воронежский государственный университет, Воронеж

В статье рассмотрены проблемы освоения славянами в конце I тыс. н.э. р. Воронеж, юго-восточной окраины славянского мира. Освещены проблемы хронологии памятников, особенности материальной и духовной культуры (погребальный обряд) и ряд других вопросов.

Ключевые слова: река Воронеж, славяне, городище, курганы, полуземлянка, погребение, салтовская культура.

Река Воронеж (левый приток Дона, одна из крупных рек Донского бассейна) с одной стороны, является пограничной между верхним и средним Доном по представлению ряда исследователей, с другой – это зона северной лесостепи, несколько удаленной от степной Восточной Европы. Все это не могло не отразиться на этнической истории данного региона в последних веках I тыс. н.э., время активного освоения р. Воронеж славянами.

История исследования славянских памятников на р. Воронеж насчитывает уже более ста лет. Она достаточно подробно изложена в ряде публикаций (Москаленко, 1958; 1981; Винников, 1984, 1995, 2014; Пряхин и др., 1997а,б).

В 90-х годах прошлого века А.П. Медведевым исследуется ряд памятников на р. Воронеж, на которых им выделены материалы (постройки, керамический комплекс, погребения), связываемые им с киевской культурой, которая, по мнению ряда исследователей, является одной из раннеславянских общностей на территории Восточной Европы (Медведев, 1998). То, что данные раскопок поселения Чертовицкое III демонстрируют наличие населения на р. Воронеж в доборшевский период не вызывает возражений, но при этом появляются некоторые вопросы в их хронологии и культурно-археологической интерпретации. И характер керамического комплекса, и ряд конструктивных особенностей жилых построек, и могильник с трупосожжениями не создают полной уверенности в их принадлежности к киевской культуре. Косвенным подтверждением высказанного сомнения является наличие на ямном могильнике с трупосожжениями салтовского (болгарского) погребения рубежа VIII – IX вв. (Винников, 1995. С.144. Рис.42; Медведев, 2009), которое не нарушает ни одно из ямных погребений с трупосожжениями. Не исключено, что функционирование могильника с трупосожжениями и салтовское погребение, если не стыкуются по времени, то одно от другого отделяет весьма незначительный период. Этим, на мой взгляд, можно объяснить наличие салтовского погребения на данном могильнике. Это явление не случайное. Я в данном случае не предлагаю какую-либо новую конкретную интерпретацию полученных А.П. Медведевым на III Чертовицком городище материалов. Требуются более масштабные раскопки и на этом памятнике и на других аналогичных на р.Воронеже, и возможно, более тщательное изучение уже полученных материалов, особенно с позиции уже имеющихся разработок в последние годы в области изучения колочинской культуры (наследницы киевской) (Обломский, 2016).

Но как бы не определялась хронология и этническая принадлежность полученных материалов на III Чертовицком городище и на других памятниках, связываемых с ранними славянами в данном регионе, не с этой группой населения начинается основной миграционный поток славян в верховья Дона, в частности, на р.Воронеж. Это был лишь эпизод в преддверии массовой миграции славян в последних веках I тыс. на рассматриваемую территорию.

Памятники (поселения и могильники) последней четверти I тыс. на р. Воронеже представлены в довольно значительном количестве. Некоторые из них в той или иной степени изучены археологическими раскопками. Все исследованные памятники расположены на правом берегу р. Воронеж (Воронежское водохранилище), на северной окраине г. Воронежа или выше по течению реки. Среди них: Кузнецовское городище (Ефименко и Третьяков, 1948. С.91-101, 110-112; Пряхин и др., 1997а, С.7-16); городище «Михайловский кордон» (Винников, Цыбин, 2017); I Белогорское городище (Винников, 1977; Пряхин и др., 1997б. С.3-28); II Белогорское городище (Пряхин и др., 1997б. С.7-16); Животинное городище (Винников, 2014); Кузнецовский могильник (Винников, 1984. С.71-72; Пряхин и др., 1997а. С.16-19); Лысогорский могильник (Винников, 1984. С.45-71; Пряхин и др., 1997а. С.20-23); I Белогорский могильник (Винников, 1979, 1984. С.72-76; Пряхин и др., 1997б. С.20-22); II Белогорский могильник (Винников, 1984. С.76-126; Пряхин и др., 1997б. С.30-34); поселение Чижовское 5 открыто и раскапывалось В.И. Бесединым (Винников, 1995. С.160-162); Чертовицкое VI (Бирюков, Голотвин. 2009).

В 1998 году Ю.Д. Разуваевым на расстоянии 140 м от I Белогорского могильника и в 300 м от I Белогорского городища было обнаружено несколько едва заметных курганных насыпей (высота около 0,1 м, диаметром около 5 м). Два из них им были раскопаны (Разуваев, Гришин, 1999). В одном из курганов обнаружено захоронение взрослого человека и ребенка. Взрослый (пол не установлен) похоронен в яме (2,06 х 0,75 м; глубиной в материке 0,57 м) вытянуто на спине, ориентирован на запад-северо-запад. Погребение, как пишут авторы, было перекрыто корой. Над ним находилось скопление углей и обгоревших плах, «среди которых обнаружен фрагмент славянского лепного горшка». Второе захоронение (ребенка) также совершено в яме (1,1 х 0,35-0,46 м, глубиной 0,17 м) с той же ориентировкой.

Во втором кургане обнаружены три захоронения подростков в прямоугольных ямах (1,65 х 0,68 м, 1,47 х 0,64 м, 1,52 х 0,5 м, при глубине 0,29 м, 0,19 м, 0,29 м). Захоронения ориентированы головой на запад с некоторыми отклонениями к северу. В одной из ям обнаружены и «следы деревянной рамы или обкладки стен». Над погребениями обнаружены «отдельные угольки и обгоревшие плашки».

Авторы интерпретируют эти погребения как славянские, переходные от языческого обряда к христианскому и датируют их концом X – XI вв. Но нужно заметить, что ни на Белогорских городищах, ни в их окрестностях, никаких материалов древнерусского времени не обнаружено. У меня есть несколько иная версия интерпретации данных погребений, на которой остановлюсь несколько ниже.

Проведенные археологические исследования славянских памятников на р. Воронеже и полученный при этом материал позволяют достаточно полно ответить на ряд вопросов истории и культуры населения их оставившего. Являясь частью славянства юго-восточной Европы население, обитавшее на р. Воронеж в последних веках I тыс. н.э., представляет собой четко выраженную локальную группу, обладающую не только многими общими чертами в материальной и духовной культуре с восточнославянским миром в целом, и донской его группой в частности, но и несло ряд специфических черт, вызванных историческими и географическим факторами.

Славянские поселения на р. Воронеже двух типов: укрепленные (городища) и неукрепленные (селища). Подавляющее большинство их относится к первому типу – городища. Общей чертой этих поселений является: 1) расположение в максимально удобных с точки зрения хозяйственной целесообразности местах; 2) использование и совершенствование всех возможностей площадки, занимаемой поселением: есте-

ственные крутые склоны мыса, искусственная их подрезка; 3) строительство оборонительных сооружений в местах наиболее уязвимых и легко доступных для противника; 4) использование деревянных конструкций при строительстве оборонительных укреплений; 5) строительство укреплений с учетом имеющихся оборонительных сооружений предшествующего времени (как правило, эпохи раннего железного века).

Деревянные оборонительные конструкции, выявленные в валах на славянских поселениях на р. Воронеже представлены двумя типами. Первый – деревянные стены, поставленные или на специально сооруженную небольшую подсыпку (платформу), или на вал предшествующего времени, идущие от одного склона мыса к другому, которые с внутренней стороны поддерживались короткими перпендикулярными стенками, соединенные с нею рубкой в обло, и с наружной – присыпанные землей. На некотором расстоянии от стены выкапывался ров. Фактически такие укрепления представляли собой трехстенные срубы, возможно, даже перекрытые сверху деревом. Примером такой конструкции могут служить укрепления на I Белогорском городище (Винников, 1977). Второй тип деревянных оборонительных конструкций – четырехстенные срубы, забитые землей с примыкающими с внутренней стороны постройками, не предназначенными для стационарного проживания. Примерами таких оборонительных сооружений могут быть конструкции, выявленные в валах Животинного городища (Винников, 2014. С.15-21) и городища у Михайловского кордона (Винников, Цыбин, 2017).

Разные типы деревянных оборонительных конструкций соответствуют различным социальным статусам памятников. Довольно детально социальная типология древнерусских городищ разработана Б.А. Тимощуком на основании следующих признаков: система и конструкция оборонительных линий, характер застройки их укрепленных площадей, место городища в системе окружающих его поселений. Исходя из этих критериев, выделяются городища – общинные центры и городища – феодальные центры. Среди городищ – общинных центров в свою очередь выделяются городища – административно-хозяйственные центры. Все славянские городища на р. Воронеже представляют собой общинные центры. Среди них лишь можно выделить административно-хозяйственные центры, отличающиеся более сложными деревянными оборонительными конструкциями, плотной застройкой стационарными жилищами и рядом других признаков. К этой категории можно отнести городища Животинное и Михайловский кордон.

В бассейне Дона изучено довольно большое количество жилых построек. Все они обладают довольно стабильными чертами их характеризующими: 1. Все жилища представляют однокамерные полуземлянки квадратной, реже прямоугольной формы; 2. Жилище, функционировавшее до конца существования поселения, прослеживаются на поверхности в виде так называемых западин; 3. Котлованы всех построек имели деревянные облицовки материковых стен каркасно-столбовой конструкции; 4. Все жилища имели печи, располагавшиеся в одном из углов, большинство из которых сложены из глины и камня. Вместе с тем жилые постройки славянского населения на р. Воронеже обладают и определенной спецификой в сравнении с памятниками Среднего Дона (Титчихинское, Большое и Малое Боршевские городища и др.). Особенно это рельефно видно на материалах раскопок Животинного городища. На Животинном городище преобладают каркасно-столбовые постройки в отличие от средне-донских поселений, где срубные и каркасно-столбовые встречаются в одинаковой пропорции.

Большинство печей Животинного городища сооружены на материковом глиняном основании. Таких печей на поселениях Среднего Дона насчитывается очень мало.

На Титчихинском и Боршевских городищах совершенно нет предпечных и хозяйственных ям в постройках, а на Животинном городище и те, и другие встречаются довольно часто. На Животинном городище в 9 жилищах прослежены остатки деревянного пола и в 5 – глинобитного. И деревянные и глинобитные полы совершенно отсутствуют на поселениях Среднего Дона. В ряде построек Животинного городища в качестве дополнительного отопительного устройства встречены открытые очаги. На поселениях на р. Дон очагов в славянских жилищах нет. Различия эти свидетельствуют о наличии некоторых этнографических особенностей в культуре славянского населения последних веков I тыс. н.э.

Еще со времени выхода работы П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова (1948 г.) утвердилось мнение, что земледелие составляло основу хозяйства донских славян. Для подтверждения этой мысли авторы широко использовали материалы раскопок славянских поселений на р. Воронеже. Раскопки последних лет значительно пополнили данные, свидетельствующие о земледельческом хозяйстве населения конца I тыс. н.э. на р. Воронеже. В 1930-х годах на Кузнецовском городище были исследованы специальные помещения – амбары, в которых обнаружено 36 кг обугленных зерен пшеницы. Из раскопок последних лет необходимо отметить коллекцию зерна с Животинного городища, где обнаружены зерна пшеницы, проса, чечевицы, ячменя, гороха, льна. Важным показателем степени и качества развития земледельческого хозяйства являются орудия труда с ним связанные. К сожалению, их чрезвычайно мало найдено на славянских поселениях на р. Воронеже. Один серп на I Белогорском городище и обломки жерновов на Животинном и I Белогорском городищах. Кроме того, на Животинном городище в полуземлянках встречены зернотерки, которые использовались для размола зерна и других продуктов.

Косвенным подтверждением наличия земледельческого хозяйства являются так называемые глиняные хлебцы, встреченные на Животинном городище. Это круглые или овальные лепешки, сделаны из хорошо промешанной глины. На некоторых остались вмятины от пальцев, а на одной – даже от зубов. Встречаются они чаще всего в жилищах. Обращает на себя внимание, что глиняные хлебцы встречены лишь на памятниках на р. Воронеже. Их нет ни на одном поселении на р. Дон. О земледельческом хозяйстве свидетельствуют и находки больших круглых или квадратных противней, служивших для просушки зерна перед обмолотом. Они обнаружены почти в каждом жилище на всех раскапывавшихся памятниках.

В материалах раскопок славянских памятников отсутствуют какие-либо данные, раскрывающие систему земледелия у славян. Но необходимо отметить, что Б.П. и А.Б. Ахтырцевы, исследуя погребенные почвы под курганными насыпями Лысогорского могильника, подчеркнули, что они некоторое время обрабатывались славянским населением, которое предварительно истребило лес, росший на этой площади. В дальнейшем насыпанные курганы и территория вокруг них снова покрывалась лесом. К этому необходимо добавить, что в этом же почвенном слое выявлено значительное количество мелких угольков (Ахтырцев, Ахтырцев, 1987).

На мысу, на котором расположен Лысогорский могильник, выявлен небольшой славянский поселок, предшествовавший могильнику, датируемый приблизительно VIII в. Вероятно, первые славянские поселенцы, обрабатывая землю вблизи своих поселений, вынуждены были расчищать леса, применяя подсеку. Эта система земледелия широко использовалась ранними славянами.

Подводя итоги анализу материалов по земледелию славянского населения на р. Воронеже необходимо отметить: 1. По своему характеру и уровню развития оно пол-

ностью соответствовало земледельческому хозяйству других районов восточнославянского мира; 2. Оно было направлено прежде всего на удовлетворение нужд населения в питании и создание необходимой кормовой базы в животноводстве.

Все поселения, которые раскапывались, дали значительный остеологический материал (см. табл.).

Таблица 1
Количество костей и особей животных
со славянских памятников на р. Воронеж

Городища	Всего		В т.ч. особей,%	
	костей	особей	домашних	диких
Животинное	6780	659	36,0	64,0
I Белогорское	1120	72	49,0	51,0
II Белогорское	65	13	38,5	61,5
Кузнецовское	653	42	42,9	57,1
Михайловский кордон	535	37	37,8	62,2

Из таблицы видно, что количество костей и особей диких животных превосходит количество домашних. Совершенно очевидно, что для славянского населения на р. Воронеже роль охоты была очень высока в хозяйственной деятельности. Физико-географические условия и экологическая обстановка в районе р. Воронеж способствовали охотничьему промыслу. Это были действительно глубинные лесистые районы лесостепи, где возможность получения мяса, шкур путем охоты была, вероятно, более выгодна, чем разведение домашних животных. При этом домашнее животноводство полностью обеспечивало рабочим скотом (лошади, быки) ведение земледелия, транспорт и отчасти мясом, главным образом свининой. Но значительную часть потребляемого в пищу мяса давала охота. На Животинном городище особи диких животных, обеспечивавшие население мясом и сырьем (лоси, косули, благородные олени, кабаны, сайгаки), составляли 85% особей всех диких животных.

Серьезным источником пропитания для славянского населения на р. Воронеже являлось рыболовство. На всех раскапывавшихся поселениях обнаружены рыбьи кости, чешуя, а также орудия лова: остроги, рыболовные крючки, пешни. Промышляли 11 видов рыб (Яниш, 2014. С.360-367).

В целом, оценивая значимость рассмотренных отраслей хозяйства воронежского славянства в последних веках I тыс. н.э., необходимо отметить, что и земледелие, и охота, и животноводство, и рыболовство – все эти отрасли составляли своеобразное комплексное хозяйство, взаимодополняющие друг друга и, вероятно, в отдельные периоды и годы каждая из них могла стать приоритетной.

Одной из важнейших отраслей хозяйства славянского населения на р. Воронеже в VIII – нач. XI вв. являлись металлургия и металлообработка, прежде всего железа. Об этом свидетельствуют железные шлаки, встречаемые на всех раскапывавшихся поселениях. В ряде случаев шлак использовался при сооружении печей в жилищах.

Специальные металлургические печи, в которых плавилась руда, встречены лишь на ряде поселений: Кузнецовском, Животинном, Белогорском II. Печи Кузнецовского городища неоднократно описывались в литературе. Здесь мы только отметим, что они сооружались в полуземляночных постройках. Печи сложены из камней – песчаника и известняка. Во всех этих помещениях обнаружены находки бытового

характера, украшения, свидетельствующие об их использовании и в качестве обычных жилых помещений (Ефименко и Третьяков, 1948. С.91-101).

Одна из специальных печей для получения железа раскопана на Животинном городище. Располагалась она в постройке на площади мыса в его центральной части. В плане она имела прямоугольную форму размером 1,46 – 1,7 х 3 – 3,5 м. Глубина в материке 0,2 – 0,6 м. Значительную часть в постройке занимает весьма массивная глинобитная печь подковообразной формы. Ее размеры 1,3 х 1,8 м. Высота сохранившейся части – 0,65 м. Вся она очень сильно прокалена, сильно прокален и материковый пол в районе печи. В основании печи обнаружены массивные камни, также со следами сильного действия огня. В заполнении печи обнаружены 39 кусков железного шлака и точильный камень. В северо-западном углу котлована постройки на сильно прокаленной глиняной материковой площадке выявлено скопление железного шлака – 397 кусков, из них большинство довольно массивные, а некоторые из них имеют или форму стенки сосуда, или его нижней части. К северо-восточной стене постройки примыкает яма, которая составляет с ней единый комплекс. Вверху заполнения – большие куски шлака, в нижней части – маленькие (всего 280 кусков). Данная постройка является производственным помещением для плавки металла. Вероятно, она имела какую-нибудь деревянную конструкцию – на материковом полу у юго-западной стены обнаружены обожженные плахи (Винников, 2014. С.132-134).

Кроме «варки» железа в печах на славянских поселениях на р. Воронеже использовали и сыродутный способ получения железа. Об этом свидетельствуют находки обломков сопел на Животинном городище, а также «остатки специализированного железоделательного производства» с большим количеством обломков сопел рядом со II Белогорским городищем (Пряхин и др., 1997 б. С.7-16).

В большинстве случаев в тех постройках, где выявлена плавка железа, занимались и кузнечным делом, но выявлены и специализированные помещения – кузнечные мастерские. Одна из них на I Белогорском городище. Кузница эта имеет прямоугольную форму, размером 2,6 х 2,85 м, углублена в материк на 0,2 – 0,3 м, т.е. почти наземного типа. Пол плотный глинобитный со следами некоторого обжига, а в отдельных местах прослежены вкрапления мелких угольков. В северо-западном углу постройки расчищено небольшое углубление, в котором стояла каменная наковальня с плоской рабочей поверхностью, вокруг которой было много мелких угольков и окалин металла. У западной стены выявлен открытый очажок, обложенный камнями. На полу рядом с наковальней лежали кузнечные клещи.

К постройкам производственного назначения можно отнести и некоторые сооружения на Животинном городище. Постройка 4б отличается от обычных жилых своей формой, внутренним интерьером и отопительным сооружением. В плане она имеет округло-овальную форму 3,92 х 4,2 м. Глубина котлована 0,8 м. В заполнении его, особенно в нижней части, встречено значительное число угольков. С северной стороны вдоль стены идет ступенька – лавка из плотной материковой глины шириной 0,4 м со следами прокала. В юго-восточном углу в подбое выявлены остатки печи, сложенной из прокаленных камней (Винников, 2014. С.135).

Кузнечное производство требовало определенного набора инструмента. Он в достаточно широком ассортименте обнаружен в материалах поселений на р. Воронеже: клещи, зубила, долота, пробойники и т.д. Уровень развития металлургии и металлообработки у воронежских славян обеспечивал их необходимым количеством и ассортиментом железных изделий. Кроме орудий земледельческого, животноводческого и охотничьего хозяйств, рыболовного промысла славянские кузнецы изготовляли

орудия труда, связанные с обработкой дерева, разнообразные бытовые предметы (топоры, ножи, кресала, замки, ключи и т.д.), оружие (наконечники стрел, сулицы).

Обрабатывался славянами на р. Воронеже и цветной металл: бронза и серебро. На Животинном городище обнаружены тигли. На этом же поселении обнаружены и специализированные постройки для обработки цветного металла. Одна из них – полуземлянка площадью 4 х 4,8 м, глубиной в материке 0,66 – 1,1м. На полу найдено скопление бронзовой стружки (сырье или остатки производства), бронзовая серьга, ряд костяных проколок. В северном углу расчищены остатки плохо сохранившейся печи-каменки. И в данном случае обычное жилище служило одновременно мастерской. Одним из направлений обработки цветных металлов было изготовление различного рода украшений, в производстве которых нередко проявляется влияние различных соседних народов: мордвы, алано-болгар, угров (Винников, 2010а).

У восточнославянской группы, обитавшей на р. Воронеже, как и в целом у донских славян, в конце I тыс. н.э. вряд ли существовал в развитом виде внутренний обмен. Даже при наличии высокоразвитого металлообрабатывающего производства и других видов домашних ремесел, ни на одном поселении не выявлено каких-либо крупных производственных комплексов, позволяющих говорить о наличии специалистов-ремесленников, живших только за счет своего ремесла. Вряд ли можно говорить о существовании у воронежских славян в VIII – XI вв. таких совершенно самостоятельных отраслей хозяйства, как железоделательное, кузнечное, ювелирное. Но при этом, нужно отметить, что вообще отрицать внутренний обмен также нет оснований. Кузнецы, ювелиры, другие мастера, хотя, вероятно, полностью не оторвались от земледельческого и скотоводческого хозяйства, тем не менее за свою продукцию, которую изготовляли на заказ, получали плату в виде различных натуральных продуктов.

Нельзя сказать, что река Воронеж в конце I тыс. н.э. была вне торговых путей и внешнеэкономических связей с ближними и дальними народами. Безусловно, торговля или, точнее, обмен товарами был. Об этом есть достаточно много свидетельств, но масштабы этой торговли были несравненно меньше, нежели на Среднем Дону. Об этом красноречиво свидетельствуют два обстоятельства: I. Почти полное отсутствие арабских монет на славянских поселениях на р. Воронеже, несмотря на довольно значительные археологические раскопки; 2. Здесь не встречены кости верблюда и исключительно малый процент костей бобра в сравнении с поселениями на Среднем Дону. Находки костей бобра, как известно, свидетельствуют о широкой торговле пушниной.

В связи с рассмотрением торговых путей средневековой Европы в конце I – начале II тыс. н.э. большой интерес приобретают поиски города «Вантита», расположенного судя по арабским источникам, на восточных границах славянского мира. Среди ряда теорий и гипотез о локализации «Вантита» обращает на себя внимание точка зрения Б.А. Рыбакова. В ряде своих работ он предложил отождествить город «Вантит» с городищем «Михайловский кордон». Действительно, данное городище одно из крупных славянских поселений не только на р. Воронеж, но и вообще в бассейне Дона, выявлены здесь далеко не ординарные оборонительные сооружения, встречены и вещи, свидетельствующие о наличии торговых отношений. Но проблема «Вантита» этими факторами не решается. Требуются значительные археологические исследования на городище «Михайловский кордон» и на других поселениях на р. Воронеж, чтобы решить вопрос о локализации средневекового «Вантита» (Винников, 2014. С.193-201).

Неотъемлемой частью культуры славянского населения на р. Воронеже, определяющей его этнографический облик и во многом выделяющей из числа синхронных восточнославянских групп, в том числе и среднедонской, является керамика. Но при этом необходимо отметить, что по своим основным показателям керамика воронежских славян соответствует керамике других славянских памятников бассейна Дона. В основной своей массе она лепная, изготовлена техникой ручногоналепа. Основные группы: горшки, миски, сковородки, противни, сырницы, кувшины. Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые типы горшков при сохранении единства с сосудами с других памятников бассейна Дона в пропорциях, профилировке, отличаются орнаментацией и технологией изготовления. По этим показателям они вполне сопоставимы с раннегончарной посудой, т.е. сделаны с использованием гончарного круга. К этой же категории посуды относятся, так называемые, горшки с «манжетовидным венчиком». Фактически на поселениях славян на р. Воронеже удается проследить развитие керамического производства от ручной лепки к гончарному кругу. Особенно хорошо это заметно на материалах Животинного городища. Определенная специфика керамического производства славянского населения на р. Воронеже в конце I тыс. н.э. заключается также и в том, что здесь прослеживается исключительно сильное влияние южных соседей – алано-болгарского населения Хазарского каганата, особенно в керамическом материале из погребальных комплексов (Винников, 1995. С.72-86).

Исключительно информативной оказалась вторая группа памятников воронежских славян – курганные могильники в силу того, что они содержат не только сведения о самом погребальном обряде, как об одной из форм проявления религиозных представлений населения, но дает ключ к решению проблемы происхождения, поиску истоков, формирования культуры на р. Воронеже в последних веках I тыс. н.э.

Курганных могильников конца I тыс. на р. Воронеж известно семь и все они связаны с конкретными городищами: Шиловский, Кузнецовский, Лысогорский, Белогорский I, Белогорский II, Белогорский III, Животинный. Всего раскопано 102 кургана (Винников, 1984; Пряхин и др.,1997а,б). Они содержат разные типы погребений: курганы с трупосожжением на стороне с помещением кальцинированных костей на погребенной почве в восточной половине (1 группа); курганы с трупосожжением на стороне с помещением остатков кремации в деревянные камеры (2 группа); трупосожжение на стороне с вторичным обжигом на месте кургана (3 группа); курганы с трупосожжением на месте (4 группа); курганы с трупосожжением на месте в деревянных конструкциях (5 группа) (Винников, 1984. С.127, табл. II.8).

Наиболее широко распространенной являются погребения 1-й группы: 50% на Лысой горе, 53,4% на II Белогорском могильнике. Все раскопанные курганы на I Белогорском и Кузнецовском могильниках также относятся к этой группе. Погребения 2-й группы распространены значительно меньше: на Лысогорском могильнике – 23%, на II Белогорском – 15%. Камеры сложены из одного венца бревен, сильно обожжены, почти все содержат только одиночные захоронения. На Лысогорском могильнике курганы с трупосожжением на месте составляют 19%, на II Белогорском – 3,3%. На II Белогорском могильнике выявлено два кургана, в которых кремирование производилось в специальных деревянных сооружениях на месте будущего кургана.

Керамика, встреченная в могильниках на р. Воронеж, разнообразна по форме, технологии изготовления и по своей этнической принадлежности (Винников, 1984. С.128-150). Самая многочисленная группа лепной посуды обнаруживает единство с керамикой поселений, расположенных в этом же районе, хотя имеются и определенные различия. Асимметричность форм, крупные примеси шамота, плохо размешанное

керамическое тесто, отсутствие на поверхности следов какого-либо заглаживания, слабый обжиг или наоборот, очень сильный пережег посуды, от которого она крошится – все это свидетельствует о ее специальном изготовлении для похоронного ритуала.

Среди лепной керамики есть группа сосудов, которая по технологическим признакам образует довольно устойчивое единство. У них коричневые или кирпичного цвета, тщательно обработанные поверхности, с элементами лощения, в тесте примесь песка, отсутствие орнамента, некоторая общность в пропорциях (вытянутость форм, при этом равные или почти равные диаметры дна и горла), верх венчика плоско срезан. Все это существенно отличает эту керамику от обычной славянской. И в тоже время, в ней ощущается влияние алано-болгарского керамического производства. К этой же группе примыкают и сосуды, несущие традиции кочевнической посуды.

Курганные могильники на р. Воронеж, наряду с лепной посудой, содержат в большом количестве гончарную керамику салтово-маяцкой культуры, представленной кувшинами, горшками, кружками и вазой-светильником. Салтово-маяцкая керамика составляет 18,6% всего керамического комплекса, обнаруженного в могильниках на р. Воронеж. В отличие от славянской салтовская керамика для погребений специально не изготовлялась. Среди салтовской керамики ведущей формой являются кувшины.

Во всех группах погребений (трупосожжение на стороне, на месте и с вторичным обжигом) сохраняются черты их связывающие: расположение погребений в восточной половине; небольшие ритуальные кострища; почти во всех курганах погребения располагались на уровне погребенной почвы (в ряде курганов с трупосожжением на стороне кальцинированные кости помещались в небольшие ямки, выкопанные в погребенной почве). Не следует думать, что один обряд вытесняет другой. В X в. все формы погребений сосуществовали. При наличии в курганах на р. Воронеж сравнительного разнообразия вариантов погребального обряда, между ними имеется довольно прочное единство, в основе которого лежат элементы восточнославянского погребального обряда. Вероятнее всего, из района Днепровского Правобережья шел процесс переселения славян на р. Воронеж. Многие черты погребального обряда воронежских курганов подтверждают эту мысль.

Имевшаяся в свое время дискуссия по вопросу хронологии памятников донских славян, в том числе воронежской группы, закончилась четким обоснованием И.И. Ляпушкиным даты VIII – X вв. А.Н. Москаленко предложила более узкую дату существования славянских поселений в этом регионе: IX – X вв. Исследования последних лет позволили внести определенные коррективы и уточнения в данный вопрос. На ряде поселений на р. Воронеже выявлена серия керамики (Лысогорское селище, Чижовское-5, поселение у ВОГРЭС), которая вполне сопоставима с раннеславянскими керамическими комплексами Днепровского Правобережья, датируемыми VIII в. Это была первая, незначительная волна славянского переселения, но не она предопределила этническое и культурное лицо населения на р.Воронеж в конце I тыс. н.э. В начале IX в. на р.Воронеж наблюдается новый, более массовый прилив славянского населения также из района Поднепровья. Подавляющее большинство поселений донских славян прекратили свое существование в самом конце X в., но на поселениях на р. Воронеж, в частности, на Животинном городище, жизнь продолжалась и несколько позже. Во всяком случае, материалы раскопок свидетельствуют, что покинуто оно было в первой половине XI в. Здесь имеется ввиду прежде всего керамика

так называемого курганного типа с манжетовидным утолщением по краю венчика и другие находки (Винников, 2014. С.202-216).

В тесной связи с вопросом о происхождении воронежской группы славян находится и вопрос о ее племенной принадлежности. В настоящее время можно считать установленным, что на Среднем Дону обитала одна из групп вятического племенного союза. Что касается р. Воронеж, то очень трудно ответить на вопрос – к какому восточнославянскому племени отнести это население, так как не ясен регион Правобережья Днепра, откуда могла осуществляться миграция славянского населения на р. Воронеж. Среди переселенцев на р. Воронеж были не только выходцы с Днепровского Правобережья, но и переселенцы из Северянской земли и, возможно, какие-то группы среднедонского вятического населения. Может быть воронежские славяне, названы в письме Хазарского Кагана Иосифа как «сльиюн», о чем предполагали некоторые исследователи.

Раскопки поселений и могильников конца I тыс. н.э. на р. Воронеже дали очень интересные данные о взаимоотношениях славянского и алано-болгарского населения, населения салтово-маяцкой культуры, памятники которой находятся южнее славянских.

Раскопки I Белогорского городища выявили полуземляночные жилища с открытыми очагами, содержащими алано-болгарскую керамику. Кроме того, на этом же городище в культурном слое наряду с обычной славянской керамикой встречена разнообразная посуда салтово-маяцкого типа (Винников, 1977). Значительная коллекция салтово-маяцкой керамики встречена и в курганах на р. Воронеже: кувшины, горшки, кружки. Она составляет около 18% всей керамики, встреченной в курганах. Кроме того, в курганах на р. Воронеж обнаружена серия посуды, сочетающая традиции алано-болгарского и славянского производства и отдельные типы салтовской посуды, утратившей ряд технологических приемов керамического производства: изготовлялась без гончарного круга, без лощения или с некачественным лощением, примесью песка и мелкого шамота.

Все эти факты свидетельствуют о том, что на славянских поселениях на р. Воронеж на определенном этапе их существования, скорее всего во второй половине X в., появилось алано-болгарское население, которое принесло новые элементы в культуру обитавшего здесь населения (Винников, 2010б). Возможно, даже ими были восприняты определенные черты славянского погребального обряда. Ранее уже обращалось внимание на возможность принадлежности ряда погребений на воронежских курганных могильниках, содержащих исключительно салтовскую посуду (I Белогорский могильник) представителям салтовского населения (Винников, 1995. С.144-145). В связи с появлением населения салтово-маяцкой культуры на славянских поселениях на р. Воронеже, можно предполагать с достаточной уверенностью, что выявленные Ю.Д. Разуваевым погребения (о них речь шла выше), фактически в грунтовом могильнике (высота «кургана» 0,1 м), принадлежат болгарам, находившихся в составе пришедшего сюда нового этноса. Об этом свидетельствует и ориентировка погребенных, и характер погребальных сооружений, и некоторые другие черты погребального обряда, прослеженные автором раскопок.

Совершенно очевидно, что возникает вопрос – в каком отношении рассматриваемый нами регион соотносится с Древнерусским государством, входила ли эта территория, как и весь район Верхнего и Среднего Дона, заселенный славянами, в государственную территорию. Несмотря на имеющиеся в литературе разногласия по данному вопросу, необходимо подчеркнуть, что вряд ли, во всяком случае, до 60-х годов

X в., существовавшие на р. Воронеж поселения входили в состав Древнерусского государства.

Вероятно, в середине XI в. славянское население вместе с группами алано-болгар покидает городища. Не последнюю роль, вероятно, в этом сыграли орды половцев, наводнившие к этому времени районы лесостепи, примыкающие к р. Воронеж с юга и юго-востока. На несколько десятилетий этот район, был вне сферы постоянного обитания древнерусского населения.

Таким образом, раскопки славянских памятников VIII – начала XI вв. на р. Воронеж дали прекрасный материал для поисков ответов на многие вопросы, о которых речь шла выше. Вместе с тем, стало совершенно очевидным, что такого комплекса памятников эпохи раннего средневековья, где практически с каждым городищем связывается курганный могильник, нет ни в одном регионе восточноевропейской равнины. Речь идет не только о количественной стороне вопроса, а прежде всего о качестве памятников. Великолепная сохранность культурного слоя, отсутствие каких-либо поздних перестроек создает исключительно благоприятные условия для их исследования в будущем. Это дает возможность решать проблемы не только локальной значимости, что само по себе уже важно, но и на значительных юго-восточных и восточных пространствах славянского мира и его соседей в эпоху раннего средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н.э. // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987

Бирюков И.Е., Голотвин А.Н. Поселение Чертовицкое VI на р.Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 4. Липецк, 2009

Винников А.З. Славянское городище на Белой горе под г.Воронежем // Из истории Воронежского края. Вып.6. Воронеж, 1977

Винников А.З. Белогорский курганный могильник конца I тысячелетия н.э. на р. Воронеже // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979

Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж, 1984

Винников А.З. Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995

Винников А.З. Ювелирные изделия со славянского Животинного городища боршевской культуры на р. Воронеж // Материалы по истории и археологии России. Том первый. Рязань, 2010а

Винников А.З. Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние? // Хазары: миф и история. М.– Иерусалим, 2010б

Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р.Воронеж). Воронеж, 2014

Винников А.З., Цыбин М.В. Славянское городище у «Михайловского кордона» на р.Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 8. Липецк, 2017

Ефименко П.П. и Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА СССР. № 8. М.,- Л., 1948

Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс.н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Выпуск 12. Воронеж, 1998

Медведев А.П. Салтовское погребение на реке Воронеж // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Выпуск 1. Археология. Воронеж, 2009

Москаленко А.Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Славянский сборник, I. Выпуск исторический. Воронеж, 1958

Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981

Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V – VII вв.). Раннеславянский мир. Выпуск 17. М., 2016

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г.Воронежа. Выпуск 1. Воронеж, 1997а

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Выпуск 2. Воронеж, 1997б

Разуваев Ю.Д., Гришин В.А. Новый славянский могильник в окрестностях г. Воронежа // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий (Тезисы докладов научной конференции). Липецк, 1999

Яниш Е.Ю. Результаты определения таксономической принадлежности остатков костей рыб из раскопок Животинного городища // А.З. Винников. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р.Воронеж). Воронеж, 2014

SLAVS ON THE VORONEZH RIVER

A.Z. Vinnikov

The article deals with the problems of development by the Slavs at the end of the 1st millennium AD the Voronezh River, the southeastern edge of the Slavic world. Problems of chronology of monuments, features of material and spiritual culture (burial rite) and a number of other questions are covered.

Key words: Voronezh River, Slavs, ancient settlement, burial mounds, semi-dugouts, burial, Saltov culture.

НОВЫЕ НАХОДКИ ЛУЧЕВЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ IX – X вв. ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г. А.Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья вводит в научный оборот новые находки лучевых височных колец IX – X вв., входивших в набор женских украшений летописного племени «северян», обитавших в пределах современной Курской области (Россия)

Ключевые слова: украшения древних славян, лучевое височное кольцо, история России

После выхода посвящённых курским украшениям VIII – X вв. авторских публикаций (Шпилев, 2008; Шпилев, 2009; Шпилев, 2010) в пределах Курской области было найдено ещё несколько лучевых височных колец, входивших в состав набора женских украшений летописных «северян/северов». Введению этих колец в научный оборот и посвящена данная статья.

1. с. Банищи (Льговский район). В 2012 г. в осыпях карьера обнаружены обломки двух височных лучевых колец из белого металла. Карьер находится на песчаной дюне, расположенной в пойме левого берега р. Сейм на расстоянии около трёхсот метров от северной окраины села.

КГОМА были переданы луч и обломок семилучевого кольца.

1) Обломок гладкого луча височного кольца (Рис.1, *1*). Высота обломка – 13 мм, ширина у основания – 10 мм. Вес – 0,76 гр. КМА 305/49/21. В связи с незначительностью обломка установить тип кольца не представляется возможным.

2) Кольца семилучевого белого металла обломок (Рис.1, *2*). Общая длина украшения – 21 мм, общая высота – 22 мм. Вес – 17,2 гр. КМА 305/49/20.

Сохранились три нижних и верхних боковых луча сливающихся основаниями у объёмной дужки. Лучи укрупняются к середине. С лицевой стороны они покрыты плохо различимой ложной зернью, которая по краям образует высокую гладкую рамку. Форма нижних лучей позволяет осторожно предположить наличие у изначального украшения-образца каплеобразных завершений. У окончания щитка дужка переходит в плоское овалообразное расширение. Обратная сторона кольца гладкая, с нечётким изображением дужки. Нечёткость и сглаженность деталей украшения может говорить об использовании при его изготовлении изделия вторичной или более отливки.

Наиболее близкими соответствиями украшению из окрестностей с. Банищи являются семилучевые височные кольца с Ишутинского городища (Курская обл., Россия) (Шпилев, 2010. С.231. Рис.4,*1*) (Рис.1, *4*), из жилища №24 Новотроицкого городища (Сумская обл., Украина) (Ляпушкин, 1958. Рис.63) (Рис.1, *6*), с Супрутского городища (Тульская обл., Россия) (Григорьев, 2005. Рис.38,*12*) (Рис.1, *5*), из Зарайского/Железницкого (Рыбаков, Рис.14) (Рис.1, *7*) и Алпатьевского (Мурашева, 2014. Рис.2, *1*; Алпатьевский клад) (Рис.1, *3*) кладов (Московская обл., Россия).

Близок к ним и обломок лучевого кольца из переотложенного слоя юго-западной части Центрального городища Гнёздово (Смоленская обл., Россия) (Пушкина, 2015. С. 127. Рис.1,*3*). Украшение определено Т.А. Пушкиной как пятилучевое, однако расположение относительно дужки отдельных элементов кольца может свидетельствовать о том, что оно имело семь лучей (Рис.1, *8*). Интересно присутствие на одном из лучей этого украшения такого же линейного узора в виде подтреугольника со срезанной вершиной, как и на кольце из Зарайского/Железницкого клада (Рис.1, 7 – *8*).

Все вышеперечисленные височные кольца объединяет наличие ряда общих признаков: 1) изображение на лицевой стороне щитка объёмной гладкой дужки к которой

крепятся сливающиеся основаниями верхние и нижние лучи; 2) гладкие округлые расширения дужки у щитка; 3) покрывающая внешнюю сторону лучей ложная зернь (зачастую плохо различимая); 4) высокая рамка вдоль краёв лучей, образованная шариками ложной зерни (зачастую плохо различимыми и сливающимися в одну полосу); 5) каплеобразное завершение нижних лучей или его следы; 6) гладкая обратная сторона с выступающей дужкой или её следами.

Нижняя дата бытования данного типа височных колец определяется кольцом из жилища №24 Новотроицкого городища, гибель которого во время набега печенегов И.И. Ляпушкин относит к рубежу IX – X вв. (Ляпушкин, 1958. С. 184,191).

Определяющим в обосновании этого утверждения послужили даты чеканки найденных на городище дирхемов (денежно-вещевой клад из кв. Ш2 с младшей монетой 818/19 гг. и монета 833 г. из жилища №2) к которым исследователь прибавил 50 лет, т.к. «обычно считается, что между временем выхода монеты с монетного двора и временем «оседания» ее в отдалённых уголках Восточной Европы проходит около полустолетия» (Ляпушкин, 1958. С. 182).

За годы, прошедшие со времени выхода монографии И.И. Ляпушкина, взгляды исследователей изменились и сейчас возможный максимальный разрыв между датой младшей куфической монеты клада и датой его выпадения в культурный слой определяется в 10 – 20 лет (Гайдуков, Федоров-Давыдов, Янин, 2000. С.55 – 56). Согласно А.Н. Кирпичникову, этот разрыв может быть ещё меньше: «Диапазон странствования монеты от места чеканки до места сокрытия клада или потери сокровища, судя по северорусским находкам, определялся разницей, не превышающей 14 лет. Для более раннего периода такой временной разрыв оказывается меньшим. Рябинин во время раскопок 1974 г. обнаружил в ладожской постройке, возведённой в 765 – 770 гг., полудрахму 768 г., а в сооружении, построенном в 775 – 780 гг. – полудрахму 783 г. Потребовалось, следовательно, несколько лет (в среднем от 3 до 8), чтобы монеты, выпущенные в Табаристане, оказались в домах Нижнего Поволховья» (Кирпичников, 1985. С.22).

Относительно современной датировки Новотроицкого городища по монетным находкам В.С. Кулешов отмечает, что «правдоподобно синхронизировать сокрытие клада с единичной монетой из жилища №2 … и датировать эти комплексы концом 830-х и 840-ми гг., не исключая (но и не аргументируя в пользу) более поздней датировки. Что касается расширения верхней даты использования городища – в соответствии с точкой зрения автора раскопок (Ляпушкин 1985: 182) – до второй половины IX в., то нумизматический материал сделать этого не позволяет» (Кулешов, 2012. С.70).

Новотроицкий клад из кв. Ш2 входит в группу восточноевропейских кладов укрытых примерно в одно и то же время в Верхнем Поднепровье (Витебский р-н 822/23 гг., Могилев 814/15 гг.), Посожье (Литвиновичи 823/24 гг., Яриловичи 820/821 гг.), на После (Новотроицкое 818/19 гг. и Нижняя Сыроватка 812/13 гг.), Десне (Нижние Новоселки 811/12 гг., Кремлевское 812/13 гг.) и на Оке (Лапотково 816/17 гг., Хитровка 810/11 г., Баскач 807/8 гг., Борки 817/18 гг.), а также серии кладов Верхнего Поволжья (Угодичи 812/13 гг., Сарское городище 812/13 гг., Семенов Городок 810/11 гг., Демянск 824/25 гг., Набатово 815/16 гг.) (Кропоткин, 1978. С.113).

Близки по составу к этим кладам и 49 восточных монет, обнаруженных О.Л. Прошкиным при исследовании погибшего от вражеского нападения роменского «Чертова городища» (Калужская обл., Россия). Среди них (44 найдены в пределах раскопа №9, 5 – подъёмный материал) преобладают аббасидские дирхемы иранского

и североафриканского чекана. Старшая среди обнаруженных на сегодня монет «Чёртова городища» – чеканенная в Нишапуре сасанидская драхма Хосрова II (590 – 628 гг.), младшая – аббасидский дирхем халифа ал-Мамуна, чеканенный в Самарканде в 813/14 гг. (Прошкин, 2011. С.60, 111 – 113).

Мы считаем возможным предположить, что выпадение этих кладов, а так же разгром Новотроицкого и «Чёртого» городищ является свидетельством единовременной вспышки военной активности связанной с т.н. «Амастридским» походом руси, произошедшим в промежутке между 833/34 гг. (уточнённая В.С. Кулешовым дата чекана монеты из жилища №2 Новотроицкого городища) и 839 г. (отмеченное в «Бертинских анналах» возвращение посольства русов из Византии через Франкскую империю) (Зорин, Шпилев, 2009. С.392 – 395).

Верхний рубеж существования височных колец рассматриваемого типа может быть определён по младшим дирхемам Зарайского/Железницкого и Алпатьевского кладов – 877/8 гг. и 861 г. (Корзухина, 1954. С.81; Мурашева, 2014. С.116, 125). Выпадение этих и близких им кладов из Мишнево, Супрут, Бобылей, Острогов, Растовца, Хитровки и Моисеево мы связываем с Северской войной князя Олега Вещего в 884 г. (Зорин, Шпилев, 2009. С.401 – 403).

2. Курская область. Берег р. Свапа в пределах Дмитриевского или Хомутовского районов.

Кольцо пятилучевое белого металла с частично обломанной дужкой (Рис.2, *1*). Ширина – 38 мм. Сверху на объёмную дужку кольца помещены две птицы идущие влево и пирамидка из трёх шариков зерни между ними. Снизу к дужке прикреплено пять лучей. Два крайних – пирамидки из трёх кругов обрамлённых гладкими рамками. Три средних луча имеют обрамлённую ложной зернью треугольную основу с вписанной в неё гладкой остроконечной рамкой, внутренняя часть которой заполнена ложной зернью. К внешней стороне лучей прилегают гладкие плоские выступы заканчивающиеся небольшими шариками зерни сверху и крупным шариком зерни на окончании луча. В месте соединения щитка с дужкой помещено три поперечных гладких валика. Задняя сторона кольца гладкая с объёмным изображением дужки.

Кольцо этого типа найдено в пределах Курской области впервые.

Ближайшими соответствиями курскому кольцу являются пятилучевое кольцо и обломок схожего с ним украшения из Гнёздово (Пушкина, 2015. Рис.1, *4,5*) (Рис.2, *2,3*), а так же два кольца с парным изображением птиц (Рис.2,*4*) из захоронения на поселении Маморницы (Черновицкая обл., Украина) (Тимощук, 1982. С.179. Рис.91,*6*).

Украшения из Гнёздово представляют собой обломок щитка с двумя крайними лучами и изображением птички на внешней стороне дужки (Рис. 2, *3*), а так же пятилучевое кольцо без дужки (Рис. 2, *2*). Первый обломок кольца был найден «на пойменном участке селища в яме, в которой лепная составила около 16% от всей собранной в ней керамики. Автор раскопок отнёс яму на основании стратиграфических данных к финальному этапу (горизонт 2) существования этой части поселения. Общие границы этапа определены второй половиной X в. Место находки второго такого кольца, но выполненного из латуни…, точно не известно. Судя по сохранности, оно может происходить из культурного слоя» (Пушкина, 2015. С.127).

Ещё один обломок подобного украшения из Гнёздово был обнаружен в кургане №125 (63) Лесной группы, исследованном В.И. Сизовым совместно с В.Д. Соколовым в 1882 г. (Ширинский, 1999. С.119. Рис.27, *III.111*). Согласно Т.А. Пушкиной, «фрагмент третьего аналогичного серебряного кольца… происходит из погребения (вероятно, женского), совершенного по обряду трупосожжения. Немногочисленный инвен-

тарь пострадал от огня, в его составе отмечены несколько стеклянных лимоновидных бусин желтого цвета и сребростеклянная пронизка, серебряная пустотелая бусина и обломок пластинчатого перстня, тип которого определить не удается, обломок дирхема 180 г.х. (796/797 г.н.э.). В опубликованном дневнике раскопок В.И. Сизова упомянуты два обломка оплавленных серебряных монет, в фондах ГИМ хранится только один фрагмент монеты Харуна ар-Рашида. Указанный в работе Т.В. Равдиной фрагмент саманидской монеты начала X в. [Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, 904/5 гг. – А.Ш.] в коллекции отсутствует» (Пушкина, 2015. С.127). К сожалению, полностью восстановить первоначальный облик височного кольца не представляется возможным, т.к. от него сохранился только обломок среднего луча с пирамидкой из трёх шариков зерни с обратной стороны дужки (Пушкина, 2015. Рис.1, *6*). Предполагать полное соответствие предыдущим двум кольцам нужно с осторожностью, т.к. сохранившиеся части украшения позволяют определить его тип, но не утраченные детали.

Близким соответствием курскому кольцу так же является бронзовое семилучевое кольцо с Супрутского городища (Григорьев, 2005. Рис.38,*9*), однако оно имеет отличия в виде дополнительной пары боковых лучей – пирамидок зерни, отсутствия расширений в местах соединения дужки со щитком, направления движения птиц вправо и наличия одиночных шариков зерни с внутренней стороны дужки (Рис.2, *5*). Кольцо было обнаружено А.В. Григорьевым при исследовании культурного слоя в 2002 г. Оно близко по оформлению обломку пятилучевого височного кольца, обнаруженного С.А. Изюмовой на этом же памятнике около детского костяка (Григорьев, 2005. С.91 – 92). Основное отличие колец заключается в том, что на детском кольце птица изображена не идущей, а клюющей виноград. Мы относим образование на Супрутском городище слоя пожара с кладами и останками людей ко времени русско-северянской войны 884 г., в ходе которой часть войск Олега Вещего или его союзники могли нанести отвлекающий удар по родственным северянам вятичам (Зорин, Шпилев, 2009. С.403 – 404; Шпилев, 2016. С. 185, 187, 188).

Маморницкое захоронение было определено Б.О. Тимощуком как синхронное поселению XII – XIII вв. на территории которого его обнаружили (Тимощук, 1982. С.179), однако соответствие маморницких украшений кольцам из Гнёздово и Супрут, вероятно, свидетельствует об разновременности поселения и захоронения.

Сюжет с парным изображением птиц на кольцах из Курской области, Супрут, Гнёздово и Маморниц имеет соответствия в византийском искусстве VI – XII вв. На взгляд автора, это позволяет связать найденные в Восточной Европе украшения с раннесредневековой византийской ювелирной традицией, распространённой не только в пределах самой Византийской империи, но и долго сохранявшейся на землях, захваченных у византийцев арабами. Попадая в руки восточноевропеских ювелиров, эти височные кольца могли или использоваться для вторичных отливок или служить образцами при создании украшений, соединявших в себе как импортные влияния, так и привычные для их покупателей элементы декора (Шпилев, 2010. С. 229).

Наиболее вероятным временем бытования лучевых височных колец с парным изображением птиц автор считает 2-ю половину IX – 1-ю половину X вв.

3. х. Кирпичный или Голый Пай (Льговский район). В 2012 г., примерно в 1 км к юго-востоку от городища «Соловень», в насыпи на берегу р. Сейм был обнаружен «клад» из 4 семилучевых височных колец (2 целых и 2 в обломках) и 5 пробитых дирхемов.

Из этого «клада» КГОМА был передан обломок височного кольца белого металла в виде гладкого луча с частью щитка (Рис.2, *6*). Высота обломка – 17 мм. Вес –

0,44 гр. КМА 305/49/19. На щитке видны две гравированные линии с фестонами под ними. Имеющий крупное каплеобразное завершение луч украшен гравированным изображением треугольника. Кольцо относится к выделенному Е.А. Шинаковым типу Н (вариант 29) V группы конца X – начала XI вв. (Шинаков, 1980. С.122).

Наиболее близкими соответствиями украшению являются пять височных колец из Жидеевского клада (Курская обл., Россия) (Рис.2, *7*). Хронология вещевой и нумизматической составляющих клада позволяют определить часть входящих в него предметов (очелье, браслеты, семилучевые височные кольца, 23 монеты-привески) как комплекс металлических женских украшений северян/северов, обитавших на северо-западе современной Курской области в последней четверти X в. Топография клада и хронология входящих в него монет позволяют включить Жидеевский клад в группу курских кладов, укрытых при разгроме Курского Посеймья Владимиром Святославовичем в 985 г. (Шпилев, 2010. С.224, 233. Рис.4,*6*).

Поскольку украшения из окрестностей х. Кирпичный/Голый Пай были найдены в насыпи, не совсем понятно, являются ли они кладом или сопроводительным инвентарём разрушенного погребения. Недоступность монет из этого комплекса делает невозможным более узкое временное определение, но типологические особенности переданного музею височного кольца позволяют отнести его к набору украшений поздних северян/северов, живших в пределах современной Курской области во 2-й половине X в.

На территории Курского края украшения соответствующие кольцам из Кирпичного и Жидеевского клада в материалах древнерусского времени пока не встречены. Однако они известны в захоронениях Кветуньского могильника (Брянская обл., Россия), датированных Е.А. Шинаковым концом X – началом XI вв. (Шинаков, 1980. С.122).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатьевский клад // https://starcom68.livejournal.com/2092305.html

Гайдуков П.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л. Новый клад куфических монет X в. из Новгорода // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. М., 2000

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э.Тула, 2005

Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009

Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX – XIII вв. М.-Л., 1954

Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе //Древняя Русь и славяне. М., 1978

Кулешов В.С. Денежное обращение Новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб, 2012

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. №74. М.-Л., 1958

Мурашева В.В. «Книга путей и стран» (Алпатьевский клад) // Славяне и иные языци… / Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014

Петрухин В.Я. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки и из грек в варяги. Каталог выставки. М., 1996

Прошкин О.Л. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга, 2011.

Пушкина Т.А. Лучевые височные кольца Гнёздова // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Вологда, 2015

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948

Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ, 1982

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибутация лучевых височных колец // СА. №3, 1980

Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881 – 1901 гг. // Гнёздовский могильник. Ч. 1. Археологические раскопки 1874 – 1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999

Шпилев А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII вв.)// Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008

Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII – 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып.4. Тула, 2009

Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratumplus, №5 2010. Ремесло археолога. Спб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2010

Шпилев А.Г. Скандинавские украшения из урочища «Городище» (Курская область, Россия) // Русский сборник. Вып.8. Т.1 Брянск, 2016

Янин В.Я. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009

NEW FINDINGS OF THE RAYED TEMPLE RINGS IX – X c.
FROM THE KURSK REGION.

A.G. Shpilev

The article is the publication of new findings of the rayed temple rings of the 9th – 10th centuries that were part of the a set of female ornaments of the mentioned in chronicles Slavic tribe «Severiane» who inhabited the modern Kursk region (Russia)

Keywords: ornaments of ancient Slavs, rayed temple ring, history of Russia

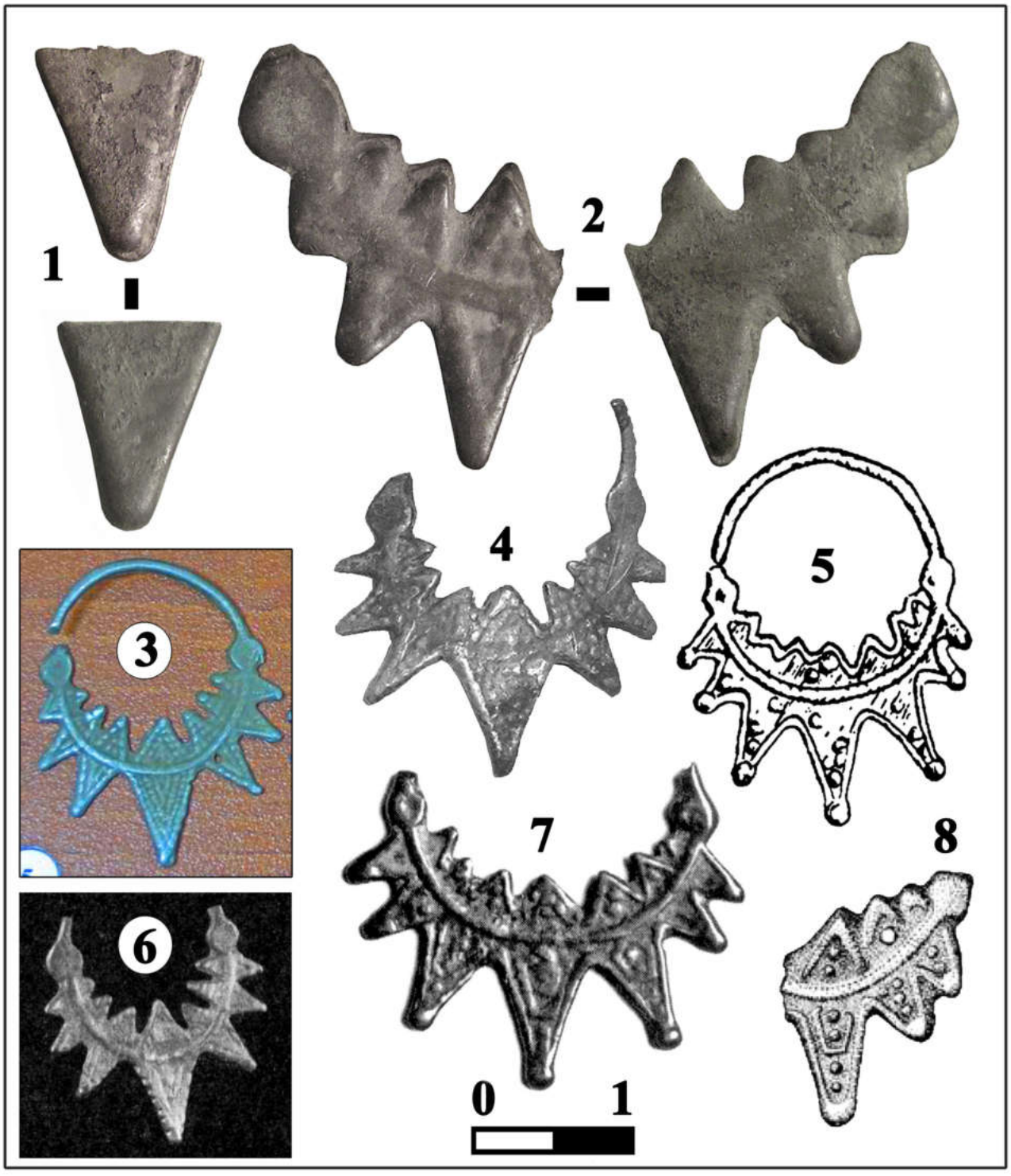


Рис.1

1 – 2 – Банищи; 3 – Алпатьевский клад (по Алпатьевский клад);
4 – Ишутинское городище; 5 – Супрутское городище (по Григорьев, 2005);
6 – Новотроицкое городище (по Ляпушкин, 1958); 7 – Зарайский/Железниц-кий клад (по Рыбаков, 1948); 8 –Гнёздово(по Пушкина, 2015).
3 – 8 – без масштаба

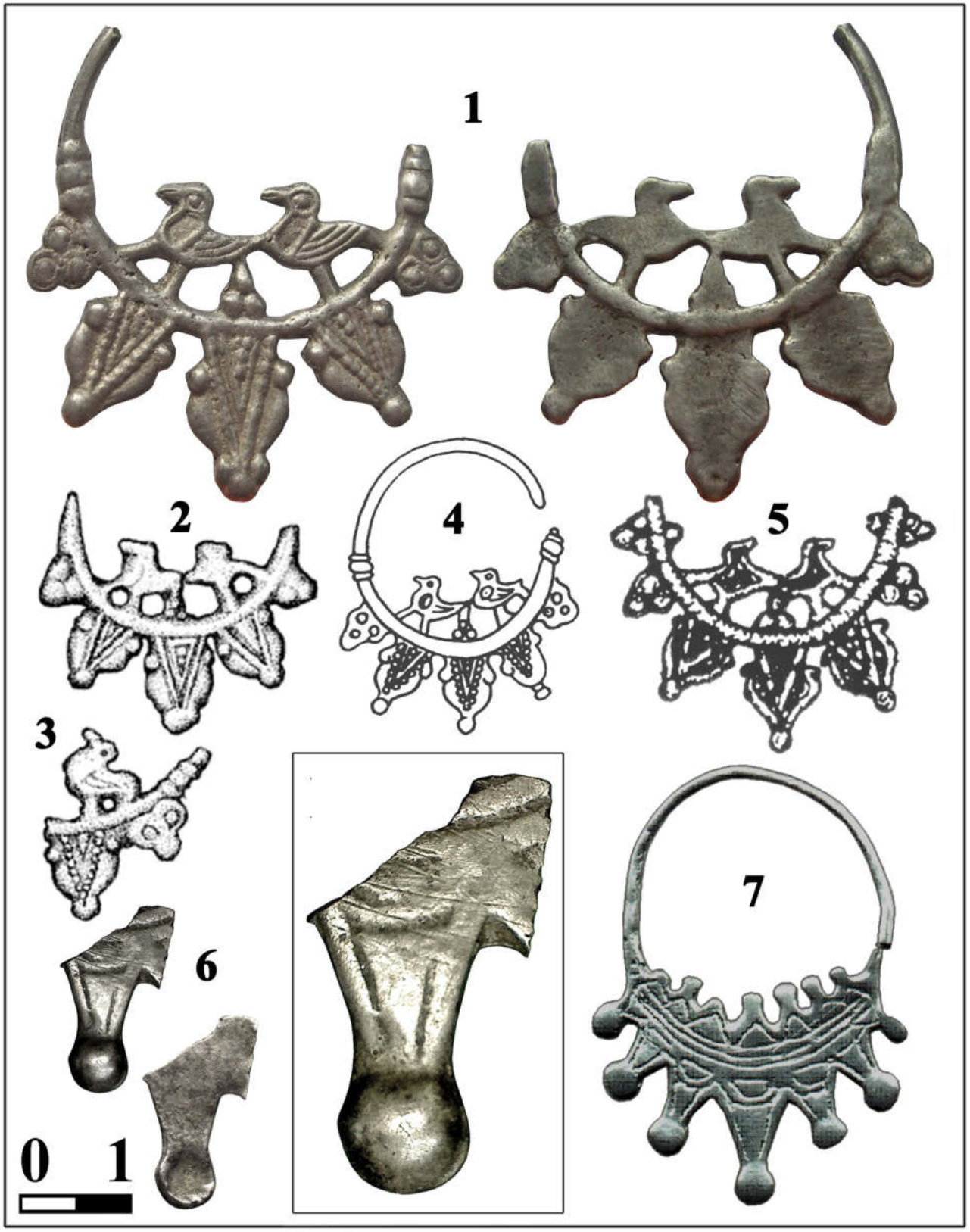


Рис.2

1 – Курская область (Дмитриевский или Хомутовский р-ны);
2-3 – Гнёздово (по Пушкина, 2015); 4 – Маморницы (по Тимощук, 1982);
5 – Супрутское городище (по Григорьев, 2005); 6 – х. Кирпичный/Голый Пай; 7 – Жидеевский клад (по Шпилев, 2010).
2 – 5, 7 – без масштаба

ЖИЛАЯ ЗОНА ЖИДЕЕВСКОГО ГОРОДИЩА РУБЕЖА X – XI вв.

© 2018 г. А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

В статье представлена реконструкция жилой зоны и постройки на городище у с. Жидеевка (Железногорский район, Курская область). Городище представляет собой небольшую, но мощно укреплённую усадьбу феодала рубежа X – XI вв., которая располагалась рядом с неукреплённым поселением на берегу р. Усожа. На территории усадьбы отчётливо прослеживаются жилая и хозяйственная зоны, где находились различные постройки. Жилая постройка представляла собой наземное двухъярусное деревянное сооружение, которое имело пристройки и два углублённых в материковый грунт погреба. Подобная конструкция нетипична для данной территории.

Ключевые слова: Древняя Русь, городище, феодальная усадьба, жилая постройка.

Городище, расположенное в километре к юго-востоку от с. Жидеевка Железногорского района, находится на невысоком останце в пойме правого берега Усожи, левого притока Свапы, и обнесено подковообразным валом и заплывшим рвом. Очертания его площадки наводили исследователей на одну и ту же мысль – они предполагали, что половина городища обрушилась в реку. Однако данные картографии, подтверждённые затем и результатами археологических исследований, опровергли это предположение. Жидеевское городище являлось одной из опорных точек при составлении планов генерального межевания Дмитриевского и Фатежского уездов Курской губернии в 1785 г. и, в результате, оказалось отражено на данных планах (Рис. 1, *1*). На них городище имеет, как и в настоящее время, форму сегмента, примыкающего к берегу р. Усожа чуть севернее устья ручья, обозначенного, как «речка Глинец Колодезь». Территория селища к востоку и северо-востоку от городища, судя по условным обозначениям, подвергалась в тот период распашке. Следует отметить, что на более поздних картах данной территории, как в XIX, так и в XX вв., городище не отмечалось, а на карте 1956 г. ручей показан под названием «Любимец» (Рис. 1, *3*).

Размеры площадки городища невелики – 40 на 20 м, при высоте от уровня реки до 5 м (Рис. 2). Современная высота вала составляет от 0,5 до 2 м, а ров достигает глубины не более 0,4 м. На северо-западе городище граничит с довольно обширным неукреплённым селищем, с территории которого происходит серия находок, включающих в себя обрезанные дирхемы, а также денежно-вещевой клад, синхронный времени существования городища (Кашкин, 1998. С. 183; Стародубцев, 2012. С. 220-226; Шпилев, 2008. С. 43-59).

Памятник неоднократно обследовался археологами (Ю.А. Липкинг в 1960-е гг., А.И. Пузикова в 1972 г., П.Г. Гайдуков в 1981 г.), но раскопок на его территории не проводилось вплоть до 2010 г., когда здесь начала работу экспедиция Курского музея археологии. Раскопки продолжались до 2012 г. и дали возможность вскрыть большую часть площадки, исследовать вал, ров и въезд на городище и в общих чертах восстановить историю этого интересного и во многом уникального для Курской области памятника (Рис. 3) (Стародубцев, 2011. С. 48-54; Стародубцев, Зорин, 2017. С. 5-13).

Как показали проведённые исследования, на участке, занятом городищем, первоначально располагалось поселение раннего железного века. Об этом свидетельствовали находки фрагментов керамики, обломков ритуальных хлебцов и глиняных блоков, керамических грузил и пряслиц, встречавшихся в пределах сохранившихся участков культурного слоя. Следующий хронологический горизонт на территории городища относится к периоду IX – X вв., когда здесь существовало

неукреплённое поселение роменской культуры. И, наконец, только на рубеже X – XI вв. поверх культурных напластований этого поселения возводятся укрепления Жидеевского городища. При этом в ходе строительства ранние напластования на площадке городища были почти полностью срезаны, сохранившись лишь под толщей оборонительного вала. Именно их изучение внесло решающий вклад в датировку памятника.

Обычно укрепления славянских городищ представляют в виде бревенчатого частокола на гребне земляного вала или же как связанные между собой срубы-городни, иногда заполненные землёй. Оборонительные сооружения Жидеевского городища выглядели иначе. Судя по всему, с напольной (восточной) стороны его окружал ров, достигавший около 10 м в ширину при глубине до 2 м. Для предохранения стенок рва от осыпания они укреплялись деревянной обшивкой из плах, удерживаемых столбами, которые оставили после себя серию округлых ям. Подобная ширина обусловлена особенностью местного супесчаного и песчаного грунта — при меньшей ширине ров бы довольно быстро полностью заплыл. Сами оборонительные стены также имели столбовую конструкцию и представляли собой два ряда своеобразных «клетей» из плах, крепившихся к столбам и забутованных супесчаным грунтом. В целом мощность оборонительной стены составляла около 6 м при вероятной высоте около 2 м. Таким образом, противнику при нападении на крепость предстояло вначале спуститься в ров двухметровой глубины, преодолеть десятиметровое расстояние до стен под обстрелом со стороны защитников, а затем подняться на четырёхметровую высоту, чтобы вступить в бой с гарнизоном крепости. С внутренней стороны к стене примыкал внутренний ровик, грунт из выборки которого также пошёл на засыпку внутреннего объёма стен. Над ним были устроены всходы на боевую площадку стены, оставившие после себя углубления в материковом грунте. В южной части площадки городища к стене примыкала более простая ограда также столбовой конструкции (заплот). С западной стороны, вдоль обрывистого речного берега, городище было защищено аналогичной оградой, перекрывавшей промежутки между стенами хозяйственных построек. Пожар, сопровождавший гибель городища, уничтожил постройки и заплот, но не затронул двухрядную восточную стену, деревянные части которой впоследствии были разобраны. Следы разборки стен отчётливо прослеживаются в профиле вала в верхней части стыка двух слоёв заполнения «клетей». После снятия деревянной обшивки, заполнение коробчатых секций стены оплыло как во внешний ров, так и во внутренний ровик. Въезд на городище находился на юге и на уровне материка имел форму канавки, ориентированной по линии с юго-востока на северо-запад. Она полого спускалась к краю площадки и продолжалась вдоль южного склона городища далее в ров. В северо-западном и юго-восточном склонах въезда были выявлены парные столбовые ямы, находящиеся на расстоянии двух метров друг от друга. Вероятно, они были оставлены столбами ворот (Стародубцев, 2015. С. 66-69).

Следует отметить, что подобной конструкции укреплений до сих пор не было встречено ни на одном из исследованных городищ Курской области.

Под защитой стены и рва на площадке городища находились его жилые и хозяйственные постройки. Застройка площадки городища отчётливо распадается на отдельные зоны. Хозяйственная зона-1 располагалась в пределах северной трети площадки. Здесь были выявлены лишь разновременные столбовые ямки, что позволяет предположить, что эта территория использовалась в качестве загона для скота. Хозяйственная зона-2, включающая в себя комплекс однотипных построек

каркасно-столбового типа и обширную зерновую яму, находилась в центральной части площадки и вдоль склона речного берега. Хозяйственные постройки городища представляли собой подпрямоугольные столбовые конструкции, слегка углублённые в материковый песчаный грунт. Стены их, скорее всего, были плетнёвыми, обмазанными глиной, а кровля — соломенной. К их числу относились ямы 2, 5, 7, 14, 21 и 24. В их заполнении, помимо фрагментов лепной и раннекруговой керамики, были встречены такие находки, как бронзовый перстень с орнаментированным насечкой щитком и завязанными концами, астрагал со сверлением, железное сверло, пряслица из розового пирофиллитового сланца, фрагмент проволочного перстнеобразного височного кольца из билона, точильный камень, плужный нож, обломки жерновов. Важную роль в жизни городища играл объект, оставивший после себя котлован ямы 32. Это была зерновая яма-хранилище, имевшее в плане форму неправильной окружности размером 1,98 на 1,32 м. Стенки ямы в материке были наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка достигала 2,51 м. Её объем составлял в заглубленной в материк части примерно 9,55 м^3, что позволяло вместить в хранилище более 7 тонн зерна.

Жилая зона городища находилась в южной части его площадки. В её состав входило три крупных заглублённых в материк объекта (ямы 22, 108 и 150), а также несколько серий столбовых ямок различного размера и глубины, тяготевших к более крупным объектам (Рис. 4). Здесь же был выявлен развал печины и прокалённой глины – остатки рухнувшей и разбившейся при падении глинобитной печи. Прежде всего, рассмотрим характеристики данных объектов.

Яма 22 представляла собой котлован погреба, окружённый серией небольших столбовых ямок. На уровне материка на глубине -97 – -110 в плане имела форму неправильного прямоугольника ориентированного по линии ЮЮЗ – ССВ размером 3,93 х 1,92 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, сужающиеся к дну ямы. В юго-западном углу обнаружены три ступеньки, ведущие в яму. При этом наблюдалось понижение уровня всех ступеней от их начала к краю. Дно ямы плоское, глубина от уровня материка 0,80 – 0,93 м (Рис. 5, *1*).

Заполнение ямы в верхней части представляло собой слой серой золистой супеси мощностью 0,05 – 0,25 м, аналогичной культурному слою площадки городища. В придонной части этого слоя фиксировались многочисленные фрагменты обмазки и печины, а также обломки костей животных со следами огня. Под ним располагался слой коричневато-серой супеси мощностью 0,15 – 0,57 м, в котором также обнаружены фрагменты обмазки и печины, а также обломки костей животных со следами огня. В северной части ямы в этом слое отмечены две линзы желтоватой светло-серой супеси и линза серой супеси с углями и золой. Мощность первой из линз желтоватой светло-серой супеси составляла 0,03 – 0,04 м, второй 0,06 – 0,10 м, мощность линзы серой супеси с углями и золой 0,17 – 0,26 м. Под слоем коричневато-серой супеси в придонной части ямы находился насыщенный углями слой мощностью 0,05 – 0,25 м. В нем в центральной части ямы зафиксирована прослойка золы мощностью 0,03 – 0,10 м (Рис. 5, *2*).

При выборке пласта 1 заполнения найден 181 обломок лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 3 фрагмента сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 178 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 20 венчиков). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружено 33 фрагмента круговой керамики (из них 15 раннекруговой). Среди этих находок – 2 раннекруговых венчика,

один из которых украшен как «верёвочным» орнаментом верхнему краю, так и линейным и волнистым орнаментом по плечику (Рис. 6, *1-23*).

Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков камней, железной руды и шлака, 1 фрагмента кремня, углей и костей животных со следами огня.

Из индивидуальных находок заполнения – изделия из железа: фрагмент кольца (№ 12) и фрагмент неопределимого предмета (№ 22), а также кость со следами обработки (№ 21) (Рис. 8, *3,4,8*).

При выборке пласта 2 заполнения найдено 214 обломков лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 4 фрагмента сосудов раннего железного века (в том числе 1 венчик с «жемчужным» орнаментом). Также зафиксировано 210 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 11 венчиков). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружено 38 фрагментов круговой керамики (из них 25 раннекруговой). Среди этих находок – 2 круговых венчика и 6 раннекруговых (Рис. 6, *24-42*).

Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков камней, 1 фрагмента кремня, углей и костей животных со следами огня.

Из индивидуальных находок заполнения обнаружен фрагмент точильного камня из песчаника (№ 24) (Рис. 8, *2*).

При выборке пласта 3 заполнения найдено 118 обломков лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 2 фрагмента сосудов раннего железного века (в том числе 1 венчик. Также зафиксировано 116 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 5 венчиков. Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом по верхнему краю. Кроме того, обнаружено 8 фрагментов стенок раннекруговой керамики, один из которых был украшен волнистым орнаментом (Рис. 7, *1-7*).

Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков камней, шлака, углей и костей животных со следами огня.

Из индивидуальных находок заполнения обнаружены кость со следами обработки (№ 26) и шиферное биконическое подлощёное пряслице (№ 29) (Рис. 8, *1, 6*).

При выборке пласта 4 заполнения найдено 105 обломков лепной посуды, относящихся к роменской культуре (в том числе 12 венчиков). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружено 23 фрагмента раннекруговой керамики (из них 2 венчика, один из которых украшен как «верёвочным» орнаментом верхнему краю, так и волнистым орнаментом по плечику, а в тесто другого вместо шамота добавлена дроблёная железная руда. Среди раннекруговых стенок один фрагмент был украшен волнистым орнаментом (Рис. 7, *8-21*).

Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков камней, железной руды и шлака, углей и костей животных со следами огня.

Из индивидуальных находок заполнения – изделия из глины: фрагмент пряслица (№ 18) и фрагмент миниатюрного сосуда (№ 19) (Рис. 8, *5,7*).

После зачистки дна и стен ямы 22 были в восточной части 3-й ступени обнаружено пятно ямы 22А, а в восточной стене – пятно ямы 22Б.

Яма 22А зафиксирована в восточной части 3-й ступени ямы 22 на границе квадратов Г14–Г15 на глубине -178 – -182. Имела в плане округлую форму размером 0,18 х 0,19 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от

уровня материка 0,04 – 0,08 м. Заполнение – насыщенная углями супесь. Находок в заполнении не обнаружено.

Яма 22Б зафиксирована в восточной стене ямы 22 в квадрате Г14 на глубине -131 – -135. Имела в плане форму неправильной окружности размером 0,86 х 0,76 м и частично уходящее в подбой восточной стенки ямы 22. Заполнение – коричневато-серая супесь. При расчистке заполнения ямы в центральной части на глубине -149 – -155 обнаружено кольцеобразное пятно углей размером 0,63 х 0,54 м с толщиной стеной кольца 0,09 – 0,15 м. Внутри кольца находился грунт насыщенный золой с остатками горелого дерева и имеющий следы прокала. На глубине -158 найдены два достаточно массивных камня, а на глубине -166 – углистое пятно размером 0,47 х 0,35 м мощностью 0,03 – 0,04 м. На глубине -148 – -155 стенки ямы резко сужались до размеров 0,47 х 0,35 м и углублялись в материке практически вертикально, дно плоское, общая глубина ямы от уровня материка 1,05 – 1,08 м.

В заполнении находок обнаружено 6 обломков лепной посуды, относящихся к роменской культуре, в том числе 1 венчик, который кроме «верёвочного» орнамента по верхнему краю и по плечику, также был украшен зигзагообразной насечкой по плечику (Рис. 7, *22*). Также в заполнении найдено 6 фрагментов обмазки и 1 обломок железной руды.

На основании изучения заполнения ямы был сделан вывод о том, что в ней находилась деревянная бочка, сгоревшая во время пожара.

В общей сложности заполнение объекта, включая ямы 22А и 22Б, содержится 717 фрагментов керамики X – рубежа XI вв., из которых 14,2 % приходится на фрагменты раннекруговых сосудов.

К котловану ямы 22 тяготела серия округлых столбовых ямок. Так вдоль южной, западной и северной её стенок тянулась цепочка из ям 83 – 91 и 93. У юго-западного и юго-восточного углов котлована располагались крупные столбовые ямки 92 и 94.

Яма 83 в плане имела округлую форму размером 0,28 х 0,31 м. Стенки ямы в материке слегка, дно с незначительным уклоном к югу, глубина от уровня материка 0,19 – 0,20 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 84 в плане имела округлую форму размером 0,34 х 0,37 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с незначительным уклоном к югу, глубина от уровня материка 0,39 – 0,44 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении обнаружены 3 фрагмента стенок лепной роменской керамики, 6 обломков обмазки, 2 – камня, а также мелкие угли.

Яма 85 в плане имела округлую форму размером 0,23 х 0,24 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные под разными углами, дно с незначительным уклоном к северу, глубина от уровня материка 0,49 – 0,50 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении обнаружен 1 фрагмент обмазки.

Яма 87 в плане имела округлую форму размером 0,18 х 0,17 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,21 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 89 в плане имела округлую форму размером 0,16 х 0,19 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, восточная стенка – вертикальная, дно плоское, глубина от уровня материка 0,29 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 90 в плане имела округлую форму размером 0,22 х 0,18 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,18 – 0,19 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении обнаружены 3 фрагмента стенок лепной роменской керамики, 3 – обмазки, 1 – шлака, 1 – камня и 1 обломок кости животного.

Яма 91 в плане имела округлую форму размером 0,20 х 0,18 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,30 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 93 в плане имела округлую форму размером 0,22 х 0,24 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,25 – 0,28 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении обнаружено 3 фрагмента обмазки.

Яма 92 в плане имела подпрямоугольную форму размером 0,45 х 0,35 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,08 – 0,10 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении обнаружено 3 фрагмента обмазки и 1 обломок кости животного.

Яма 94 в плане имела округлую форму размером 0,40 х 0,38 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,10 – 0,11 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

На стыке квадратов Д14 – Е14 было зафиксировано скопление из 320 крупных фрагментов прокалённой глины (печины) и 15 прокалённых камней, которое, несомненно, представляло собой остатки разрушенной печи (Рис. 9). Вероятно, с печью связано и расположенное по соседству с этим развалом скопление столбовых ям в квадратах Д14 – Д15, куда относятся объекты под номерами 63 – 70. Вероятно, установленные в них столбы служили опорой для глинобитной печи, находившейся на верхнем ярусе жилого сооружения (Рис. 4).

Яма 63 в плане имела овальную форму размером 0,34 х 0,35 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,05 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 4 фрагмента стенок лепной роменской керамики и 5 обломков обмазки.

Яма 64 в плане имела овальную форму размером 0,63 х 0,45 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с небольшим уклоном к ЮЮВ, глубина от уровня материка 0,31 – 0,33 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 2 фрагмента стенок лепной роменской керамики, 14 обломков обмазки и 1 – кости животного.

Яма 65 в плане имела форму неправильной окружности размером 0,39 х 0,32 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,23 – 0,25 м. Заполнение – темно-серая супесь. В заполнении обнаружены 1 фрагмент стенки круговой керамики и 2 обломка камней.

Яма 66 в плане имела округлую форму размером 0,34 х 0,37 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,21 – 0,22 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 1 фрагмент стенки лепной керамики раннего железного века.

Яма 67 в плане имела округлую форму размером 0,40 х 0,42 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с незначительным уклоном к Ю, глубина от уровня материка 0,21 – 0,22 м. Заполнение – темно-серая супесь. В заполнении обнаружены 3

фрагмента стенок лепной роменской керамики, 3 – стенок круговой керамики и 9 обломков обмазки. В своей северо-западной части пробита ямой 67А.

Яма 67А в плане имела округлую форму размером 0,41 х 0,42 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с незначительным уклоном к Ю, глубина от уровня материка 0,30 – 0,31 м. Заполнение – серая золистая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 68 в плане имела округлую форму размером 0,41 х 0,42 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с незначительным уклоном к С, глубина от уровня материка 0,18-0,19 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 8 фрагмента лепной роменской керамики (из них 2 венчика. Из индивидуальных находок найден фрагмент железного изделия (№ 20).

Яма 69 в плане имела округлую форму размером 0,21 х 0,24 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,19 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 70 в плане имела округлую форму размером 0,40х0,36 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно незначительным уклоном к Ю, глубина от уровня материка 0,18-0,19 м. Заполнение – темно-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Следующим крупным объектом жилой зоны является яма 150 (Рис. 10, 11).

Яма 150 в плане имела форму неправильного прямоугольника ориентированного по линии ЮЮЗ – ССВ размером 8,25 х 3,72 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, сужающиеся к дну ямы. В юго-западном углу обнаружена ступенька подпрямоугольной формы, ведущая в яму. Размеры ступеньки 0,56 х 0,21м при глубине от уровня материка 0,26 – 0,32 м. Дно ямы плоское, глубина от уровня материка 1,00 – 1,12 м.

Заполнение ямы в верхней части представляло собой слой грунта мощностью 0,05 – 0,33 м образовавшейся за счет диффузии слоя темно-серой супеси (слой 6) располагавшегося над ямой 150 со слоем светло-желтого песка мешанного с серой супесью (слой 5Б) мощностью 0,07 – 0,20 м. Под ним находилась линза желтого песка (слой 5) мощностью 0,04 – 0,15 м, под которой, как и под слоем 5Б располагался слой 5А (светло-желтый песок, мешанный со светло-серой супесью) мощностью 0,07 – 0,20 м. Под слоем 5А зафиксирована прослойка углей (У1) мощностью 0,04 – 0,09 м, которая перекрывала всю площадь ямы 150. На эту прослойку в южной части ямы опускался, частично перекрывая ее слой мешаной светло-серой супеси (слой 3) мощностью 0,10 – 0,14 м. Под угольной прослойкой (У1) на большей части площади заполнения обнаружен слой мешаной серой супеси (слой 3А) мощностью 0,03 – 0,21 м. В северной части ямы слой 3А сменялся слоем темно-серой супеси (слой 6) мощностью 0,05 – 0,23 м, со значительным количеством углей. Под слоем 3А и, частично, под слоем 6 зафиксирована прослойка углей (У2) мощностью 0,03 – 0,08 м, которая в северной и южной части ямы располагалась на дне, а в центральной части перекрывала слой 5Б мощностью 0,03 – 0,08 м, слой 5 мощностью 0,02 – 0,24 м и слой 6 мощностью 0,10 – 0,14 м, при этом слой 5 имел заметные следы прокала (Рис. 11).

При выборке пласта 1 в западной части заполнения найдено 154 обломков лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 10 фрагментов сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 140 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 10 венчиков. Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружено 65

фрагмента круговой керамики (из них 60 раннекруговой). Среди этих находок – 8 раннекруговых венчиков (Рис. 12).

Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки, камней, железной руды и шлака, углей и костей животных (в том числе 1 кальцинированной). Из индивидуальных находок заполнения – фрагмент изделия из железа (№ 61), железная игла (№ 62), а также обломок жернова (№ 63) (Рис. 15, *1-3*).

При выборке пласта 2 в западной части заполнения найдено 44 обломка лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 3 фрагмента сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 41 фрагмент, относящийся к роменской культуре (в том числе 3 мелких венчика). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружено 15 фрагментов раннекруговой керамики. Среди этих находок – 3 мелких раннекруговых венчика (Рис. 13, *1-3*). Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки, камней, железной руды и шлака, углей и костей животных. Из индивидуальных находок заполнения обнаружен фрагмент железного ножа (№ 64) (Рис. 15, *8*).

При выборке пласта 3 заполнения найдено 23 обломка лепной посуды, относящихся к роменской культуре (в том числе 2 мелких венчика). Кроме того, обнаружено 9 фрагментов раннекруговой керамики (в том числе 1 мелкий венчик) (Рис. 13, *4-8*). Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков камней, шлака, углей и костей животных. Индивидуальных находок в пласте не обнаружено.

При выборке пласта 4 заполнения найдено 5 обломков стенок лепной посуды, относящихся к роменской культуре (Рис. 13, *9-10*). Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки, камней, железной руды и костей животных. Индивидуальных находок в пласте не обнаружено.

При выборке пласта 5 заполнения найдено 27 обломков лепной посуды, относящихся к роменской культуре (в том числе 2 мелких венчика). Помимо фрагментов керамики отмечены находки большого количества обломков печины и костей животных, а также крупных фрагментов железной руды. Индивидуальных находок в пласте не обнаружено.

При выборке слоя 3 в восточной части заполнения найдено 4 обломка стенок лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 1 фрагмент сосуда раннего железного века и 3 фрагмента, относящихся к роменской культуре. Кроме того, обнаружено 4 фрагмента стенок раннекруговой керамики. Помимо фрагментов керамики отмечены находки 3 фрагментов обмазки, 1 обломка камня. Индивидуальных находок в пласте не обнаружено.

При выборке слоя 6 в восточной части заполнения найдено 30 обломков стенок лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 5 фрагментов сосудов раннего железного века и 25 фрагментов, относящихся к роменской культуре. Кроме того, обнаружено 10 фрагментов раннекруговой керамики (в том числе 2 мелких венчика). Помимо фрагментов керамики отмечены находки 14 фрагментов костей животных, 2 – обмазки, 5 обломков камней и 2 – железной руды. Индивидуальных находок в пласте не обнаружено.

При выборке 1-го горелого слоя в восточной части заполнения найдено 55 обломка лепной посуды (из них 2 – раннего железного века и 53 – роменской культуры). Среди последних зафиксировано 3 венчика. Кроме того, обнаружено 13 фрагментов раннекруговой керамики, из них 1 венчик. При выборке 2-го горелого слоя в восточной части заполнения найдено 32 обломка лепной посуды (из них 4 –

раннего железного века и 28 – роменской культуры). Среди них зафиксировано 2 венчика (1 – раннего железного века и 1 – роменской культуры). Кроме того, обнаружено 9 фрагментов стенок раннекруговой керамики, из них 1 была украшена линейным орнаментом (Рис. 14). Помимо фрагментов керамики отмечены находки фрагментов костей животных, обмазки, обломков камней, шлака и железной руды. Из индивидуальных находок в 1-м горелом слое заполнения – изделия из железа: нож (№ 67), пластинчатый браслет с завитками на концах (№ 68), а также крючок (№ 69). Из индивидуальных находок во 2-м горелом слое заполнения – два фрагмента жернова (№№ 71, 72) (Рис. 15, *4, 5, 7, 9, 10*).

Между 1-м и 2-м горелыми слоями в слое 6 обнаружен обрезанный дирхем (№ 70), имеющий диаметр 17,0 мм и вес 1,03 г. Монета сильно потерта в результате продолжительного обращения, имеет следы огня. К сожалению, из-за плохой сохранности от легенд сохранились лишь отдельные буквы. На лицевой стороне – только от символа веры, на оборотной стороне – начало второй части символа и, скорее угадываются, чем видятся, буквы от имени халифа – « …т..и» и от имени эмира – «м.н…. Ну..». По мнению В.П. Лебедева здесь, вероятно, имеются в виду халиф ал-Му’ти и саманидский эмир Мансур б.Нух. Исходя из данного определения, монету нужно датировать 954 – 961 гг. (Рис. 15, *6*).

В общей сложности заполнение объекта содержится 474 фрагментов керамики X – рубежа XI вв., из которых 26,4 % приходится на фрагменты раннекруговых сосудов.

После зачистки дна и стен ямы 150 были около западной стены зафиксировано пятно ямы 150А.

Яма 150А зафиксирована около стены в западной части дна ямы 150. Имела в плане овальную форму размером 0,30 х 0,20 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,11 – 0,32 м. Заполнение – темно-серая супесь (слой 6). В заполнении находок не обнаружено.

Следует также отметить, что ступенька, прослеженная в юго-западном углу котлована, являлась частью перехода, соединявшего погреб жилой постройки с примыкавшим к её стенам хозяйственным сооружением, оставившим неглубокий котлован ямы 108.

К яме 150 также тяготела цепочка столбовых ям (№№129, 130, 133, 151-155), которая тянулась вдоль её восточной стенки.

Яма 129 в плане имела округлую форму размером 0,29 х 0,31 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,10 – 0,12 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 130 в плане имела форму неправильной окружности размером 0,25 х 0,22 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,07 – 0,08 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 133 в плане имела округлую форму размером 0,32 х 0,27 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,04 – 0,08 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 151 в плане имела округлую форму размером 0,26 х 0,30 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,02 – 0,05 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 152 в плане имела округлую форму размером 0,40 х 0,38 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,06 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 153 в плане имела округлую форму размером 0,32 х 0,27 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,12 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 154 в плане имела округлую форму размером 0,43 х 0,50 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,13 – 0,14 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружено 2 мелких фрагмента стенок лепной посуды (из них 1 – раннего железного века и 1 роменского времени).

Яма 155 в плане имела округлую форму размером 0,24 х 0,23 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,15 – 0,18 м. Заполнение – серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

На участке между объектами 22 и 108 располагалось скопление столбовых ямок, которое можно интерпретировать, как следы находившегося здесь крыльца — ямы 114 – 122.

Яма 114 в плане имела округлую форму размером 0,56 х 0,48м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,10 – 0,13 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 115 в плане имела округлую форму размером 0,43 х 0,38 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,14 – 0,17 м. При зачистке дна выявлено пятно ямы 115А. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 115А зафиксирована в центральной части дна ямы 115. В плане имела округлую форму диаметром 0,05 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,03 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 116 в плане имела форму неправильной окружности размером 0,55 х 0,49 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно понижалось к центру ямы, глубина от уровня материка 0,06 – 0,20 м. При зачистке дна выявлено пятно ямы 116А. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 2 фрагмента лепных стенок раннего железного века и 1 – стенки раннекруговой посуды.

Яма 116А зафиксирована в центральной части дна ямы 116. В плане имела округлую форму размером 0,21 х 0,19 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,02 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 117 в плане имела округлую форму размером 0,38 х 0,28 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с незначительным понижением к центру, глубина от уровня материка 0,06 – 0,08 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 4 фрагмента обмазки.

Яма 118 в плане имела округлую форму размером 0,30 х 0,28 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,09 – 0,11 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 3 фрагмента лепных стенок роменской керамики и 1 обломок обмазки.

Яма 119 в плане имела округлую форму размером 1,04 х 1,06 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,13 – 0,23 м. При зачистке дна выявлено пятно ямы 119А. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении обнаружены 3 фрагмента лепных

стенок роменской керамики, 5 – стенок круговой посуды (в том числе 3 раннекруговых), обломки обмазки, камней, железной руды, костей животных (в том числе кальцинированных).

Яма 119А зафиксирована в центральной части ямы 119. В плане имела форму неправильной окружности размером 0,80 х 0,53 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно с понижением к центру, глубина от уровня материка 0,30 – 0,34 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении обнаружены 3 фрагмента лепных стенок роменской керамики, обломки обмазки, камней, костей животных (в том числе кальцинированных).

Яма 120 в плане имела овальную форму размером 1,20 х 0,62 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с незначительным понижением к центру, глубина от уровня материка 0,13 – 0,17 м. Своей южной частью пробивала яму 121. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении обнаружены 10 лепных фрагментов роменской керамики (в том числе 3 венчика украшенных «веревочным» орнаментом, 1 стенка раннекруговой посуды и обломки обмазки.

Яма 121 в плане имела округлую форму размером 0,75 х 0,61 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с понижением к ССВ, глубина от уровня материка 0,07 – 0,16 м. ***В своей северо-восточной части была пробита ямой 120.*** Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 3 фрагмента лепных стенок роменской керамики, 1 раннекруговой венчик, обломки обмазки и шлака.

Яма 122 в плане имела округлую форму размером 0,45 х 0,40 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,30 – 0,31 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Помимо того цепочка столбовых связывает между собой северные оконечности объектов 22 и 150. Это ямы 23, 53-57, 59, 60, 81, 82 и 97.

Яма 23 в плане имела округлую форму размером 0,58 х 0,69 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,44 – 0,48 м. Заполнение – гомогенная серая золистая супесь. Заполнение выбиралось пластами по 0,2 м. При выборке пласта 1 заполнения найдено 26 обломков лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 2 фрагмента сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 24 фрагмента, относящихся к роменской культуре (в том числе 4 мелких венчика). Кроме того, обнаружено 13 фрагментов стенок раннекруговой керамики. Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки и камней. При выборке пласта 2 заполнения найдено 2 обломка стенок лепной посуды, относящейся к роменской культуре. Кроме того, отмечены находки обломков кальцинированных костей, обмазки и камней.

Яма 53 в плане имела форму неправильного овала размером 0,66 х 0,50 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с уклоном к центру, глубина от уровня материка 0,16 – 0,23 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 2 фрагмента стенок лепной роменской керамики и 6 обломков обмазки.

Яма 54 в плане имела округлую форму размером 0,50 х 0,44 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с уклоном к югу, глубина от уровня материка 0,11 – 0,14 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 2 фрагмента стенок лепной роменской керамики и 2 обломка обмазки.

Яма 55 в плане имела овальную форму размером 0,33 х 0,25 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,10 м. Заполнение – темно-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 56 в плане имела округлую форму размером 0,73 х 0,67 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,07 – 0,09 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены фрагмент оселка (№ 17) (Рис. 19, *3*), 7 фрагментов стенок лепной роменской керамики, 1 обломок обмазки и 1 – шлака.

Яма 57 в плане имела овальную форму размером 0,42 х 0,27 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно с уклоном к ССЗ, глубина от уровня материка 0,17 – 0,21 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 4 фрагмента стенок лепной роменской керамики и 2 обломка шлака.

Яма 59 в плане имела форму неправильного подпрямоугольника размером 1,75 х 1,32 м ориентированного по линии З – В. При расчистке пятна ямы 59 оно распалось на два обособленных пятна ям 59 и 59А. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно с уклоном к центру, в центральной части дна – западина овальной формы размером 0,82 х 0,45 м. Глубина ямы от уровня материка 0,35 – 0,38 м, глубина западины от уровня дна ямы 0,13 – 0,15 м, общая глубина ямы вместе с западиной 0,40 – 0,45 м. Заполнение – светло-серая супесь. При выборке пласта 1 заполнения в юго-восточной части ямы на глубине -110 – -113 зафиксировано скопление камней-фосфоритов, а также подпрямоугольная железная пряжка (№ 25) (Рис. 19, *5*). При выборке пласта 2 заполнения в придонной части обнаружены 103 фрагмента лепной роменской керамики (из них 6 мелких венчиков и придонная часть сосуда, а обломки обмазки, шлака, камней и костей животных (в том числе кальцинированных).

Яма 59А зафиксирована в 0,05 м к северо-западу от ямы 59. На уровне материка в плане имела округлую форму размером 0,36 х 0,35 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно с незначительным уклоном к северу, глубина от уровня материка 0,17 – 0,18 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 6 фрагментов лепной роменской керамики (из них 1 венчик).

Яма 60 в плане имела форму неправильной окружности размером 0,85 х 0,80 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,16 – 0,18 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 18 фрагментов лепной роменской керамики (из них 2 венчика), 2 фрагмента круговой посуды (из них 1 венчик), а также обломки обмазки, шлака, железной руды и камней. Из индивидуальных находок найден фрагмент железного серпа (№ 23) (Рис. 19, *4*).

Яма 81 в плане имела округлую форму размером 0,22 х 0,24 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,18 – 0,19 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 4 фрагмента стенок лепной роменской керамики, мелкие обломки фосфоритов и 1 фрагмент обмазки.

Яма 82 в плане имела округлую форму размером 0,26 х 0,25 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,18 – 0,19 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 3 фрагмента стенок лепной роменской керамики и 2 фрагмента обмазки.

Яма 97 в плане имела округлую форму размером 0,35 х 0,37 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно с уклоном к югу, глубина от уровня материка 0,53 – 0,56 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 3 фрагмента лепной роменской керамики (из них 2 венчика, один из которых украшен «веревочным» орнаментом по верхнему краю и плечику, а второй – «веревочным» орнаментом по верхнему краю и волнистым по плечику, а также обломок донышка

сосуда с рисунком на придонной части стенки выполненного «веревочным» штампом в виде квадрата разделенного крестообразно на 4 квадратных сектора. Кроме того, найдены 2 фрагмента стенок круговой посуды, а также обломки обмазки и камней.

Следующим объектом жилой зоны является яма 108, представляющая собой неглубокий котлован, оставленный наземным хозяйственным сооружением, которое, возможно, вплотную примыкало к жилой постройке.

Яма 108 в плане имела форму неправильного прямоугольника ориентированного по линии З-В размером 4,02 х 2,52 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, сужающиеся к дну ямы. Дно ямы с незначительным понижением к центру, глубина от уровня материка 0,08 – 0,32 м. В северо-восточной части яма 108 смыкалась с южной частью ямы 150. Заполнение представляло собой темно-серую супесь с углями и мелкими фрагментами обмазки (Рис. 16).

При выборке пласта 1 заполнения найдено 118 обломков лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 7 фрагментов сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 111 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 6 венчиков). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружен 31 фрагмент раннекруговой керамики (из них 6 венчиков) (Рис. 17). Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки, камней, шлака, углей, горелого дерева, костей животных, а также 69 фрагментов железной руды. Из индивидуальных находок заполнения – железный язычок от пряжки (№ 47) (Рис. 19, *1*).

При выборке пласта 2 заполнения найдено 207 обломков лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 8 фрагментов сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 199 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 23 венчика). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Один из них имеет следы ремонта. Кроме того, обнаружен 21 фрагмент раннекруговой керамики (из них 4 венчика, украшенных «верёвочным» орнаментом как по верхнему краю, так и по плечику) (Рис. 18, *1-24*). Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки, камней, шлака, углей, костей животных, а также 69 фрагментов железной руды. Из индивидуальных находок заполнения – фрагмент точильного камня (№ 58) (Рис.19, *2*).

При выборке пласта 3 заполнения найдено 62 обломка лепной посуды. Среди этих обломков обнаружено 7 фрагментов сосудов раннего железного века. Также зафиксировано 55 фрагментов, относящихся к роменской культуре (в том числе 5 венчиков). Среди них – венчики, украшенные «верёвочным» орнаментом, как по верхнему краю, так и по плечику. Кроме того, обнаружено 8 фрагментов стенок раннекруговой керамики (Рис. 18, *25-26*). Помимо фрагментов керамики отмечены находки обломков обмазки, шлака, углей, горелого дерева, костей животных, а также 16 фрагментов железной руды.

Индивидуальных находок не обнаружено. В общей сложности заполнение объекта содержится 425 фрагментов керамики X – рубежа XI вв., из которых 14,1 % приходится на фрагменты раннекруговых сосудов. При этом заполнение объектов, оставивших котлованы ям 22 и 150 в целом содержали 1191 фрагмент лепной и круговой керамики данного периода, из которых на долю круговых и раннекруговых сосудов приходилось 19%. Этот разброс также может свидетельствовать в пользу разновременности жилой постройки городища и хозяйственного сооружения ямы 108.

На дне объекта находился прокаленный песок рыжего цвета. Также после зачистки найдены пятна ям 108А, 108Б, 108В, 108Г, 108Д (Рис. 16).

Яма 108А имела в плане округлую форму размером 0,24 х 0,25 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,20 м. В заполнении обнаружены 4 фрагмента обмазки и 1 – лепной стенки роменской керамики.

Яма 108Б имела в плане округлую форму диаметром 0,20 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,07 – 0,13 м. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 108В имела в плане округлую форму размером 0,25 х 0,24 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,06 – 0,08 м. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 108Г имела в плане округлую форму размером 0,15 х 0,17 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,03 – 0,08 м. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 108Д имела в плане овальную форму размером 0,11 х 0,18 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,02 – 0,03 м. В заполнении находок не обнаружено.

К яме 108 также тяготела серия столбовых ям под номерами 61, 62, 132, 134-136. Их расположение свидетельствует в пользу того, что постройка, оставившая эти объекты, имела столбовую конструкцию.

Яма 61 в плане имела овальную форму размером 0,45 х 0,26 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно плоское, глубина от уровня материка 0,05 м. Заполнение – темно-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 62 в плане имела овальную форму размером 0,33х0,53 м. Стенки ямы в материке наклонные под разными углами, дно с уклоном к востоку, глубина от уровня материка 0,06-0,09 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружен 1 фрагмент обмазки.

Яма 132 в плане имела округлую форму размером 0,26 х 0,27 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,18 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 134 в плане имела округлую форму размером 0,17 х 0,36 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,08 – 0,13 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 135 в плане имела округлую форму размером 0,30 х 0,33 м. Стенки ямы в материке наклонные, сужающиеся ко дну на конус, дно плоское, глубина от уровня материка 0,16 – 0,19 м. Заполнение – серая золистая супесь с мелкими углями. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 136 в плане имела округлую форму размером 0,25 х 0,28 м. Стенки ямы в материке слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,18 – 0,23 м. Заполнение – светло-серая супесь. В заполнении обнаружены 1 фрагмент стенки роменской керамики и 1 обломок шлака.

Таким образом, учитывая большое количество носящих служебный характер столбовых ям, зафиксированных вокруг крупных объектов (ямы 22, 108 и 150), а также значительное количество обломков печины и углей, как в заполнении ям 22 и 150, так и между ними, можно высказать предположение о том, что в пределах жилой

зоны городища находилась одна крупная наземная жилая постройка, погибшая при пожаре. Печи, располагавшиеся на верхнем, жилом ярусе сооружения, во время пожара рухнули и разбились. Обломки их частично ссыпались в погреба, а частично упали на поверхность площадки городища. Жилое сооружение было, вероятно, разделено внутри на собственно жилое помещение и служебное (кухню). Оба помещения были отапливаемы и располагались на участке между ямами 22 и 150, которые в свою очередь, представляют собой котлованы погребов, пристроенных к стенам основного сооружения (Рис. 20). В целом постройка, вместе с погребами, занимала площадь приблизительно 6х8 м. Над объектами 22 и 108, судя по всему, находились хозяйственные пристройки столбовой конструкции, первая из которых вплотную примыкала к стене жилого здания и покрывала собой погреб, а вторая стояла рядом со стенами основного жилого сооружения, примыкая к нему, но не являясь его непосредственной частью. При этом вполне вероятно, что постройка ямы 108 предшествовала по времени основному жилому комплексу и сгорела до его возведения.

Аналогии подобным жилым постройкам можно найти в русском деревянном зодчестве более позднего времени – в избах с подклетью и с пристроенными хозяйственными помещениями (Ащепков, 1950. С. 38-39, 50-51). Сочетание капитального жилого сооружения с примыкающими к нему хозяйственными постройками столбовой конструкции с плетневыми стенами прослеживается и в традиционном домостроительстве Курского края.

Исследование материалов, содержавшихся в культурных напластованиях и объектах городища, позволило предварительно датировать памятник концом X – началом XI вв. Городище возникло на территории уже существовавшего к тому времени селища роменской культуры и спустя сравнительно недолгий отрезок времени погибло в результате пожара. Его можно определить, как укреплённую усадьбу феодала, которому здешние земли были пожалованы киевским князем после покорения местного населения. О пришлом происхождении строителей и хозяев усадьбы говорит необычная для данной местности конструкция укреплений и жилого сооружения, располагавшегося на площадке городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998

Стародубцев Г.Ю. Начало исследований городища Жидеевка // История и археология восточноевропейской деревни: Материалы I международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». Выпуск I. Брянск, 2011

Стародубцев Г.Ю. Арабские монеты и подражания дирхемам с поселения Жидеевка Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012

Стародубцев Г.Ю. Раскопки вала городища Жидеевка в 2012 г. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XVI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2015

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Жидеевское городище – укреплённая «боярская» усадьба рубежа X – XI вв. // Краеведческие записки. Железногорск, 2017

Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI в.) // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 4. Брянск, 2008

LIVING ZONE ZHIDEEVKA HILLFORT OF THE TURN OF THE X – XI CENTURIES

A.V. Zorin, G. Yu. Starodubtsev.

The article presents the reconstruction of the living zone and the residential building on the Zhideevka hillfort (Zheleznogorsk district, Kursk region). This hillfort is a small, but powerfully fortified estate of the feudal lord of the X – XI centuries, which was located next to an unfortified settlement on the bank of the Usozha River. On the territory of the manor there are distinctly traced the residential and economic zones, where there were various buildings. The residential building was a terrestrial two-tiered wooden structure that had annexes and two cellars deep in the mainland. Such a construction is not typical for the given territory.

Keywords: Ancient Rus', hillfort, feudal estate, residential building.

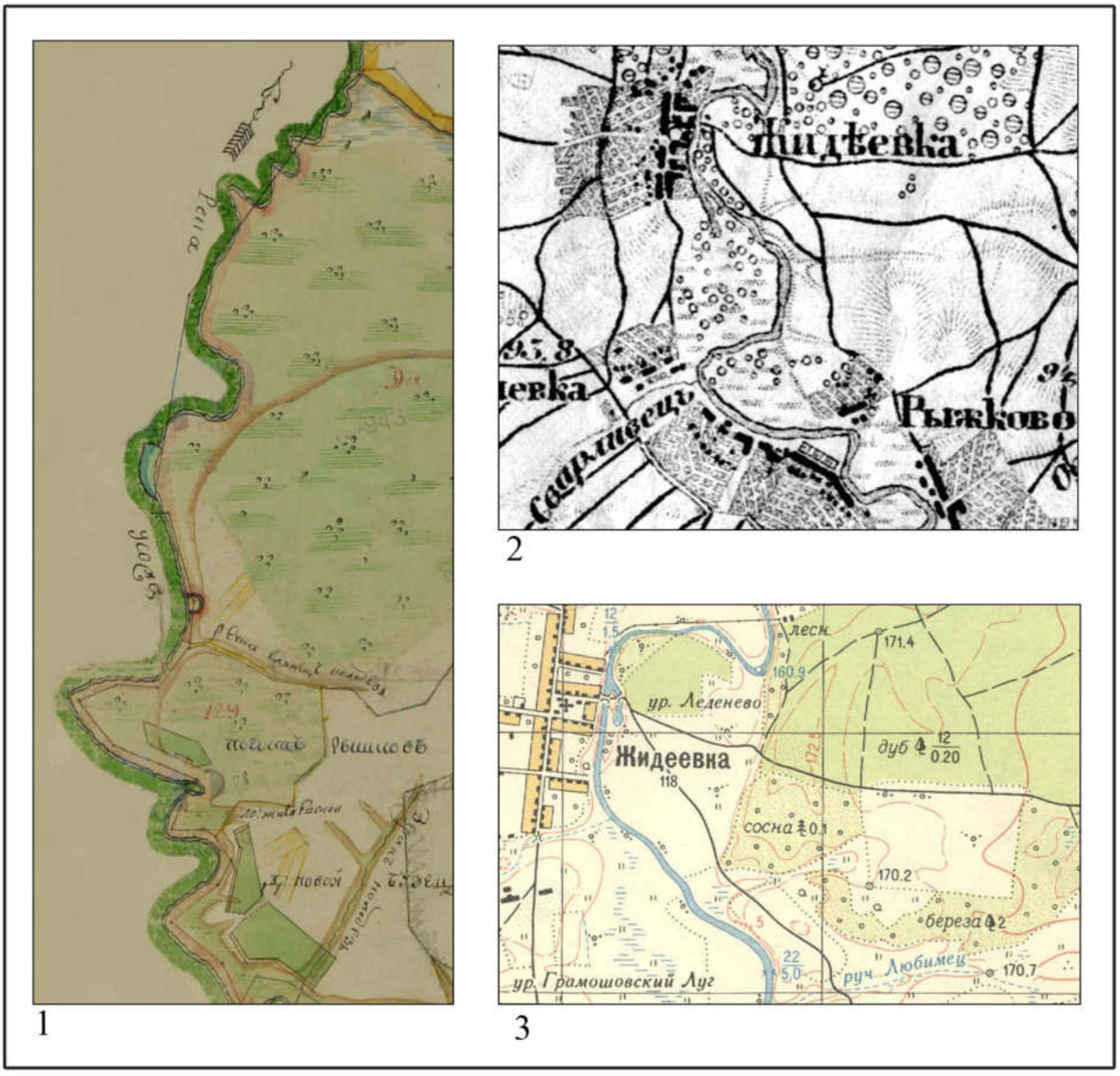


Рис.1

Окрестности с. Жидеевка и городище на картах XVIII – XX вв.

1 – Жидеевское городище на плане межевания Фатежского уезда, 1785 г.

2 – Окрестности Жидеевки на карте 1866 г.

3 – Окрестности Жидеевки на карте 1957 г.

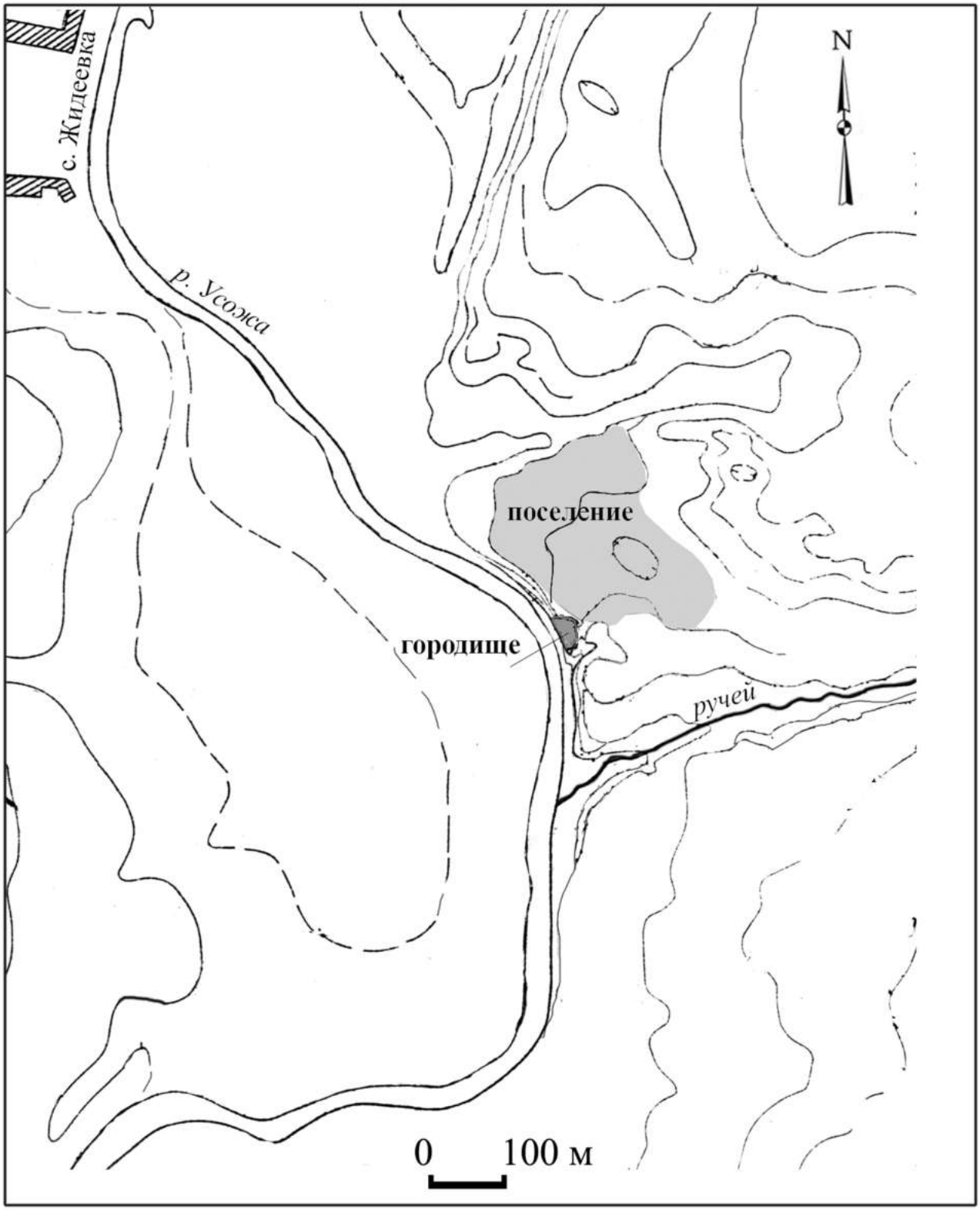


Рис.2.
Городище и поселение у с.Жидеевка.

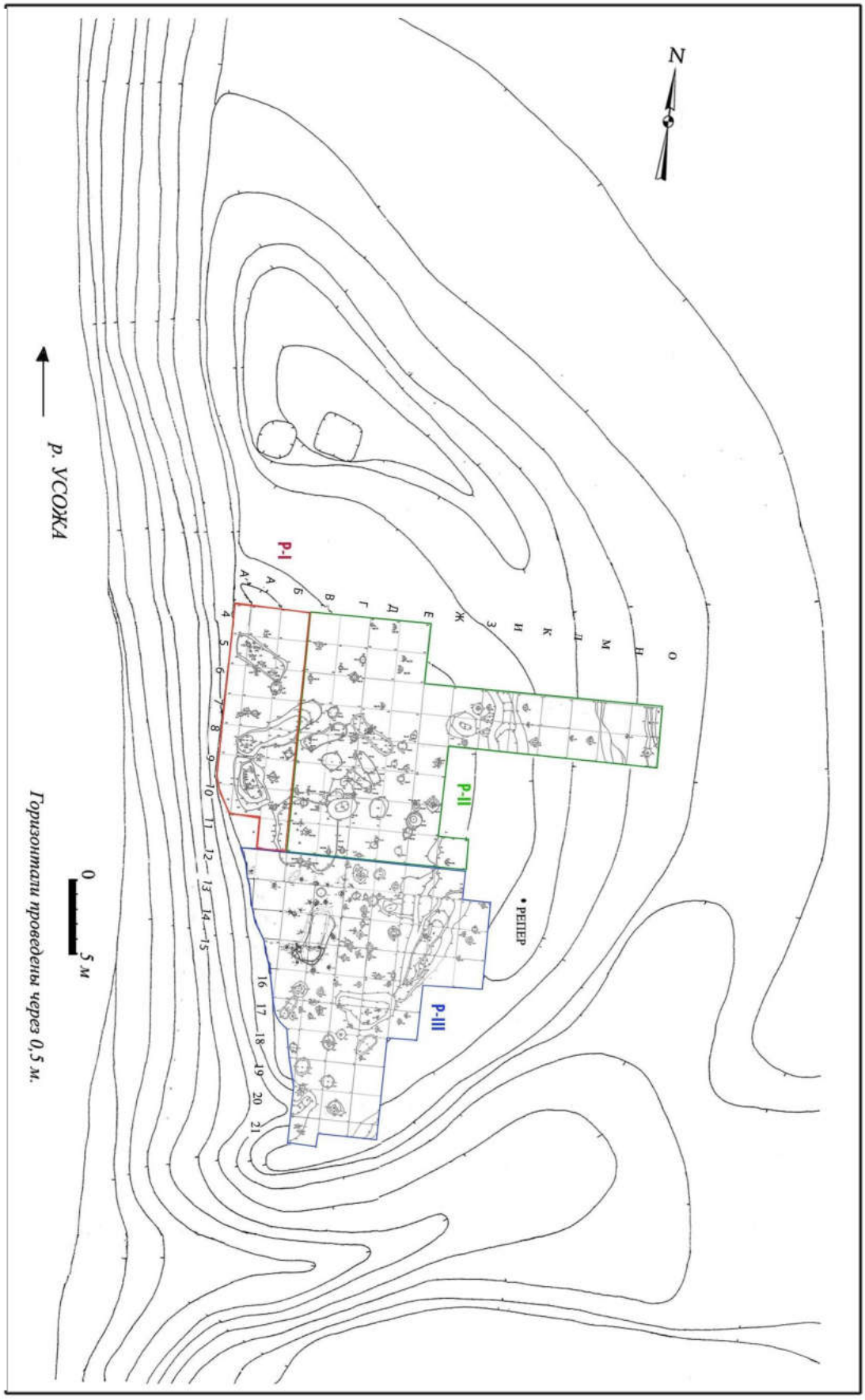


Рис.3

Топографический план Жидеевского городища, контуры раскопов I – III и объекты, выявленные на уровне материка.

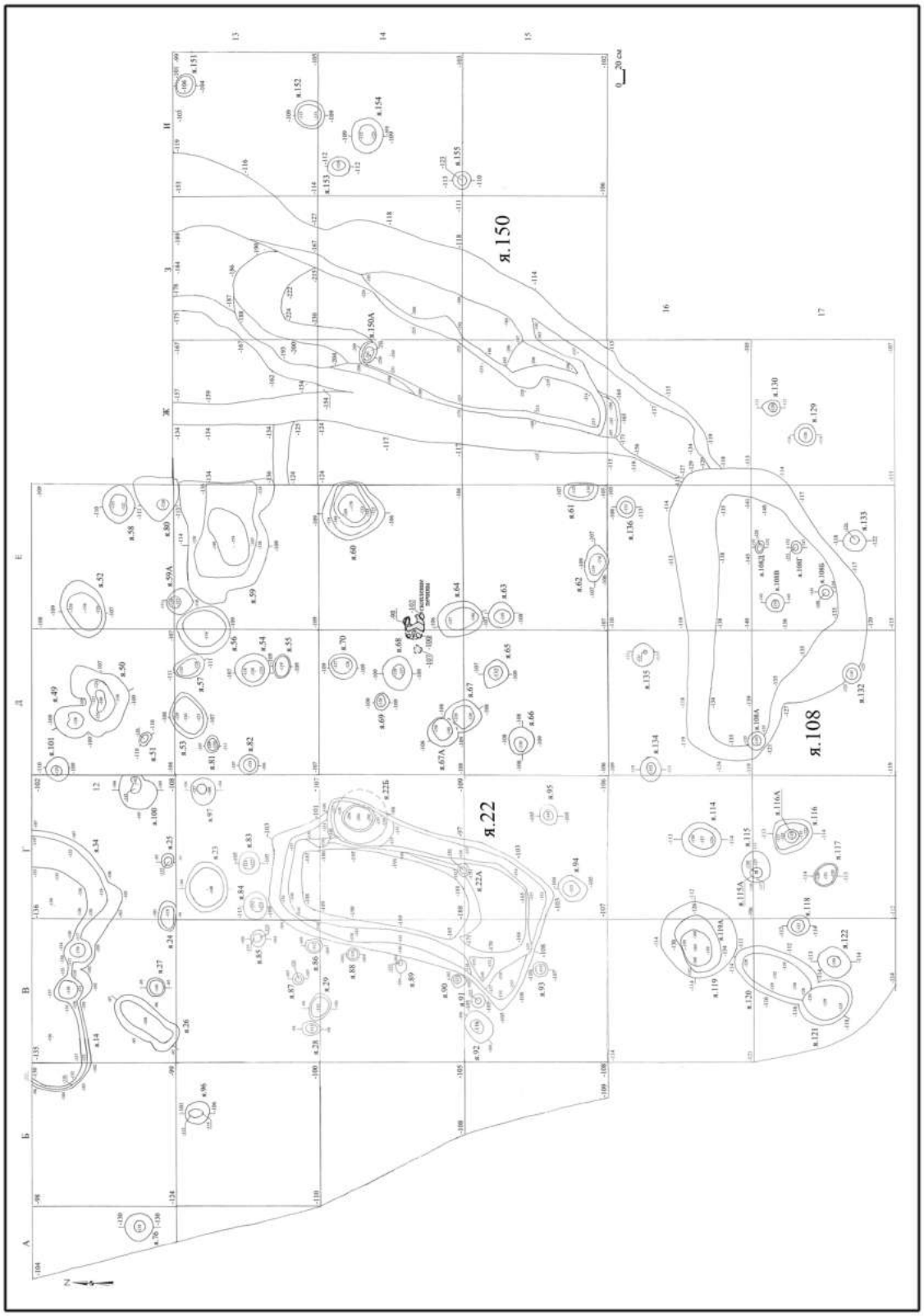


Рис.4
Жилая зона площадки Жидеевского городища.

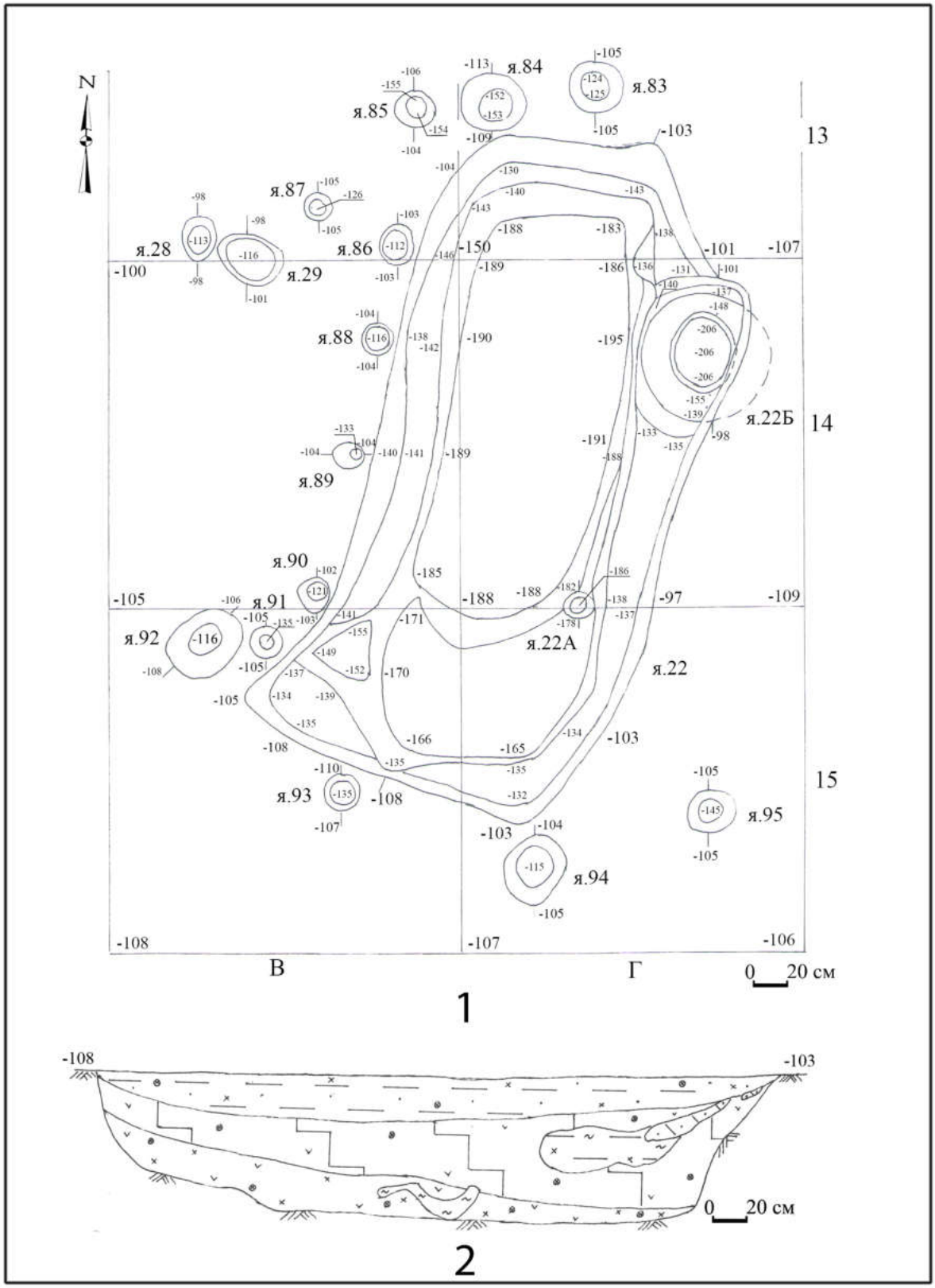


Рис.5

Яма 22 и связанные с ней объекты

1 – План ямы 22 и связанных с ней объектов после выборки заполнения;

2 – Профиль разреза ямы 22 по линии С – Ю.

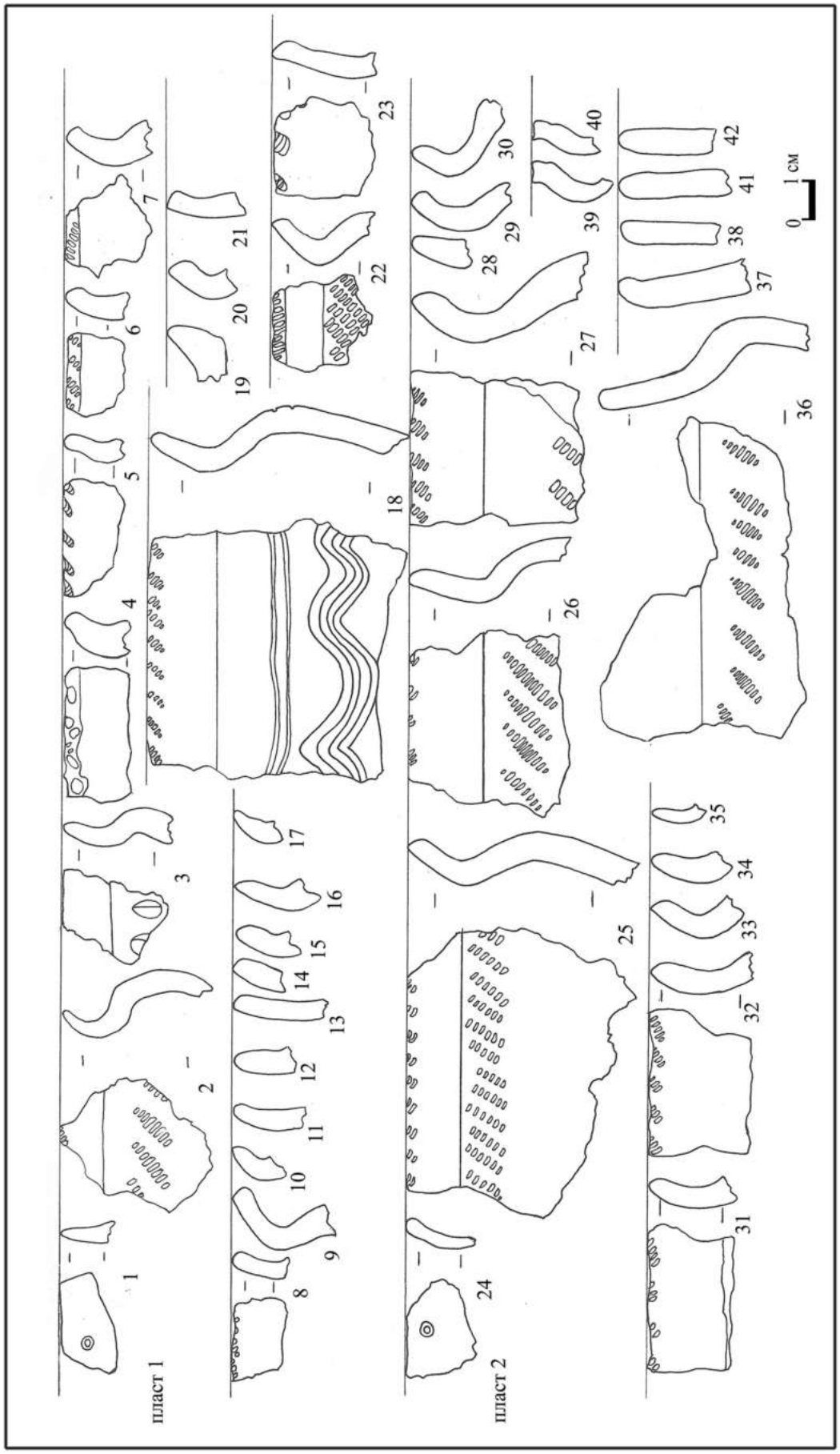


Рис.6
Яма 22. Керамический материал пл. 1-2.

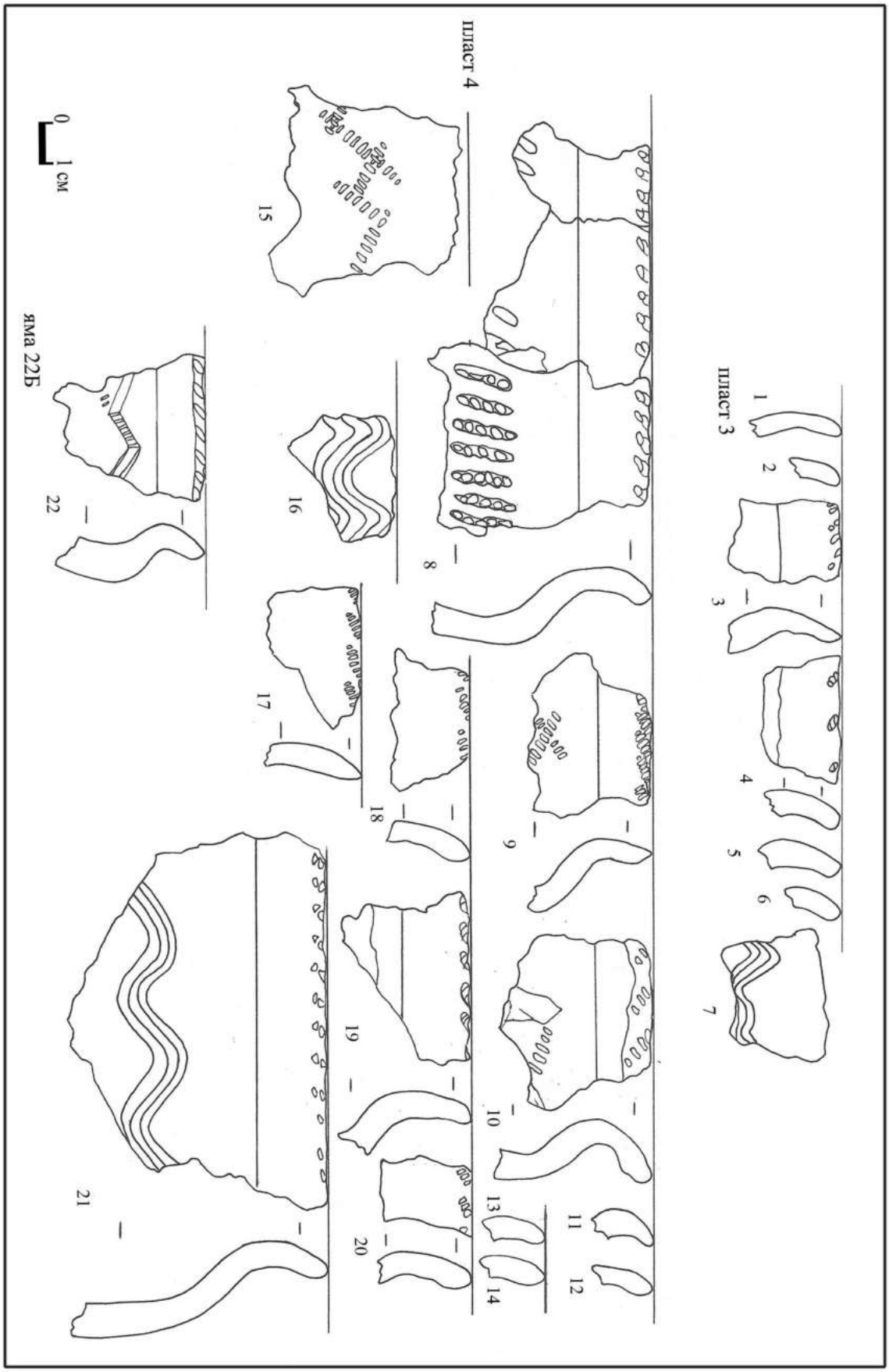


Рис.7

Яма 22. Керамический материал пл. 3-4 и я. 22Б.

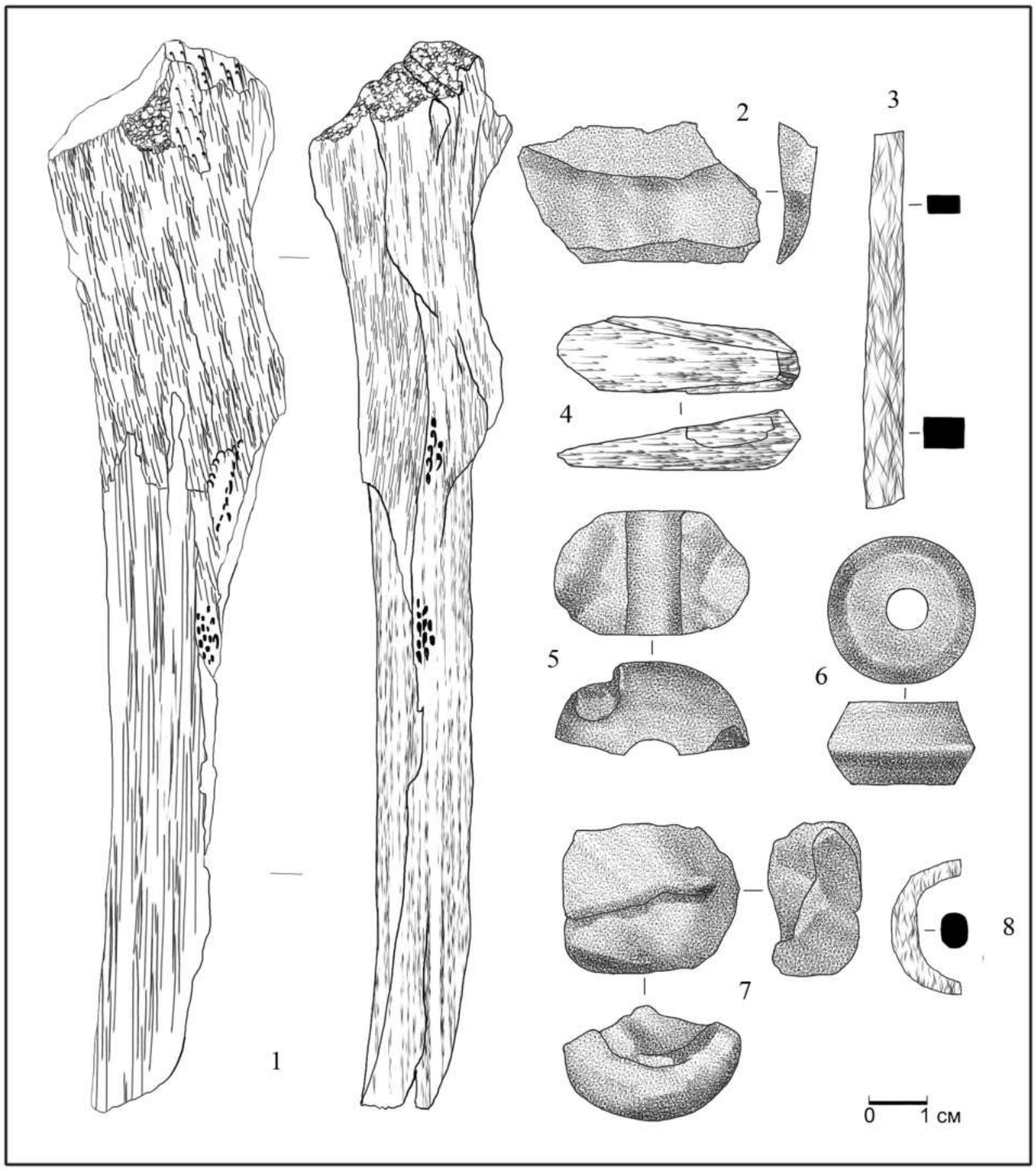


Рис.8

Яма 22. Индивидуальные находки.

1 – кость обработанная (№26); 2 – камня точильного фрагмент (№24); 3 – предмета железного фрагмент (№22); 4 – кость со следами обработки (№21); 5 – пряслица фрагмент (№18); 6 – пряслице шиферное (№29); 7 – сосуда миниатюрного фрагмент (№19); 8 – кольца фрагмент (№12).

(1,4 – кость; 3,8 – железо; 5,7 – глина; 6 – розовый пирофиллитовый сланец).

Рис.9

Скопление печины на границах квадратов Д14 – Е14. Вид с Ю.

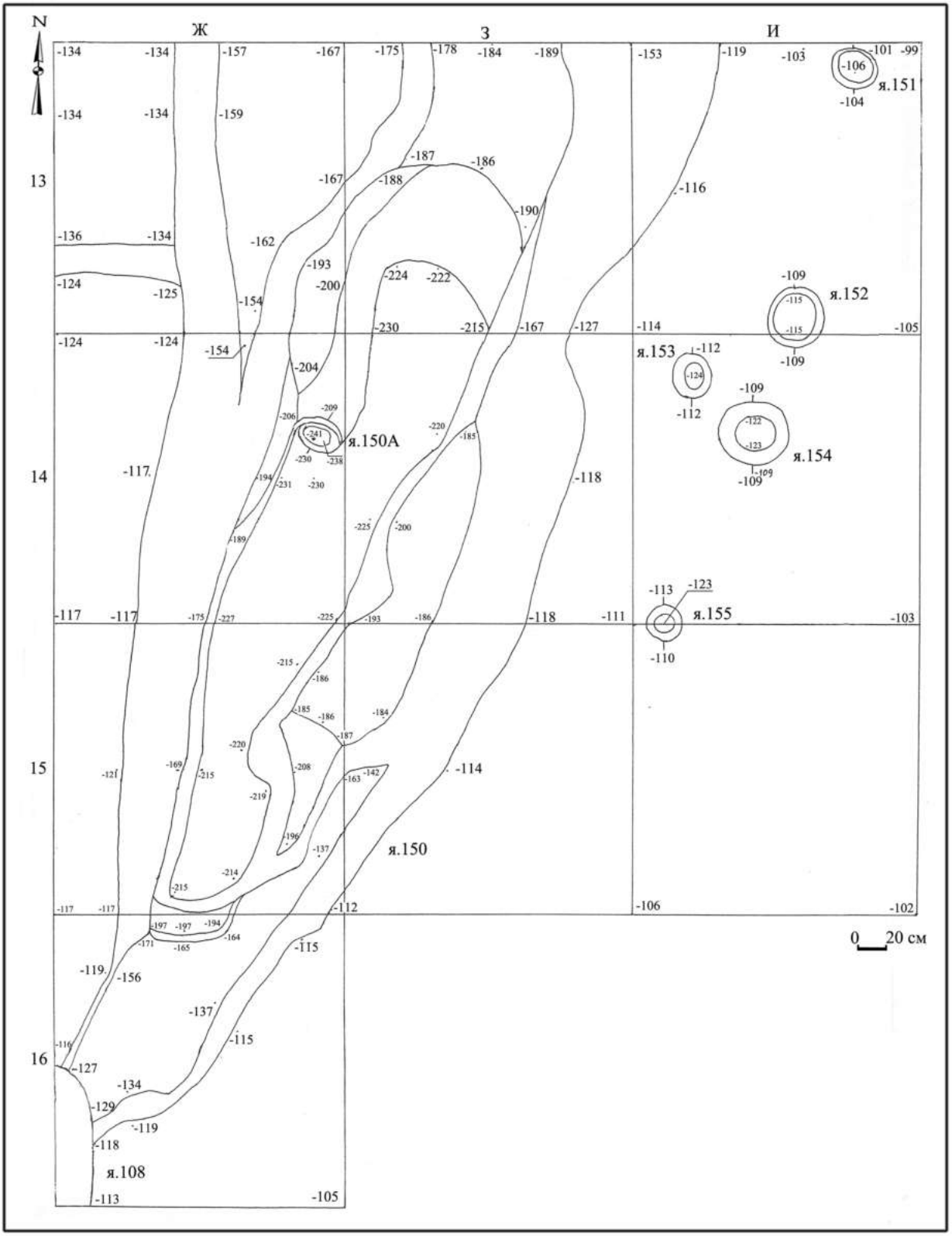


Рис.10
Яма 150 и связанные с ней объекты.

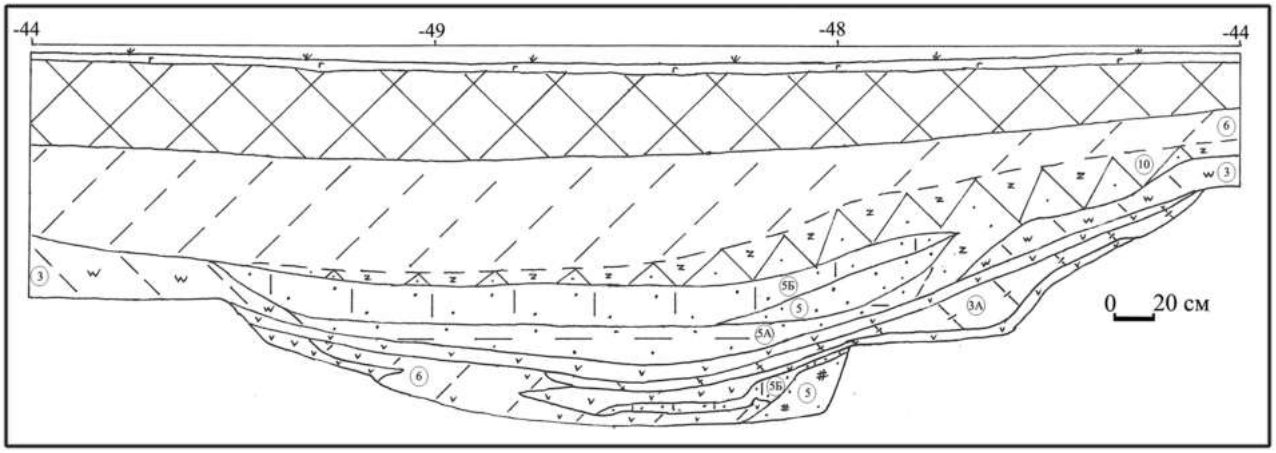


Рис.11
Разрез профиля ямы 150 по линии С – Ю.

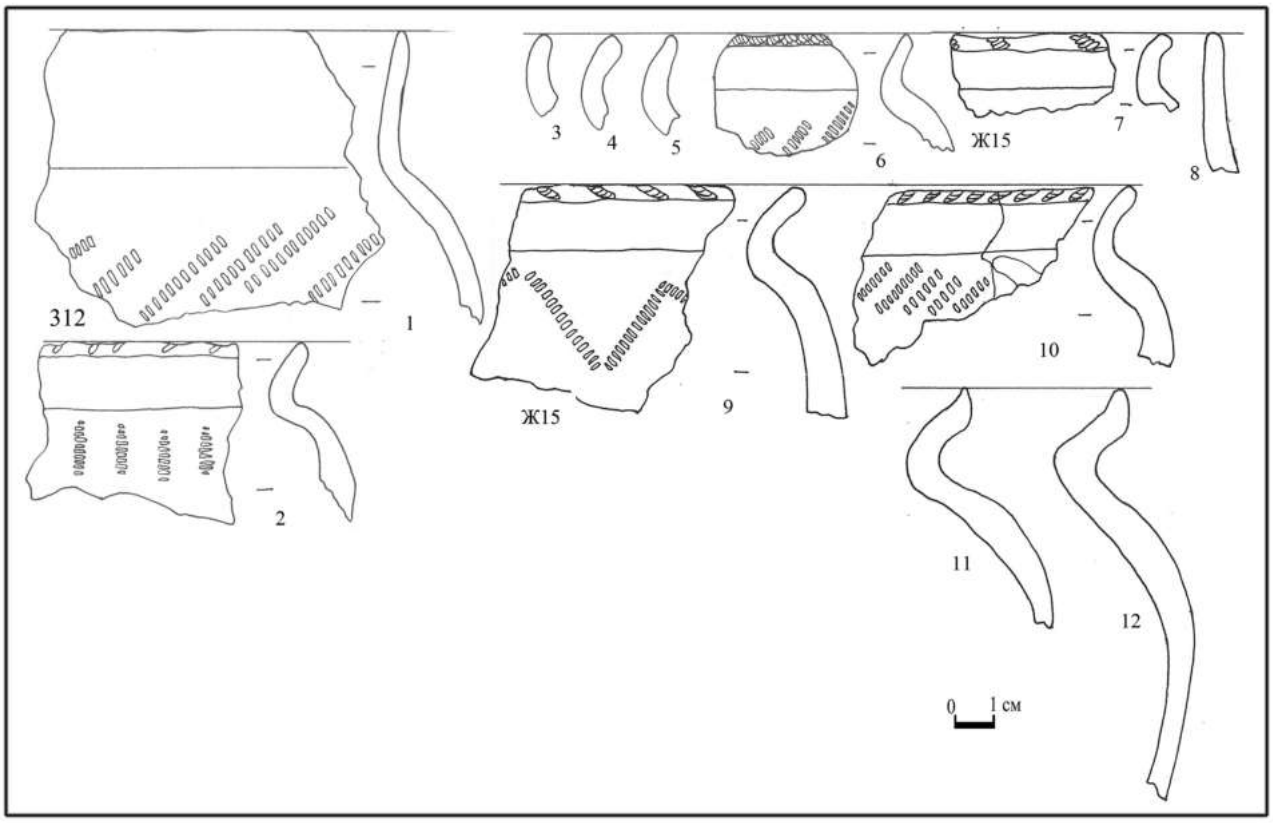


Рис.12
Яма 150. Керамический материал пл. 1.

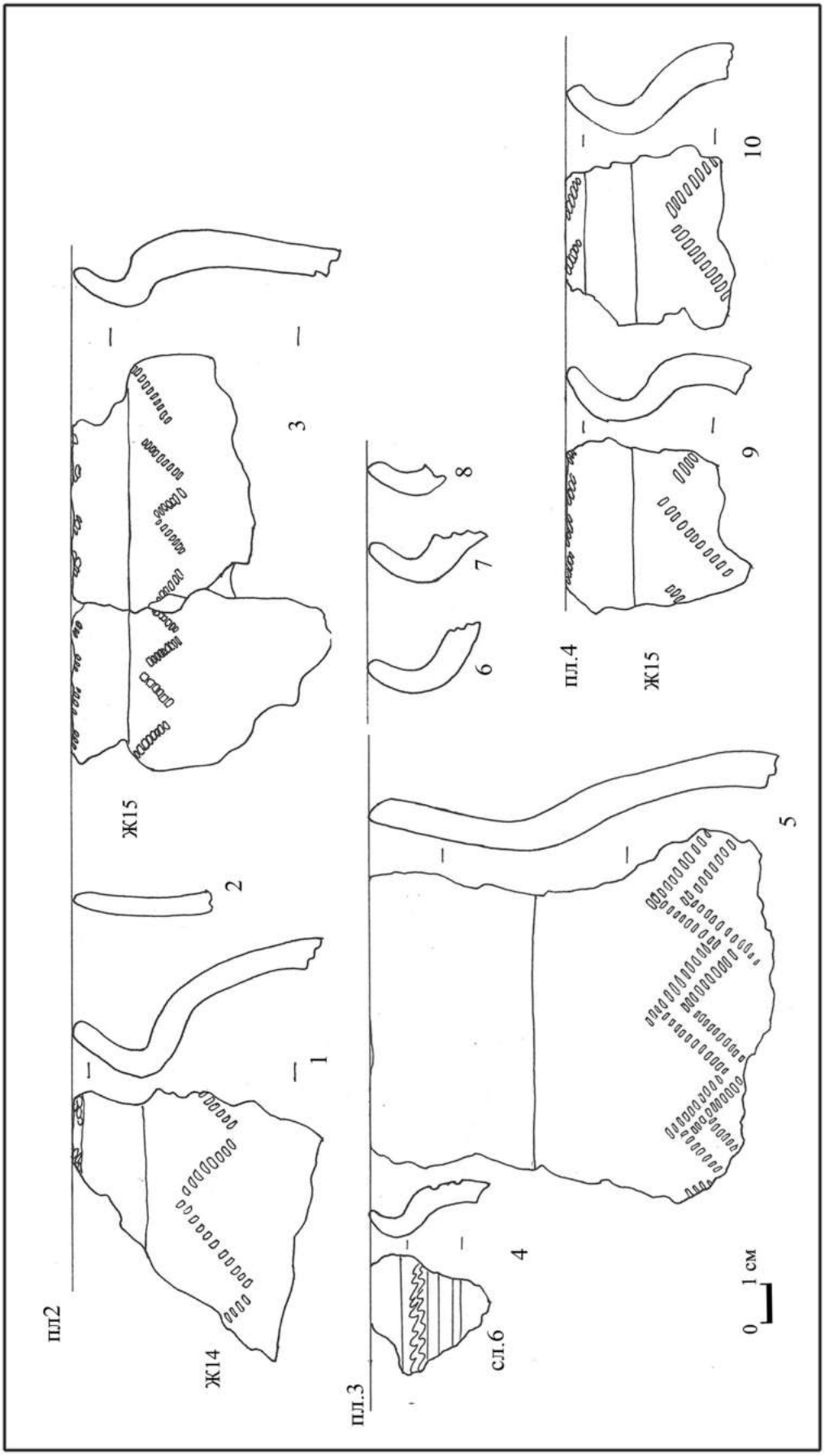


Рис.13
Яма 150. Керамический материал пл. 2 – 4.

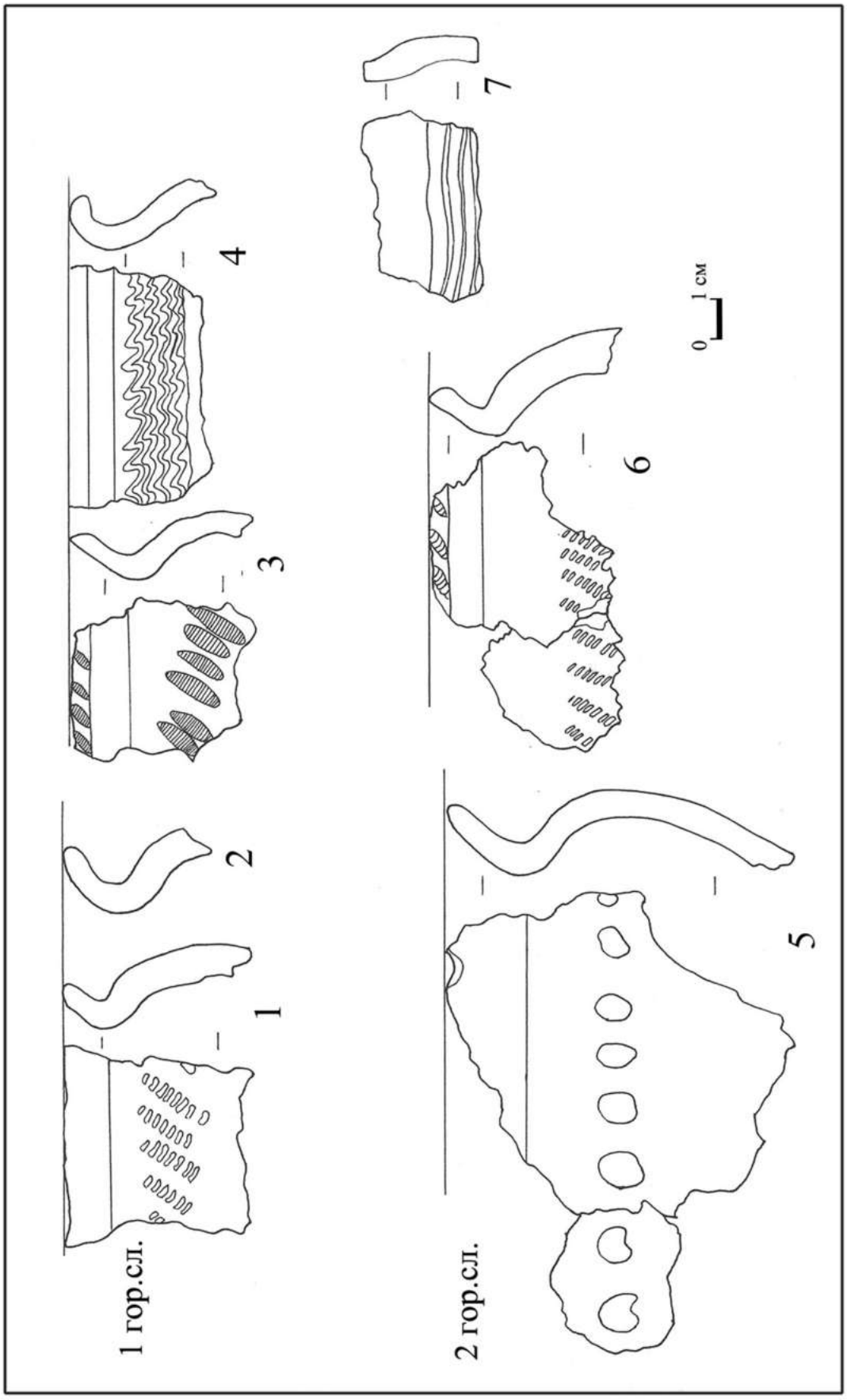


Рис.14

Яма 150. Керамический материал горелых прослоек.

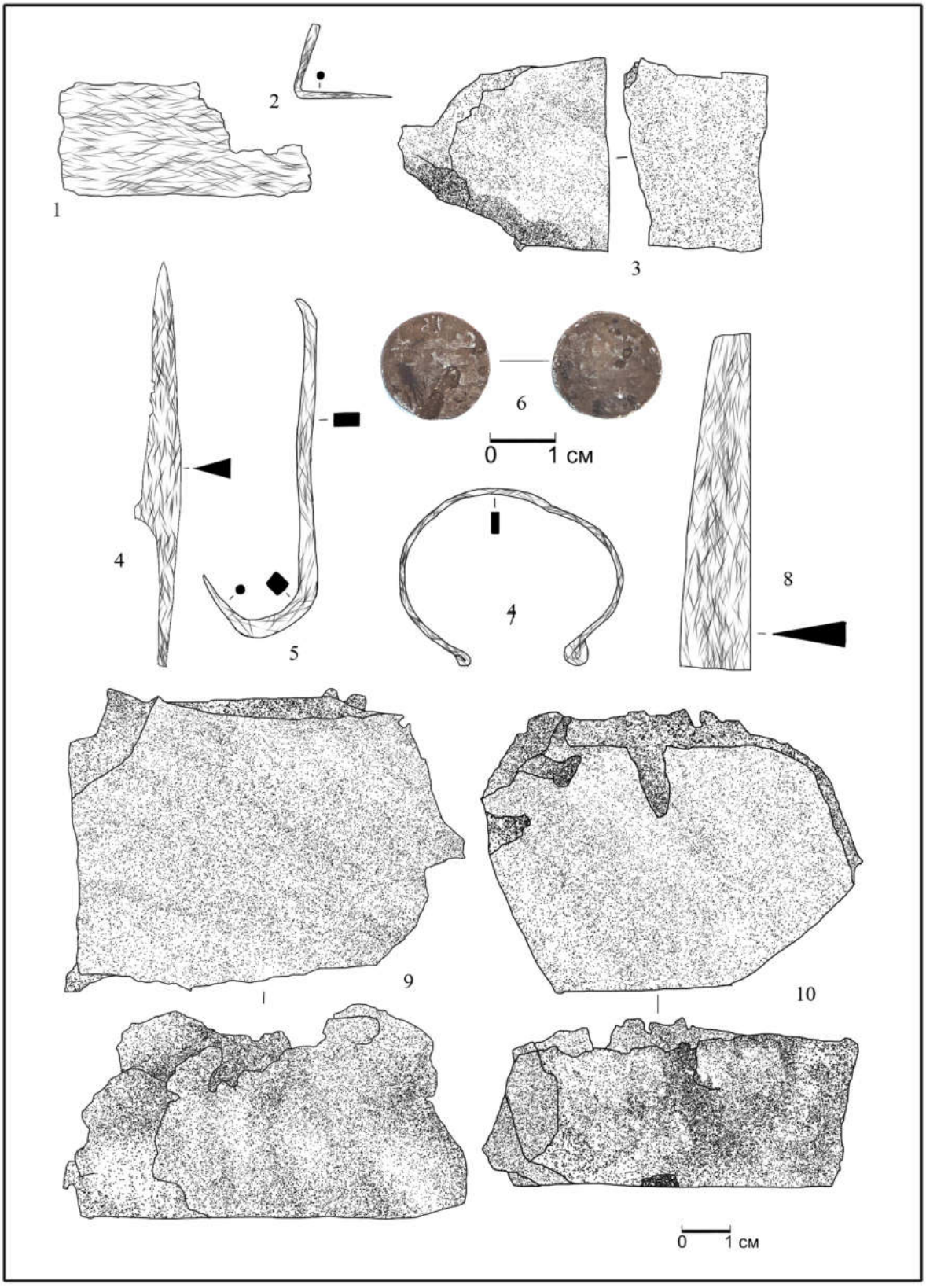


Рис.15

Яма 150. Индивидуальные находки.

1 – изделия железного фрагмент (№61); 2 – игла (№62); 3 – жернова фрагмент (№63); 4 – нож (№67); 5 – крючок (№69); 6 – монета дирхем (№70); 7 – браслет пластинчатый (№68); 8 – ножа фрагмент (№64);

9 – жернова фрагмент (№71); 10 – жернова фрагмент (№72).

(1,2,4,5,7,8 – железо; 6 – серебро; 3,9,10 – камень).

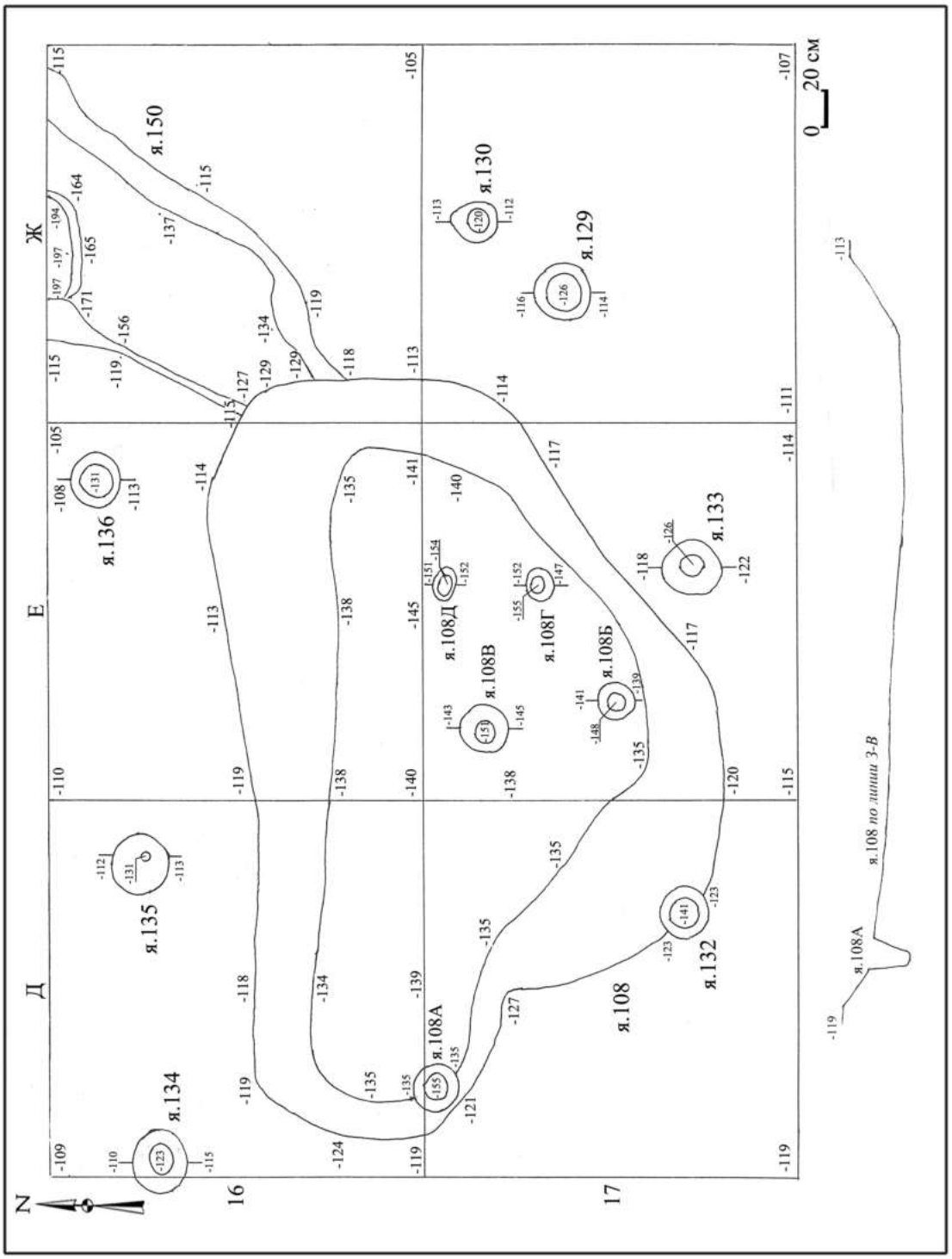


Рис.16

Яма 108 и связанные с ней объекты.

1 – Яма 108 и связанные с ней объекты после выборки заполнения;

2 – Профиль я. 108 про линии 3 – В.

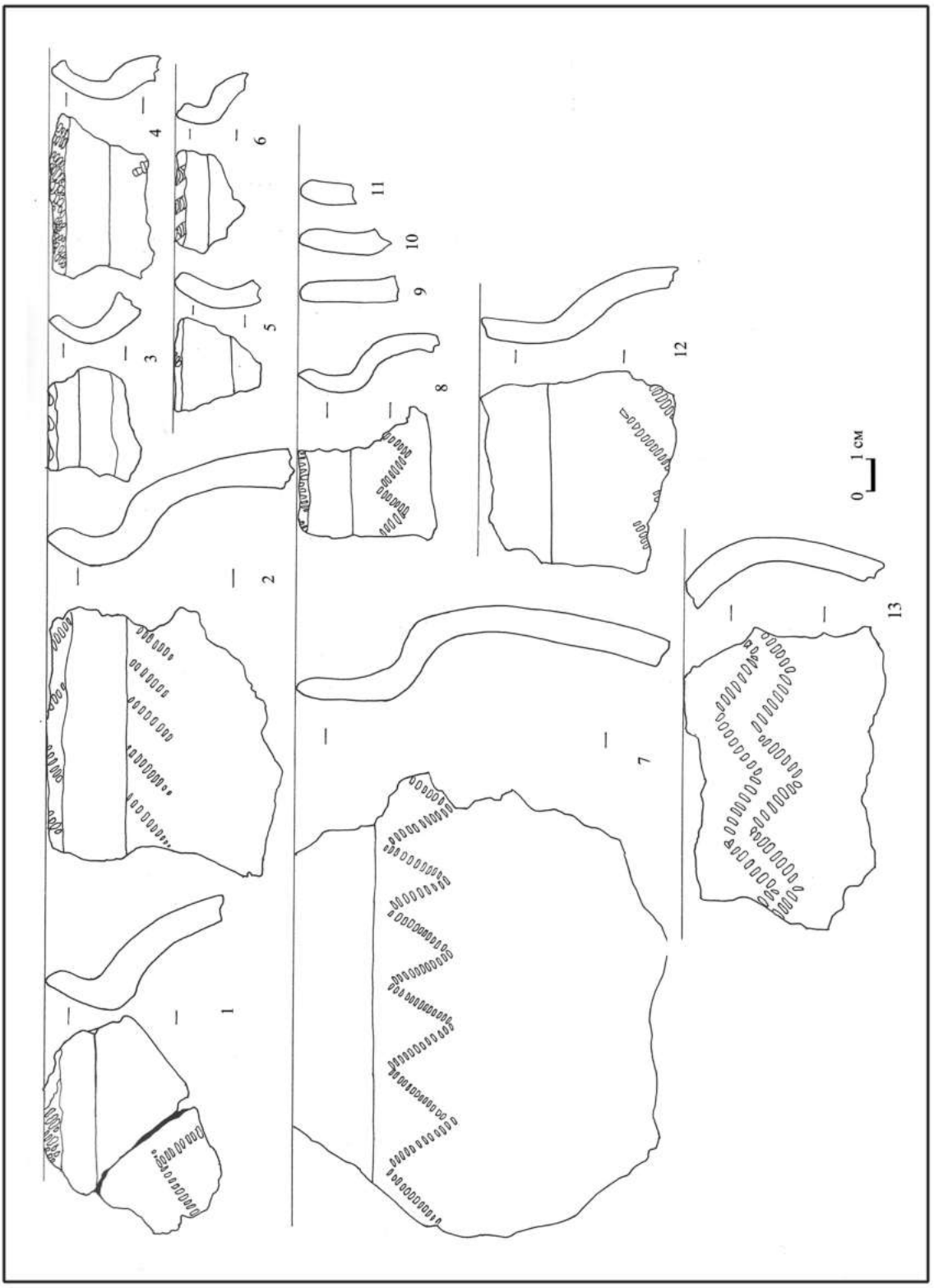


Рис.17
Яма 108. Керамический материал пл. 1.

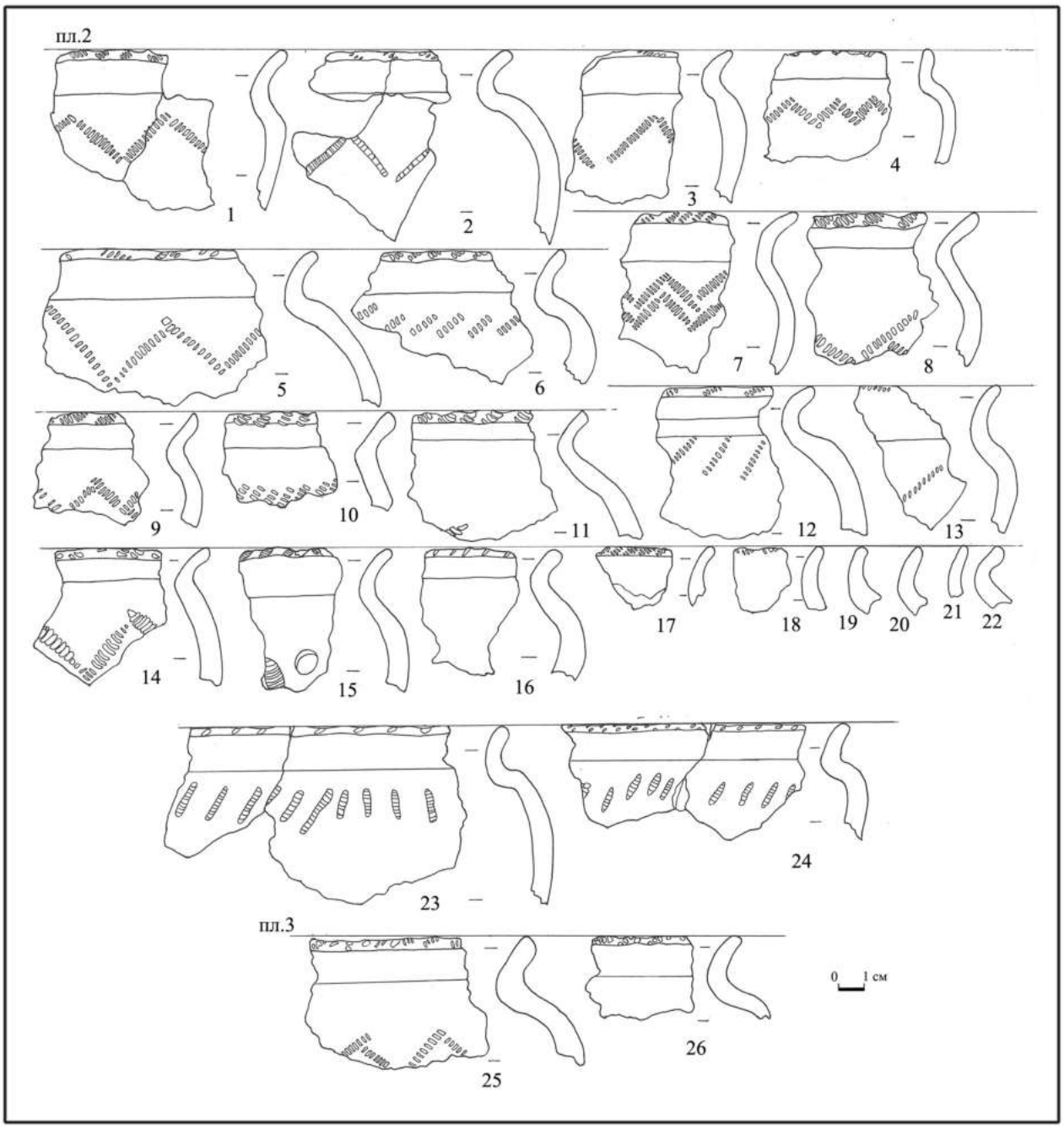


Рис.18
Яма 150. Керамический материал пл. 2 – 3.

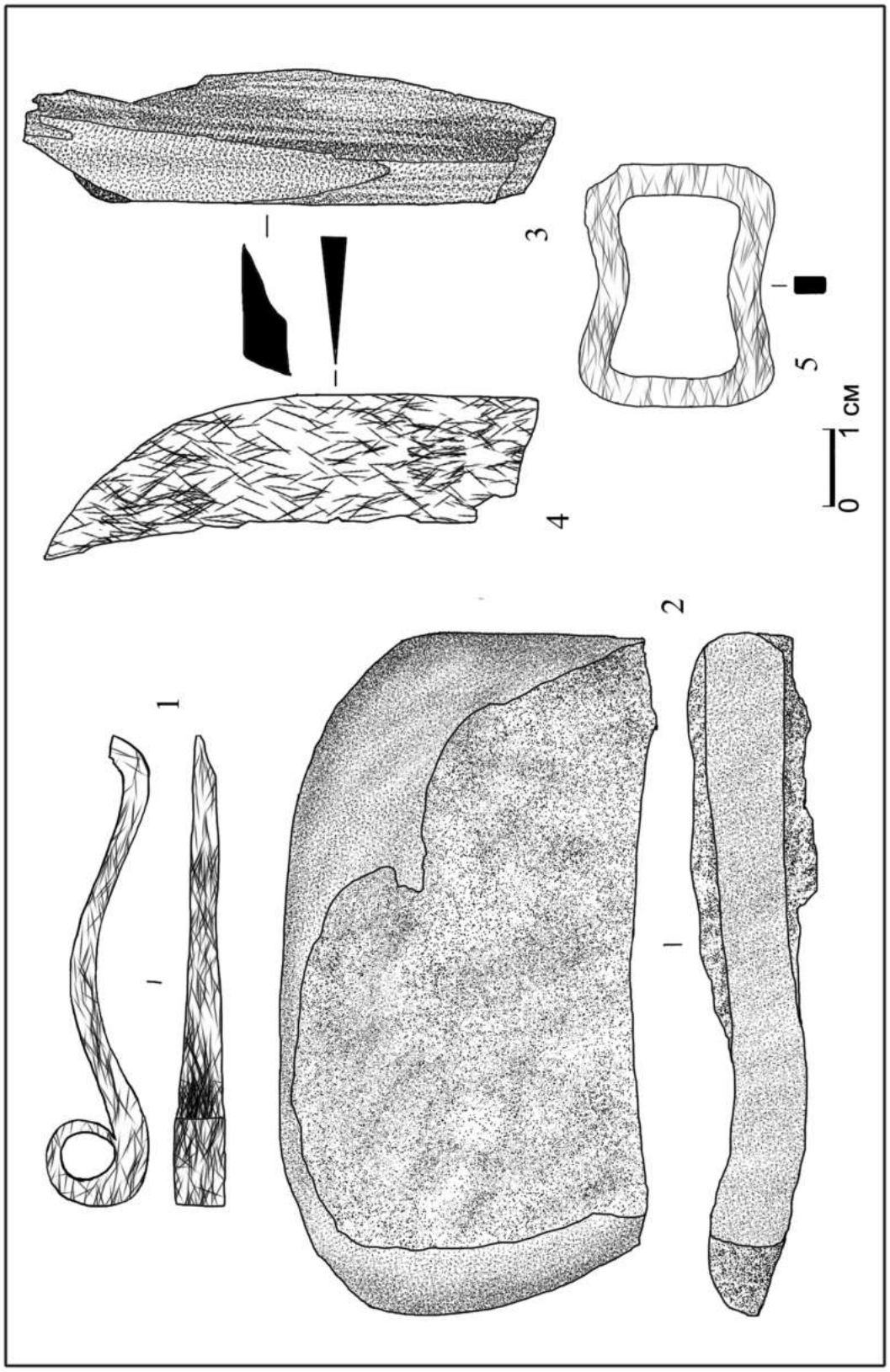


Рис.19
Индивидуальные находки объектов жилой зоны.
1-2 – яма 108; 3 – яма 56; 4 – яма 60; 5 – яма 69. 1 – язычок пряжки (№47);
2 – камня точильного фрагмент (№58); 3 – камня точильного фрагмент (№17);
4 – серпа фрагмент (№23); 5 – пряжка (№25).
(1,4,5 – железо; 2,3 – камень).

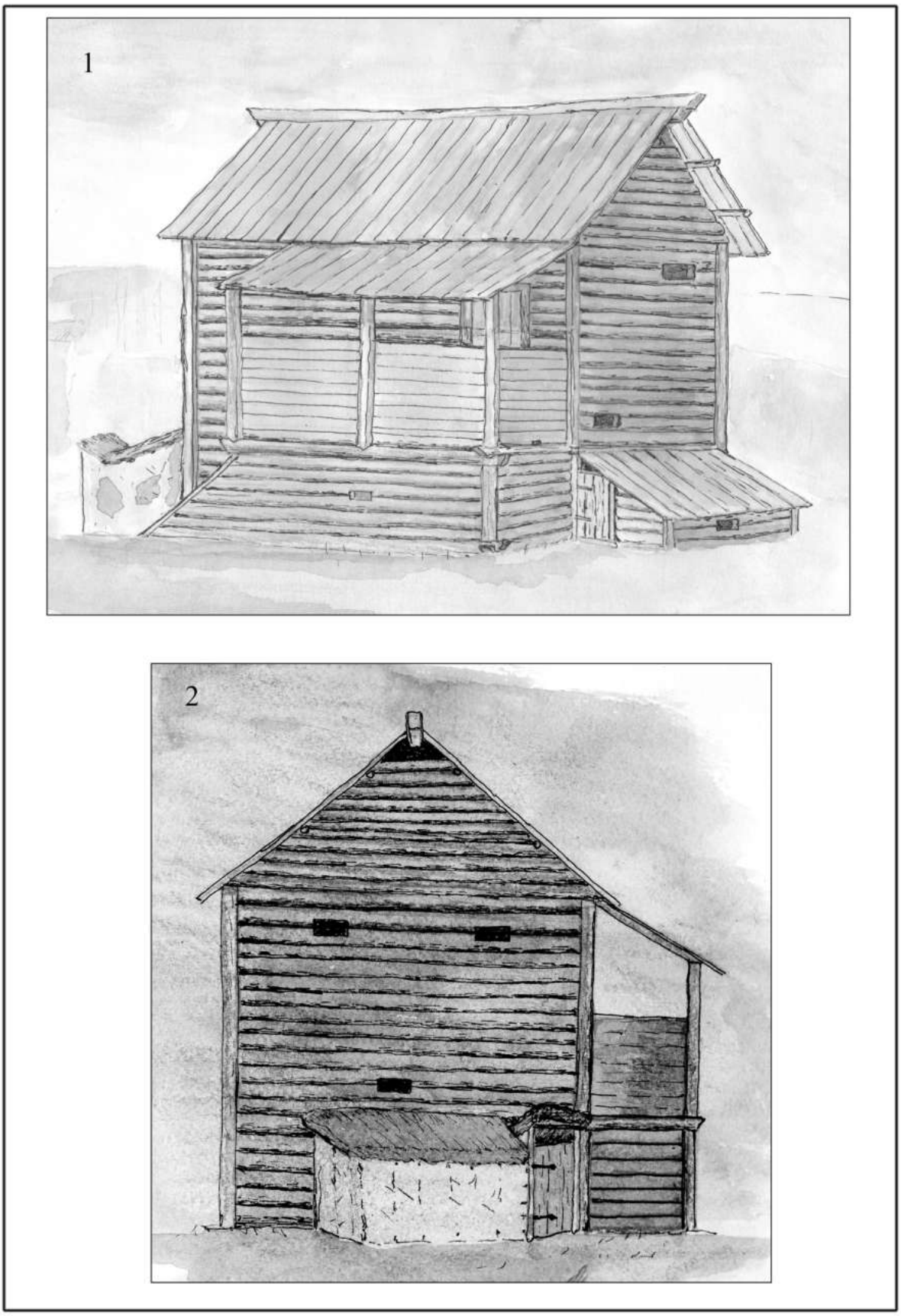


Рис.20
Реконструкция внешнего облика жилой постройки Жидеевского городища (Рис. А.В. Зубкова). 1 – Вид с ЮЗ; 2 – Вид с З.

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ФЕОДАЛЬНОЙ УСАДЬБЫ «ГОРОДИЩЕ ЖИДЕЕВКА»

© 2018 г. А.А. Чубур[1], Г.Ю. Стародубцев[2], Л.В. Горобец[3]

1 – Брянский государственный университет им. академика И.Г.Перовского Научно-исследовательский центр комплексного изучения Среднедеснинского региона, совместный с Институтом археологии РАН, Брянск; 2 – Курский государственный областной музей археологии, Курск; 3 – Национальный природоведческий музей Национальной Академии наук Украины, Киев.

Археозоологический анализ остеологического материала с городища Жидеевка (Курская область, Россия) показал слабое развитие охоты и рыболовства (хотя небольшое количество дичи в материалах имеется) и важную роль животноводства. Основу животноводства составляли разведение свиней и молочно-мясное направление скотоводства. Роль овцеводства второстепенна. Коня обитатели усадьбы в пищу не употребляли, чем существенно отличались от северян, в землях которых расположено городище.

Ключевые слова: Жидеевское городище, средневековье, животноводство, охота, северские земли.

Городище Жидеевка расположено в 1 км к ЮЮВ от с. Жидеевка Железногорского района Курской области на останце в пойме правого берега р. Усожа (левый приток р. Свапа), примыкая с севера к урочищу «Городище». Западная часть площадки подмывается рекой. С напольной восточной стороны она укреплена подковообразным валом и рвом (Кашкин, 1998, С.183). Городище обследовалось во время разведок Ю.А. Липкинга в 1960-е гг., А.И. Пузиковой в 1972 и П.Г. Гайдукова в 1981 г. (Кашкин, 1998. С.183). В 2010 – 2012 гг. Древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии были проведены раскопки городища на большей части его площадки, с дополнительным изучением строения напольных укреплений.

Городище представляло собой небольшой укрепленный пункт (усадьбу, «замок»), сооружение, которого можно предварительно датировать концом X – началом XI вв. и существовавший относительно непродолжительный промежуток времени. Скорее всего, его возникновение связано с процессом присоединения курского Посеймья к Киевской Руси. Городище возникло на территории уже существовавшего к тому времени селища роменской культуры и погибло в результате пожара.

Несмотря на то, что обитатели этого небольшого «замка», по всей видимости, регулярно и старательно зачищали его территорию от кухонных остатков и иного мусора, сбрасывая их в реку с крутого берега, небольшое количество костей домашних и диких животных сохранилось в культурном слое, особенно в заполнении остатков углубленных сооружений.

Всего при раскопках было выявлено 1600 целых и фрагментированных костей животных, из них 583 располагались непосредственно в культурном слое, и 617 в заполнении ям и западин в материке. Большая часть находок представляла собой мелкие плохо диагностируемые фрагменты костей, раздробленных в процессе хозяйственно-бытовой деятельности обитателей городища. Распределялись они по площади раскопа и по толще культурного слоя очень неравномерно, поэтому начнем с планиграфического обзора.

Пласт 1 содержал 148 костных остатков. Часть из них образовывала скопление на квадратах Е18 – Е21 и Д19 – Д20, включавшее 87 костей, почти половина из них (40 экз.) сосредоточилась на Д19. Интересно, что на данном участке не прослеживается никаких крупных сооружений – лишь небольшие хозяйственные ямы. Скопление

костей оказывается «подвешенным» в культурном слое и образовалось, по всей видимости, на завершающей фазе существования поселения. На этом участке прослеживается понижение (верховья небольшого овражка) спускающееся в сторону берегового обрыва, через который пролегал въезд на площадку городища с поймы Усожи. Скорее всего, именно здесь, у въезда, накапливался и затем свозился и, по-видимому, сбрасывался в реку хозяйственный мусор – в том числе кухонные остатки.

Пласт 2 более насыщен: в числе прочих находок содержал 435 костей и костных фрагментов. В пласте 2 и на небольших участках, где мощность культурного слоя увеличивалась и позволяла выделять нижележащие пласты, основная концентрация костей и их обломков разделена на два расположенных поблизости пятна. Первое (150 костей) лежит в пределах квадратов Ж15 – Ж17 и Е16 – Е17 и, судя по всему, является верхней частью заполнения ям 108 (остатки хозяйственного сооружения) и южной части ямы 150 (один из погребов жилой постройки), речь о которых пойдет несколько ниже. Второе (33 кости) занимает уже знакомые нам Е19 – Е20 и представляет собой нижнюю часть концентрации костей, выявленной в первом пласте.

Еще два менее значительных скопления костного материала во втором пласте связаны с квадратами В10 – В11 и Д8, и также связаны с верхними частями заполнения частично углубленных в материк хозяйственных сооружений: ямы 14 и ям 43 и 45 соответственно.

В углубленных в материк объектах, согласно полевой статистике, в общей сложности содержалось, как уже говорилось, 617 костных остатков (Таблица 1). Наиболее насыщенными материалом оказались яма 2 (63 кости), яма 7 (45 костей) и яма 14 (71 кость) – остатки углубленных в землю хозяйственных построек, а также яма 22 (114 костей) и уже известная нам яма 150 (197 костей) – погреба жилой постройки.

Таким образом, основная часть костей маркирует в первую очередь расположение жилища, меньшие скопления связаны с временной помойкой у въезда на городище и с хозяйственными сооружениями, одной из функций которых могла быть функция расположенных на заднем дворе кухонь (Рис. 1).

Встреченные в культурном слое (20 экземпляров) и объектах (66 экземпляров) фрагменты кальцинированных костей, подвергшихся воздействию огня, большей частью (2/3) связаны с перечисленными объектами, а точнее с небольшими участками периметра жилища и с въездом на городище. Первым предположением о причине их возникновения вряд ли был пожар, охвативший постройки при гибели городища. Чтобы это понять, достаточно посмотреть на заполнение погребов постройки: в яме 22 среди 114 костей нет ни одной пережженной добела, в яме 150 среди 197 костей есть лишь один пережженный фрагмент. С пожаром связаны скорее кости со следами обугливания – например фрагменты головки бедренной кости коровы из ямы 7, кости свиньи из ямы 22.

Небольшие порции мясной пищи, содержавшей и фрагменты костей, могли преднамеренно сжигаться в очагах в качестве жертвоприношений домашнему очагу, а точнее его духу. Культ огня и культ предков нередко занимали одно из центральных мест в микрокосмосе язычников. Известный ныне у циркумполярных народов ритуал «кормления огня» (Одгаард, 2014) в дохристианские времена был распространен намного шире, в том числе и среди славян. Отголоски этих обрядов зафиксированы этнографами неоднократно, например А.Н. Афанасьев указывает, что «у чехов в обы-

чае – от каждой яствы полагать часть в огонь», а словене «чтобы предохранить дом от пожара, в Каринтии кормят огонь, т. е. бросают в затопленную печь свиное сало и другие яства» (Афанасьев, 1868. С.42). Места концентрации кальцинированных косточек в принципе могли бы подсказать зоны расположения не сохранившихся очагов в жилых сооружениях либо места, куда кости могли попадать с золой в процессе ее эвакуации из очагов и из помещения дома. В нашем случае ближе к истине второй вариант, поскольку конструкция, связанная с ямами 119 и 120 представляет собой не очаг, а крыльцо (см. статью А.В. Зорина и Г.Ю. Стародубцева в этом же сборнике), под которое сквозь щели настила мог, в принципе, попадать мусор, выметаемый из дома. В то же время, кальцинированные кости концентрируются не над заполнением столбовой ямы, а в ее забутовке, а это требует иного объяснения, как и концентрация кальцинированных костей еще в двух ямах.

В заполнение столбовой ямы 23 большое количество пережженной кости с мусором попасть не могло (тем более, что не кальцинированных костей в ней просто нет). Напрашивается вариант объяснения культового характера: добавка в забутовку частиц праха строительной жертвы – останков убитого и затем сожженного животного. О том, что кальцинированные косточки – преднамеренная примесь, может свидетельствовать их отсутствие во всех соседних столбовых ямах, заполненных в целом аналогичным или сходным культурным слоем с фрагментами роменской керамики.

Еще одна локальная концентрация кальцинированных косточек встречена у внутреннего основания вала городища, в северо-восточной части площадки в придонном заполнении ямы 146. Надежного объяснения аномалии нет, но можно также осторожно предположить, что это тоже следы животной строительной жертвы, принесенной в начале сооружения укреплений, кремированной и затем ссыпанной в яму.

Возможно, прах одной жертвы был распределен в три ямы, вырытые при закладке укреплений и несущей конструкции жилища (23, 119 и 146). Установить по мелким фрагментам принадлежность кальцинированных костей из перечисленных ям одному либо нескольким разным животным, увы, не представляется возможным. Нелишним будет вспомнить о традиционной для восточных славян трехчастности строительной жертвы, выражавшейся в разных формах (Байбурин, 2005. С.82-84).

В остеологической коллекции, переданной в фонды Железногорского краеведческого музея (включая обработанные кости), сохранилось 283 кости и костных фрагмента с городища Жидеевка (Таблица 2). Среди них 96 осколков и обломков, то есть примерно треть (в основном мелкие фрагменты стенок диафизов длинных костей копытных) невозможно определить до вида. Остальные – диагностируемые – послужили для того, чтобы составить представление о рационе, скелетном составе, структуре стада и особенностях охотничьего промысла обитателей городища (Рис.2). При исследовании систематического положения, биологического возраста и особенностей морфологии остеологического материала использовались специальные атласы-определители, (Schmid, 1972; Громова, 1950, 1960; Hillson, 2005; France, 2009).

Крупный рогатый скот (*Bos taurus L.*) – корова на втором месте по численности после свиньи, ей принадлежит 52 кости (27,8 % определимых костей). Кости преимущественно принадлежат взрослым животным (старше 2 лет) с частично стертыми коренными зубами и приросшими эпифизами длинных костей конечностей (минимум три особи – подсчет по нижнему третьему коренному зубу). Это позволяет считать преобладающим направлением разведения коров молочное. При этом имеется также в коллекции молочный зуб телёнка и отдельные кости молодых животных: родившиеся

телята-самцы и подросшие бычки шли в пищу. Таким образом, на поселении встречены остатки минимум пяти особей: трех взрослых, одного бычка и одного телёнка.

Все кости крупного рогатого скота являются кухонными остатками, о чем говорят, в том числе, расколотые длинные кости конечностей и в целом сильная раздробленность костей. При этом отметим, что на костях не выявлены выраженные следы разделки туш путем разрубания, наблюдающиеся на более поздних древнерусских поселениях. При этом скелетный состав отличается полнотой, что свидетельствует о забое и полной утилизации туш в пределах жилой площадки городища. Здесь же животные и содержались: летом в загоне, а зимой – в простых хозяйственных постройках, где их кормили заготовленным летом сеном, соломой, реже – зерном (овес, ячмень).

Как уже говорилось, кости большей частью сильно раздроблены, что не способствовало их морфометрии. Лишь с таранной кости (астрагала) удалось снять промеры (Таблица 3). Размеры таранной кости позволяют вычислить по методике В.И. Цалкина (1 мм длинны астрагала = 1,81 см роста в холке) (Цалкин, 1970. С.162) средний рост крупного рогатого скота в холке. Он составлял 100 – 106 см и не отличается от показателей, полученных для средневековых поселений не только Киевской Руси, но и Великого Княжества Московского, Великого Княжества Литовского и Русского, Королевства Польского. Это 105,5 см для Москвы (Цалкин, 1971. С.172), 102,5 см для древнего Смоленска (Чубур, Миненко, 2008) и 101,6 см для замка Пшеволока (Chubur, Gorczyca. Kovalchuk, Gorobets, Schellner, 2016). Крупный рогатый скот Жидеевского городища принадлежал к так называемой лесной породе.

Кости крупного рогатого скота, в первую очередь плотные и массивные стенки диафизов длинных костей, широко использовались в косторезном деле. В заполнении ямы 22 найден фрагмент большой берцовой кости коровы со следами строгания и резания. Здесь же встречен фрагмент неопределимого диафиза со следами строгания (возможно, это тот же самый диафиз). Из завершенных изделий, сделанных из плотной компакты диафизов длинных костей можно назвать фрагмент уплощенного костяного шила из заполнения ямы 2.

Мелкий рогатый скот, овца (*Ovis aries L.*) немногочислен, выявлено лишь 21 кость различных отделов скелета (11,2 % определимых костных остатков). Судя по сохранившимся фрагментам нижних челюстей, всё это были взрослые животные с полным комплектом постоянных зубов. Туши, как и в случае с коровой, по всей видимости, также разделывались и утилизировались непосредственно на городище – об этом говорит наличие костей из различных отделов скелета. Городище окружали необходимые для выращивания овец на подножном корме высокопродуктивные угодья.

Раздробленность костей не позволила провести полноценную морфометрию. Исключением стали два астрагала (Таблица 3), просверленных и использовавшихся в качестве привесок-амулетов. Размеры астрагалов (таранных костей) свидетельствуют о заметной вариабельности размеров жидеевских овец. Пересчет по коэффициенту Тайхерта (Teichert, 1975) показал рост в холке от 58 до 77 см.

Амулеты из просверленных небольших астрагалов широко известны на средневековых поселениях. Аналогичные изделия известны, например, из материалов городища Чашин Курган, летописного Вщижа и многих других памятников роменско-древнерусского времени (Шинаков, Рябчевский, Чубур, Лобанов, 2016; Гурьянов, Чубур, 2016). По результатам исследований памятников более ранних эпох известно, что в различных культах астрагалы считались магической костью, в мистическом плане

располагающейся на границе мира живых и мира мёртвых, божеств и демонов. Его сакральной функцией была не только связь, но и блокировка каналов связи с потусторонними силами и, таким образом, защита от них владельца такого амулета – примерно как у нательных крестиков, иконок и распятий у христиан. В случае помещения в погребение такой амулет, напротив, по воззрениям язычников, способствовал бы вечному упокоению и не позволял бы мертвецу беспокоить живущих (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С.46).

Свинья домашняя (*Sus domestica Gray*) – ее остатки преобладают в изученной остеологической коллекции. Все встреченные костные останки свиньи (98 костей или же 52,4 % определимого материала) носят исключительно кухонный характер. Представлены все без исключения отделы скелета. Свинину, составлявшую значительную часть диеты обитателей городища, получали от молодых животных возрастом от года до полутора. Об этом свидетельствует отсутствие эпифизов на большинстве длинных костей. Еще более точную информацию о возрасте гибели даёт онтогенез зубной системы. Его изучение производилось по сохранившимся фрагментам челюстей. Во всех случаях последний коренной зуб отсутствует или находится в стадии прорезывания. Это означает, что среди найденных животных нет особей старше двух лет.

Действительно, жизнь свиньи в приусадебном хозяйстве во все времена была коротка. Пять месяцев длится молочный период, когда поросенок питается молоком, а в конце начинает постепенно переходить на другие корма. Затем наступает фаза откорма, длящаяся от полугода до года, в зависимости от качества кормов, после чего молодую свинью забивают. Дело в том, что уже к годовалому возрасту или несколько позже набор веса, достигшего приблизительно центнера или несколько более, резко затормаживался без снижения затрат кормов (Волкопялов, 1968). Кормить далее такую свинью просто нерентабельно. В живых могли оставаться только свиноматки и кабанчик, игравший роль производителя.

Свиньи не находились круглый год на стойловом содержании, но напротив в течение теплого сезона могли пастись в лежавших неподалеку дубравах, характерных для лесостепной зоны.

Морфометрия из-за раздробленности костей так же была весьма ограниченной. Удалось установить ширину блока плечевой кости (31 мм) и ширину нижнего эпифиза двух больших берцовых костей (29,0 мм и 30,7 мм соответственно), что может говорить о довольно крупных размерах животных, впрочем, в рамках наблюдаемых для средневековых свиней Восточной Европы (Цалкин, 1956. С.100-101). Не исключено, что это – результат скрещивания свиноматок с дикими кабанами во время выпаса в дубравах.

Лошадь (*Equus caballus L.*). Лошади принадлежит небольшое число костных остатков – всего 5 (2,7 % определимого материала). Важно заметить, что это три зуба, целая плюсневая кость и фрагмент нижней челюсти: понятно, что материал, скорее всего, не является кухонными остатками. Плюсна из ямы 7 могла быть сырьем для косторезного дела. Таким образом, в Жидеевке не наблюдается употребления в пищу конины, столь характерного для северян и позднее для северской земли в составе Киевской Руси (Потапов, 1992). Можно уверенно сказать, что для обитателей Жидеевского замка конь служил исключительно транспортным средством и тягловой силой.

Длина плюсневой кости составляет 258,0 мм (что близко к средним значениям для средневековых памятников лесной зоны Восточной Европы) (Цалкин, 1956. С.78-80), ширина нижнего эпифиза – 45,5 мм, верхнего – 45,0 мм, минимальная ширина

диафиза 32,4 мм. Эпифизы полностью срослись с диафизом: мы имеем дело со зрелым животным. Отношение ширины диафиза к длине кости составляет 12,6 %. Жидеевская лошадь, согласно методике В.О. Витта (Витт, 1953. С.172-173), была среднерослая (135 – 140 см в холке) и не могла считаться тонконогой. Такое животное могло быть как верховым, так и ходить в упряжи.

Собака (*Canis familiaris*) постоянный, хоть малочисленный компонент фауны средневековых поселений лесной зоны Восточной Европы. В коллекции кости собаки отсутствуют, но зато имеется веское косвенное свидетельство – пястная кость телёнка (яма 7) и несколько неопределимых фрагментов диафизов длинных костей с характерными погрызами, нанесенными собакой. Конечно, по таким следам невозможно судить о породе и размерах животного.

Дикие млекопитающие на роменских памятниках обычно составляют 1/10 и даже большую долю остеологического материала, однако в Жидеевке оказались малочисленны и не очень разнообразны. Все они – типичные лесные обитатели, заходящие в лесостепь.

Лось (*Alces alces L.*) – самый крупный вид ныне существующих оленей выделен по единичному фрагменту лучевой кости из заполнения ямы 2. Масса взрослых самцов лося может достигать полутоны, питается лось древесной и травянистой растительностью. Излюбленные ландшафты – заболоченные участки, облесенные берега озер и рек, лесные участки с густым подлеском (Бобринский, Кузнецов, Кузякин, 1965).

Кабан (*Sus scrofa L.*) определён по фрагменту относительно крупной нижней челюсти с заметно стертыми коренными зубами из ямы 22. Обитает кабан в разнообразных ландшафтах, но предпочитает леса, тростниковые заросли, заболоченные участки, балки и овраги (Бобринский, Кузнецов, Кузякин, 1965).

Бобр речной (*Castor fiber L.*) представлен фрагментом плечевой кости с шириной нижнего конца 25,0 мм (яма 2). Бобр – околоводный обитатель пойменных и приозерных лиственных лесов лесной и лесостепной зоны. Обязательно наличие деревьев и кустарников с толстыми стволами и ветвями (Бобринский, Кузнецов, Кузякин, 1965). Он достигает веса в 20 кг и 120 см в длину и всегда является желанной добычей для охотников.

Костей птиц немного – восемь экземпляров (4,3 % определимых костей). Семь принадлежат **домашней курице (*Gallus gallus domesticus*)**, а одна – самке **глухаря (*Tetrao urogallus L.*)** – еще одному виду охотничьей добычи. Глухарь держится преимущественно в сплошных высокоствольных хвойных и смешанных лесах, в лиственных – много реже. Очень любит моховые болота в лесу, богатые ягодами (Второв, Дроздов, 1980). Из заполнения ямы 150 (квадрат Ж-15) происходят 4 кости курицы, из заполнения ямы 104 – еще одна кость курицы, и из заполнения ямы 2 две кости курицы и кость глухаря.

Наличие среди находок железной остроги (подъемный материал) говорит о том, что обитатели городища занимались не только эпизодической охотой, но и рыболовным промыслом, причем добывали при этом явно крупную рыбу, однако рыбьих костей в остеологической коллекции нет, при раскопках они встречены не были.

Наличие остроги и отсутствие костей рыбы (видимо сметенных в реку во время очередной уборки территории) может косвенно свидетельствовать о гибели усадьбы в период холодного сезона – от ледостава до вскрытия рек. Рыбу бьют острогой в тече-

ние безморозного периода, особенно – во время весеннего нереста и поздней осенью, когда рыба скатывается с верховьев ручьев и рек.

Подведем некоторые итоги. Для начала заметим, что, учитывая регулярную уборку территории усадьбы, зафиксированные на поселении костные остатки связаны в основном с относительно коротким сроком (примерно от месяца до нескольких дней перед гибелью в пожаре). Исключение может составлять заполнение столбовых ям, сформировавшееся при строительстве. Это объясняет и крайне небольшое количество костей в культурном слое вне углубленных сооружений. Иными словами, они не накопились в течение всего времени существования замка, а дают довольно компактный хронологический срез.

Быт феодала, остатки укрепленной усадьбы которого сохранились близ д. Жидеевки, основывался в первую очередь на животноводстве. Основным источником мяса служила свинья, стадо этих животных неприхотливо и могло пастись в теплое время года в близлежащих дубравах, многочисленных в условиях пограничья лесостепи и лесной зоны. Стадо овец было малочисленным и играло второстепенную роль, что говорит, возможно, о гастрономических предпочтениях хозяина усадьбы и его семьи и окружения, поскольку условия для овцеводства были также вполне подходящими. Нельзя исключать, что свою роль играла и продуктивность: в этом плане стадо овец, безусловно, проигрывало свиньям, с их необычайно быстрым набором живого веса при той же неприхотливости. Что касается крупного рогатого скота – его остатки отражают, по нашему разумению, использование коров в первую очередь для получения молока и, уже из него, спектра молочных продуктов (простокваша, сметана, масло, творог и др.). Впрочем, это не мешало употреблять в пищу говядину, разнообразя тем самым мясное меню. Этого нельзя сказать об употреблении конины, столь характерном для северян (результат их длительных и глубоких контактов со степняками и их культурой). Конь для обитателей замка был исключительно верховым и рабочим животным. На роменских памятниках велика доля дичи, охотничий промысел играл у северян и их ближайших соседей значительную роль в хозяйстве. У хозяев и обитателей усадьбы охота носила эпизодический характер, будучи не промыслом по добыче пропитания, а, скорее, своеобразным развлечением. В противном случае останки лесной дичи были бы куда многочисленней. Вероятно, то же самое можно сказать и о рыболовстве.

На основании сказанного можно достаточно уверенно утверждать, что как минимум хозяин замка и его семья и, вероятно, его небольшая дружина, не относились к северянам, в пределах земель коих они основали свое укрепленное поселение. Об этом, собственно, говорят и слабая роль охоты, и особенности устройства жилища и укреплений, также не характерные для северян.

Таблица 1
Распределение остеологического материала по углубленным объектам городища Жидеевка

Объект	костей	в т.ч. кальцинированных	Объект	костей	в т.ч. кальцинированных
Яма 2	63	-	Яма 34	26	-
Яма 5	10	1	Яма 42	8	-
Яма 7	45	1	Яма 43	5	-
Яма 9	1	-	Яма 44	1	1
Яма 11	4	1	Яма 54	5	4
Яма 13	1	-	Яма 69	1	-
Яма 14	9	-	Яма 90	1	-
Яма 15	1	-	Яма 101	1	-
Яма 16	1	-	Яма 105	2	2
Яма 22	114	-	Яма 109	8	-
Яма 23	18	18	Яма 110	8	8
Яма 26	23	-	Яма 119	22	16
Яма 30	22	0	Яма 127	1	-
Яма 32	8	1	Яма 146	13	13
Яма 33	1	-	Яма 150	197	1

Таблица 2
Видовой и скелетный состав костных остатков с городища Жидеевка (из фондов КГОМА)

Участок / Животное, кость (фрагмент)		Яма 7	Яма 2	Яма 5	Яма 34	Яма 11	Яма 22	Яма 14	Ж-15 Яма 150	Яма 104	Яма 109	Слой
Вид	Неопределимые	18	24	8	3	1	26	4	12			
Крупный рогатый скот	Череп	2										
	Нижняя челюсть	2					2					
	Зуб	3	2	1			2					
	позвонок	1	2			1	2		1			
	ребро		1				1	1	1			
	лопатка	2				2		1				
	плечевая		2	2								
	Локтевая-лучевая	1	1	1								
	пястная	1	1									
	бедренная	3					1	1				
	берцовая		1				1		1			
	Заплюсна, запястье	1										
	Астрагал						1					1

Животное, кость (фрагмент) \ Участок		Яма 7	Яма 2	Яма 5	Яма 34	Яма 11	Яма 22	Яма 14	Ж-15 Яма 150	Яма 104	Яма 109	Слой
	фаланги						2					
Мелкий рогатый скот (овца)			1				1					
	Череп								1			
	Нижняя челюсть						1		1			
	позвонок								1			
	ребро		3						4			
	лопатка			1								
	плечевая								1			
	тазовая								1			
	бедренная						1					
	пяточная								2			
	астрагал		1						1			
Свинья	Череп		2				3		16			
	Зубы		2				1					2
	Нижняя челюсть								5			
	позвонок		1						15			
	ребро		5				3		4			
	лопатка		1				2		4			
	плечевая								6			
	локтевая								1			
	лучевая								2			
	запястье, заплюсна		1									
	метаподий								1			
	тазовая						1		3			
	бедренная								6			
	берцовая						3		5			
	пяточная								1			
	фаланги		1						1			
Конь	Нижняя челюсть		1									
	зуб										1	2
	пястная	1										
Бобр	бедренная		1									
Лось	лучевая		1									
Кабан	Нижняя челюсть						1					
Курица			3						4	1		
Глухарь												

Таблица 3
Морфометрия астрагалов крупного и мелкого рогатого скота с городища Жидеевка

Место находки	Длина (мм)	Ширина блока (мм)	Номер по описи, следы обработки
Крупный рогатый скот			
Кв. Б-12	55,2	36,0	-
Яма 22	58,5	37,3	-
Мелкий рогатый скот			
Яма 2	25,0	20,0	№ 20, сверление
Кв. Е-15	34,5	25,0	№ 30, сверление

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Том 2. М., 1868

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005

Бобринский Н.А., Кузнецов Б.А., Кузякин А.П. Определитель млекопитающих СССР. М., 1965

Витт В.О. Лошади Пазарыкских курганов // СА, Т.XVI, 1952

Волкопялов Б.П. Свиноводство. 4-е изд., перераб. и доп.. Л., 1968

Второв П.П., Дроздов Н.Н. Определитель птиц фауны СССР. М., 1980

Громова В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып.1. Определитель по крупным трубчатым костям / Труды комиссии по изучению четвертичного периода, Т. IX. М., 1950

Громова В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып.2. Определитель по крупным костям заплюсны / Труды комиссии по изучению четвертичного периода, Т. XVI. М., 1960

Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Обработка кости в окольном граде средневекового Вщижа (по материалам раскопок 2014 года) // Русский сборник. Вып.8, Т.1. Брянск, 2016.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998

Одгаард У. Ритуал кормления огня в очагах у циркумполярных народов // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43)

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований (Барнаул). 2014. № 2(10)

Потапов О.В. Деякі традиції розвитку скотарства в давньому Чернігові // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць, присвяченый 1300-літтю Чернігова, Чернігів, 1992

Цалкин В.И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля. МИА № 167 (Материалы и исследования по археологии Москвы, Т.IV). М. 1971

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА, №161. М., 1970

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР) / МИА, Т.51. М.- Л., 1956

Чубур А.А., Миненко В.В. Археозоология позднесредневекового Смоленска (по данным раскопок 2004-2005 гг.) // Верхнее Подонье: археология, история. Вып.3. Тула, 2008

Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г., Чубур А.А., Лобанов Г.В. О работах на комплексе памятников в урочище «Чашин Курган» // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2016 г. Брянск, 2016

Chubur A., Gorczyca K., Kovalchuk O., Gorobets L., Schellner K. Osteological remains from the feudal castle Przewłoka (13-14th centuries AD, Poland) // Journal of Archaeological Science: Reports 9 – 2016

France, Diane L. Human and nonhuman bone identification : a color atlas. CRCpress, 2009

Hillson S. Teeth / Second Edition. Cambridge University Press. 2005. – 373 p.; France, Diane L. Human and nonhuman bone identification : a color atlas. CRCpress, 2009

Schmid E. Atlas of Animal Bones: For Prehistorians, Archaeologists and Quaternary Geologists. Elsevier Publishing Company. 1972

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widderristhone bei Schaffen // Archaeozoological Studies. - Amsterdam, 1975

ARCHAEOZOOLOGICAL OBSERVATIONS ON THE MATERIALS OF THE FEUDAL MANOR «HILLFORT ZHIDEEVKA» EXCAVATION

A.A. Chubur, G.Yu. Starodubtsev, LV. Gorobets

Archaeozoological analysis of osteological material from the Hillfort Zhideevka (Kursk region, Russia) showed a weak development of hunting and fishing (although there is a small amount of game in the materials) and the important role of livestock. The basis of livestock breeding was the breeding of pigs and the dairy-meat direction of cattle breeding. The role of sheep breeding is secondary. The inhabitants of the manor did not eat the horse, which differed significantly from the northerners, in whose lands the ancient settlement is located.

Keywords: ancient settlement Zhideevka, the Middle Ages, livestock, hunting, the Sever lands

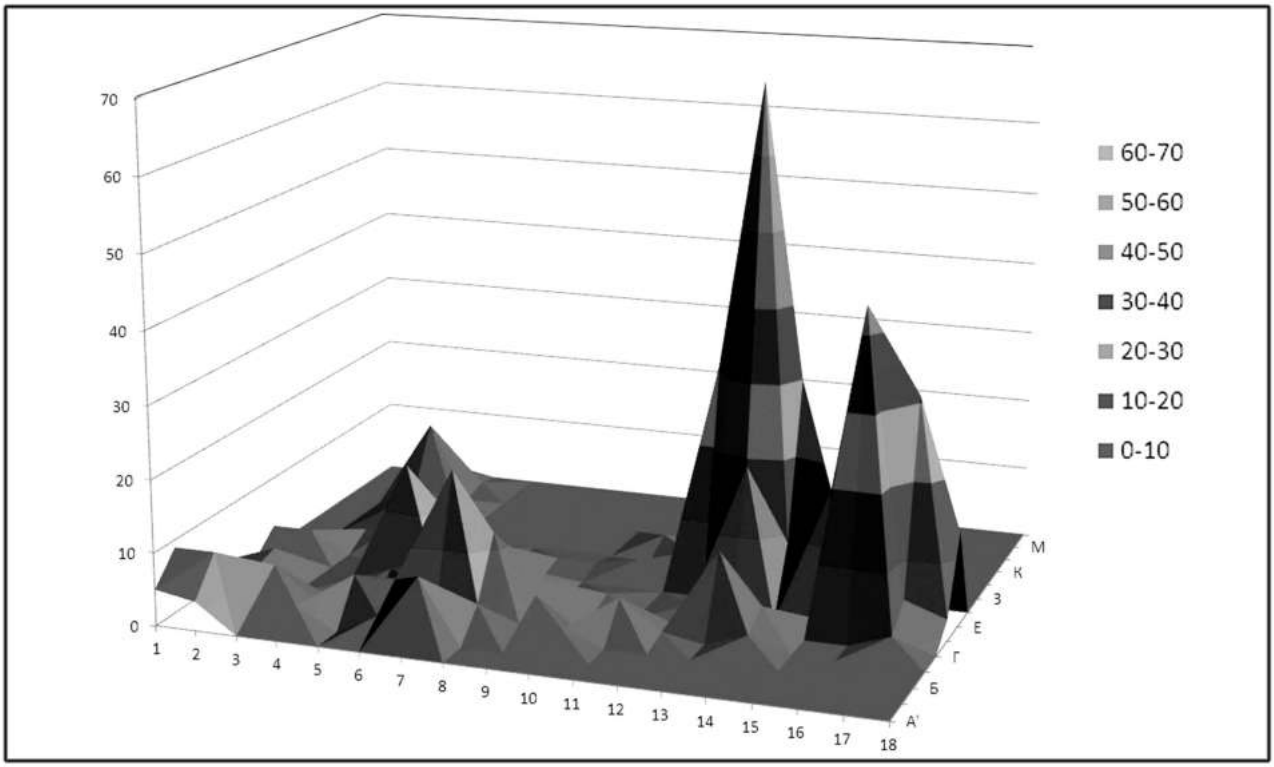


Рис.1
Городище Жидеевка. Плотность остеологического материала
в раскопе и объектах.

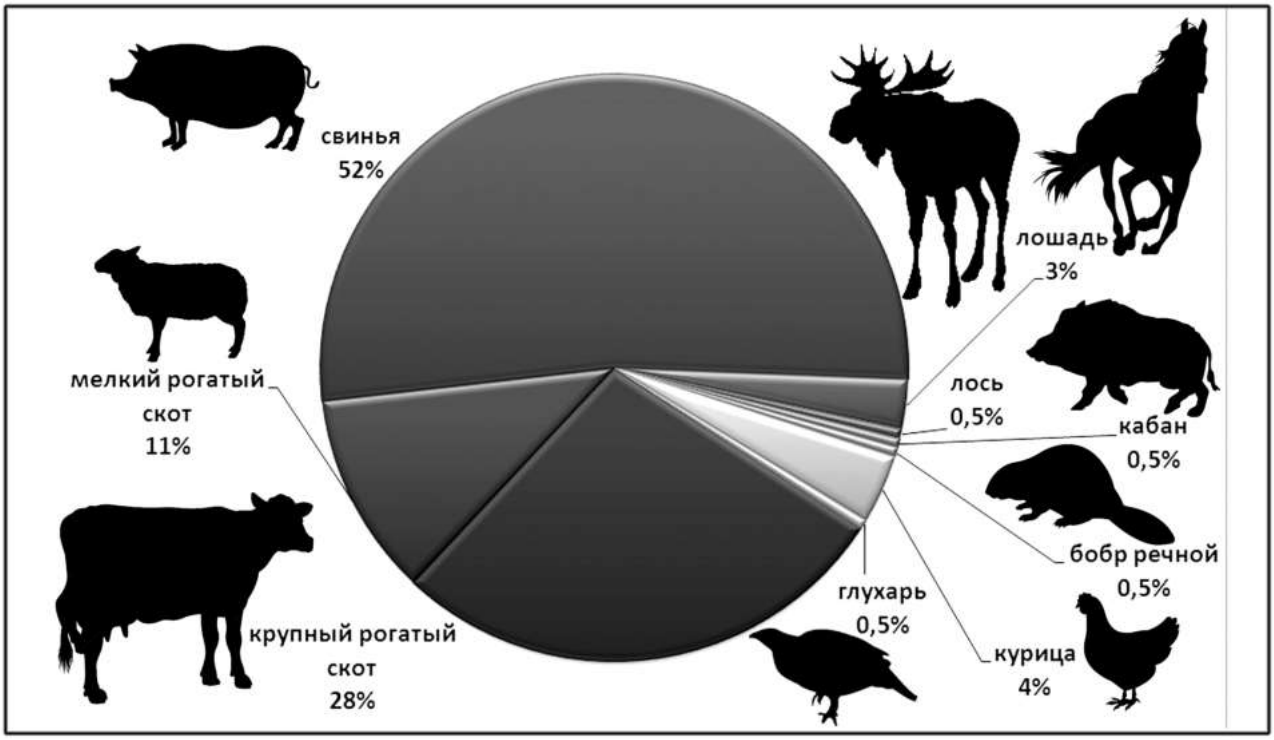


Рис.2
Городище Жидеевка. Видовой состав остеологического материала
(по минимальному числу костей).

ОТОПИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЖИЛИЩ СРЕДНЕВЕКОВОГО КУРСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2008 г.)

© 2018 г. А.В. Зорин

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья рассматривает особенности конструкции отопительных сооружений средневековых жилых построек конца X - начала XII вв., обнаруженных при исследованиях Курска. Установлено, что здесь в данный период использовались глинобитные печи, сооружённые на каркасе из вбитых в землю прутьев. Лишь к исходу XI в. на эти территории проникает иная технология сооружения печей, что также нашло отражение в ходе раскопок.

Ключевые слова: Древняя Русь, Курск, жилища, отопительные сооружения

В 2008 г. силами Курского государственного областного музея археологии были проведены охранные археологические исследования на месте планируемого строительства жилого дома по адресу ул. Гайдара, 26. В ходе работ была изучена территория Закурного посада древнерусского Курска общей площадью около 904 кв. м. При этом была зафиксирована высокая насыщенность культурного слоя археологическим материалом древнерусского времени, в первую очередь периода рубежа X – XI вв. Остатки 10 жилых построек позволили проследить характерные особенности домостроительства данного времени и, особенно, конструктивные приёмы, применявшиеся при устройстве отопительных сооружений.

Постройка 1.

Жилище, получившее в ходе исследований условное обозначение «постройка-1», прекратило своё существование в середине XI в. Постройка представляла собой врезанный в материк котлован полуземлянки подквадратной формы с размерами 2,8 х 2,8 х 3 х 2,8 м при глубине до 1 м от уровня обнаружения пятна. Стенки котлована отвесные (исключая некоторый наклон северо-восточного участка), дно плоское, с небольшим понижением на юг. В северо-западном углу постройки располагалась глинобитная печь размерами 1,3 х 1,4 м, вплотную примыкавшая к её стенам (Рис.2, *1*).

Свод печи был разрушен и обломки его были встречены в пределах слоёв 1 и 2. Стенки печи, сохранившиеся на высоту до 0,94 м, носили изнутри следы сильного прокала (Рис.1). Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода удалось проследить 20 ямок, оставшихся от этих прутьев. Ямки, получившие буквенное обозначение А–Т, имели средний размер 4 х 7 см при глубине 14 см от поверхности первоначального пода (Рис.1,*2*; 2, *2*). Их заполнением являлись древесный тлен и угли. Форма ямок свидетельствовала о том, что прутья каркаса были заострены и плотно вбиты в материковую глину пола жилища (Рис.1, *3*). Следы выгоревших прутьев отчётливо читались в прокалённой глине внутренней поверхности сохранившихся стенок печи. В разрезе пода (Рис.2, *3*) отчётливо виднелись чередующиеся золистые и глинистые прослойки, свидетельствующие о трёх периодах ремонта печи, последовавших за сооружением первоначального пода. Первоначальный под – площадка овальной формы размерами 0,9 х 1,1 м, – имел в своей центральной части вымостку из плоских обломков песчаника, прочно вмазанных в глину (Рис.1, *2*; 2, *2*). Вероятно, это было сделано с целью повышения теплоотдачи печи – накалившиеся камни дольше сохраняли жар.

Яма 47

Яма 47 представляет собой котлован жилой постройки полуземляночного типа, датировать которую можно первой половиной XI в. Котлован имел подпрямоугольную форму размерами 2,4 х 2,8 м при глубине от 0,22 до 0,3 м. Дно плоское, стенки слегка наклонные.

Глинобитная печь располагалась в юго-западном углу котлована ямы 47 (Рис.4, *1*). Материалом для её сооружения послужила светло-бежевая глина, в составе которой прослежена примесь травы. Стенки и свод печи сохранились на высоту 0,34 м, центральная часть свода разрушена (Рис.3,*1*). Стенки имеют изнутри следы сильного прокала светло-оранжевого цвета. Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода удалось проследить 17 ямок, оставшихся от этих прутьев (Рис.3, *2*). Ямки имели диаметр в среднем 4 см при глубине до 15 см от поверхности пода (Рис.4, *2*). Их заполнением являлись древесный тлен и угли. Форма ямок свидетельствовала о том, что прутья каркаса были заострены и плотно вбиты в материковую глину пола жилища.

Под печи представлял собой прокалённую глинобитную площадку овальной формы размерами 0,8х1,04 м мощностью 3 см, в которую в районе устья печи были вмазаны куски мергеля. При разборе печи были встречены вмазанные в неё 4 черепка лепных сосудов (Рис.4, *3*), а также 5 крупных фрагментов железного шлака, 8 обломков камней и отдельные кости животных. В запечном пространстве находилось 28 фрагментов лепной и 7 фрагментов круговой керамики, а также несколько мелких костей животных и 125 крупных обломков мергеля и других камней. Вероятно, вмазанные в свод печи и забитые в запечье обломки камней, шлака и керамики повышали теплоотдачу отопительного сооружения — накалившиеся камни дольше сохраняли жар.

Яма 49

Яма 49 является котлованом жилой постройки полуземляночного типа, датируемого серединой XI в., Котлован имел подквадратную форму размерами 2,3 х 2,2 м при глубине 0,25 – 0,3 м. Стенки слегка наклонные, дно плоское.

Глинобитная печь располагалась в северо-восточном углу объекта (Рис.6, *1*). Размеры её составляли 0,7 х 0,9 м при высоте сохранившихся стенок до 0,43 м. Центральная часть свода разрушена (Рис.5, *1*). Стенки имеют изнутри следы сильного прокала. Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода удалось проследить 15 ямок, оставшихся от этих прутьев (Рис.5, *2*). Ямки имели сегментовидную форму, будучи оставлены расколотыми продольно прутьями. Размер ямок колебался от 7 х 5 см до 10 х 5 см в диаметре (Рис.6, *2*). Одна из них имела овальную форму. Глубина достигала 15 см от поверхности пода. Их заполнением являлись древесный тлен и угли. Форма ямок свидетельствовала о том, что прутья каркаса были расколоты, заострены и плотно вбиты в материковую глину пола жилища. В тыльной части печи они были вбиты под наклоном. Под печи представлял собой прокалённую глинобитную площадку овальной формы размерами 0,9 х 0,7 м мощностью до 7 см (Рис.6, *2*). При разборке его были прослежены следы починки, в ходе которой в под были вмазаны фрагменты круговой керамики. В ходе разбора печи было обнаружено 26 фрагментов круговой керамики, из которых 24 фрагмента принадлежали раннекруговым сосудам (Рис.6, *3*), а также обломки костей животных.

Яма 94

Котлован ямы 94 представляет собой остатки жилой постройки рубежа X – XI вв. Яма имела подквадратную в плане форму размерами 2,4 х 2,4 х 2,4 х 2 м при глубине 0,1 – 0,13 м, слегка наклонные стенки и плоское дно. Южный край объекта разрушен котлованом позднейшей ямы 92, в северо-западную стенку врезается столбовая яма 97.

Глинобитная печь занимала юго-западный угол объекта и была частично разрушена котлованом ямы 92 (Рис.8, *1)*. Свод и северо-восточная стенка печи были разрушены. Стенки печи, сохранившиеся на высоту до 0,13 м, носили изнутри следы сильного прокала (Рис.7, *1*). Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода удалось проследить 14 ямок, оставшихся от этих прутьев (Рис.7, *2*). Ямки имели средний размер около 4 – 5 см при глубине до 17 см от поверхности пода (Рис.8,*2*). Их заполнением являлись древесный тлен и угли. В разрезе пода (Рис.8,*2*) отчётливо виднелись чередующиеся золистые и глинистые прослойки, свидетельствующие о ремонте печи. Верхнее покрытие пода, появившееся после ремонта, состояло из крупных и грубых комков глины. Первоначальный под представлял собой глинобитную площадку овальной формы размерами 0,3 х 0,4 м.

Яма 110

Котлован ямы 110 представляет собой остатки жилой постройки первой половины XI в. Яма имела подквадратную в плане форму размерами 2,2 х 2,4 х 2,3 х 2,3 м при глубине от 0,17 м на ЮВ до 0,44 м на СЗ, слегка наклонные стенки и плоское дно.

Печь занимала юго-западный угол объекта и общие размеры её составляли 0,8 х 1 м (Рис.10, *1*). Частично сохранилась западная часть свода печи. Стенки печи, сохранившиеся на высоту до 0,39 м, носили изнутри следы сильного прокала. Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода удалось проследить 17 ямок, оставшихся от этих прутьев (Рис.9, *2*). Ямки имели средний размер около 4 – 5 см при глубине до 25 см от поверхности пода. Их заполнением являлись древесный тлен и угли. Располагавшиеся в тыльной части печи вдоль западной её части 8 ямок имели сегментовидную в плане форму, будучи оставлены продольно расколотыми прутьями (Рис.10, *2*). В заполнении постройки сохранились куски разрушенного свода с вмазанными в них камнями.

В разрезе пода (Рис.10, *2*) отчётливо виднелись два слоя прокалённой глины каждый мощностью в 5 см, свидетельствующие о ремонте печи. Первоначальный под представлял собой глинобитную площадку овальной формы размерами 0,8 х 0,6 м.

Яма 113

Котлован ямы 113 представляет собой остатки жилой постройки конца XI – начала XII вв. Яма имела подквадратную в плане форму размерами 3,2 х 2,4 х 3,3 х 2,9 х 2,6 м при глубине до 0,36 м в центральной части, слегка наклонные стенки и плоское дно. На востоке яма 113 частично перекрывала округлое пятно более ранней ямы 108.

Печь занимала северо-восточный угол объекта и общие размеры её сохранившейся части составляли 0,6 х 1,1 м (Рис.11, *2*). Свод и стенки на севере и востоке были разрушены полностью. Частично сохранились западная стенка и под печи. Стенки печи, сохранившиеся на высоту до 5 см, были вырезаны из материкового грунта. Толщина их составляла около 4 см. Ямок каркаса, как в отопительных сооружениям других жилых построек, здесь выявлено не было. Остатки пода представляли собой

прокалённую глинобитную площадку размерами 0,3х0,4х0,2 м мощностью в центральной части до 4 см (Рис.11, *1*). Данная конструкция свидетельствует о появлении на поселении иных строительных традиций.

Яма 148

Котлован ямы 148 представляет собой остатки жилой постройки середины–второй половины XI в. Яма имела подквадратную форму размерами 3,8 х 3,3 х 3,8 х 3,2 м и глубиной от уровня материка от 0,17 м на СВ до 0,6 м на СЗ. Дно котлована – плоское, стенки слегка наклонные. Северо-восточный угол котлована перекрывает собой более раннюю яму 146, разрушая при этом её заполнение. В этом же углу находится глинобитная печь.

Печь занимала северо-восточный угол объекта и общие размеры её составляли 1,4 х 1,4 м (рис.13, *1*). Частично сохранился печной свод. Стенки печи, сохранившиеся на высоту до 0,36 м, носили изнутри следы сильного прокала. Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев (Рис.12, *1*). По контуру пода удалось проследить 17 ямок, оставшихся от этих прутьев (Рис.12, *2*). Ямки имели средний размер 0,05 – 0,07 м при глубине до 0,16 м от основания пода. Их заполнением являлись древесный тлен и угли. Благодаря отпечаткам прутьев на внутренней части свода удалось установить, что длина их от поверхности пода достигала 0,45 м. Располагались прутья под наклоном к центру. В заполнении постройки сохранились куски разрушенного свода. Под печи представлял собой округлую в плане площадку размерами 0,8 х 0,75 м при толщине до 0,1 м. Слой прокала пода составлял 0,05 м. В под были вмазаны камни (Рис.12, *2*) и крупные осколки толстостенной ребристой корчаги, включая обломки ручек (Рис.14, *1*). Основание центральной части пода было полностью вымощено камнями. Кроме того, фрагменты круговой керамики были вмазаны в свод (Рис.14, *2*). Камни были вмазаны также и в стенки печи, причём 8 из них поясом на одном уровне (нивелировочные отметки от -577 до -569). При разборке печи были найдены 1 венчик лепного сосуда и 31 фрагмент круговых сосудов (в т.ч. 6 венчиков и 3 раннекруговых фрагмента). Под печи содержал 96 фрагментов круговой керамики (в т.ч. 33 обломка толстостенной корчаги и 5 венчиков).

Объект 152

Пятно объекта 152 представляет собой остатки сгоревшей наземной двухярусной жилой постройки середины – второй половины XI в. Объект представлял собой пятно мешаного бурого суглинка, насыщенного углями, содержащего включения тёмно-жёлтой глины и обмазки. Пятно имело трапециевидную в плане форму размерами 1,6 х 2,8 х 1,4 х 2,2 м и мощность от уровня фиксации до 0,2 м. В связи с этим объект выбирался пластами по 0,1 м. На севере объект был разрушен поздним перекопом. Здесь же были выявлены остатки разбившейся глинобитной печи.

Развал рухнувшей печи находился у северной границы пятна и был частично уничтожен перекопом (Рис.15,*1*). Общие размеры сохранившейся части развала составляли 1,2 х 0,6 м при мощности скопления до 0,2 м. В развале прослеживались обломки пода и бортов, носившие следы сильного прокала (Рис.15, *2*). Всего скопление содержало 30 фрагментов печины. Следов прутьев каркаса заметно не было. В заполнении объекта и по соседству с ним также встречались обломки печины. При разборке развала печи было найдено 67 вмазанных в неё фрагментов круговых сосудов (в т.ч. 1 венчик), преимущественно от тонкостенного белоглиняного сосуда (Рис.16, *1*-

2). Судя по состоянию остатков печи, она изначально находилась на верхнем ярусе наземной постройки и во время пожара, уничтожившего сооружение, рухнула вниз.

Яма 154

Котлован ямы 154 представляет собой остатки жилой постройки рубежа X – XI вв. Яма 154 имела подквадратную в плане форму размерами 3 х 2,8 х 3 х 2,8 м при глубине до 0,7 м (от уровня материка – от 0,31 м на ЮВ до 0,5 м на СЗ), слегка наклонные стенки и плоское дно. Печь занимала северо-западный угол объекта и общие размеры её составляли 0,9 х 0,8 м (Рис.18, *2*). Центральная часть свода пробита (рис.17, *1*). В свод были вмазаны обломки жернова (Рис.17, *2*). Стенки печи, сохранившиеся на высоту до 0,61 м, были возведены на основе каркаса из прутьев, отпечатки которых сохранились на внутренней части свода. Толщина стенок составляла около 0,2 м. По контуру печи в дне постройки было выявлено 9 ямок от прутьев каркаса (Рис.18, *1*). Они имели диаметр 0,05 м, их глубина от уровня обнаружения достигала 0,04 м. Заполнением служил коричневый суглинок, смешанный с древесным тленом. Остатки пода представляли собой прокалённую глинобитную площадку диаметром 0,6 м мощностью в центральной части до 0,1 м (Рис.19, *1*). В центральную часть пода были вмазаны небольшие осколки жернова и фрагменты лепной керамики. Поверх пода прослежен слой золы мощностью до 0,07 м. В устье печи выявлено несколько небольших кусков железной руды. Перед устьем печи на дне постройки прослежена кольцевая канавка с округлыми выступами в южной части (Рис.17, *1*; 19, *1*). Ширина канавки составляла в среднем 0,15 м, в области выступов достигала 0,2 – 0,3 м, глубина составляла 0,07 – 0,1 м. Стенки наклонные, дно плоское, шириной 0,05 – 0,08 м. В западной части канавка перекрывалась стенками и подом печи. Назначение канавки осталось невыясненным. Возможно, она представляет собой следы первоначально запланированного в жилище отопительного сооружения. В ходе исследования печи помимо костей животных и рыб и кусков железного шлака были получены также представительные образцы керамического материала (Рис. 19, *2*). Фрагменты керамики принадлежали преимущественно лепным сосудам. В запечном пространстве их было найдено 11 (в т.ч. 2 венчика), в заполнении топочной камеры под сводом – 12 фрагментов (в т.ч. 1 венчик), в под было вмазано 9 фрагментов стенок, в стенки и свод печи – 3 фрагмента (в т.ч. 1 венчик). Помимо этого, в предпечной канавке находилось 2 фрагмента раннекруговых сосудов, а в своде печи – 2 круговых фрагмента (1 раннекруговой). Данный состав керамического комплекса даёт представление о времени сооружения печи и, тем самым, о датировке объекта в целом.

Таким образом, в ходе раскопок были исследованы остатки 10 жилых построек, существовавших на данной территории на протяжении конца X – начала XII вв. Из них 2 жилища датируются рубежом X – XI вв. (ямы 94 и 154), 4 постройки относятся к первой половине-середине XI в. (постройка 1, ямы 47, 49, 110), две датируются второй половиной XI в. (ямы 148, 152) и одна относится к периоду конца XI – начала XII вв. (яма 113). В итоге была получена возможность проследить эволюцию домостроительства данного поселения на протяжении всего XI в. Относительно отопительных сооружений жилых построек результатом могут быть следующие наблюдения.

1. Печи Закурного посада древнерусского Курска являются глинобитными и сооружены на каркасе из прутьев, что является их характерной особенностью. При этом, как правило, в под и свод печи вмазывались камни или фрагменты керамики. Жёсткой закономерности в размещении отопительных сооружений в отношении сторон света не прослеживается. В двух случаях печи располагались в СЗ углу помеще-

ния (постр.1, я.154), в трёх случаях — в ЮЗ углу (я.47, 94, 110), в трёх случаях — в СВ углу (я.49, 113, 148) и в одном случае — у северной стены (объект 152). Вероятно, местонахождение отопительного сооружения в жилище зависело лишь от местонахождения входа в него.

2. Подобные конструктивные особенности сохраняются на протяжении практически всего XI в. Лишь на исходе столетия сюда проникают иные строительные традиции, о чём свидетельствуют печи в объектах 113 и 152.

3. Появление новых традиций в сооружении печей совпадает с изменением общих приёмов домостроительства. Глубина котлованов построек уменьшается, появляются полностью наземные двухярусные жилые сооружения (объект 152). Это свидетельствует о постепенном отмирании на данной территории домостроительных традиций роменской культуры.

HEATING STRUCTURES OF DWELLING OF MEDIEVAL KURSK (BASED ON RESEARCH IN 2008)

A.V. Zorin

The article considers the peculiarities of the construction of heating structures of medieval dwellings of the late 10th - early 12th centuries, discovered during the research of Kursk. It is established that here in this period used pise stoves, built on a frame of hammered into the ground rods. Only towards the end of the XI century other technologies for the construction of stoves penetrate into these territories, which was also reflected in the this excavations.

Keywords: Ancient Rus', Kursk, dwellings, heating structures

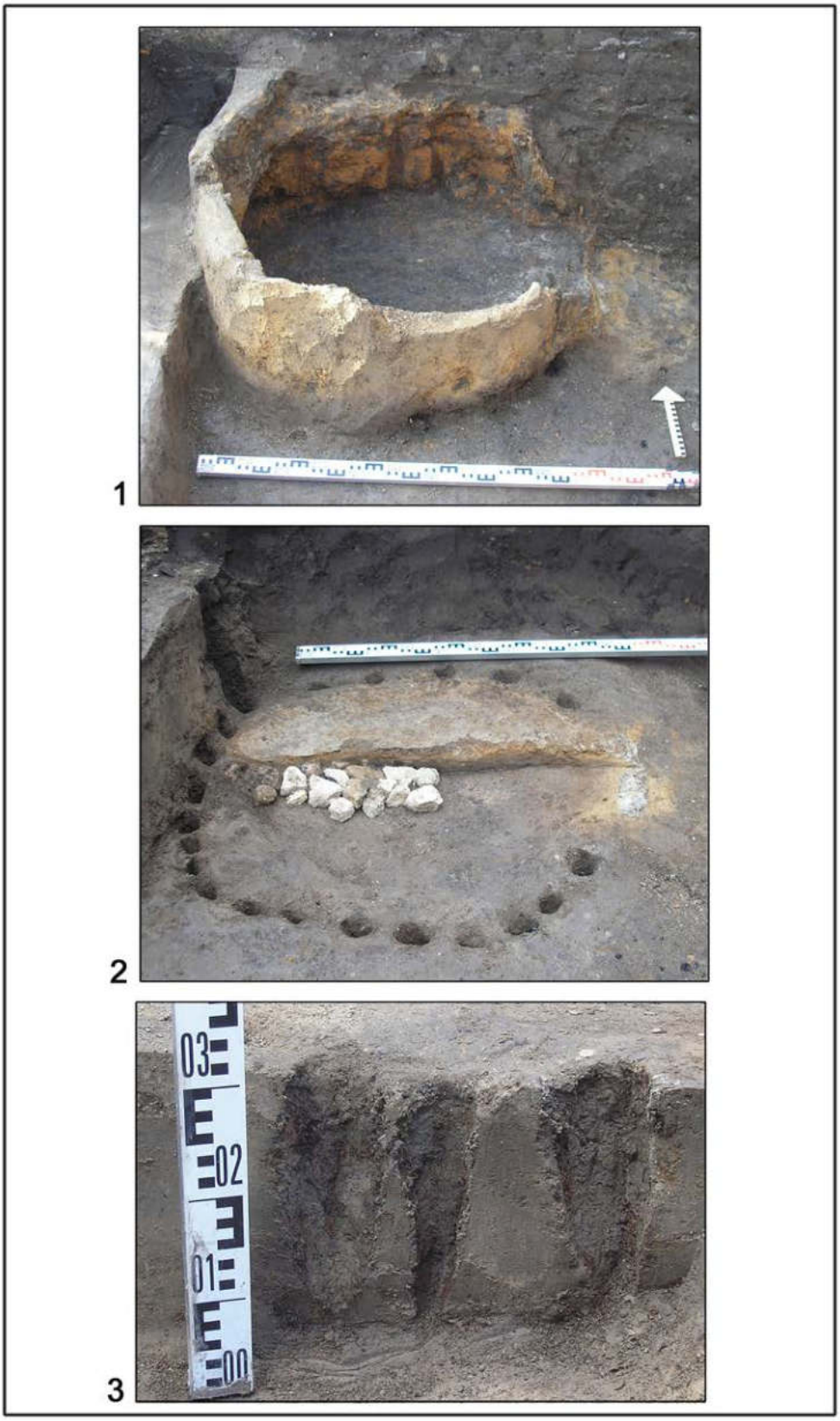


Рис.1

Конструкция печи постройки-1.

1 – Печь постройки-1 в процессе разборки. Вид с Ю; 2 – Разрез пода печи и ямки прутьев каркаса. Вид с Ю; 3 – Разрез ямок от прутьев каркаса.

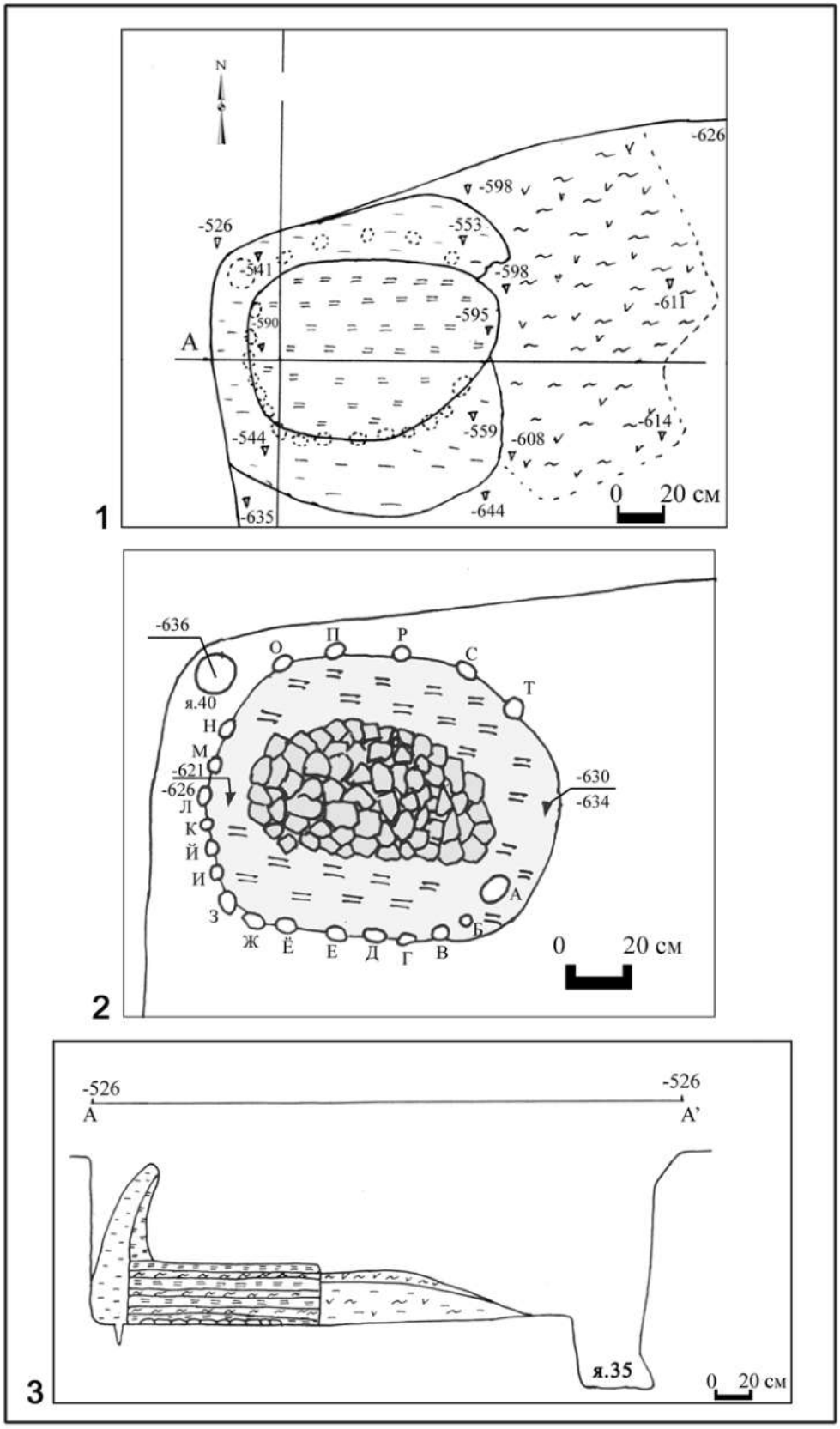


Рис.2

Печь постройки-1.

1– Печь в СЗ углу постройки-1; 2 – Под и ямки каркаса печи;
3 – Разрез печи и котлована постройки по линии А-А’.

Рис.3
Конструкция печи ямы 47.
1 – Печь я.47 после расчистки. Вид с С
2 – Под и ямки прутьев каркаса. Вид с В.

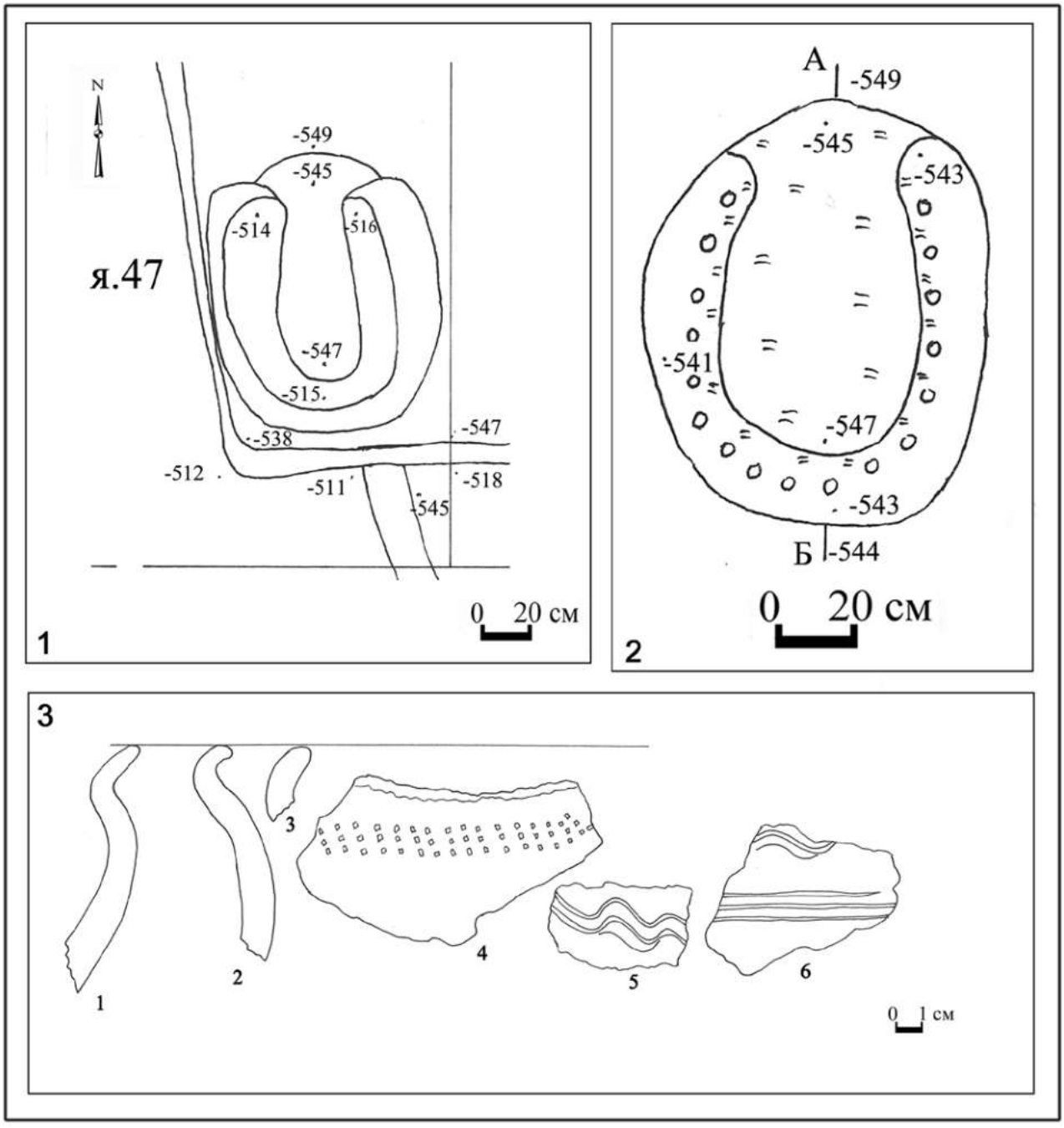


Рис.4
Печь ямы 47.
1– Печь в ЮЗ углу я.46; 2 – Ямки каркаса печи на уровне пода;
3 – Керамика из запечья.

Рис.5

Конструкция печи ямы 49.

1– Печь я.49 после расчистки. Вид с Ю; 2 – Ямки прутьев каркаса. Вид с Ю.

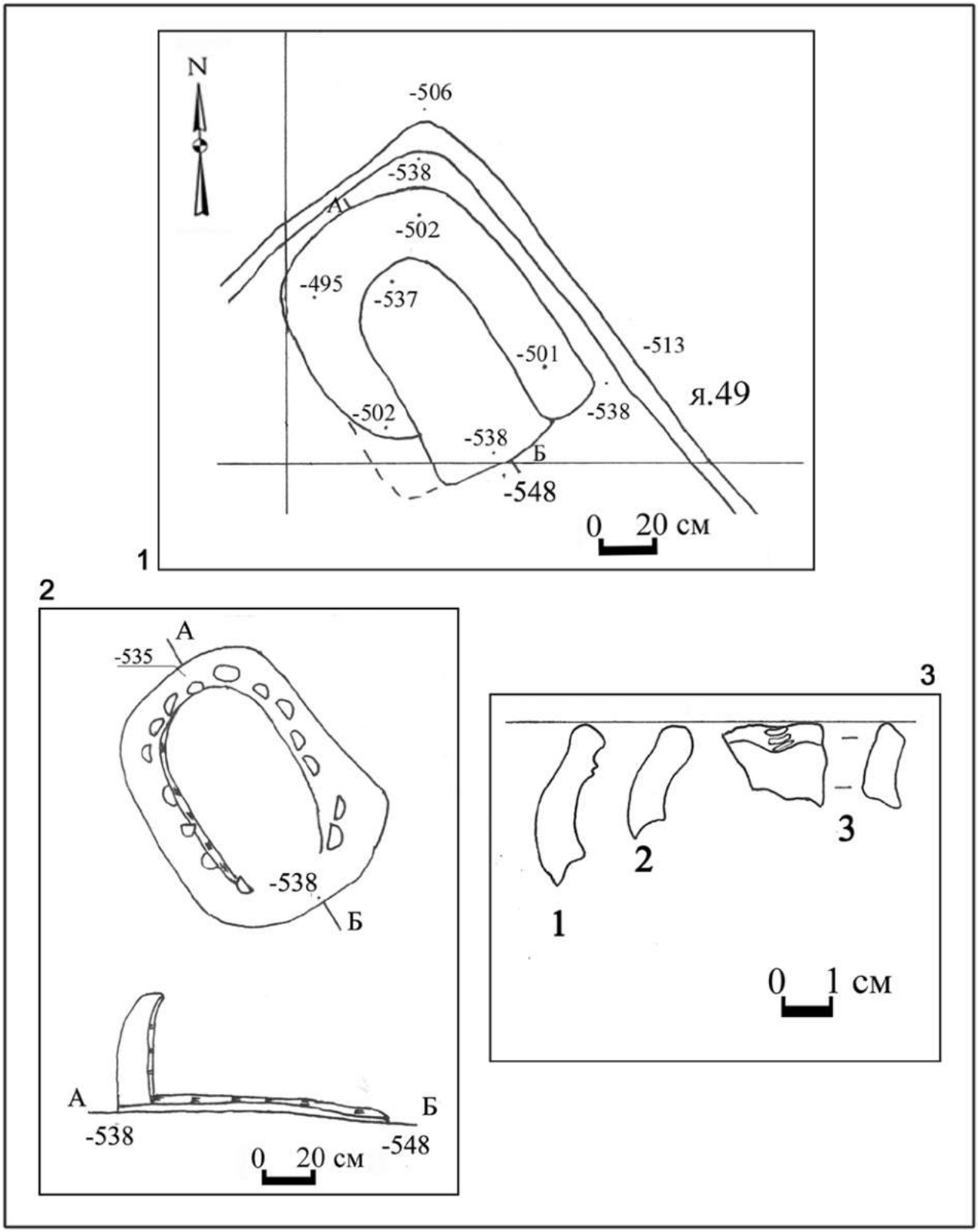


Рис.6

Печь ямы 49.

1 – Печь в СВ углу я.49; 2 – Ямки каркаса печи на уровне пода и разрез печи по линии А-Б; 3 – Керамика из разборки печи.

Рис.7
Конструкция печи ямы 94.
1 – Печь ямы 94. Вид с СЗ; 2 – Ямки от прутьев каркаса печи ямы 94. Вид с ССЗ

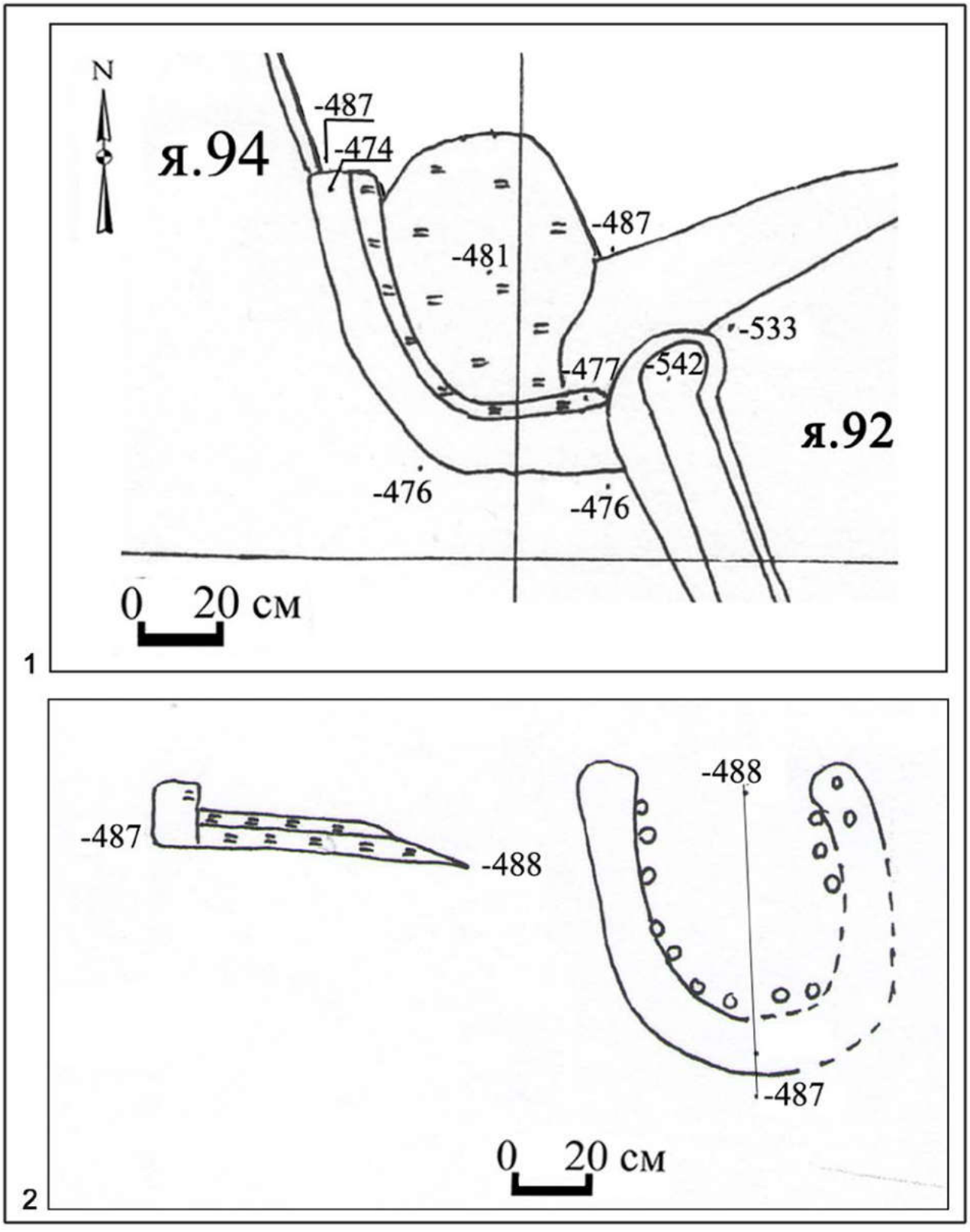


Рис.8
Печь ямы 94.
1 – Остатки печи в ЮЗ углу я.94;
2 – Ямки каркаса печи на уровне пода и продольный разрез печи

Рис.9
Конструкция печи ямы 110.
1 – Печь ямы 110. Вид с В; 2 – Ямки от прутьев каркаса печи ямы 110. Вид с В.

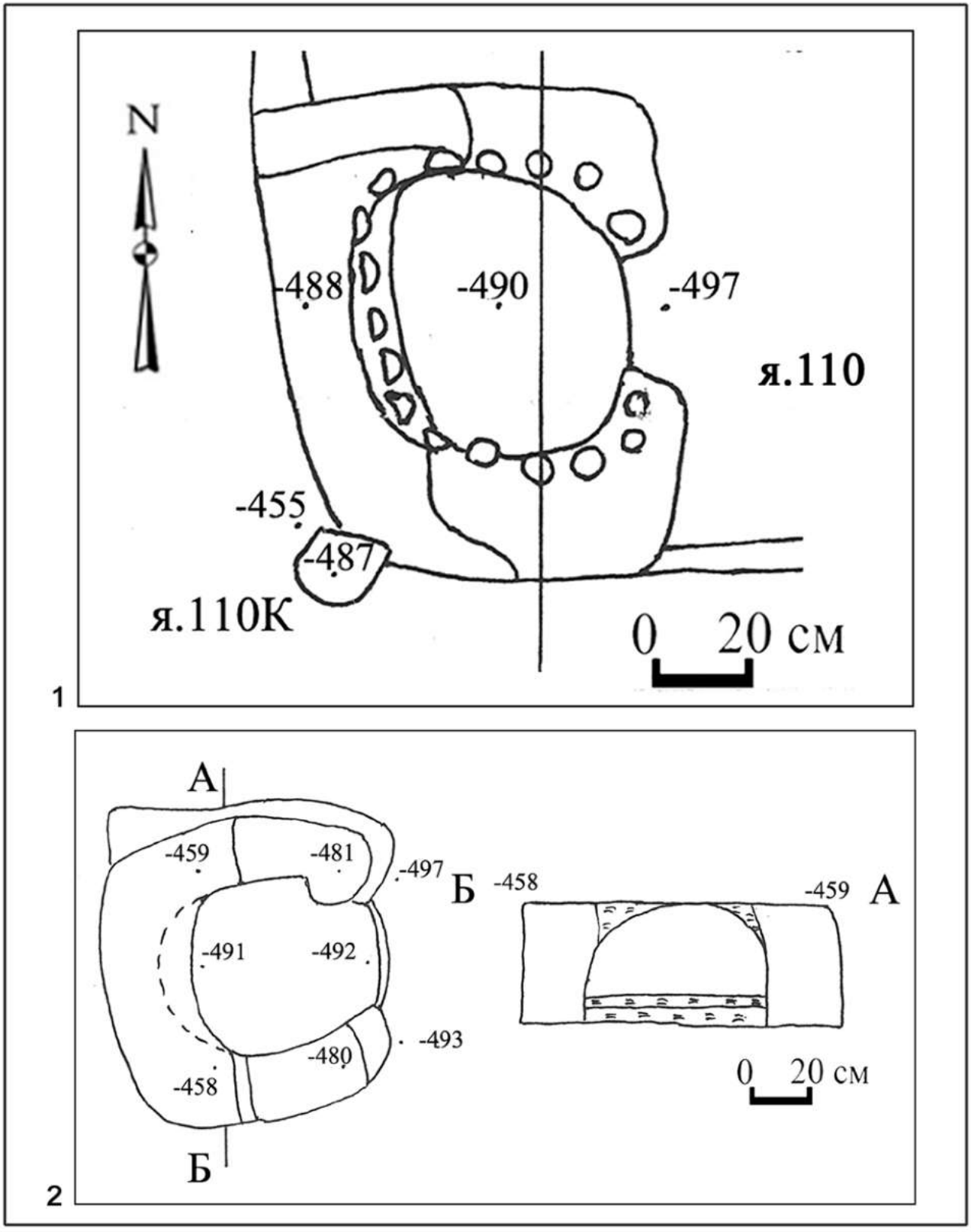


Рис.10

Печь ямы 110.

1 – Печь и ямки каркаса в ЮЗ углу я.110; 2 – Печь и её разрез по линии А-Б.

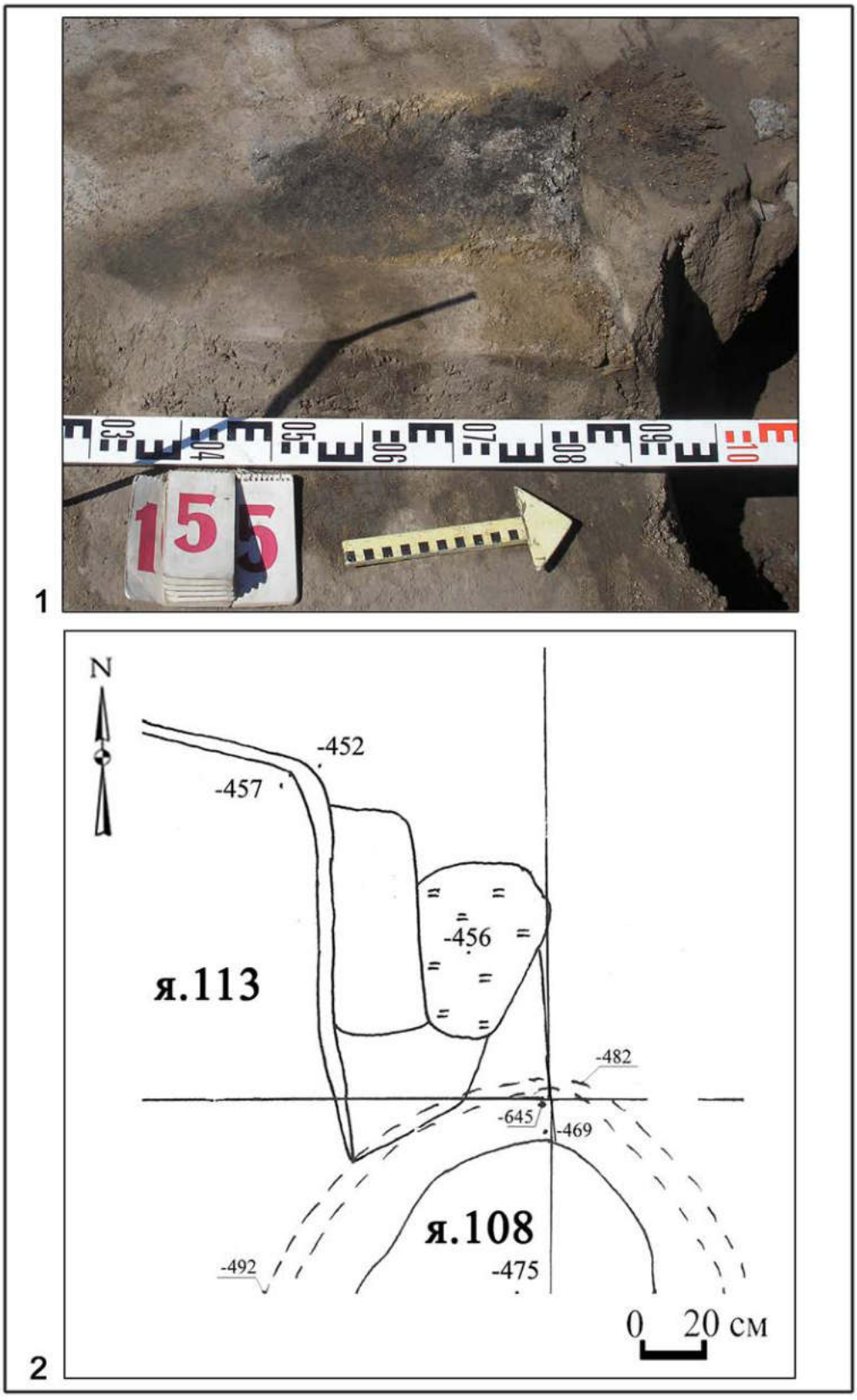


Рис.11
Конструкция печи ямы 113.
1 – Под печи ямы 113. Вид с В; 2 – Остатки печи в СВ углу я.113.

Рис.12
Конструкция печи ямы 148.
1 – Печь ямы 148. Вид с Ю; 2 – Ямки от прутьев каркаса печи ямы 148. Вид с В.

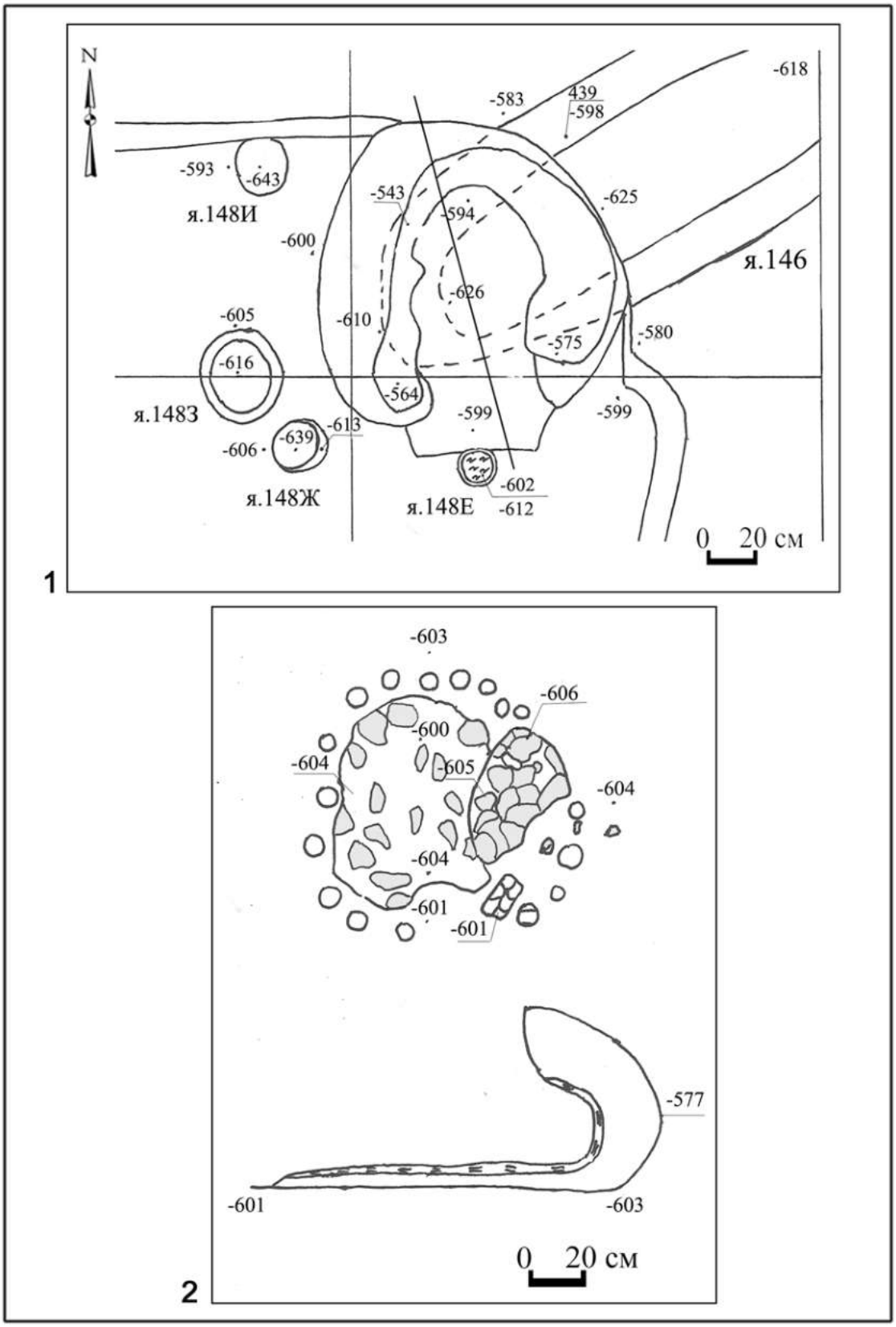


Рис.13

Печь ямы 148.

1 – Печь в СВ углу я.148; 2 – Под печи с вмазанными в него камнями и ямки каркаса. Продольный разрез печи.

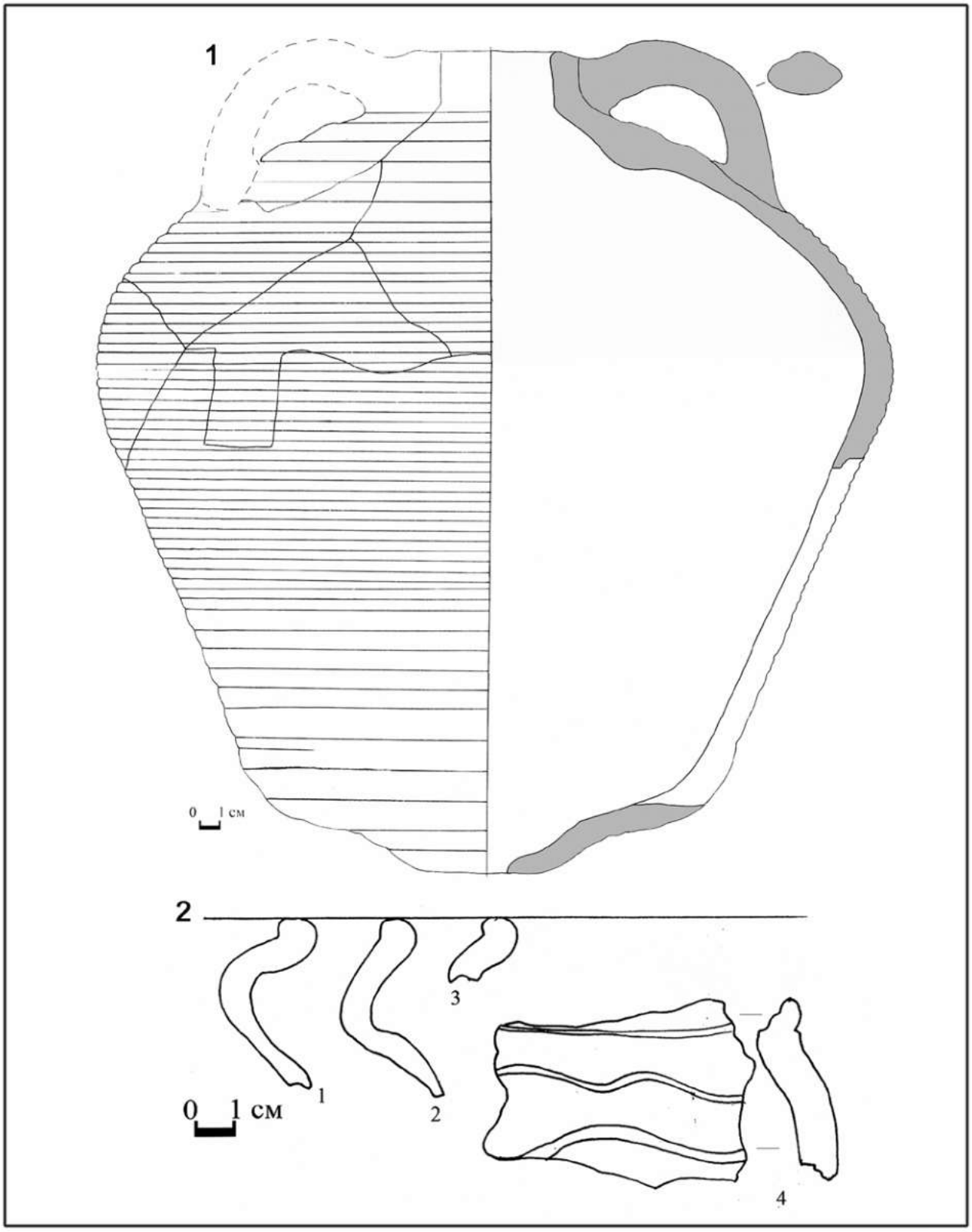


Рис.14
Керамика из разборки печи я.148.
1 – Реконструированная корчага; 2 – Фрагменты круговых сосудов.

Рис.15
Печь объекта 152.
1 – Развал печи. Вид с С; 2. Обломок пода печи. Вид с Ю.

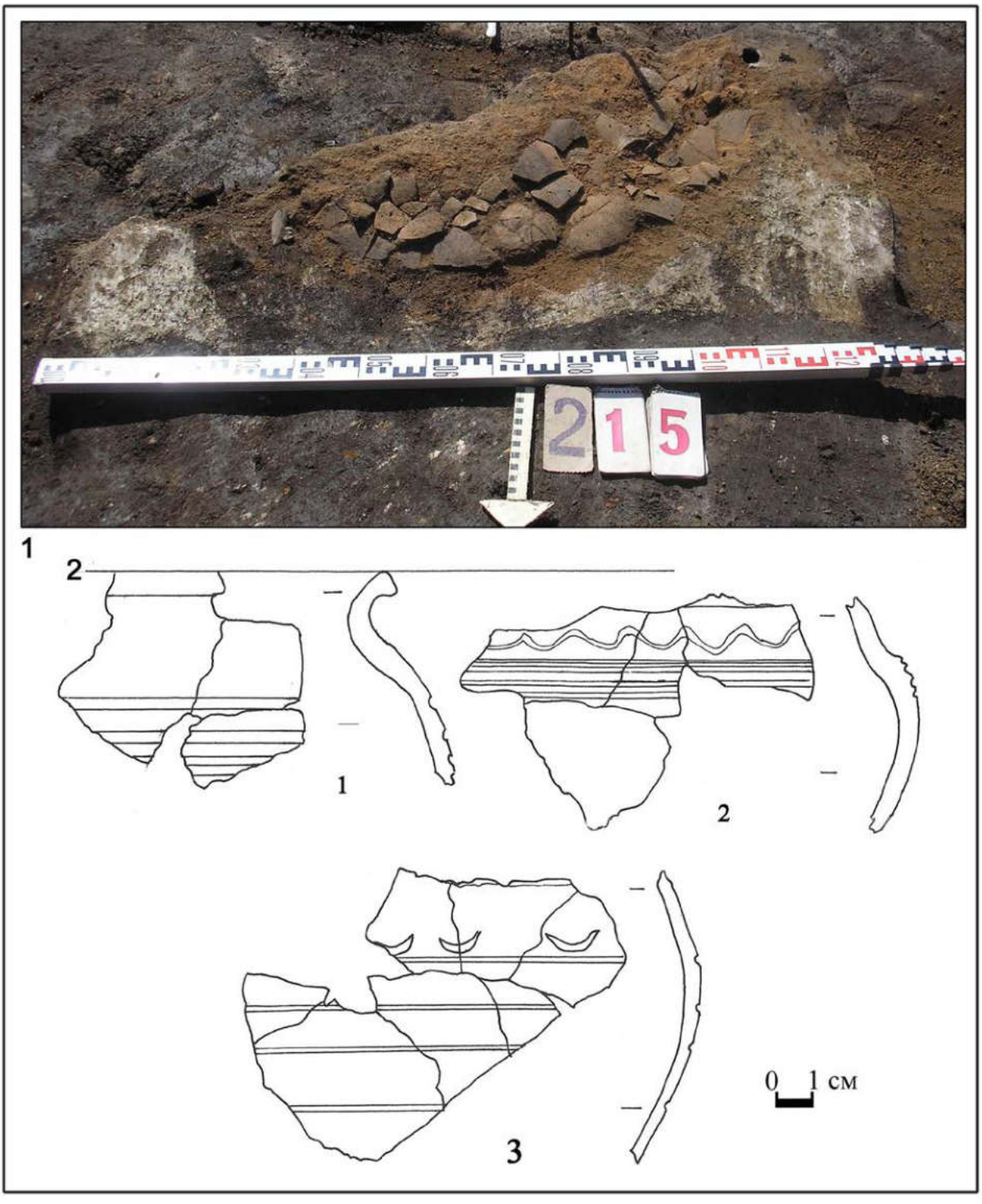
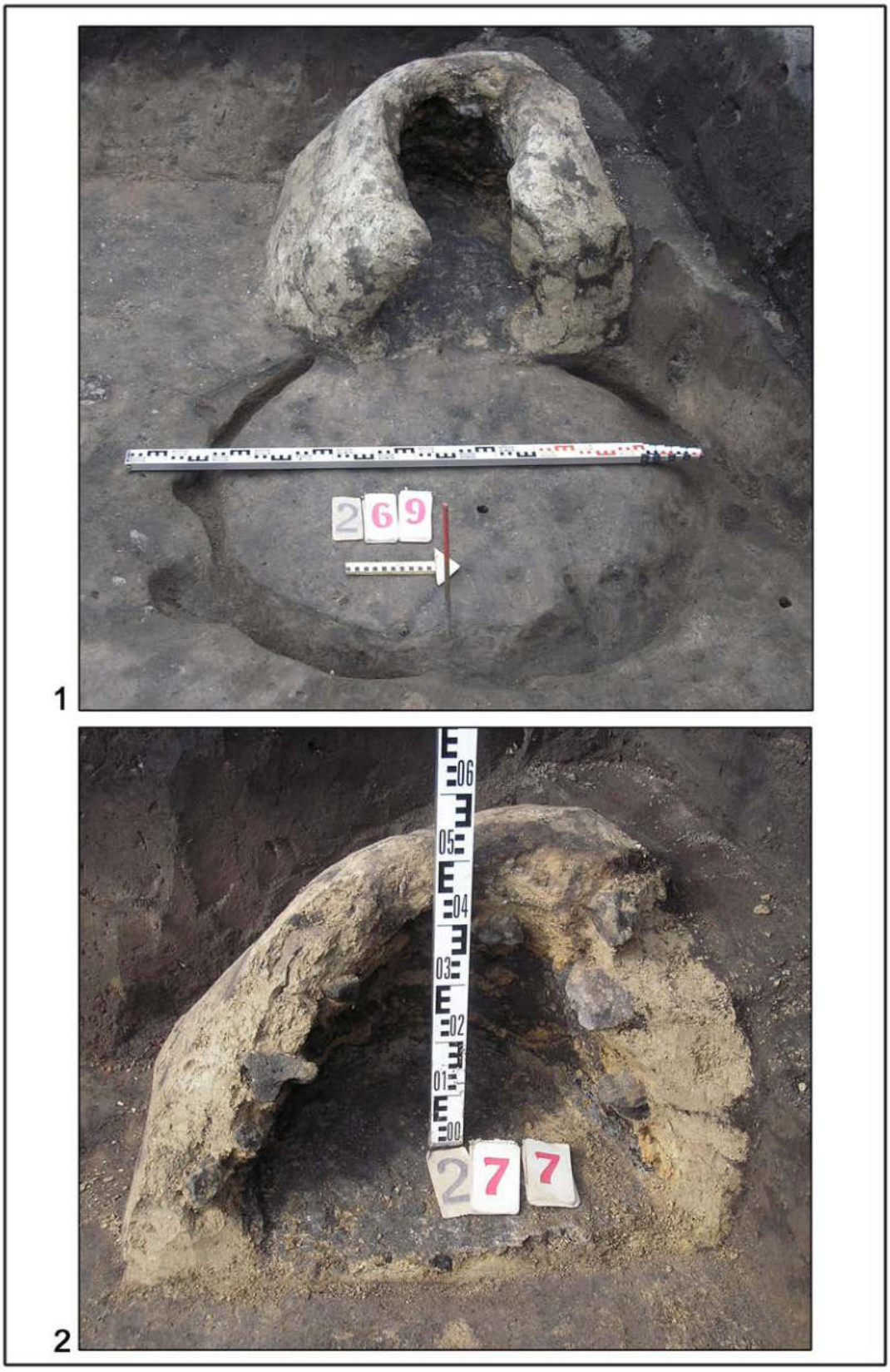


Рис.16
Керамика печи объекта 152.
1 – Скопление керамики в развале печи. Вид с С; 2 – Керамика из развала печи.



1

2

Рис.17

Конструкция печи ямы 154.

1 – Печь и предпечная кольцевая канавка после выборки заполнения. Вид с В;

2 – Камни, вмазанные в свод печи ямы 154. Вид с В.

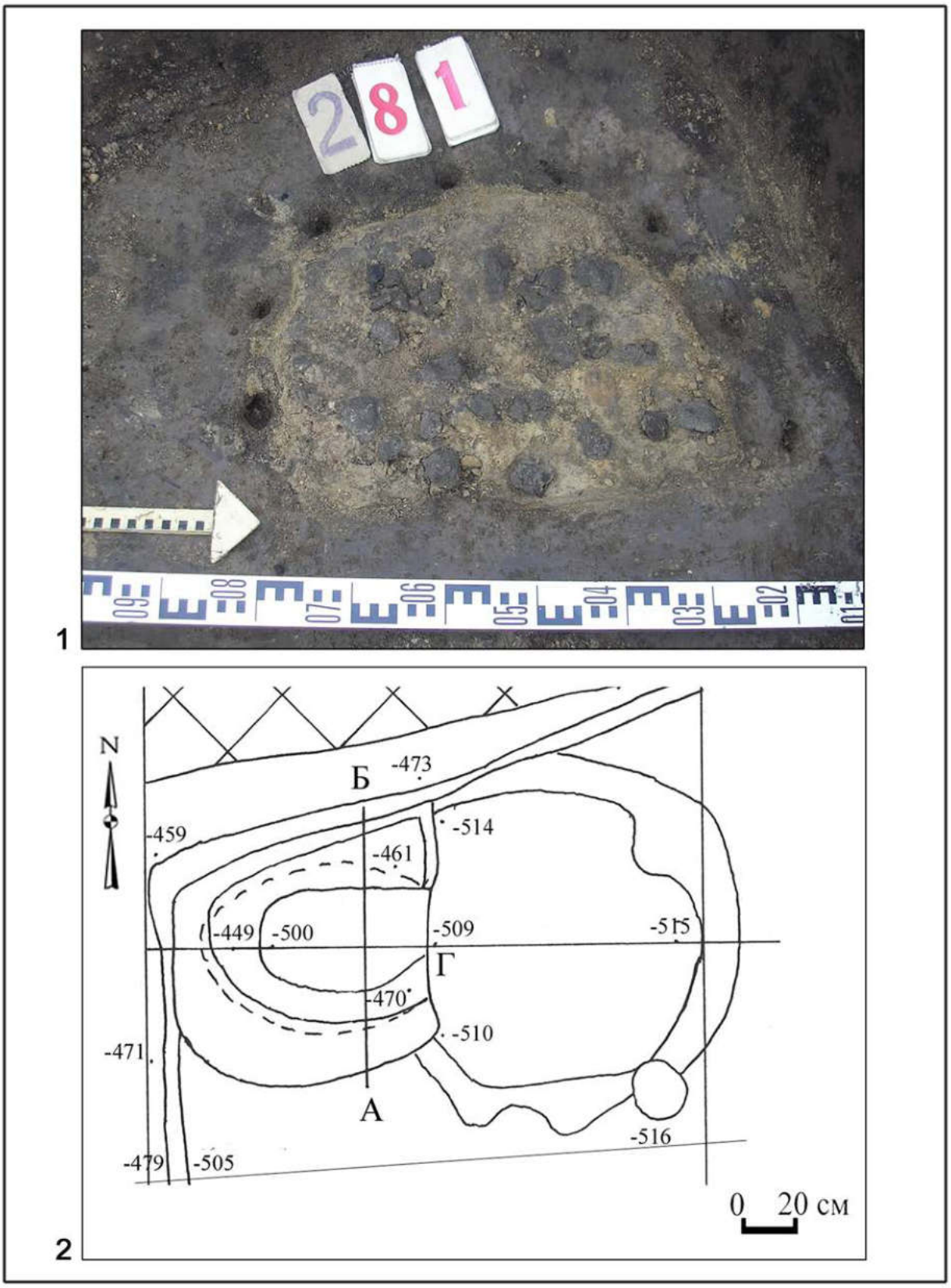


Рис.18
Печь ямы 154.
1 – Камни, вмазанные в под печи, и ямки от прутьев каркаса. Вид с В;
2 – печь в СЗ глу я.154.

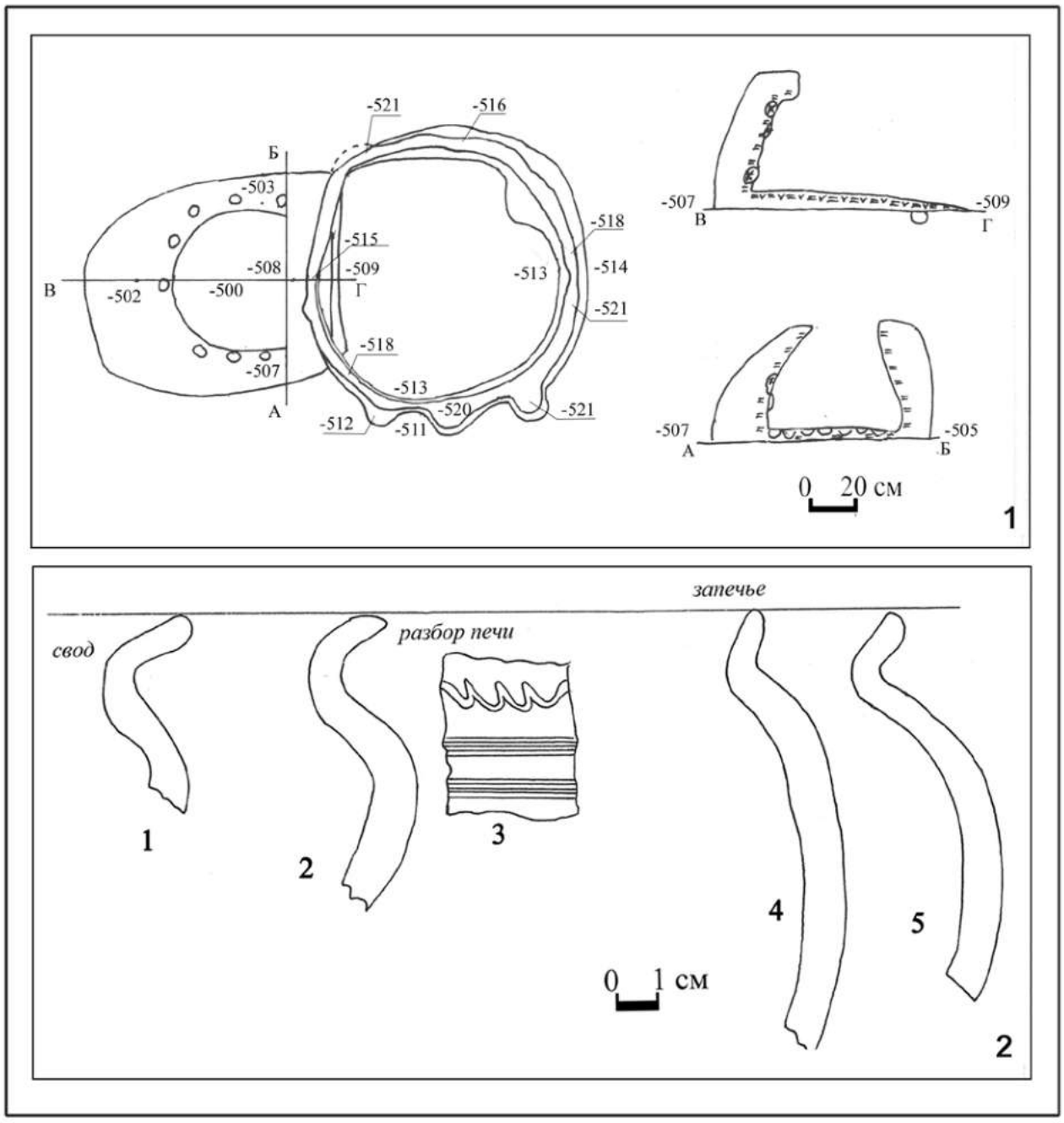


Рис.19

Печь ямы 154.

1 – Ямки каркаса на уровне пода, предпечная канавка после выборки и разрезы печи по линиям А-Б, В-Г; 2 – Керамика из разбора печи.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА 121 ГОЧЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В 2016 г.

© 2018 г. Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья посвящена исследованиям кургана 121 Гочевского курганного могильника экспедицией Курского государственного музея археологии в 2016 г. В ходе работ были обнаружены три погребения (одно мужское и два детских) датирующихся по находкам второй четвертью – серединой XI в.

Ключевые слова: Гочево, археологический комплекс, курган, могильник, погребение, Псёл.

В 1909 г. после разведывательных работ, проведенных членом Курской губернской ученой архивной комиссии К.П. Сосновским, начались первые исследования Гочевского курганного могильника Д.Я. Самоквасовым. Было раскопано 278 насыпей основного курганного массива, а также 5 курганов Загородья (отдельно стоящей курганной группы или части могильника, отделенного от основного массива южной частью посада) и 4 распахиваемых насыпи около д. Бушмено. Кроме того, были заложены небольшие раскопы на городище Царский Дворец и на селище (Самоквасов, 1915а, 1915б). В это время в состав курганного могильника входило более трёх с половиной тысяч насыпей. В 1912 – 1915 гг. эти работы были продолжены членами Санкт-Петербургского и Московского археологических обществ П.С. Рыковым, В.Н. Глазовым, В.С. Львовичем. В общей сложности ими был раскопан 351 курган (Рыков, 1912, 1923. С. 39-53; Львович, 1913; Глазов, 1913, 1915).

В послевоенное время и во второй половине XX в. рядом исследователей проводились разведочные работы памятников Гочевского археологического комплекса. И.И. Ляпушкин (1947), Б.А. Шрамко (1958), А.В. Кашкин (1975), Е.А. Горюнов (1978), В.М. Горюнова (1982), О.А. Щеглова (1986), Н.А. Тихомиров (1986 – 1987) в ходе работ уточнили их состояние, выявили ряд памятников различных эпох в непосредственной близости от комплекса (Моця, 1997. С. 90 – 136; Кашкин, 1998. С. 91 – 93, 116). С 1994 по 2002 гг. раскопки курганов основного массива могильника и «Загородья» проводил Г.Ю. Стародубцев (Стародубцев, 2006. С. 162 – 169.)

В июле – августе 2016 г. экспедицией Курского государственного областного музея археологии были продолжены исследования основной группы курганного могильника[1], находящегося в залесённой части комплекса. Для исследований был выбран курган 121, находившийся в его западной части (Рис. 1). Курган имел сегментовидную насыпь размером 6,1 х 6,5 м, высотой 0,62 – 0,75 м от современной поверхности. Насыпь в плане имела форму относительно правильной окружности. Поверхность насыпи была задернована, поросла травой и орешником.

Раскопки его насыпи и проходящей с юго-западной стороны от него канавки глубиной 0,3 – 0,42 м относительно современной дневной поверхности межкурганного пространства осуществлялось путем вскрытия почвенного покрова пластами по 0,2 м с оставлением взаимно перпендикулярных бровок, ориентированных по условному северу, а точнее ориентированных по линиям ССВ – ЮЮЗ и ЗСЗ – ВЮВ со склонением на 30º к востоку (Рис. 2). Это склонение было вызвано тем, что канавка была ориентирована по линии ЗСЗ – ВЮВ. Межкурганное пространство к северу и югу от

[1] Выявленный объект археологического наследия «Гочево, курганный могильник» датируется первой половиной XI – XII вв.

насыпи исследовались траншеей шириной 2 м, примыкавшей к раскапываемому кургану.

Насыпь кургана была покрыта дерновым слоем толщиной 0,04 – 0,08 м. Под дёрном залегал серо-коричневый суглинок, из которого была сооружена насыпь кургана. На глубине 0,53 – 0,82 м от наиболее высокой точки насыпи находилась прослойка погребенного дерна (светло-бурый суглинок) мощностью 0,04 – 0,09 м, под которым залегал слой погребенной почвы (коричневый суглинок) мощностью 0,23 – 0,34 м в центральной части кургана и 0,14 – 0,17 м по его краям. Этот слой лежал на материке – светло-коричневой глине с вкраплениями коричневой и темно-коричневой глины.

В ходе раскопок насыпи и слоя погребенной почвы были найдены мелкие обломки керамики: в пласте 1 – восемь фрагментов относящихся к эпохе бронзы, в пласте 2 – пять фрагментов относящихся к эпохе бронзы, в пласте 3 – семнадцать фрагментов относящихся к эпохе бронзы и четыре обломка белоглиняного кругового сосуда, в пласте 4 (погребенная почва) – двадцать два фрагмента относящихся к эпохе бронзы; и, в ЮЮЗ секторе, кремневый отщеп. Находки данной керамики свидетельствуют о вероятном нахождении в пределах могильника поселения эпохи бронзы, которое было уничтожено при сооружении курганов.

При исследовании траншей межкурганного пространства и канавки установлено, что под дерновым слоем толщиной 0,04 – 0,05 м залегал серо-коричневый суглинок мощностью 0,14 – 0,33 м в квадрате 1 и 0,14 – 0,2 м в квадратах 2 – 4. Этот слой в квадрате 2 располагался на материке (светло-коричневой глине с вкраплениями коричневой и темно-коричневой глины), а в квадратах 1, 3, 4 – на слое коричневого суглинка, мощность которого составляла 0,07 – 0,15 м в квадрате 1 и 0,04 – 0,17 м в квадратах 3 и 4. Слой коричневого суглинка лежал на материке – светло-коричневой глине с вкраплениями коричневой и темно-коричневой глины.

В центральной части кургана было обнаружены три погребения, произведенных единовременно и расположенных на уровне древней погребенной поверхности (Рис. 3; 4). При этом дерновый слой под местом захоронения срезан не был.

Погребение 1[2] принадлежало девочке в возрасте 8 – 9 лет, лежащей на спине на глубине -51 – -56 по левую руку от погребения 3, и было ориентировано по линии ЗСЗ – ВЮВ. Сохранность костей – плохая. Удалось расчистить лишь часть костей черепа и нижней челюсти, ребер, позвоночника, бедренных костей. Определить положение рук погребения не представлялось возможным. На зубах зафиксированы следы эмалевой гипоплазии.

В районе шеи захоронения зафиксированы несколько бусин ожерелья: бочонковидная черного глухого стекла с волнистым орнаментом белого цвета (№ 1, гл.-56), три шаровидные желтого стекла (№ 2, гл.-57; № 3, гл.-56; № 4, гл.-57) и фрагменты двух шаровидных патинированных частично расстеклованных (№ 8, гл.-53; № 9, гл.-55). В районе таза обнаружена бочонковидная бусина черного глухого стекла с волнистым орнаментом белого цвета (№ 7, гл.-50) и бронзовое перстнеобразное проволочное височное кольцо (№ 10, гл.-50) (Рис. 5; 31, *1-4, 7-10*; 32, *2, 4-10*). Также при

[2] Определение погребений произведено заведующим Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН д.и.н. С.В. Васильевым и старшим научным сотрудником кафедры антропологии биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцентом, к.б.н. С.Б. Боруцкой.

расчистке погребения около верхней части правой бедренной кости найден кремневый отщеп (№ 11, гл.-50), попавший туда, вероятно, при сооружении насыпи кургана.

Бусы черного стекла со спирально-волнистым узором Ю.Л. Щапова датирует по Новгородским находкам серединой XI – XIV вв. (относя их массовое производство к XII в.) (Щапова, 1972. С. 94). По мнению М.В. Фехнер бусы этого типа датируются XI – XII вв. (Фехнер, 1959. Рис. 6, *19, 20*)

Погребение 2 принадлежало девочке в возрасте 7-8 лет, лежащей на спине на глубине -48 – -53 по правую руку от погребения 3, и было ориентировано по линии ЗСЗ – ВЮВ. Сохранность костей – плохая. Удалось расчистить лишь часть костей черепа и нижней челюсти, обломки костей рук и левой бедренной кости. Остальные кости не сохранились, поэтому определить положение рук погребения не представлялось возможным. Сохранившаяся часть черепа была повернута влево.

После расчистки и снятия черепа под ним в височной области зафиксировано бронзовое позолоченное височное кольцо с тремя узелковыми бусинами из скрученной спиралью проволоки (Рис. 5, *13*; 6). Согласно М.В. Седовой, такие находки относятся к раннему типу трёхбусинных колец и по новгородским материалам датируются второй четвертью XI в. (Седова, 1981. С. 14). В Верхнем Поволжье такие украшения встречаются в курганах XI в. (Степанова, 2010. С. 281).

Погребение 3 принадлежало мужчине возраста 25 – 30 лет, лежащего на спине на глубине -42 – -56 и ориентированного по линии ЗСЗ – ВЮВ. Череп был повернут вправо. Руки, вероятно, изначально были сложены на груди, а впоследствии кисти переместились к плечам. Кости кистей рук, фаланг пальцев рук и ног, плюсны и пяточные кости правой ноги, части ребер, надколенной чашечки правой ноги не сохранились. Остальные кости in situ, их сохранность – удовлетворительная. На зубах зафиксированы следы эмалевой гипоплазии. Слева на черепе на стыке височной и теменной доли обнаружено зеленое пятно бронзового окисла округлой формы диаметром 4,4 см (Рис. 7).

Между правой рукой и ребрами обнаружен железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 12, гл.-53) (Рис. 5). Около нижнего конца берцовых костей правой ноги найден ромбовидный с прямыми сторонами и слегка вогнутыми плечиками железный наконечник стрелы, на черешке которого зафиксирован упор (Рис. 5, *6*; 32, *3*). По типологии А.Ф. Медведева наконечник относится к типу 52 (вид 2) и датируется IX – XIII вв. (Медведев, 1966. С. 69 – 70). Подобные наконечники были широко распространены по всей территории Восточной Европы.

Раскопанный курган 121 по набору бус и бронзовому позолоченному височному кольцу с тремя узелковыми бусинами из скрученной спиралью проволоки можно датировать серединой – третьей четвертью XI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глазов В.Н. Отчет о раскопках по поручению РАО в Обоянском уезде // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 123/1913

Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 93/1915

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Львович В.С. Дневник раскопок курганов у с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 330/1913

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. // САИ, Е 1–36. М., 1966

Моця А.П. Путь из Булгара в Киев и обратно. «Киевская» часть пути // Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев, 1997

Рыков П.С. Дневник раскопок Гочевского могильника в июле 1912 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 386/1912

Рыков П.С. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочево Обоянского у. Курской губ.) // Ученые записки Саратовского университета. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV вв.). М., 1981

Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994 – 2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2 – 3. Брянск, 2006

Степанова Ю.В. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum plus. № 5. 2010

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Вып. 2. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972

INVESTIGATION OF THE BURIAL MOUND OF THE 121 OF THE GOCHEVSKY BURIAL GROUND

G.Yu. Starodubtsev

The article is devoted to the research of the burial mound of the 121 Gochevsky burial ground by the expedition of the Kursk State Museum of Archeology in 2016. Three burials (one male and two children's) dating from the finds in the second quarter - the middle of the 11th century were found during the works.

Keywords: Gochevo, archaeological complex, burial mound, burial ground, burial, Psyol.

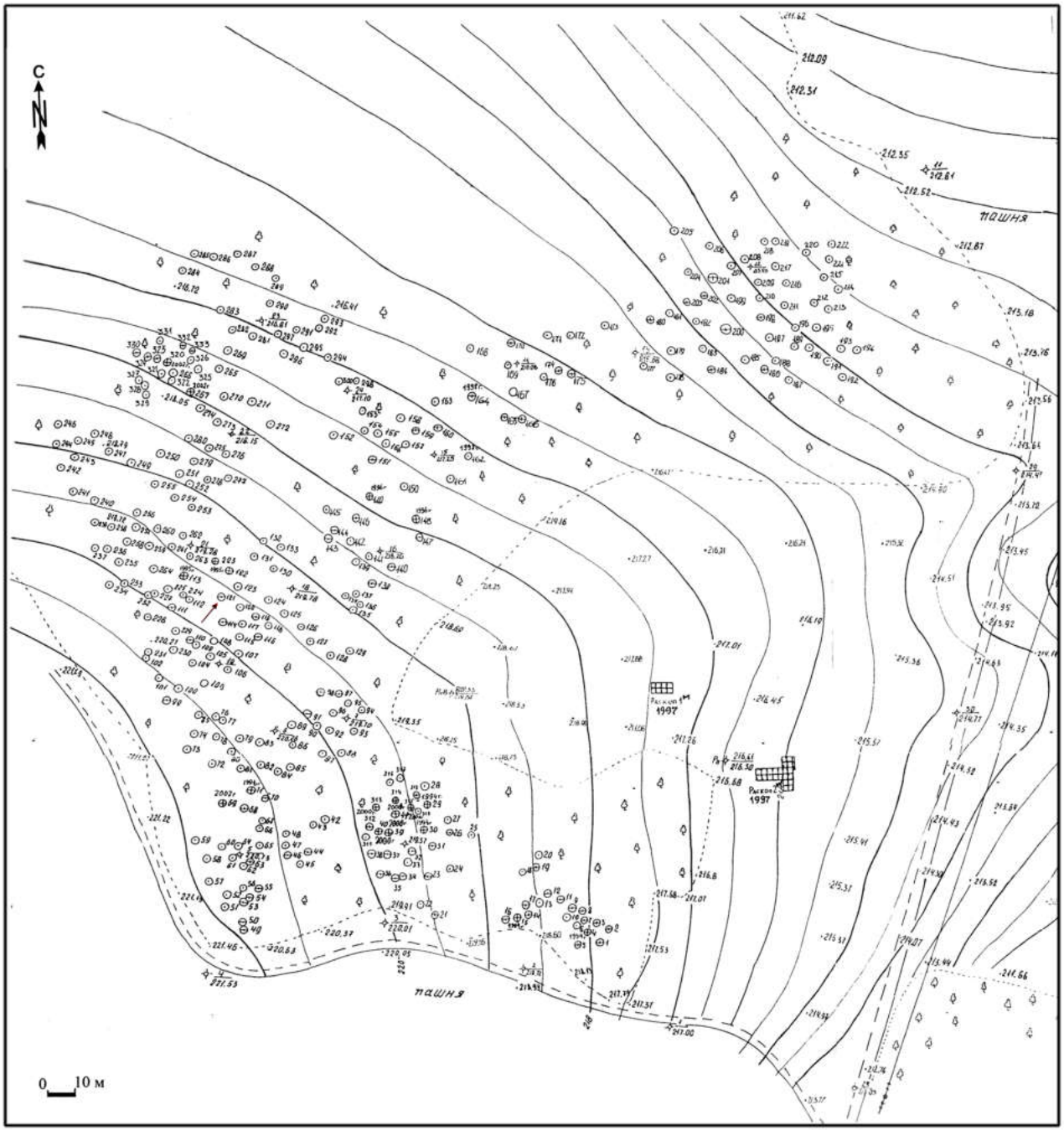


Рис. 1
Топографический план курганного могильника.

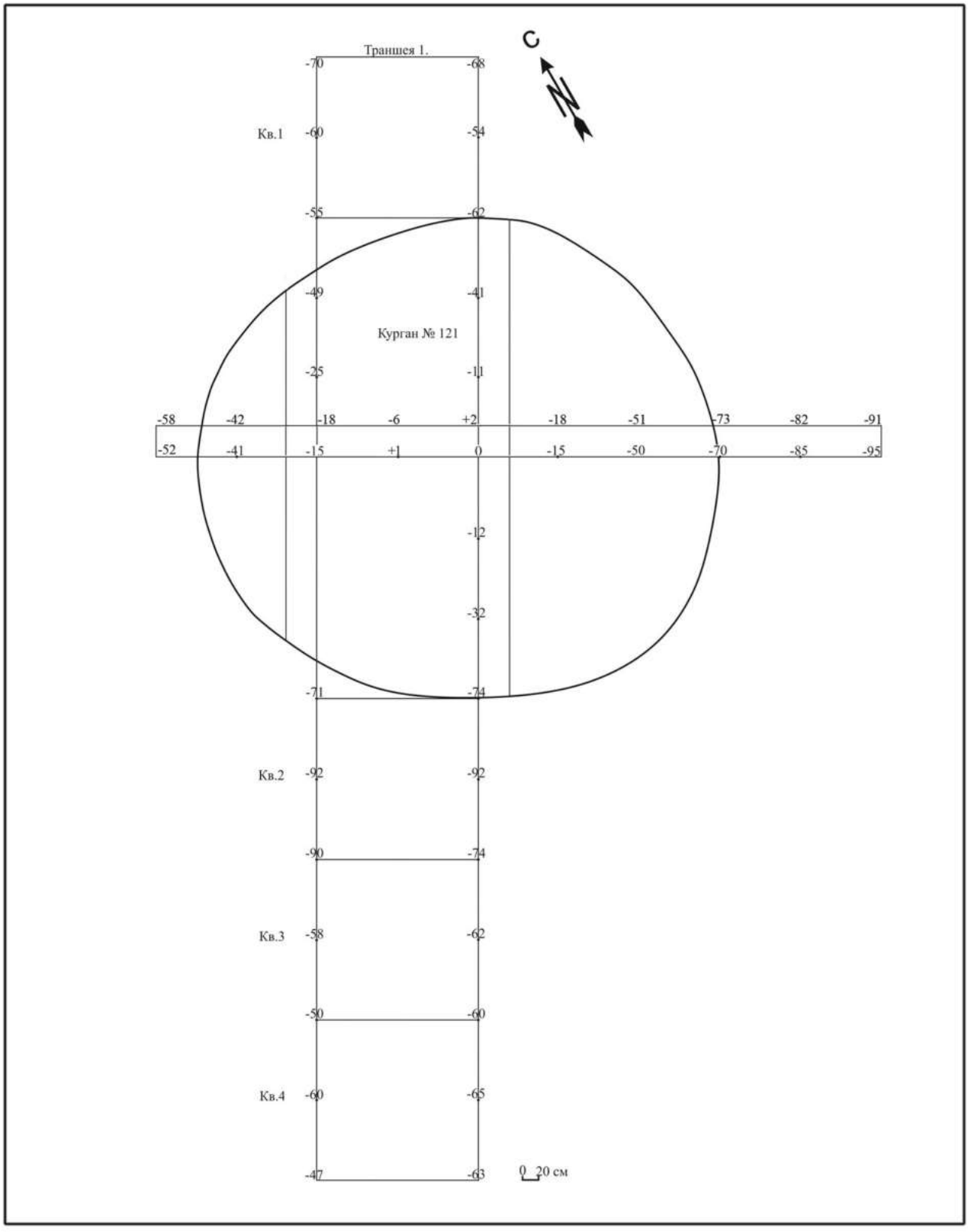


Рис. 2
Нивелировочный план кургана 121 и траншеи.

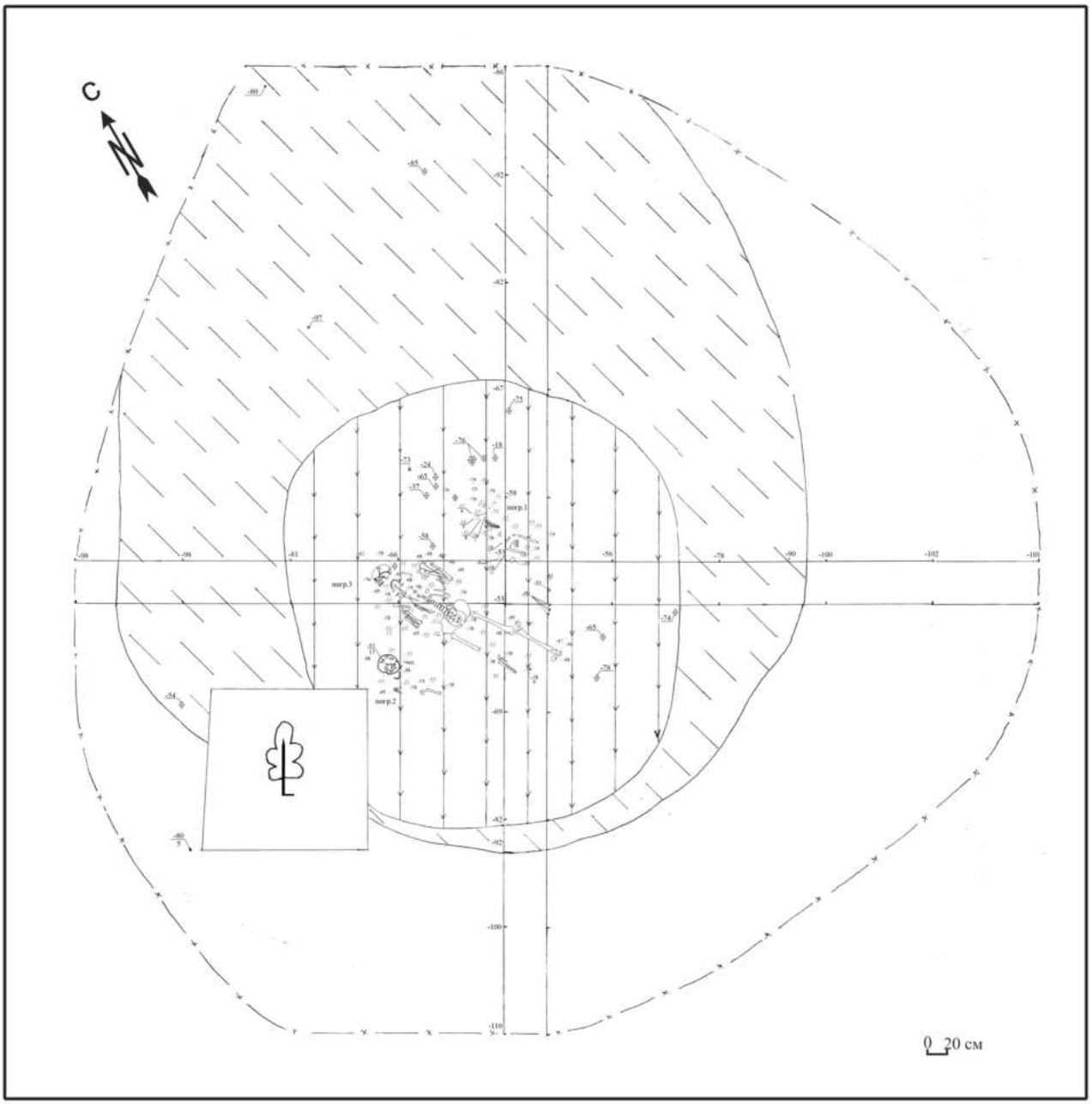


Рис. 3

План кургана 121 на уровне погребений. Индивидуальные находки:
1 – бусина (-56);*2* – бусина (-57);*3* – бусина (-56);*4* – бусина (-57);*5* – кремня отщеп (-80);*6* – наконечник стрелы (-58);*7* – бусина (-50);*8* – бусины фрагмент (-53);*9* – бусины фрагмент (-55);*10* – кольцо височное перстнеобразное (-50);*11* – кремня отщеп (-50);*12* – нож (-53);*13* – кольцо височное трёхбусинное (-53).
(1 – 4, 7 – 9 – стекло; *5, 11* – кремень; *10* – медный сплав;
13 – медный сплав, позолота; *6, 12* – железо).

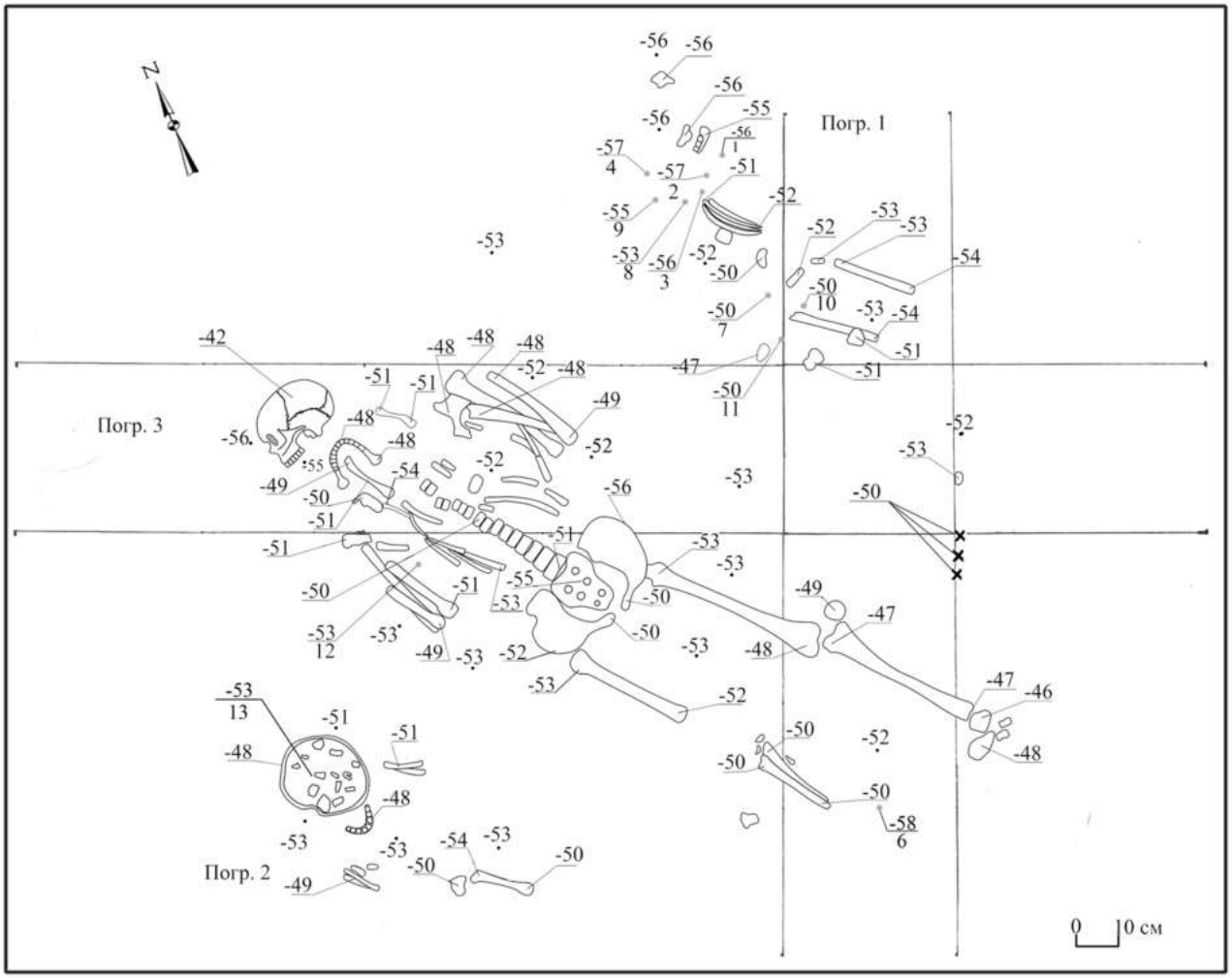


Рис. 4

План погребений 1-3. Индивидуальные находки:
1 – бусина (-56);*2* – бусина (-57);*3* – бусина (-56);*4* – бусина (-57);*5* – кремня отщеп (-80);*6* – наконечник стрелы (-58);*7* – бусина (-50);*8* – бусины фрагмент (-53);*9* – бусины фрагмент (-55);*10* – кольцо височное перстнеобразное (-50);*11* – кремня отщеп (-50);*12* – нож (-53);*13* – кольцо височное трёхбусинное (-53)
(*1–4, 7 - 9* – стекло; *5, 11* – кремень; *10* – медный сплав;
13 – медный сплав, позолота; *6, 12* – железо).

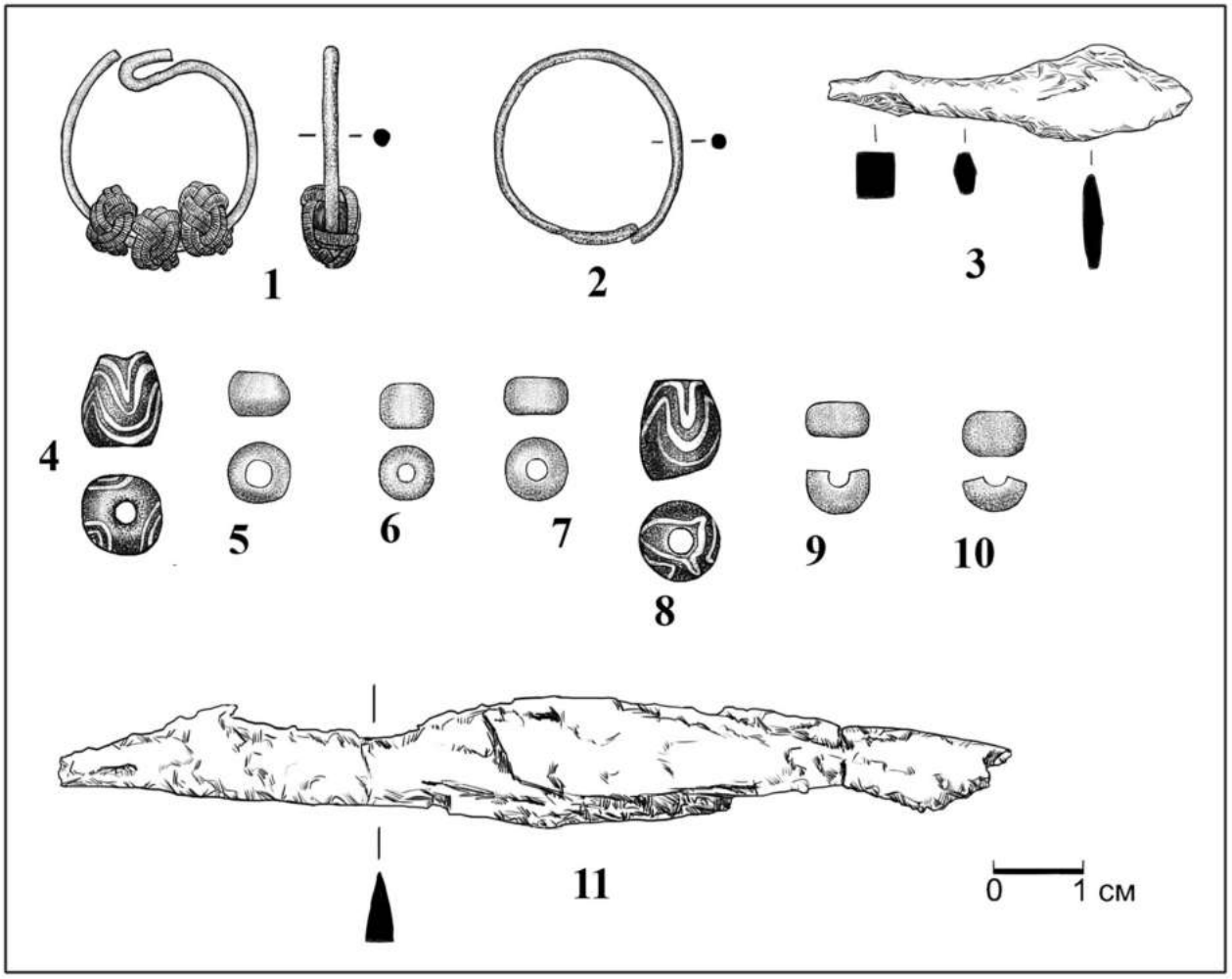


Рис. 5

Индивидуальные находки из погребений 1-3.

1 – кольцо височное трёхбусинное (№13); *2* – кольцо височное перстнеобразное (№10); *3* – наконечник стрелы (№6); *4* – бусина (№1); *5* – бусина (№2); *6* – бусина (№3); *7* – бусина (№4); *8* – бусина (№7); *9* – бусины фрагмент (№8); *10* – бусины фрагмент (№9); *11* – нож (№12)

(*1* – медный сплав, позолота; *2* – медный сплав; *3, 11* – железо; *4-10* – стекло).

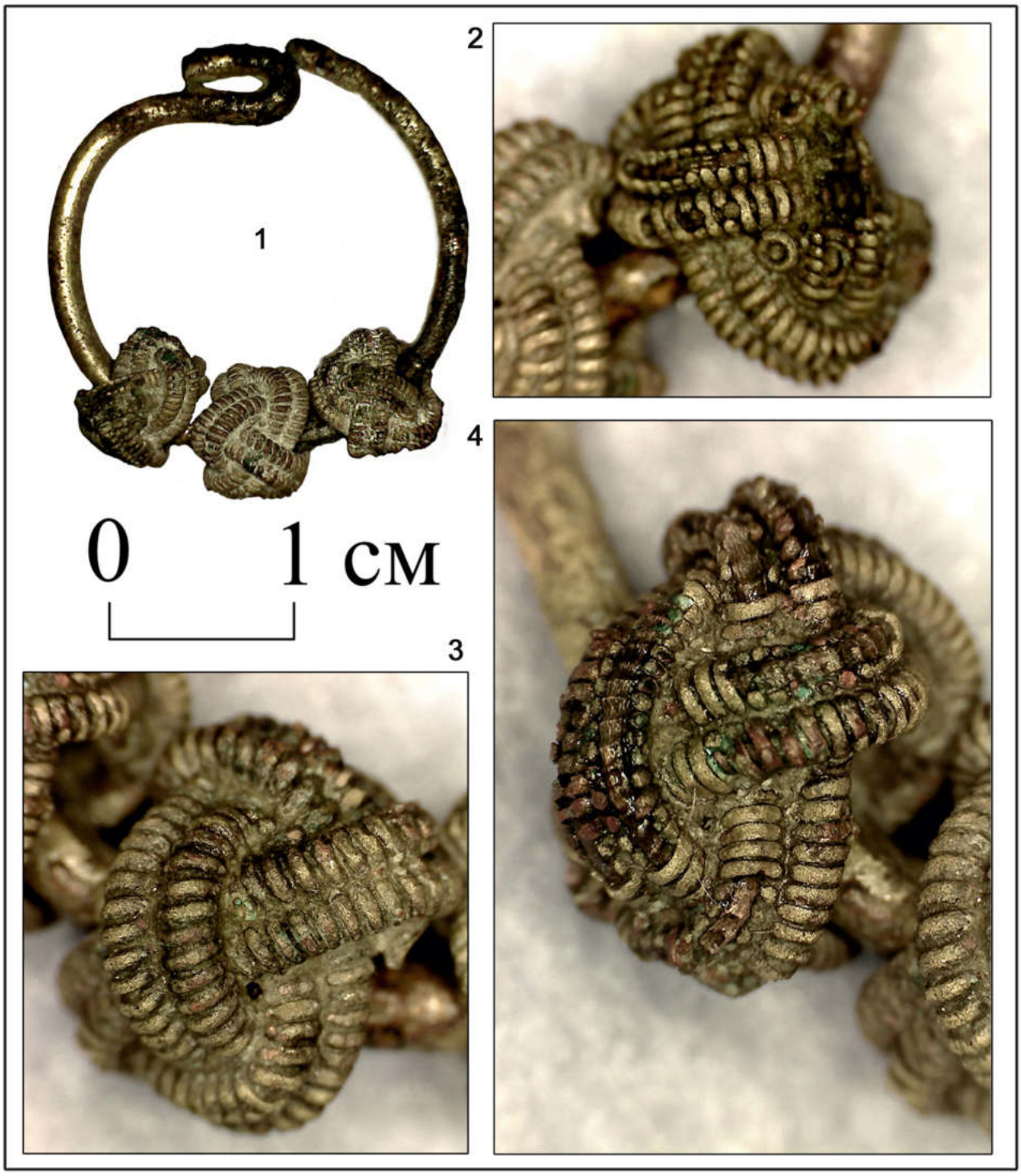


Рис. 6
Височное трёхбусинное кольцо после реставрации.
1 – общий вид; *2* – узелковая бусина №1; *3* – узелковая бусина №2;
4 – узелковая бусина №3.

Рис. 7.

Череп погребения 3 с пятном окисла на стыке височной и теменной долей.

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ МОКВА 1-Я ПОСЕЛЕНИЕ 1, ПОСЕЛЕНИЕ 2 (КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© 2018 г. А.В. Симоненков

Курский государственный областной музей археологии, Курск

В статье подвергнуты анализу ювелирные изделия из медного сплава, найденные в ходе разведочного археологического обследования на двух соседствующих мысовых поселениях древнерусского времени по правому берегу р. Моква Курского района Курской области. Приводится предварительная хронология выявленных поселений и их связь с уже известными древнерусскими памятниками по течению рек Большая Курица и Моква.

Ключевые слова: Курская область, река Моква, памятник археологии, поселение, металлопластика.

Описание и изучение памятников археологии, находящихся в окрестностях г. Курска насчитывает уже более двухсот тридцати лет. Первые краеведческие работы относятся к 1785 – 1786 гг. Их авторами являются местные дореволюционные историкаи и краеведы – И.П. Анненков, С.Ф. Башилов, С.И. Ларионов и др. (Раздорский, 2003. С. 141 – 142).

Во второй половине XIX в. начитает свою активную деятельность Курский губернский статистический комитет, а в 1894 году создается Курская губернская Учетная архивная комиссия. Е.В. Данилевичем в 1910 г. проводятся первые работы на западе Курского района Курской области, в свет выходят труды с результатами проведенных археологических работ для составления археологической карты Курского узда (Данилевич, 1911. С. 132 – 133). В 1920 и 1928 гг. Л.Н. Соловьевым, уроженцем с. Медвенка Обоянского уезда Курской губернии было провёдено археологическое обследование в окрестностях дд. Моква и Духовец. Были выявлены памятники разных эпох – от неолита до позднего средневековья. Подробные результаты исследований опубликованы в «Известиях Курского губернского общества краеведов» (Соловьев, 1927. С. 164). Дальнейшие работы по выявлению памятников археологии в этом районе продолжились в 1950-е годы Ю.А. Липкингом. За последующие два десятилетия Юрий Александрович обнаружил ряд памятников от раннего железного века до развитого средневековья (Липкинг, 1962. С. 140; Липкинг, 1969. С. 188).

В 1979 г. Курский отряд ИА РАН под руководством П.Г. Гайдукова также работает в западной части Курского района. Были выявлены памятники раннего железного века, роменской культуры и древнерусского времени (Гайдуков, 1979. С.48 – 49).

Наиболее масштабное обследование памятников археологии в данном районе, было предпринято А.В. Кашкиным в 1980-х гг. с целью создания археологической карты Курской области (Кашкин, 1998. С. 84 – 127). Были выявлены десятки памятников от эпохи каменного века до позднего средневековья.

В 2002 г. разведывательным отрядом Курского государственного музея археологии под руководством Г.Ю. Стародубцева проведено обследование около д. Духовец Курского района. Найденные артефакты датированы эпохой бронзы, началом I тысячелетия н.э. и роменской культурой (Стародубцев, 2002. С. 15 – 16).

Осенью 2013 г. сотрудниками Курского государственного областного музея археологии были проведены разведочные археологические обследования в окрестностях деревень Моква 1-я, Моква 2-я и Духовец Курского района Курской области с целью выявления и постановки на государственную охрану ранее неизвестных памятников археологии. Итогом проведенных разведывательных изысканий стало обнаружение в непосредственной близости от д. Моква 1-я двух поселений, предвари-

тельно датируемых концом X – XIII вв., а также к западу от д. Духовец поселения с предварительными хронологическими рамками X – XI вв. (Симоненков, 2015. С. 13).

Помимо собранного керамического материала, представленного фрагментами лепных и круговых сосудов на памятниках Москва 1-я, поселение 1 и Москва 1-я, поселение 2 были найдены вещи, произведенные из стекла, железа и цветных металлов. В данной статье приведен анализ вещей, относящихся к ювелирным изделиям из медных сплавов. Часть найденных предметов имеют повреждения, однако оставшаяся форма позволяет определить типы и найти аналогии для определения периода бытования. При работе с артефактами металлографический анализ не проводился, исходя из этого обстоятельства, точно указать химический состав сплава, из которого отлито изделие на данный момент не представляется возможным. Определение основного используемого металла в украшениях дается на основании визуально осмотра изделия после его реставрации.

При проведении пешего осмотра местности в 1,6 км к северо-западу от границы д. Москва 1-я на правом берегу второй надпойменной террасы р. Москва обнаружен памятник Москва 1-я, поселение 1. Его площадка овальной формы имеет размеры 150 х 100 м и вытянута по линии запад-восток. Перепады высот составляют 10 м, понижение происходит с запада на восток (Рис. 1).

При осмотре южной части поселения, был найден обломок медного двустороннего круглоконечного, криновидного креста с дугами в средокрестии, которые образовывают парные выступы на лопастях. В центре средокрестия помешено выпуклое полушарие. Оконечности лопастей украшены рельефным кольцом с полушарием в центре, оглавие и одна лопасть креста утеряны (Рис. 3, *4*). Данный тип креста имеет широкое распространение на территории Древней Руси, литейные формы встречаются при археологическом исследовании слоев Киева, Новгорода и Райковецкого городища (Николаева, Недошивина, 1997. С. 173. Таб. 103). Аналогичный крест был найден в курганном могильнике Шаново около Старой Ладоги (Мусин, 2000. С. 184). В научной литературе кресты данного типа датируются XII – XIII вв.

Центральная часть поселения долгое время подвергалась сельскохозяйственной распашке. В ходе ее обследования удалось обнаружить два грушевидных бубенчика из медного сплава с щелевидной прорезью. На тулове каждого бубенчика имеются три продольные рельефные линии (Рис. 3, *2, 3*). Эти широко распространенные ювелирные изделия выполняли в древнерусском костюме роль украшений-привесок (Поветкин, 1997. С. 185), использовались в качестве пуговиц или же могли быть частью самозвучащего музыкального инструмента (Жукова, Степанова, 2010. С. 183. Рис. 116). Тип бубенчиков, найденных на поселении появляется в последней четверти XI в. и заканчивает свое бытование во второй половине XIII в. (Седова. 1981, С. 156, Рис. 62).

При осмотре западной части памятника был обнаружен обломок медного решетчатого перстня, украшенного вдавленным линиями по краям и в центре изделия с орнаментом в виде пяти продольных линий, которые состоят из сквозных точек одинакового диаметра (Рис. 3, *4*). Данный тип перстней в отечественной науке соотносится с культурой вятичей (Никольская Т.В., 1981, С. 111 – 112). В многочисленных вариантах исполнения пластинчатые решетчатые перстни были распространены не только в бассейне Верхней и Средней Оки, но и на других территориях Древней Руси. Так, пластинчатый решетчатый перстень обнаружен в слоях новгородских древностей 60 – 70 гг. XII в. (Седова М.В., 1981, С. 130). А.В. Арциховский относил решетчатые пятипунктирные перстни ко II-й стадии бытования вятических курганных погребений

с обрядом трупоположения, датируя их XIII в. (Арциховский А.В., 1930. С. 73, 141,150).

На соседнем мысе правой надпойменной террасы р. Москва в 1,2 км от д. Москва 1-я расположен памятник археологии Москва 1-я, поселение 2. Площадка имеет овальную форму с размерами 150 х 100 м, находится в 0,2 км к северо-западу от границы Москва 1-я, поселение 1. Восточный склон поймы поднят на 4 м над уровнем. Перепады высот составляют 8 м в западном направлении. Памятник находился длительное время под распашкой, на момент археологического обследования поле заброшено, следы сельскохозяйственной деятельности читаются плохо, мыс покрыт луговой травой, склоны поросли кустарником и лиственными деревьями (Рис. 2).

При осмотре западной части поселения, найдена крестовключенная подвеска из медного сплава представляющая собой лунницу, которая по внешнему и внутреннему контуру украшена рельефным пояском, на щитке выполнен S-образный орнамент. Оглавие в виде плоского ушка частично повреждено. Криновидный крест с рельефными дугами по бокам, полусферами в средокрестии и на концах лопастей включен в широкорогую лунницу верхним и боковыми лучами. Нижняя лопасть креста утеряна. Обратная сторона ювелирного изделия гладкая (Рис. 3, *5*).

Лунницы–привески являются типичными и наиболее распространенными женскими древнерусскими украшениями (Рябцева, 2005, С. 122). Обнаруженная крестовключенная подвеска датируется XI – нач. XIII вв. Аналогии найденному ювелирному изделию известны в материалах раскопок Владимирских курганов (Колчин, Макарова, 1997. С. 69), могильниках и селищах на севере Руси (Зайцева, 2006. С. 83,85. Рис 8. *1*; Макаров. 2008. С. 37 – 38, Рис. 7 – 20).

Таким образом, найденные вещи являются типичными элементами древнерусской материальной культуры, выпавшими в культурный слой двух неукрепленных мысовых поселений XI – XIII вв. расположенных на правом берегу р. Москва. Дать более узкую хронологию найденным предметам на данный момент не представляется возможным в виду их отрыва от культурного слоя. Сами поселения стоит соотносить к группой укрепленных и неукрепленных памятников того же хронологического горизонта, расположенных небольшими группами на правом и левом берегу относительно современного течения р. Большая Курица у деревень Большое Лукино, Жеребцово, Гнездилово и Духовец.

На основании имеющихся данных можно говорить о том, что на селище Жеребцово слой IX – X вв. сменяется древнерусскими материалами. Городища Гнездилово, Большое Лукино 1 претерпевают аналогичную смену материальной культуры. Оставшиеся памятники роменской культуры по течению р. Большая Курица прекращают своё существование, а в относительной близости от них возникают поселения и городища, датируемые XI – XIII вв. Неукрепленных памятников древнерусского времени на этом участке в количественном отношении в полтора раза больше предшествующих им роменских (Рис. 4). Однако, данная ситуация в расселении не характерна для всего региона Посемья. Уменьшение в два раза числа поселений XII – XIII вв. в сравнении с аналогичными по типу памятниками IX – X вв. было отмечено А.А. Узяновым (Узянов, 1985. С. 81). Такая картина разительно отличается от динамики расселения в лесной зоне Смоленского княжества и землях вятичей, где с середины XI по первую половину XIII вв., прослеживается трехкратное увеличения числа неукрепленных памятников по сравнению с IX – X вв. (Куза, 1985. С. 100 – 101).

В свою очередь на основании исследований Липинского археологического комплекса В.В. Енуков предполагает появление в древнерусский период на террито-

рии Посемья обширных неукрепленных поселений с признаками городской жизни (Енуков, 2016. С. 7). Последующая трансформации таких памятников к середине XII в. приводит к появлению небольших городов с крепостями.

Логичным объяснением такого образа расселения является пограничное положение Курских земель со степью, что влекло за собой угрозу постоянных набегов. Можно предположить, что это было одной из причин заставлявших местное население проживать в более крупных социальных протогородских и городских объединения на новых местах, или уже освоенных участках, с целью повышения общей безопасности, так как с конца XI в. по середину XIII в. в регионе идет процесс становления раннефеодальных центров, повлекших создания укрепленных городов-крепостей. Такая ситуация, в количественном отношении, влекла за собой значительно меньший отход сельской округи от укрепленных пунктов.

На данный момент более точно говорить о времени бытования, синхронности существования древнерусских памятников по течению р. Большая Курица и Моква на западе Курского района Курской области можно только после проведения стационарных археологических раскопок с большой площадью вскрытия культурного слоя в этом районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Курская область / Автор-составитель Кашкин А.В. Ч. 1. М., 1998

Арциховский А.В. Курганы Вятичей. М., 1930

Гайдуков П.Г. Разведки в Курской области // Археологические открытия 1979. М., 1980

Данилевич В.Е. Материалы для археологической карты Курского уезда // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии: Вып. 1. Курск, 1911

Енуков В.В., Енукова О.Н. О новом типе урбанизационных образований Древней Руси // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 1 (37). Режим доступа: http://scientific-notes.ru/

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследуемых памятников. Тверь, 2010

Зайцева И.Е. Ювелирные производственные комплексы селища Минино (XI – XIII вв.) // КСИА. Вып. 220 / Гл. ред. Н.А. Макаров. М., 2006

Куза А.В. Неукрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1985

Кутасов С.Н., Селезнев А.Б. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М., 2010

Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посемье // Лесостепные кукльтуры скифского времени. МИА. № 113. М., 1962

Липкинг Ю.А. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского государственного педагогического института. Т. 60. Курск, 1969

Макаров Н.А. Переход от язычества к христианству по материалам новейших исследование селищ и могильников на севере Руси // Московская Русь. Проблемы археологии истории архитектуры. М., 2008

Мусин А.Е. О распространении христианства в Древней Руси IX – XIV веков на основе данных археологии и письменных источников // «Исторический вестник». М., 2000. № 2(06)

Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997

Никольская Т.В. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средне Оки в IX – XIII вв. М., 1981

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М., 1981

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997

Соловьев Л.Н. Городища и стоянки окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведов № 4. Вып. 2, Курск, 1927

Симоненков А.В. Отчёт о работе разведывательного отряда Курского государственного областного музея археологии в 2013 г. Курск. 2015 г.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского района и разведочных работах около д. Духовец Курского района Курской области в 2002 г. Курск, 2002

Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец» XVIII века) // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003

Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005

Узянов А.А. Динамика заселения реки Тускарь (Диахронический анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985

CHRONOLOGY OF THE ANCIENT MONUMENTS OF MOKVA 1st SETTLEMENT 1, SETTLEMENT 2 (KURSK REGION)

A.V. Simonenkov

In the article, jewelry made of copper alloy, found during the exploratory archaeological survey in two neighboring capes of ancient Russian times along the right bank of the river Mokva Kursk district of the Kursk region, was analyzed. The preliminary chronology of the identified settlements and their connection with the well-known Old Russian monuments along the Bolshaya Kuritsa and Mokva Rivers are given.

Keywords: Kursk Region, river Mokva, monument of archeology, settlement, metal-plastic.

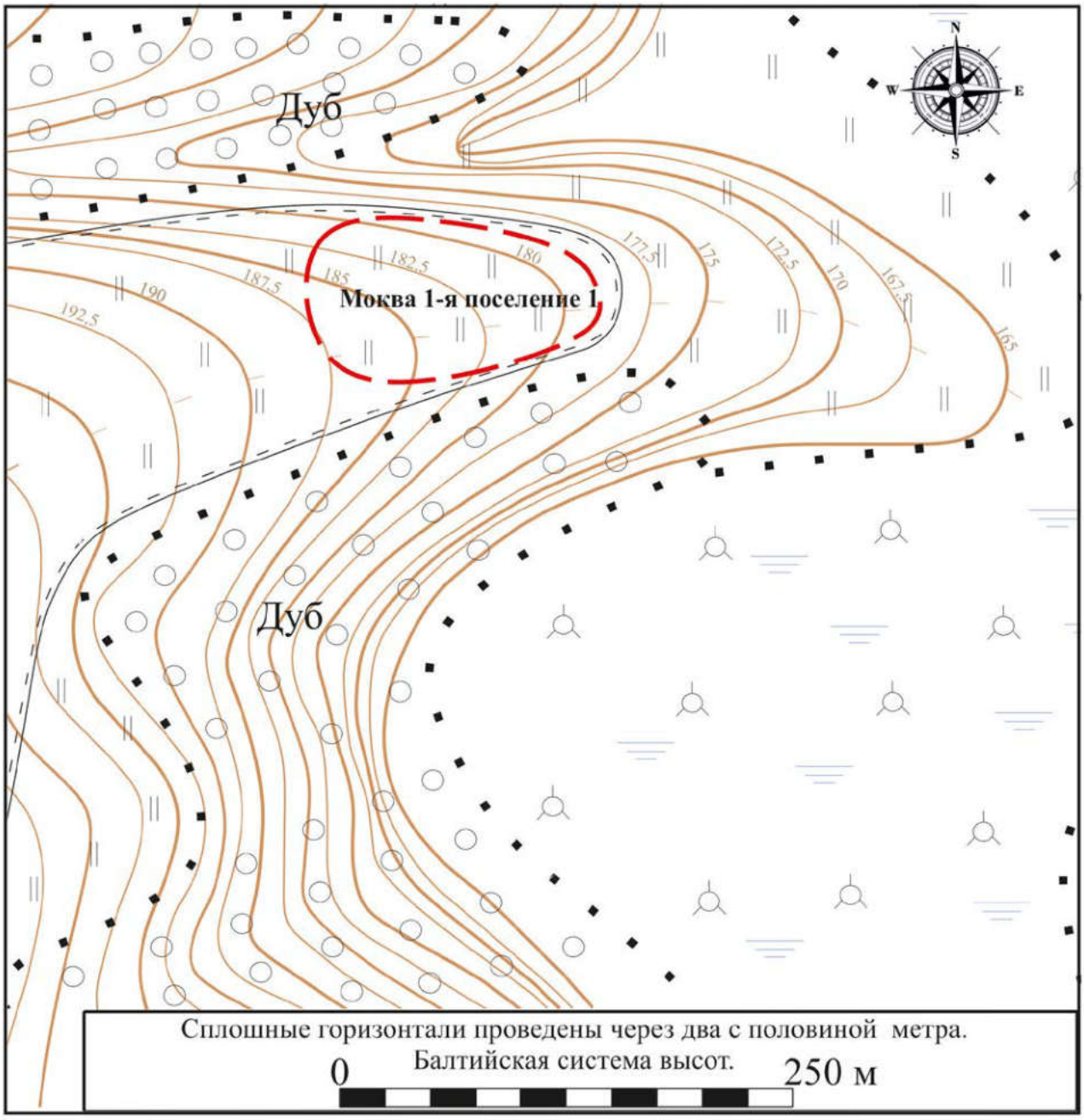


Рис. 1
Топографический план памятника Моква 1-я, поселение 1.

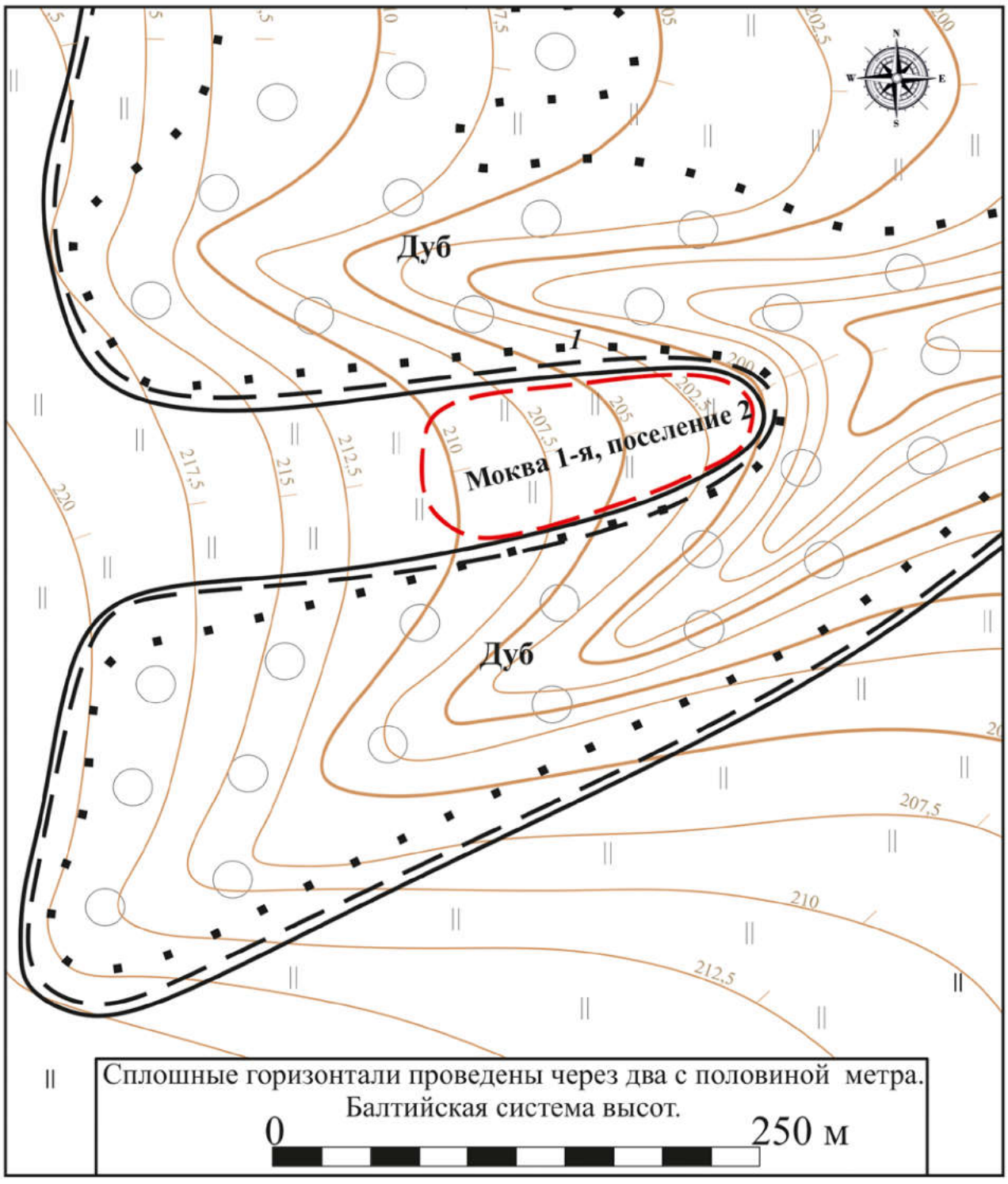


Рис. 2
Топографический план памятника Москва 1-я, поселение 2.

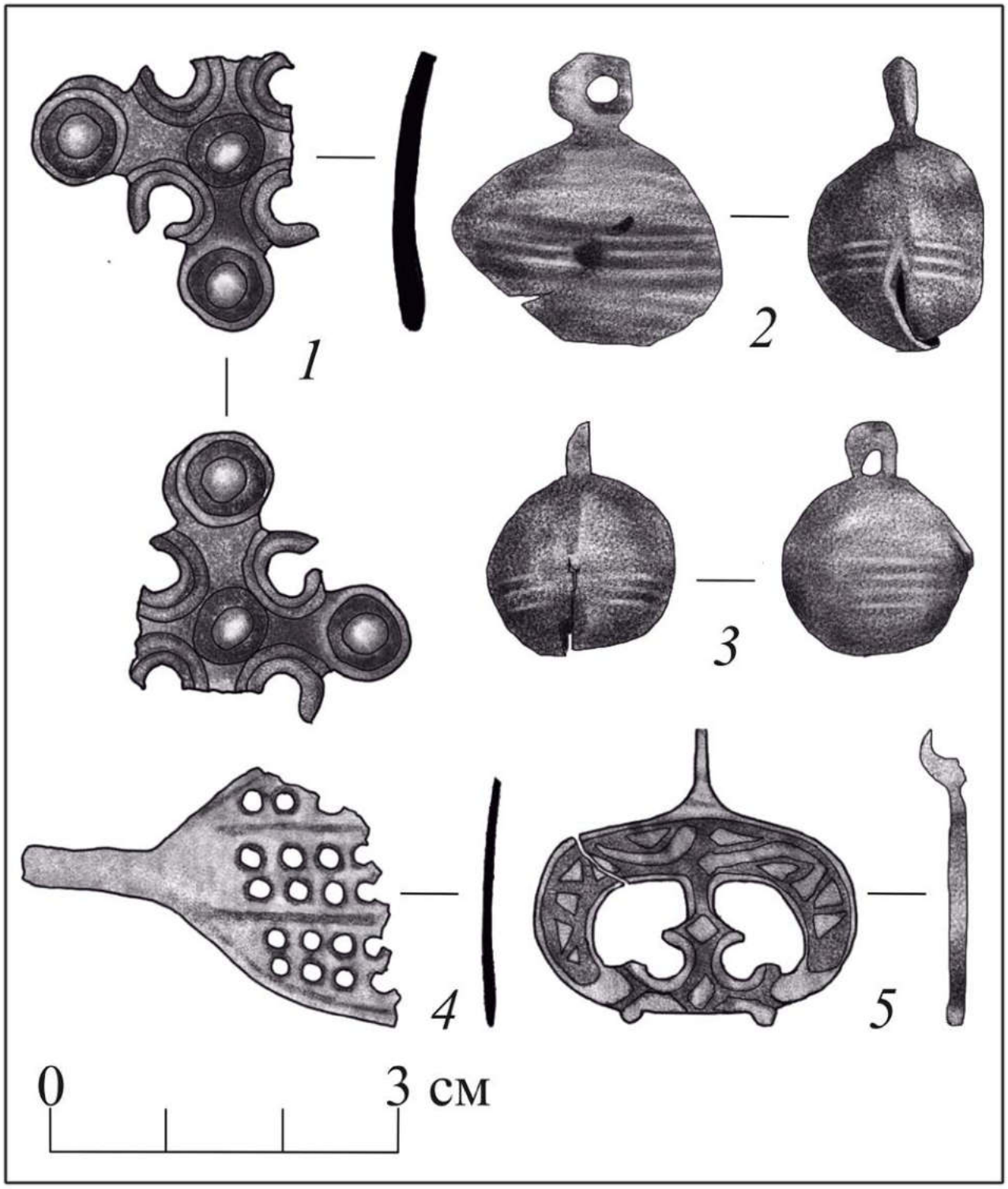


Рис. 3

Индивидуальные находки.

Моква 1-я, поселение 1 *1* – обломок медного двустороннего круглоконечного креста; *2* – грушевидный бубенчик из медного сплава с щелевидной прорезью и тремя продольными линиями на тулове; 3- грушевидный бубенчик из медного сплава с щелевидной прорезью и тремя продольными линиями на тулове; *4* – обломок медного решетчатого перстня. Моква 1-я, поселение 2: *5* – крестовключенная подвеска из медного сплава.

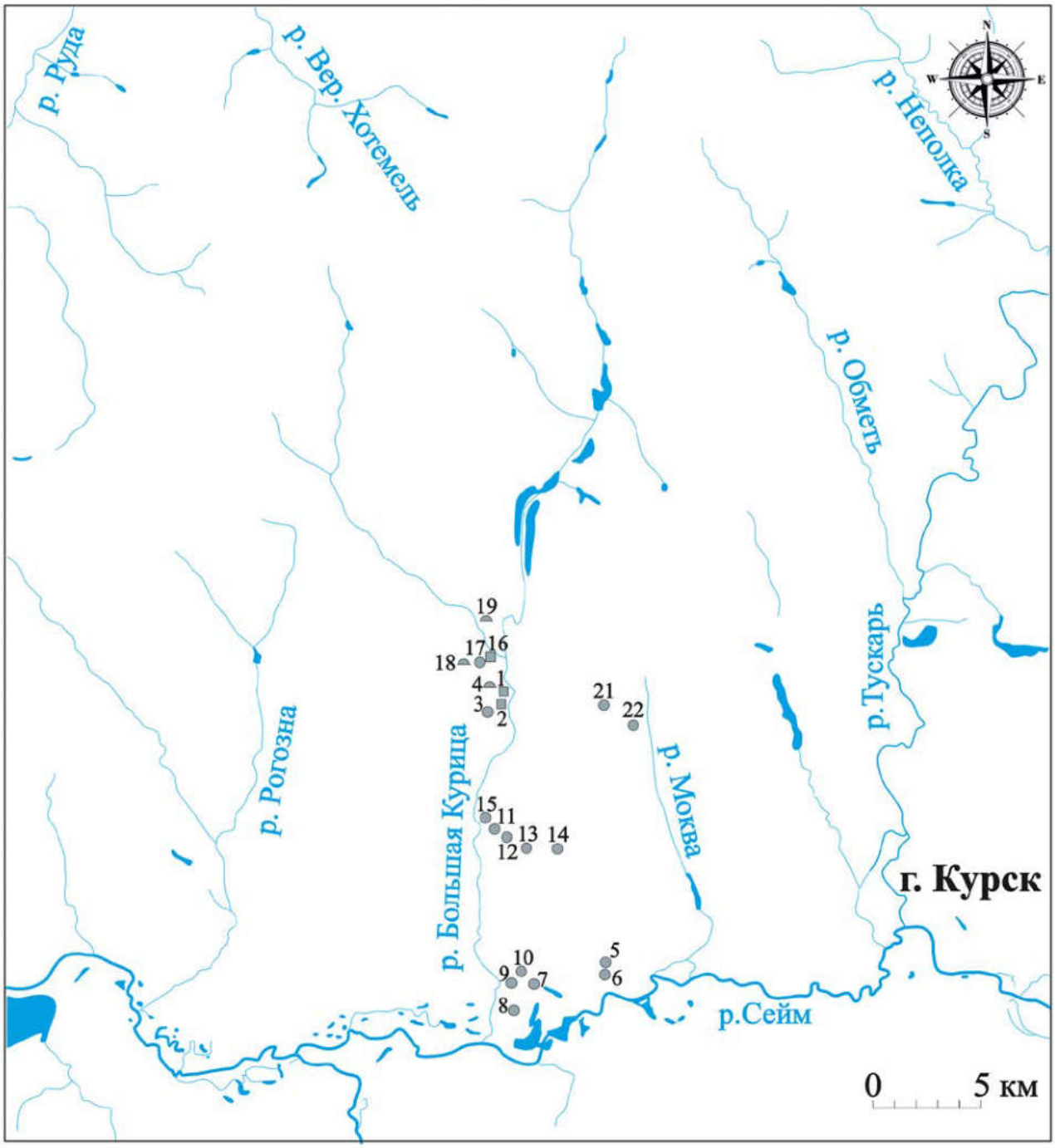


Рис. 4

Схема расположения неукрепленных и укрепленных памятников IX – XIII вв. на реках Большая Курица и Моква.

1. Большое Лукино. Городище 1. Р.Ж.В., IX-X, XI-XIII вв.; 2. Большое Лукино. Городище 2. XI-XIII вв.; 3. Большое Лукино. Селище. XI-XIII вв.; 4. Большое Лукино. Курганный могильник. XI-XIII вв.; 5. Духовец. Поселение 2. Неолит, эпоха бронзы, IX-X вв.; 6. Духовец. Селище. IX-X вв.; 7. Духовец. Поселение 3. X-XI вв.; 8. Жеребцово. Поселение 1. Эпоха бронзы, XI-XIII, XIV-XVII вв.; 9. Жеребцово. Поселение 2. XI-XIII вв.; 10. Жеребцово. Поселение 3. XI-XIII вв.; 11.Жеребцово. Поселение 5.Эпоха бронзы, IX-X вв.; 12. Жеребцово. Поселение 6. IX-X вв.; 13. Жеребцово. Поселение 7. XI-XIII вв.; 14. Жеребцово. Поселение 8. Эпоха бронзы, IX-X вв.; 15. Жеребцово. Селище. IX-X, XI-XIII вв.; 16. Гнездилово Городище. IX-X, XI-XIII вв.; 17. Гнездилово. Селище. XI-XIII вв.; 18. Гнездилово. Курганный могильник; 19. Гнездилово. Курган 1; 20. Моква 1-я. Поселени 1. XI-XIII вв.; 21. Моква 1-я. Поселени 2. XI-XIII вв.

ПРЕДМЕТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО УБОРА ИЗ КУРГАНОВ ГОРНАЛЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ (РАСКОПКИ Д.Я. САМОКВАСОВА, 1872 г.): К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА

© 2018 г. Т.А. Климова, *Курск*

Исследование выполнено при поддержке Фонда Михаила Прохорова «Академическая мобильность» (договор АМ - 111/11)

Статья посвящена реконструкции на основе материалов раскопок Д.Я. Самоквасовым Горнальского курганного могильника 1 погребального и повседневного костюма местного населения в XI в., главным образом – особенностей женского убора. В работе на основе анализа костюма прослеживаются бытовые и семейные связи местного населения с представителями других территорий Древней Руси. К статье прилагаются таблицы и графические реконструкции.

Ключевые слова: Горналь, северяне, радимичи, головной убор, погребальный костюм.

Горнальский курганный могильник 1 (до XX в. – могильник у Белогорско-Николаевской пустыни Суджанского уезда Курской губернии), входящий в состав Горнальского археологического комплекса, известен учёным с 1820-х годов, когда А. Дмитрюковым было проведено обследование памятника и раскопки нескольких курганов (Дмитрюков, 1863). К сожалению, описание найденных в погребениях предметов было дано автором обобщённо, без разделения на отдельные комплексы.

В 1872 г. Д.Я. Самоквасов провёл новые, наиболее масштабные раскопки могильника, в результате которых было изучено 86 курганных насыпей: в 33 из них находились погребения с инвентарём, 19 содержали урны с остатками кремаций, 31 погребение было безынвентарным (в некоторых случаях прослеживались следы медной и железной окиси), 2 кургана оказались раскопанными ранее, один курган являлся кенотафом. Материалы этого исследования (Самоквасов, 1908. С. 212 – 216), к сожалению, мало привлекали внимание исследователей, что отчасти объясняется неразработанностью в то время полевой документации. Из-за неполных описаний для изучения доступны материалы только двадцать одного погребения с инвентарём (все – по обряду ингумации на горизонте), о двенадцати же сказано, что в них находились «*костяки с дублетами предметов, найденных в предыдущих курганах*» (Самоквасов, 1908. С. 216). В настоящее время исследователям доступны предметы из шестнадцати погребений, хранящиеся в ГИМ (коллекционный список 773в, планшеты № 254 – 257).

Предметы

По набору инвентаря 19 захоронений можно отнести к женским, два (предположительно) к мужским. Однако мужские погребения малоинвентарны, поэтому при изучении погребального убора и костюма можно, с некоторыми оговорками, использовать преимущественно материалы женских захоронений, предметы из которых подразделяются на элементы головного убора, нагрудные украшения, украшения рук, и детали костюма, не входящие в комплекс украшений.

Элементы головного убора

К предметам, входившим в состав головного убора, относятся металлические – очелья, венчик, височные кольца (всего 82 экз. в 18 курганах) (Табл. 1). Также к находкам, дающим представление об особенностях украшения головы, относятся органические остатки – фрагменты кожи от головных уборов, волосы и мумифицированные уши (Табл. 5).

Наиболее распространёнными украшениями головы в женских погребениях Горналя являются височные кольца (далее ВК) разных типов. В первую очередь это перстнеобразные ВК (43 экз. в 14 курганах). В большинстве случаев они простые, с заходящими или несходящимися концами, по одному разу встречены ВК с перегибом (курган XVI, инв. №, 70/3846[1]), загнутоконечное (курган XI, инв. № 43/3821) (Рис. 1, *11*) и s-конечное (курган V, инв. №13/3793) (Рис.1, *8*).

В нескольких случаях на перстнеобразных ВК зафиксированы напускные украшения: 4 раза на ВК находились стеклянные бусины – две золотостеклянные (курган VI, инв. №16/3796, бусина утеряна; курган XIII, инв.№62/3834), буса-лимонка (курган I, инв.№ 2/3772) (Рис. 1, *2*) и зонная глухого тёмно-синего стекла (курган XVI, инв.№ 71/3846), дважды на украшениях были небольшие проволочные колечки (курган VII, инв.№ 24/3802 и курган XII, инв.№ 50/3859), один раз – витая морская раковина (курган VI, инв.№ 15/3795) (Рис. 1, *10*) (Табл. 5).

Вторыми по встречаемости являются спиральные ВК (28 экз. в девяти курганах). При этом в двух случаях на них также зафиксированы напускные украшения – зонная тёмно-синяя бусина и проволочное колечко (курган X, инв.№№ 39/3817 и 41/3816). Следует обратить внимание на находку спирального ВК на фрагменте мумифицированного человеческого (правого?) уха (курган XII, инв.№ 51/3828), что свидетельствует о том, что подобные украшения могли носиться и в качестве серёг.

Реже всего встречаются узелковые ВК. Они отмечены только в четырёх погребениях: VII (инв.№25/3803), VIII (инв.№ 29/3806), XI (инв.№ 46/3822, ВК с одной бусиной) и XVII (2 ВК, не сохранились). При этом в кургане VIII узелковое и перстнеобразные кольца находились на тонком кожаном ремешке (Рис. 1, *13а, б*).

В состав головного убора также входили пластинчатые серебряные очелья, с концами, оформленными в виде крючков (5 экз., курганы I, IV, XII, XIII, XVII) и серебряный венчик северянского типа (курган XI, инв.№ 42/3820), однако сочетаний очелья и венчика не зафиксировано.

Об особенностях украшения головы, кроме вышеупомянутого случая нахождения уха со спиральным ВК в качестве серьги, свидетельствует фрагмент мумифицированного левого(?) уха с двумя отверстиями в хрящевой ткани (курган IX, инв.№ 36/3814). Также косвенно об особенностях головного убора могут свидетельствовать находки прядей волос, сохранившихся благодаря соприкосновению с металлическими украшениями (курганы IX и XVI).

Нагрудные украшения

Украшения груди и шеи находились в восемнадцати погребениях.

Стеклянные бусы (490 экз. и следы разложившихся ожерелий в четырёх погребениях) зафиксированы в восемнадцати курганах (Табл. 2). Чаще всего встречаются золото- и серебростеклянные бусы византийской работы (не менее 135 экз. в одиннадцати погребениях и не менее 60 экз. в шести погребениях соответственно, учитывая и напускные на ВК).

Второе место по численности занимает мелкий жёлтый бисер (173 экз. в трёх погребениях). В одном захоронении он (7 экз.) входил в состав сборного ожерелья из разных видов бус, в двух других ожерелья состояли исключительно из жёлтого бисера (36 и 130 экз. соответственно) в сочетании с литыми бубенчиковидными подвесками.

[1] При указании инвентарного номера двузначное число соответствует номеру по музейной описи, четырёхзначное – номеру по первоначальной описи Д.Я. Самоквасова

Довольно частой находкой в погребениях являются пастовые бусы (не менее 75 экз. в шести курганах), преимущественно треугольные глазчатые (48 экз.).

Реже всего в комплексах нагрудных украшений Горналя встречаются бусы прозрачного и глухого стекла. Их всего 10 экз. в пяти курганах (пять мелких светло-зелёного прозрачного стекла, две жёлтые кольцеобразные, две чёрные – кольцеобразная и шаровидная и одна тёмно-синего стекла).

По сочетанию разных типов бус в ожерельях два комплекса (I и VII) содержали только золотостеклянные бусы, пять (III, VIII, XIV, XVI и XVII) – одновременно золото- и серебростеклянные бусы; золото- и серебростеклянные и пастовые/стеклянные бусы в одном погребении сочетались три раза (IV, X и XIII); комплексы только с пастовыми/стеклянными бусами (в том числе один раз с жёлтым бисером) встречены в шести захоронениях (II, VI, IX, XII, XX и XXI); в двух (курганы V и XI) присутствовал только жёлтый бисер.

К нагрудным украшениям относятся также подвески разных типов (Табл. 3). Самыми многочисленными являются литые бубенчиковидные подвески (49 экз. в курганах V и XI, в сочетании с жёлтым бисером). В трёх погребениях (II, III и XX) найдены лунницы; два сохранившихся экземпляра (инв.№ 90/3780 и 91/3783, опубликованы: Седов, 1982. Цв. вклейка 6) идентичны ложнозернёным лунницам, происходящим из курганов Гочевского могильника, последние, при этом и послужили моделью при изготовлении форм для горнальских украшений (Климова, 2013. С. 82). Тип третьей лунницы неизвестен. В двух курганах найдены подвески других типов – монетовидная с волютообразным орнаментом (курган X, инв.№ 40/3818) (Рис. 1, *14*) и две – неизвестного типа (не сохранились).

К нетрадиционным подвескам в составе ожерелий принадлежит морская раковина (не сохранилась), вероятнее всего, идентичная раковине-подвеске на перстнеобразном ВК из того же погребения. Имеющиеся в литературе упоминания этих раковин, как наиболее распространённых в качестве украшений cyprea moneta (Шинаков, 1980), ошибочно. Судя по сохранившимся фрагментам, раковина на ВК может относиться к виду tritia reticulata, обитающему в Чёрном и Азовском морях[2].

К шейным украшениям относятся также гривны. В горнальских курганах их найдено две (Табл. 3) – витая с раскованными концами, дополнительно обвитая серебряной нитью (курган I, инв.№ 1/3774,) (Рис. 1, *1*) (подобные гривны были наиболее распространены в Новгородских и Суздальских землях (Фехнер, 1967. С. 71 – 72)), и железная (курган XIV, инв.№ 3839, в современной описи не показана).

Украшения рук

К украшениям рук относятся перстни и браслеты (Табл. 4). Перстни найдены в десяти погребениях, в том числе одном мужском (всего 12 экз.). По типу они разделяются следующим образом: 3 пластинчатых (курганы I, инв.№№ 5/3777 и 6/3778 и XIII, инв.№59/3839) (Рис. 1, *5,6*), 3 витых (V, инв.№ 12/3792 (Рис. 1, *9*); XIII, инв.№ 60/3836; XX, перстень не сохранился) по одному ложновитому со спаянными концами (курган X, инв.№38/3819) (Рис. 1, *15*), рубчатому (II, инв.№ 94/3781) (Рис. 1, *7*), проволочному цельному (курган VIII, инв.№ 27/3805) и ажурного плетения (курган III, инв.№ 95/3786, опубликовано: Седов, 1982. Цв. вклейка 6), и два перстня неизвестного типа из курганов XVII и XIX.

Расположение перстней в шести случаях неизвестно, трижды перстни находились на правой руке, один раз – на левой.

[2] Определено автором статьи

Браслеты встречаются намного реже перстней – всего 8 экз. в пяти погребениях. Из них в погребении I были два витых петлеконечных браслета (инв.№№ 3/3775 и 4/3776) (Рис. 1, *3*), принадлежащие к варианту 1 по типологии В.П. Левашевой (Левашева, 1967. С. 222 – 223), и получившие наибольшее распространение в Новгородских землях. В погребении III находился дротовый браслет с расширяющимися концами («северянского» типа); в кургане XVII – два дротовых, с раскованными концами (не сохранились). Не сохранились и браслеты из погребений XX (витой) и XXI (дротовый «гладкий» по описанию Д.Я. Самоквасова и витой).

Другие элементы костюма

В нескольких курганах обнаружены предметы, не относящиеся к распространённым (Табл. 5). К украшениям одежды можно отнести две интересных находки: в кургане IX была обнаружена лировидная пряжка с двумя напускными бронзовыми колечками (инв.№ 33/3812) (Рис. 1, *12*), а в кургане VIII находилась пробитая в нескольких местах серебряная монета епископа Бернгольда (Гронинген, 1027 – 1054 гг., инв.№ 30/3808), которая могла входить в комплекс убора в качестве нашивной бляшки или подвески в ожерелье.

Кроме украшений в курганах были обнаружены и другие предметы. В основном это ножи, но судя по расположению они, за исключением экземпляра из кургана XIV («*у левого бока*»), не входили в комплекс костюма. В кургане VIII был найден фрагмент кожи со следами швов (инв.№ 28/3807), вероятно, входивший первоначально в состав костюма или головного убора. В кургане XVIII (мужское погребение) прослеживались следы окислившегося предмета – пряжки или кресала.

Реконструкция погребального убора

Женский костюм Горналя по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова представляется довольно богатым, однако следует учитывать, что опубликованы не все исследованные комплексы.

По составу украшений можно восстановить несколько вариантов, различающихся главным образом полнотой набора украшений. Погребения с золотостеклянными бусами, но без этноопределяющих металлических украшений, в этот раздел отнесены быть не могут, поскольку подобные бусы в той или иной мере были распространены на территории всей Восточной Европы (Щапова, 1991. С. 157).

Комплексы с украшениями северянского типа составляют большинство: подобные предметы найдены в четырнадцати погребениях. Следует отметить, что в нескольких случаях они сочетаются с иноэтничными элементами убора: в одном случае зафиксирован радимичский погребальный убор; этническая принадлежность погребённых в пяти курганах точно не определена.

Погребения с северянскими комплексами украшений.

Курган I (Рис. 1, *1 – 6*; Рис. 2). Погребальный убор состоял из пластинчатого очелья северянского типа, перстнеобразного ВК с напускной бусиной-лимонкой, витой гривны с раскованными концами, оплетённой серебряной нитью, ожерелья из 12 золотостеклянных бусин, двух петлеконечных браслетов и двух пластинчатых перстней – бронзового и серебряного. Следует отметить, что Д.Я. Самоквасов охарактеризовал ВК как «серёжку», что, учитывая находки в погребениях данного могильника мумифицированных ушных раковин с отверстиями для ношения серёг, представляется более вероятным, чем использование в качестве украшения головного убора. Обращает на себя внимание сочетание в комплексе

элементов местного головного убора с украшениями, характерными для более северных регионов.

Курган III. Комплекс украшений состоял из перстнеобразного ВК со сходящимися концами, нитки золото- и серебростеклянных бус, серебряной широкорогой ложнозернёной лунницы, полностью аналогичной подвеске из гочевского кургана №27, раскопки П.С. Рыкова (Климова, 2013. С. 82), серебряного дротового браслета с расширяющимися концами (северянского типа) и перстня ажурного плетения, аналогичного перстню из гочевского кургана № 19, раскопки В.С. Львовича (Львович, 1913. Л. 43). По луннице данное погребение можно датировать временем не ранее середины XI в. Учитывая правильную форму и сведённые концы, перстнеобразное ВК, в отличие от подобного ему украшения в кургане I, вероятнее всего использовалось как элемент головного убора, а не в качестве серьги.

Курган IV. В погребении находились серебряное пластинчатое очелье, четыре спиральных ВК – по два с боков головы, – и ожерелье из 30 золото- серебростеклянных и треугольных глазчатых бус. По сочетанию спиральных ВК и пластинчатого очелья погребение датируется первой четвертью XI в. (Шпилев, 2008. С. 51).

Курган VI (Рис. 3). К предметам головного убора относятся четыре спиральных ВК – по два с боков головы, – и два перстнеобразных ВК: одно с напускной золотостеклянной бусиной (не сохранилась), второе (с заострённым концом) – с морской раковиной (Рис. 1, *10*). Учитывая форму перстнеобразных колец, можно осторожно предположить, что они носились в качестве серёг. К нагрудным украшениям относится ожерелье из 37 пастовых глазчатых треугольных бусин, стеклянной светло-зелёного цвета, и жёлтого бисера, а также подвески-раковины (не сохранилась).

Курган IX (Рис. 4). К украшениям головы относятся два спиральных ВК – по одному по сторонам головы, а также два перстнеобразных ВК с заходящими концами. В том же погребении сохранилась мумифицированная ушная раковина (левая) с двумя чётко различимыми отверстиями в хрящевой ткани, в которые первоначально и были продеты перстнеобразные кольца. Кроме того, в погребении находились пряди волос, сохранившиеся благодаря соприкосновению с металлом украшений. Учитывая данные обстоятельства, следует заключить, что погребённая, вероятнее всего, не покрывала волосы, то есть была незамужней девушкой. Об украшениях груди свидетельствуют следы разложившихся пастовых бус, а также лировидная пряжка с двумя пластинчатыми обоймицами (Рис. 1, *12*), которую Д.Я. Самоквасов считал входившей в состав ожерелья. Однако пряжка могла использоваться и по прямому назначению, в качестве застёжки верхней одежды типа плаща. Лировидные пряжки были широко распространены на территории Восточной Европы и датируются временем X – XI вв. (Седова, 1981. С. 144). Следует особо отметить, что находки пряжек в курганах верховьев Псла очень редки: в Гочевском курганом могильнике подобные предметы или их следы отмечены лишь в 5 из изученных 668 курганов, были кольцевыми и использовались в основном в составе мужского костюма. Единственный случай крепления женской одежды с помощью металлического украшения – звёздчатой фибулы радимичского типа, – зафиксирован в кургане №39 из раскопок В.Н. Глазова в 1913 году (Глазов, 1913. Л.20, об.).

Курган X. В погребальный убор входили два спиральные ВК по бокам головы – одно с напускным проволочным колечком, второе с напускной кольцевидной бусиной синего глухого стекла, ожерелье из 18 золотостеклянных, двух пастовых бус и монетовидной подвески с волютообразным орнаментом (Рис. 1, *14*), а также массивный ложновитой перстень (Рис. 1, *15*), первоначальное расположение которого автором раскопок не указано.

Курган XI. Головной убор включал в себя венчик северянского типа и четыре ВК: два перстнеобразных со сходящимися концами, одно перстнеобразное с завитком (Рис. 1,

11) (в литературе оно иногда ошибочно атрибутируется как s-видное, см: Шпилев, 2009. С. 18), и одно узелковое с одной бусиной, при этом последние два кольца охарактеризованы Д.Я. Самоквасовым как «серёжки». К нагрудным украшениям относится ожерелье из жёлтого бисера (130 экз.) и 37 бубенчиковидных подвесок. Данный тип бус характерен для радимичских древностей, но довольно часто встречается и в верховьях Псла. По венчику северянского типа погребение датируется не ранее второй четверти XI в. (Шпилев, 2008. С. 52).

Курган XII (Рис. 5). К погребальному убору относятся серебряное пластинчатое очелье, три спиральных ВК, причём на одном сохранился мумифицированный фрагмент правого уха, трёх перстнеобразных ВК с заходящими концами, с небольшим проволочным напускным колечком на одном из них. На погребённой было ожерелье из пастовых бус, следы которого были зафиксированы автором раскопок. Если предыдущие комплексы украшений достаточно легко реконструировать по имеющимся аналогиям из Гочева, то в данном случае возникает вопрос об использовании спиральных ВК – все ли они носились в качестве серёг, или же два из них входили в состав головного убора. Учитывая очень хорошую сохранность ушной раковины, а также отсутствие следов других проколов, можно утверждать, что оставшиеся ВК носились над ухом. Данная реконструкция представлена на иллюстрации.

Курган XIII (Рис. 6). Головной убор включал в себя серебряное пластинчатое очелье и девять перстнеобразных ВК разного диаметра (от 17 до 33 мм), на одном из которых находилась напускная золотостеклянная бусина. Шею погребённой украшала нитка из 4 золотостеклянных, одной золотостеклянной и 10 пастовых и глазчатых треугольных бусин (в тексте «Могил» не упоминаются, в коллекции находятся на планшете 257, № 57/3833). На пальцах правой руки были надеты два кольца – пластинчатое, со сходящимися концами, и витое из трёх проволок. При реконструкции головного убора возможны несколько вариантов расположения ВК: они могли носиться по бокам головы, или же подшиваться к налобной части тканого головного убора. Последний вариант известен по находке из Броварок (Хвойко, 1904. С. 44). На иллюстрации приведён первый вариант, с учётом того факта, что в горнальских погребениях ВК, судя по отчёту Д.Я. Самоквасова, чаще располагались симметрично по бокам головы. Перстнеобразное ВК с напускной бусиной могло в этом случае использоваться в качестве серьги.

Курган XIV. В кургане находились шесть спиральных ВК, небольшое ожерелье из пяти золото- и одной серебростеклянной бусины, железная гривна, а также нож «у левого бока», что, если использовать в качестве аналогий погребения Гочева, может свидетельствовать о наличии в костюме женщины пояса, к которому крепился нож. Присутствие железной гривны в погребении с северянскими чертами – редкий случай, однако имеет аналогии в гочевских погребениях (Самоквасов, 1915. С. 27, 32).

Курган XV. Единственными украшениями погребённой в данном кургане были два спиральных и одно перстнеобразное ВК. Учитывая очень плохую сохранность костяка, характерную в основном для детей и подростков, можно предполагать, что в кургане была похоронена молодая девушка. По аналогии с другими погребениями Горналя можно предполагать, что спиральные ВК носились по бокам головы, а перстнеобразное или так же вплеталось в волосы, или, что достаточно вероятно, носилось в качестве серьги.

Курган XVI. В комплекс украшений, обнаруженных в погребении, входило ожерелье из 5 золото- и 6 серебростеклянных бус, одного спирального и десяти перстнеобразных ВК, одно из которых – с перегибом, и ещё одно – с напускной кольцевидной бусиной синего глухого стекла. В погребении также сохранились пряди волос. Следует отметить, что перстнеобразные кольца, в отличие от подобных наборов в других курганах, чётко

разделяются по размеру: 4 экземпляра, в том числе кольцо с напускной ВК, имеют диаметр 27 – 32 мм, ещё четыре экземпляра – 17 – 20 мм, и два деформированы таким образом, что образуют вытянутые овалы. Учитывая хорошую сохранность волос, обусловленную соприкосновением с металлом украшений, можно осторожно предполагать, что перстнеобразные ВК были симметрично вплетены в волосы, обрамляя лицо, следовательно, погребённая носила причёску, характерную для незамужних девушек. Спиральное ВК могло как входить в состав девичьего головного убора, так и носиться в качестве серьги. ВК овальной формы, учитывая их отличие от остальных перстнеобразных колец, вероятно, также могли использоваться в качестве серёг.

Курган XVII. Предметы из данного кургана известны лишь по описаниям. В состав украшений головного убора входило пластинчатое очелье северянского типа, два перстнеобразных и два узелковых ВК, к украшениям шеи и груди относилось ожерелье из 16 золото- и 14 серебростеклянных бус и две металлические подвески, тип которых неизвестен. Также на костяке были найдены перстень на пальце правой руки и два браслета «из расплющенных проволок», но что собой представляли последние – не ясно. Опираясь на материалы других погребений Горналя, можно предполагать, что ВК располагались симметрично по обеим сторонам головы.

Курган XXI. Предметы из этого погребения также известны лишь по описаниям. К головному убору относятся четыре спиральные ВК – по два по бокам головы. Шею погребённой украшали бусы из 28 стеклянных и пастовых бус, при этом, учитывая их расположение «под нижней челюстью», правильным будет считать, что изначально было две нитки бус, плотно облегавших шею. На руках были дротовый и витой браслеты. Последний, вероятно, аналогичен браслетам из кургана I.

Погребения с иноэтничными украшениями.

В данную группу входит только захоронение из *кургана V*. Комплекс украшений небогат: на шее погребённой было характерное для радимичских древностей ожерелье из жёлтого бисера (36 экз.) и 12 литых бубенчиковидных подвесок. К украшениям головного убора относится s-видное ВК (Рис. 1, *8*), однако, учитывая определение, данное автором раскопок, и аналогии из других курганов могильника, можно предположить, что данное кольцо использовалось в качестве серьги. На пальце правой руки находился перстень с разомкнутыми концами, свитый из трёх проволок (Рис. 1, *9*).

Погребения без этноопределяющих украшений.

Курган II. Погребальный убор похороненной в данном кургане был очень скромным: ожерелье из 31 пастовой и стеклянной бусин, в состав которого входила лунница, аналогичная подвеске из кургана III. Также на костяке находился цельный рубчатый перстень (Рис. 1, *7*).

Курган VII. Инвентарь погребения также не отличается разнообразием. К украшениям головы относится два ВК – перстнеобразное с напускным проволочным колечком и узелковое с двумя бусинами. К украшениям груди и шеи относится богатое ожерелье из 39 золотостеклянных бус.

Курган VIII. Данное погребение по составу найденных предметов является самым необычным, хотя и не очень богатым. В нём находились пять продетых в тонкую полоску светло-жёлтой кожи ВК – четыре перстнеобразные с заходящими концами и одно узелковое с тремя бусинами, – небольшой фрагмент сложенной в несколько слоёв кожи со следами швов (максимальные размеры 3 х 4 см), ожерелье из 24 серебростеклянных бус, проволочный цельный перстень и пробитая для нашивания на одежду серебряная монета города

Гронинген, по которой погребение можно датировать серединой – третьей четвертью XI в. Поскольку фрагмент кожи сохранился благодаря соприкосновению с металлом, его вполне обоснованно считать частью головного убора, однако подобные головные уборы не были характерны для местного населения. Расположение ВК необычно для погребений верховьев Псла – кольца продеты в узкий ремешок, расстояние между ними составляет не более 3 см. Вероятно, они с помощью ремешка прикреплялись к головному убору, свободно свисая надо лбом или сбоку головы.

Учитывая необычность крепления колец и наличие в составе костюма головного убора с кожаными деталями, можно предполагать, что, похороненная в кургане женщина была привезена в качестве жены откуда-то издалека. Это подтверждает и находившаяся в составе костюма монета. К сожалению, реконструировать первоначальный вид головного убора, не имея данных о точном местоположении входивших в него деталей, не представляется возможным.

Курган XX. Предметы из этого погребения также известны лишь по краткому описанию. На костяке было ожерелье из разложившихся пастовых бус, витой браслет, вероятно, аналогичный браслету из кургана I, «три гладкие и одно витое проволочные кольца». Поскольку Д.Я. Самоквасов при описании находок очень точно определял типы ВК, и намного меньшее внимание уделял перстням, следует заключить, что под «витым» кольцом подразумевается витой или ложновитой перстень. Таким образом, к головному убору можно отнести лишь три проволочных ВК.

Мужской костюм охарактеризовать сложно, поскольку описаны только два комплекса. В обоих случаях в них находились ножи, однако точное положение относительно костяков неизвестно, поэтому мы не можем связывать их с костюмом. К комплексу костюма можно отнести перстень в кургане XIX, а также окислившийся предмет из кургана XVIII, и в этом случае возможны два варианта реконструкции одежды с поясом: 1) окислившийся предмет был поясной пряжкой, следовательно, на покойном был кожаный пояс; 2) предмет являлся кресалом, находившемся в подвешенном к поясу кошельке из кожи или ткани. Аналогичная находка предмета, указывающего на существование поясного кошелька, происходит из мужского погребения Гочевского могильника (курган IV, раскопки Д.Я. Самоквасова, 1909 г.) (Климова, 2012. С. 91). Гочевские аналогии имеет и находка перстня в мужском погребении. Следует отметить, что мало- и безинвентарность мужских захоронений является характерной особенностью этого региона (Климова, 2012).

Анализ комплексов

Несмотря на небольшую выборку погребений, материалы раскопок Д.Я. Самоквасова позволяют сузить датировку курганов временем не ранее начала XI века и не позднее третьей его четверти, а также выделить несколько вариантов сочетания украшений (Табл. 6).

Сочетание в комплексе костюма украшения трёх зон – головы, груди (шеи) и рук – зафиксированы в девяти погребениях: в четырёх случаях головной убор состоял из очелья и ВК, в пяти – только из ВК. В этой же группе комплексов часты сочетания перстней и браслетов, а также подвесок и бус разных типов. На втором месте по встречаемости (8 погребений) сочетание украшений зоны головы и груди. И лишь в двух случаях зафиксировано сочетание украшений шеи и рук и только головы. Подобное расположение акцентов в украшении женской одежды отличается от акцентов в костюме Новгорода Великого в конце X – XI вв. (Лесман, 1996. С. 3) и аналогично распределению украшений в погребениях Гочевского курганного некрополя (Климова, 2011. С. 72).

К характерным особенностям комплексов украшений следует отнести использование ВК – как перстнеобразных, так и спиральных, – в качестве серёг, часто носившихся только в одном ухе. Эта особенность характерна и для материалов Гочева.

Также к характерным особенностям относится и полное отсутствие в костюме погребённых пуговиц и пряжек, за исключением уникальной для верховьев Псла находки лировидной пряжки в кургане IX.

Следует обратить внимание на сочетание в одном наборе украшений разноэтничных элементов: северянских очелий или венчика, и спиральных височных колец, маркирующих достаточно высокий статус их владелиц в местном обществе, с радимичскими (ожерелья с бубенчиковидными подвесками), западными и северо-западными (витые браслеты и гривна, s-видное и узелковые ВК) элементами. Подобное сочетание отмечено и в комплексах Гочевского курганного некрополя, и трактуется как свидетельство принятия в местную среду привезённых из других местностей жён-славянок, сохранивших в костюме некоторые элементы принятого на их родине убора. В этой связи особенно показательным является курган VIII – при достаточно высокой стоимости находившихся в нём украшений и местном обряде погребения женщина, захороненная в нём, видимо, не вошла в местную систему иерархии, возможно, из-за своего происхождения из отдалённой местности. При этом характерные для верховьев Псла золото- и серебростеклянные бусы, присутствовавшие в составе ожерелий или как напускные украшения на ВК, не могут считаться признаком исключительно северянского костюма, поскольку в погребениях они часто сочетаются с пастовыми и могут отсутствовать в составе достоверно северянских комплексов (курган XII).

Обращает на себя внимание и малочисленность подвесок в составе ожерелий. Если исключить характерные для радимичского костюма бубенчиковидные подвески из курганов II и XI, остаётся лишь шесть экземпляров в пяти погребениях, из них три лунницы, одна монетовидная подвеска и две – неизвестного типа. Стоит отметить, что лунницы связаны с культом Богородицы и считаются признаком христианизации населения (Хамайко, 2008). Таким образом, материалы Горнальского некрополя позволяют говорить и о начавшейся христианизации местного населения, а наличие их в составе комплексов с иноэтничными элементами свидетельствуют о возможных вариантах проникновения христианства в верховья Псла – не только под внешним давлением киевской власти, но и благодаря бракам с представительницами родственных местному населению и уже христианизированных территорий – главным образом, видимо, радимичей.

Следовательно, материалы раскопок Д.Я. Самоквасовым Горнальского курганного могильника 1 не только позволяют в некоторых случаях восстановить особенности местного погребального костюма, но и помогают проследить проникновение в верховья Псла представителей иных славянских обществ – главным образом радимичей и вятичей, а также бытовые, семейные особенности утверждения на данной территории христианства.

Выражаю благодарность за помощь в работе старшим научным сотрудникам Государственного Исторического музея В.В. Мурашевой и Н.Г. Недошивиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. Оп. 1. 1913. Д. №123

Дмитрюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды КГСК. Курск, 1863. Вып. 1

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915

Климова Т.А. Женский погребальный убор населения верховьев Псла в конце X – XI вв. (по материалам раскопок В.С. Львовичем Гочевского курганного некрополя) // Актуальные проблемы регионоведения: Труды V международной научной конференции. Курск, 2011

Климова Т.А. Славяно-русский погребальный костюм мужчин верховьев Псла в конце X – XI веке (по материалам Гочевского курганного некрополя) // Археология, этнография и антропология Евразии, № 1, 2012

Климова Т.А. Лунницы Гочевского курганного некрополя // Русский сборник. Брянск, 2013. Вып. 7

Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. М., 1967

Лесман Ю. М. Украшения древних новгородок и древнерусская эротика // Чело. № 2(9). 1996

Львович В.С. Дневник раскопок Гочевского могильника в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.1.Оп.1.1913. Д. №330

Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв., М., 1982

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV вв.). М., 1981

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908

Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. М., 1967

Хамайко Н. Древнерусские лунницы XI – XIII вв.: Проблема происхождения и семантики // Наукові записки з украінской історіі. Вып. 20. Переслав-Хмельницкий, 2008

Хвойко В.В. Раскопка могильника при с. Броварки, Гадячского уезда, Полтавской губ. // Труды Московского археологического общества. Древности. Т.XX. Вып. II. М., 1904

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой пол. XIII вв.: дисс. … канд. ист. наук. М., 1980

Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI вв.)// Русский сборник. Вып.4. Брянск, 2008

Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. – 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009

Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа Направление и характер связей в IX – XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991

ITEMS OF THE FUNERARY SUIT FROM THE BURIAL MOUNDS OF THE GORNAL' NECROPOLIS (EXCAVATIONS BY D.Ya. SAMOKVASOV, 1872): TO THE STUDY OF FUNERAL COSTUME.

T.A. Klimova

The article is devoted to the reconstruction funerary suit of the local population in the XI century, mainly the features of women's clothing. It's based on excavation materials by D.Ya. Samokvasov from Gornal' burial ground-1. On the basis of costume analysis can be traced household and family ties of the local population with representatives of other territories of Ancient Rus'.

Key words: Gornal', Severians, Radimichi, headdress, funeral costume.

Таблица 1. Украшения головы

Курган	Украшения головы	Кол-во	Примечание
I	очелье	1	
	перстнеобразное с напускной бусиной	1	Бусина-лимонка
III	перстнеобразное	1	
IV	очелье	1	
	спиральное	2	зона головы справа
	спиральное	2	зона головы слева
V	перстнеобразное s-конечное	1	
VI	перстнеобразное с напускной бусиной	1	Бусина золотостеклянная
	перстнеобразное	1	с напускной морской раковиной
	спиральное	2	зона головы справа
	спиральное	2	зона головы слева
VII	перстнеобразное с напускным кольцом	1	
	узелковое	1	
VIII	перстнеобразное	4	на кожаном ремешке
	узелковое	1	
IX	спиральное	1	зона головы справа
	спиральное	1	зона головы слева
	перстнеобразное	2	
X	спиральное с напускной бусиной	1	Бусина зонная тёмно-синего стекла
	спиральное с напускным кольцом	1	
XI	венчик	1	
	перстнеобразное загнутоконечное	1	
	узелковое	1	
	перстнеобразное	2	
XII	очелье	1	
	спиральное	1	с человеческим ухом (правым?)
	спиральное	2	
	перстнеобразное с напускным кольцом	1	
	перстнеобразное	2	
XIII	очелье	1	
	перстнеобразное	8	
	перстнеобразное с напускной бусиной	1	Бусина золотостеклянная
XIV	спиральное	6	
XV	спиральное	2	
	перстнеобразное?	1	
XVI	перстнеобразное с перегибом	1	
	перстнеобразное с напускной бусиной	1	Бусина зонная тёмно-синего стекла
	перстнеобразное	8	
	спиральное	1	
XVII	перстнеобразное?	2	
	узелковое	2	
	очелье	1	
XX	перстнеобразное?	3	
XXI	спиральное	2	зона головы справа
	спиральное	2	зона головы слева
Всего		82	

Таблица 2. Бусы

Примечание: В таблице приведена сводка по всем бусам из раскопок Д.Я. Самоквасова 1872 г.; бусины напускные на ВК выделены *курсивом*.

Курган	Типы бус	Количество	Всего в погребении
I	золотостеклянные	12	13
	лимонки	*1*	
II	треугольные глазчатые	4	31
	пастовые	23	
	Стеклянные светло-зелёные	3	
	Стеклянные тёмно-синие	1	
III	серебростеклянные	15	29
	золотостеклянные	14	
IV	золотостеклянные	14	37
	серебростеклянные	6	
	треугольные глазчатые	7	
	неизвестно	10	
V	бисер паст жёлтый	36	36
VI	бисер паст жёлтый	7	38
	стеклянная светло-зелёная	1	
	треугольные глазчатые	29	
	золотостеклянные	*1*	
VII	золотостеклянные	39	39
VIII	серебростеклянные	20	24
	золотостеклянные	4	
IX	следы	?	?
X	золотостеклянные	18	21
	пастовая	2	
	зонные синие	*1*	
XI	бисер паст жёлтый	130	130
XII	следы	?	?
XIII	золотостеклянные	5	16
	золотостеклянные	*1*	
	треугольные глазчатые	8	
	пастовая	2	
XIV	золотостеклянные	5	6
	серебростеклянные	1	
XVI	серебростеклянные	4	12
	золотостеклянные	7	
	зонные синие	*1*	
XVII	золотостеклянные	16	30
	серебростеклянные	14	
XX	следы	?	?
XXI	пастовые	?	28
	стеклянные	?	
Всего			490

Таблица 3. Металлические нагрудные украшения

Курган	Нагрудные украшения	Количество
I	гривна витая с раскованными концами	1
II	лунница ложнозернёная	1
III	лунница ложнозернёная	1
V	бубенчиковидные	12
X	подвеска монетовидная с волютообразным узором	1
XI	бубенчиковидные	37
XIV	гривна железная	1
XVII	подвески неизвестного типа	2
XX	лунница	1

Таблица 4. Украшения рук

Курган	Пол	Украшения	Кол-во	Расположение
I	ж	Перстень пластинчатый	2	в погребении
		Браслет витой петлеконечный со стержнем в петле	2	
II	ж	Перстень рубчатый	1	в погребении
III	ж	Перстень плетёный	1	в погребении
		Браслет дрот север	1	
V	ж	Перстень витой тройной обрубленно-конечный	1	правая кисть
VIII	ж	Перстень проволочный цельный	1	в погребении
X	ж	Перстень ложновитой	1	в погребении
XIII	ж	Перстень пластинчатый	1	правая кисть
		Перстень витой тройной обрубленно-конечный	1	правая кисть
XVII	ж	перстень	1	левая кисть
		Браслет дротовый раскованный	2	в погребении
XIX	м?	перстень	1	в погребении
XX	ж	Перстень витой	1	в погребении
		Браслет витой	1	
XXI	ж	Браслет дротовый	1	в погребении
		Браслет витой		

Таблица 5. Другие предметы в погребениях

Курган	Пол	Украшения другое	Количество	Расположение
VI	ж	раковина	1	низка бус
		раковина	1	на ВК
		нож	1	в погребении
VIII	ж	кожаный ремешок	1	на ВК
		фрагмент кожи	1	в погребении
		монета	1	
IX	ж	пряжка лировидная с обоймицами	1	в погребении
		ухо левое (?) с проколотой хрящевой частью	1	
		волосы	1	
XII	ж	ухо правое (?)	1	На спиральном ВК
XII	ж	нож	1	в погребении
XIV	ж	нож	1	зона бёдер слева
XVI	ж	волосы	1	в погребении
XVII	ж	нож	1	на груди
XVIII	м?	нож	1	в погребении
		пряжка или кресало	1	
XIX	м?	нож	1	в погребении

Таблица 6. Распределение украшений в погребениях по зонам

Зоны	Предметы	Комплексы	№№ курганов
Голова, грудь, руки	очелье+ВК+бусы+гривна+перстни+ браслеты	1	I
	очелье+ВК+бусы+подвески+перстни+ браслеты	1	XVII
	очелье+ВК+бусы+перстни	2	V, XIII
	ВК+бусы+подвески+перстни+браслеты	2	III, XX
	ВК+бусы+подвески+перстни	1	X
	ВК+бусы+перстни	1	VIII
	ВК+бусы+браслеты	1	XXI
Голова, грудь	очелье+ВК+бусы	1	XII
	венчик+ВК+бусы	1	XI
	ВК+бусы	4	IV, VI, VII, XVI
	ВК+бусы+гривна	1	XIV
	ВК+бусы+пряжка	1	IX
Голова	ВК	1	XV
Грудь, руки	бусы+подвески+перстни	1	II

Подписи к рисункам

Рис. 1. *1* – гривна витая с раскованными концами; *2* – ВК перстнеобразное с напускной бусой-лимонкой; *3* – браслеты витые петлеконечные; *4* – бусы золотостеклянные; *5, 6* – перстни пластинчатые; *7* – перстень рубчатый цельный; *8* – ВК s-видное; *9* – перстень витой из трёх проволок; *10* – ВК перстнеобразное с напускной раковиной; *11* – ВК перстнеобразное с завитком; *12* – пряжка лировидная с напускными обоймицами; *13а, б* – ВК перстнеобразные и узелковое на кожаном ремешке; *14* – подвеска монетовидная с волютообразным узором; *15* – перстень ложновитой.

1 – 6 – курган I; *7* – курган II; *8, 9* – курган V; *10* – курган VI; *11* – курган IX; *12* – курган XI; *13а, б* – курган VIII; *14, 15* – курган X.

Рис. 2. Погребальный убор похороненной в кургане I. *1* – пластинчатое очелье, *2* – перстнеобразное ВК-серьга с напускной бусой-лимонкой (вариант расположения), *3* – гривна витая с раскованными концами, *4* – ожерелье из 12 золотостеклянных бус, *5* – браслеты петлеконечные, *6* – перстни пластинчатые (вариант расположения).

Рис. 3. Погребальный убор из кургана VI. *1* – спиральные ВК, по два по сторонам головы, *2* – перстнеобразное ВК-серьга с напускной золотостеклянной бусой (вариант расположения), *3* – перстнеобразное ВК-серьга с напускной раковиной (вариант расположения), *4* – ожерелье из 37 пастовых и стеклянных бус, *5* – подвеска-раковина.

Рис. 4.

Погребальный убор, курган IX. *1* – спиральные ВК (по одному с боков головы), *2* – два перстнеобразных ВК-серьги (точное расположение), *3* – ожерелье из пастовых бус, *4* – лировидная пряжка (вариант использования).

Рис. 5. Убор из в кургана XII. *1* – пластинчатое очелье, *2* – три перстнеобразных ВК, одно из них с напускным колечком (вариант расположения), *3* – два спиральных ВК, входившие в состав головного убора (вариант расположения), *4* – спиральное ВК-серьга (точное расположение), *5* – ожерелье из пастовых бус.

Рис. 6. Погребальный убор женщины из кургана XIII. *1* – пластинчатое очелье, *2* – перстнеобразные ВК, по четыре по сторонам головы (вариант расположения), *3* – перстнеобразное ВК с напускной золотостеклянной бусой (вариант использования в качестве серьги), *4* – ожерелье из золото- серебростеклянных и пастовых бус, *5* – перстень пластинчатый со сходящимися концами, *6* – перстень витой из трёх проволок.

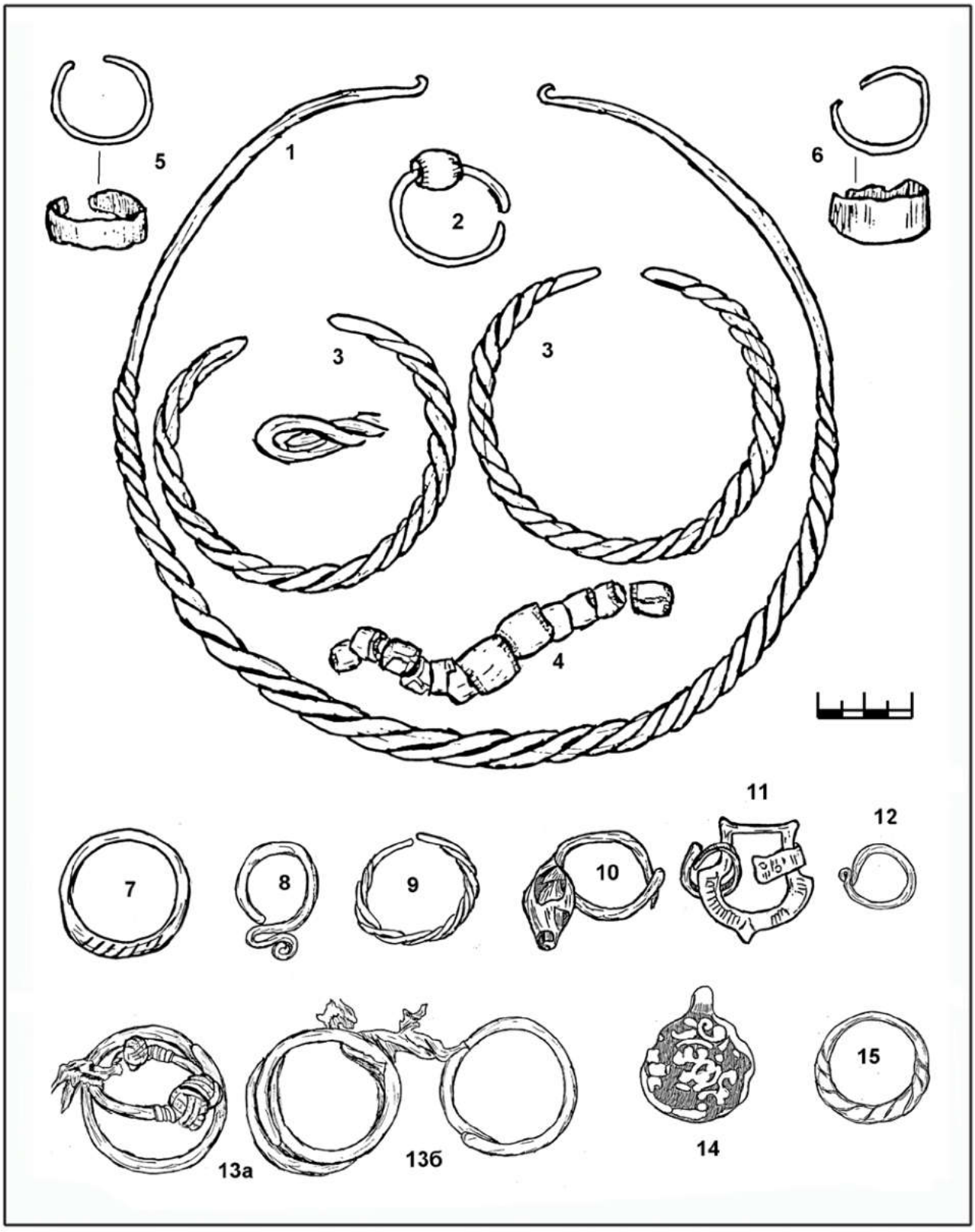


Рис. 1

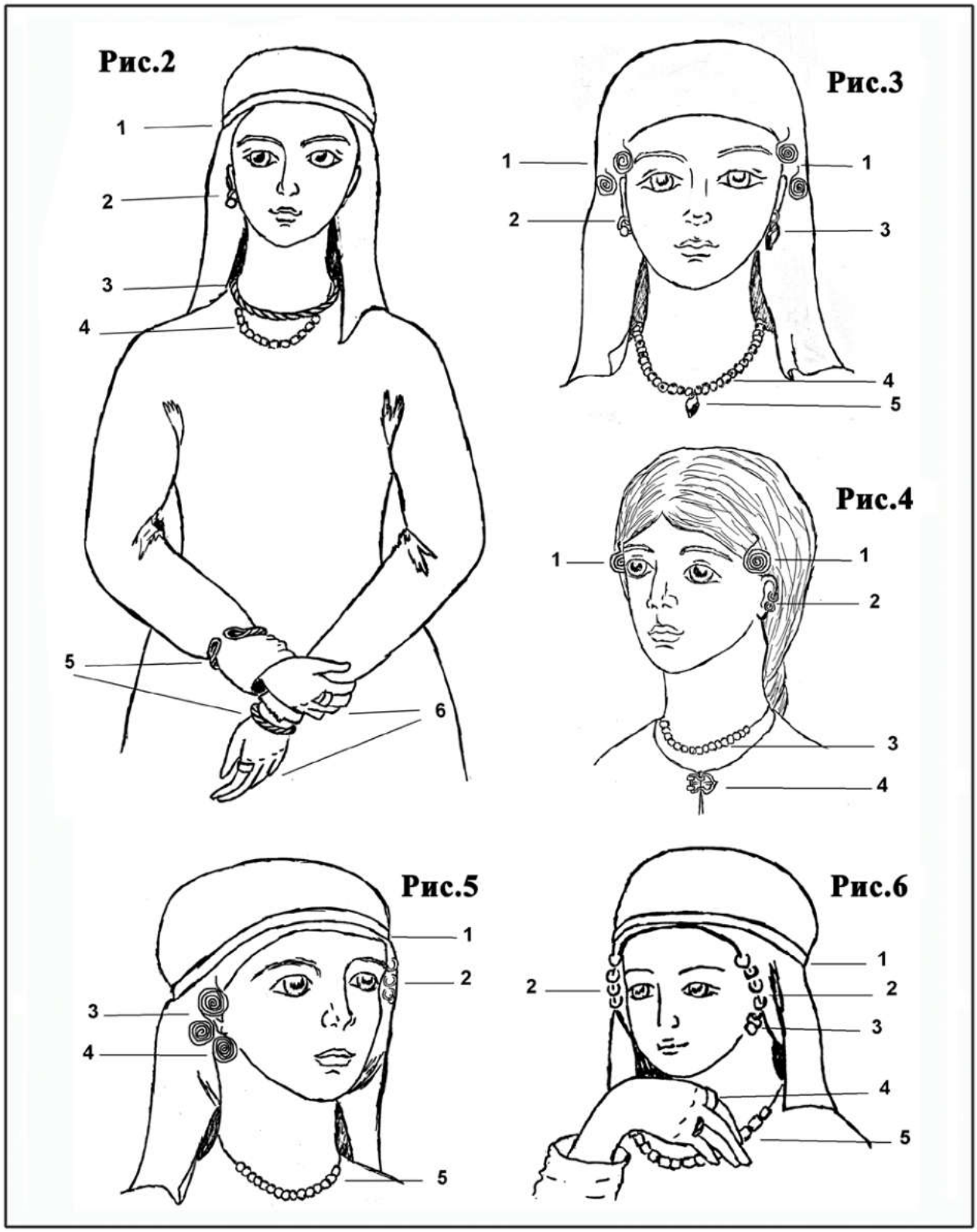


Рис. 2 – 6

ХРИСТИАНСКАЯ ПЛАСТИКА МАЛЫХ ФОРМ С ГОРОДИЩА «ЦАРСКИЙ ДВОРЕЦ» У с. ГОЧЕВО

© 2018 г. А. Ю. Чуракова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Среди вещественного материала, найденного в культурном слое городища Царский дворец, особую роль занимают находки предметов, связанных с духовной культурой. С территории площадки городища и посада (селища) происходят 13 предметов христианской пластики малых форм. Ряд крестов имеет широкую датировку и может быть отнесен, как к периоду существования на памятнике литовского замка, так и к древнерусскому периоду. Большинство представленных на памятнике крестов имеет широкое распространение на всей территории Древнерусского государства, а также за его пределами. Хронологические рамки охватывают как весь домонгольский период, так и последующий период, вплоть до возникновения Московского царства.

***Ключевые слова*:** Гочевский археологический комплекс, городище Царский дворец, христианская пластика малых форм, кресты-подвески, средневековье.

В XI – XV веках через курскую округу проходили важные торговые пути. По всей округе были расположены укрепленные пункты – крепости, защищающие от набегов степняков. Одной из таких крепостей является укрепленное городище Царский дворец, входящее в состав Гочевского археологического комплекса.

Гочевский археологический комплекс расположен в 1,8 км к северо-востоку от с. Гочево, на правобережной террасе р. Псел. Он состоит из городища 1 (Крутой курган) и городища 2 (Царский Дворец), примыкающего к ним селища 1 (посада), а также курганного (основного массива и «Загородья») и бескурганных могильников в северной части поселения. Все памятники комплекса взаимосвязаны и отражают этапы развития одного поселения в период с X века по начало XV века. Составляющие комплекс элементы указывают на наличие в этом месте древнерусского города XI – XIV веков. Согласно предварительным результатам исследований, городище Царский Дворец представляло собой мощный укрепленный пункт, контролировавший въезд на Гочевское поселение со стороны поймы р. Псел, а также сухопутный путь, проходящий здесь еще с XI в., и являлось замком с двумя укрепленными площадками (Стародубцев, Зорин, 2008. С.126).

Степень изученности вопроса о распространении христианства на юго-востоке Киевской Руси по археологическим данным, фактически сводиться к упоминанию о находках тех или иных предметов христианской пластики на памятниках. Тематические подборки предметов, связанных с христианским культом и происходящих из исследованных памятников рассматриваемого региона, опубликованы А.Г. Шпилевым (Шпилев, 2008. Рис. 56), С.П. Щавелевым (Щавелев, 2008. Рис.2). Начато систематическое введение в научный оборот находок по отдельным памятникам, таких как Липинский археологический комплекс (Рагунштейн, 2009. С. 251 – 257; Пуцко, 2008.С. 130 – 133). В.С. Птицыным была издана статья, посвященная анализу предметов личного благочестия и связанных с ними находок, обнаруженных в ходе археологических исследований на территории Курской волости-княжения (Птицын, 2013. С.29 – 44).

Среди вещественного материала, найденного в культурном слое городища Царский дворец, особую роль занимают находки предметов, связанных с духовной культурой и верованиями. С территории площадки городища и посада (селища) происходят 13 предметов христианской пластики малых форм.

1. Металлический крест–подвеска с выемчатой эмалью (1 экз.).

Небольшой, односторонний (2,0 х 1,7 см) равноконечный крестик из медного сплава с выемчатой желтой эмалью (2,0 х 1,7 см) был обнаружен на посаде Гочевско-

го городища, как подъемный материал (Стародубцев, 1997. Рис.7) (рис.1, *1*). Это довольно редкий тип, который не вошел в свод для крестов с эмалью, сделанный В.А. Мальм (Мальм, 1968. С.113 – 117). А.А. Остапенко относит данный тип подвесок к крестам с треугольными окончаниями лопастей, отмечая, что наряду с криновидными крестами, такие предметы были новацией и появляются в первой половине XIV в. (Остапенко, 2015. С.108 – 109). На территории Курского Посемья известен еще один подобный крест, который происходит с территории Ратского поселения (Птицын, 2013. Рис.1,*11*; Подъемный материал).

2. Металлические кресты–подвески с шариками на концах, разных типов (3 экз.).

Равноконечный, двусторонний крестик. Лопасти креста расширяются от средокрестия и сужаются к окончаниям лопастей, которые заканчиваются шариками, в средокрестие так же рельефный шарик. Рельефный одночастный линейный орнамент покрывает всю площадь креста с обеих сторон (размеры крестика 2,5 х 1,7 см) (Рис.1, *5*). Крест был обнаружен в 2009 г., в засыпке грунтового погребения №37 на площадке городища Царский Дворец (Стародубцев, 2009. С.75). Могильник на площадке городища возник после его гибели в XIVв., могильник безъинвентарный, но в засыпке погребений попадаются предметы более раннего времени.

Равноконечный крестик из медного сплава с прямыми, круглыми в сечении лопастями, которые оканчиваются уплощёнными шариками, средокрестие в виде рельефного прямоугольника (3,0 х 2,5 см) (Рис. 1, *4*), был найден в 2003 году на территории поселения (Стародубцев, 2003.С. 25. Рис. 112, *4*). Подобный крест происходит из культурного слоя поселения Липино Курской области (КГОМА инв.№ 147/3/135).

В 2016 г. на площадке городища был обнаружен равноконечный крест с прямыми, круглыми в сечение лопастями и шариками на концах, из медного сплава. Подобные кресты-подвески были широко распространены на всей территории Древнерусского государства (2,7 х 1,8 см) (Стародубцев, 2016. С. 72) (Рис.1, *6*).

Различные варианты крестов с шариками на концах А.Е. Мусин склонен датировать XII в.

3. Кресты-подвески с квадратным средокрестием и шариками на концах (2 экз.).

Кресты–подвески с квадратным средокрестием, относятся, к наиболее распространённым типам древнерусских крестовдатируемых XI – XIII веками. Всю группу подобных изделий можно разделить на несколько типологических рядов, которые отличаются конструкцией лопастей (круглые или плоские в сечении) и вариантом орнамента в квадратном средокрестии (гладкая поверхность или косой (Андреевский) крест). На городище было найдено два подобных крестика. Первый (находка 1998 г.) крест – латинской формы (с удлинённой нижней лопастью), с прямыми, круглыми в сечении лопастями и косым крестом в средокрестии, из медного сплава (рис. 1, *2*), второй (находка 2016 г.) – аналогичный крест, но без креста в средокрестии (рис.1, *3*) (Стародубцев, 2016.С. 72). Ближайшие аналогии гочевским крестикам с квадратным средокрестием происходят с поселения Липино, Курской области (Птицын, 2013. Рис. 2, *2, 4, 5*). Отметим, что каменная литейная формочка для отливки подобных изделий была найдена в Серенске, а в Чернигове была обнаружена матрица – модель, для изготовления таких крестиков (Зайцева, 2011. Рис.140,*8*; Моця, Казаков, 2011. С. 154).

4. Крест-подвеска с криновидными окончаниями (1 экз.).

В 2015 году на площадке городища был найден двухсторонний равноконечный крест из белого металла с криновидным окончанием лопастей (3,7 х 3,4 см) (Рис.1,*7*)

*(*Стародубцев, 2015. С. 58*)*. Кресты данного типа широко распространены на всей территории Древнерусского Государства, Византии, встречаются подобные формы в памятниках Скандинавии, Прибалтики, Балкан (Беленькая, 1976. С.88. Рис.1-5; Гнутова, Зотова, 2000. С.22. Рис.1; Захаров, 2004. Рис. 1-24; Рябинин, 1986. С.74. Табл. IV; Седова, 1981. С.52. Рис. 1-4; Ханенко, 1900. Табл. XVII-185; Макаров, 2008. С. 37 – 38. Рис. 1-4; Рагунштейн, 2009. С. 257. Рис. 6,7). Основная масса подобных изделий происходит с территории Древнерусского Государства. Выделить подобные кресты в отдельный тип позволяют окончание лопастей в виде крина, (здесь не стоит путать данный типа с типом крестов-тельников с пальметообразными окончаниями лопастей), однако, все известные экземпляры различны между собой, и выделить отдельные серийные изделия довольно трудно. Рассматриваемый экземпляр, по технологии литья, а именно наличию граненого ушка можно отнести к XIII в. (Лесман, 1989. С. 82 – 87), экземпляры более раннего времени отличаются плоским рельефом и гладким ушком. Ближайшие аналогии также происходят из Курской области (экземпляры из частных коллекций), с. Будки и с. Картамышево (изображения крестов предоставлены А.Г. Шпилевым), близкий экземпляр опубликован в каталоге крестовидных подвесок из частных коллекций (Кутасов, Селезнев, 2010. С.19. Рис. 411). А. А. Остапенко относит появление рассматриваемого варианта крестов с криновидными окончаниями к первой половине XIV в. (Остапенко, 2015. С. 108 – 109).

5. Крестовидная подвеска с тремя дисками на концах и ромбовидным средокрестием (1 экз.).

В 2017 году на городище Царский дворец, в контексте заполнения сгоревшей постройки № 6 (слой серо-коричневого суглинка с фрагментами мергеля, обмазки и угля), была найдена крестовидная подвеска (Рис.1, *9*).

Эта подвеска имеет форму равноконечного креста с расширяющимися от центра лопастями, которые завершают три диска. Средокрестие имеет форму вогнутого ромба. Размеры подвески 4,0 х 3,0 см, обесстороны покрывает одинаковый орнамент, диски украшены круговым выпуклым узором с жемчужинками в центре. Средокрестие украшено линейным рельефным орнаментом, повторяющим форму ромба, в центре подвески – крест из рельефных пересекающихся линий. Подвеска имеет выпуклое массивное ушко. Изготовлена она из металла белого цвета методом литья в двусторонней форме. Данная находка относится к разновидности крестов с тремя дисками на концах (Мусин, 2002. С. 80). В этой большой группе выделяется несколько разновидностей, наиболее многочисленная из которых относится к так называемым крестам «скандинавского типа». Самые ранние находки предметов подобного типа относятся к VII – VIII вв. и происходят из погребальных памятников Крыма (Скалистое) и бассейна Северского Донца (Червоная Гусаровка) (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 44. Рис. 26, 23; Аксёнов, 2004. С. 136 – 144) (Рис.3).

Аналогичные крестовидные подвески найдены в курганном могильнике XI – XII вв. на пограничной территории Польши у д. Малое Данилово. Исследователи памятника считают найденные предметы русским импортом (http://www.przegladprawoslawny; Wołoszyn, 2010. Рис. 6.б). Кроме того, подобные крестовидные подвески известны на разных памятниках территории Восточной Европы и Скандинавии, которые датируется XI – XIII вв. (Белоозеро (Захаров, 2004. Рис.42,*12*); Киев (Кайль, 2006. №№ 650-657); Галич (Фіголь, 1997. С.159; Нефедово (Макаров, 1991. С. 13; Скандинавия (Staecker, 1999. С.108 – 110); Польша (Wołoszyn, 2010. Рис. 6.б;) Так, Д. Штекер, относит такие подвески с территории Скандинавии к типу 1.4.2, отмечая, что формы крестов значительно варьируют между собой, однако

имеют общие иконографические истоки (Staecker, 1999. С.108 – 110). Исследователь находит параллели и истоки иконографии среди крестовидных англо-саксонских фибул и датирует подобные изделия на территории Скандинавии X – XII веками (Staecker, 1999. С.110) (Рис.3).

С другой стороны, Э. Мугуревич анализируя ромбовидные кресты на территории Латвии, выделяет два варианта исполнения и пишет, о том, что вариант рассматриваемый в данной работе, мог производится на территории Латвии (Mugurevics, 1998. С.90).

Примечательно, что изображения подобных крестов встречаются на перстнях, найденных на острове Готланд. Исследователи связывают такой орнамент в виде креста с изображениями на рунических камнях и относят предметы к скандинавскому происхождению (Forsgren, 2004.С.17).

Обращает на себя внимание то, что подвеска с Царского дворца была найдена в контексте сгоревшей постройки, датированной второй половиной XIV – первой половиной XV вв., а это не совпадает с временем их бытования. Возможно, попадание подвески в контекст более поздней постройки в крепости можно объяснить тем, что при строительстве крепости использовали часть грунта, принесённого с окольного поселения у въезда в крепость, которое существовало там в период домонгольского нашествия.

Исходя из выше сказанного, рассматриваемую группу крестов с тремя дисками на концах можно датировать широко домонгольским периодом, а истоки формы и стиля орнаментации стоит искать среди скандинавских или англо-саксонских древностей.

6. Крест с шариками на концах и перекладинами на лопастях (1 экз.).

Данный тип креста-тельника можно отнести к подражаниям крестам-корсунчикам, о чем говорит соотношение лопастей и мощного цилиндрического ушка, свойственных для постмонгольского периода. На каждой лопасти крестика имеется по три шарика, подобные кресты были широко распространены на территории Древнерусского государства и прилегающих территорий, однако у рассматриваемого экземпляра имеется вписанный т-образный крест, образованный дополнительными шариками псевдозерни посередине тонких лопастей креста. В мелкой пластике т-образные кресты встречаются, прежде всего, в крестовключенных подвесках (Станюкович, 2010. №16,17,27). Данный тип креста можно отнести к редким типам крестов, представленных в единичных экземплярах, полной аналогии данному крестику выявить не удалось, близкий по форме экземпляр был найден в Ростове Великом, в слоях XIII в. (Самойлович, 2007. С. 16), также близкие экземпляры опубликованы в каталоге христианской металлопластики (Станюкович, 2010. №411, 412).

7. Крестовключенные подвески (2 экз.).

С площадки Царского дворца происходят две крестовключенные подвески из медного сплава. Первая подвеска (находка 2002 г.) представляет собой круг с вписанным т-образным крестом (Рис.1, *11*). Подобные подвески имеют широкое распространение на территории Древнерусского государства. Аналогичные подвески на территории Курского княжества известны на Липинском селище (Птицын, 2013. Рис.3,*6*), а такжев Гочевском курганном могильнике (ГЭ инв. № 816/ 136. Раскопки П.С. Рыкова).

Вторая подвеска (находка 2009 г.), размером 2 х 2,4 см (фрагментирована) (Рис.1, *10*), представляет собой круг с вписанным валютообразным крестом. Подвеска имеет близкие аналогии в инвентаре погребений близлежащего Гочевского курганно-

го могильника (Атлас, 1915. Табл. XXXI,*6*; ГЭ инв. № 816/52; 816/96). Отметим, что Ю.М. Лесман писал о том, что подобный тип подвесок сформировался на фоне скандинавских подвесок с волютообразным орнаментом (Лесман, 2014. С.55 – 57). Датировать подобные изделия можно в целом домонгольским периодом (Стародубцев, 2009. С.30).

Выводы

Приведённый выше обзор христианской металлопластики отражает многообразие типов крестов, находимых на городище Царский дворец. Хронологические рамки охватывают как весь домонгольский период, так и последующий период, вплоть до возникновения Московского царства. К периоду существования литовского замка, мы можем с уверенностью отнести две креста-подвески (с криновидными лопастями и крест с эмалью), формы которых появляются не ранее первой половины XIV века. Ряд крестов имеет широкую датировку и может быть отнесен, как к периоду существования на памятнике литовского замка, так и к древнерусскому периоду (время функционирования Гочевского курганного могильника и поселения), такие предметы могли попасть в культурный слой городища вместе с грунтом с поселения. Отметим так же, что большинство представленных на памятнике крестов имеет широкое распространение на всей территории Древнерусского государства, а также за его пределами, такое разнообразие типов христианских древностей может объясняться пограничным положением памятника, а также его статусом укрепленного пункта на торговых путях (Стародубцев, 2009. С.104 – 105).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // Хазарский альманах / ред. В.К. Михеев.М., 2003

Атлас Гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губ. М., 1915

Беленькая Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. №4. М., 1976

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М, 2000

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. СПб., 2011

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М, 2004

Кайль В.А. Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X – XIII ст. Луганск, 2006

Кутасов С. Н. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески / ред. А. К. Станюкович. М., 2010

Лесман Ю.М. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI – XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 2. Новгород. 1989

Лесман Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Люди и вещи Древней Руси / ред. А. Рабинович. № 5, 2014

Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI – XIII вв.: Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья // КСИА. № 205. М., 1991

Макаров Н.А. Переход от язычества к христианству по материалам новейших исследований селищ и могильников на Севере Руси // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008

Мальм В.А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. Сборник в честь 60-летия Б.А. Рыбакова. М., 1968

Моця О., Казаков А.Л. Давньоруський Чернігів. Київ, 2011

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX – XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002

Остапенко А.А. Христианские древности Рязанской земли XI – XVI вв. (мелкая пластика). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2015

Птицын В.С. Христианизация населения Курской волости-княжения по материалам предметов благочестия / В.С. Птицын // Ученые записки. – Электронный научный журнал Курского государственного университета. – Исторические науки и археология. 2013. Т.1. № 3 (27).URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/031-003.pdf

Пуцко В.Г. Крест-энколпион с эмалью из Липинского городища // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008

Рагуштейн А.Г. Нательные кресты Липинского археологического комплекса // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986

Самойлович Н.Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М., 2007

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV – начала XV вв. (по материалам памятников Курской обл.): предварительное сообщение // Деснинские древности, Вып.5. Брянск, 2008

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевской Древнерусской археологической экспедиции в 1997 г.// НА КГОМА

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2009 г. // НА КГОМА. I–156

Стародубцев Г.Ю. Средневековый замок на верхнем Псле (городище «Царский Дворец») // Средневековый город Юго-востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2009 г. Приложение // НА КГОМА. I–157

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках Гочевского городища 2 («Царский Дворец») (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2015 г. // НА КГОМА. I–170

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, городище 2 («Царский Дворец»)» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2016 г. // НА КГОМА. I–176

Стародубцев Г.Ю. Приложение к отчету о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, городище 2 («Царский Дворец»)» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2016 г. // НА КГОМА. I–177

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, городище 2 («Царский Дворец»)» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2017 г. // НА КГОМА. I–178

Фіголь М.П. Мистецтво стародавнього Галича. Київ, 1997

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Русские. Кресты и образки. Вып. II. Киев, 1900

Шпилев А.Г. Курское княжение // Очерки истории Курского края (с древнейших времен до XVII в.). Курск, 2008

Щавелев С.П. Феодосий Печерский – курянин. Историко-археологические очерки. Курск, 2008

Mugurēvičs, Ē. Die Verbreitung des Christentums in Lettland vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts // Rom und Byzanz im. Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Ed. M. Müller-Wille.1998

Forsgren A. Sköna smycken i silverne skattfynd. - Smycken och smyckesfragment i depåer av tidigmedeltida gotländska mynt (ca 1140-1220). C-uppsats i arkeologi. Stockholms universitet. HT – 2004

Staecker J. Rex regum et dominus dominorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhanger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Stockholm, 1999

Wołoszyn M. Polsko- ruskie pogranicze w X – XIII w. Perspektywy badan archeologicznych // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается, Т.1. М., 2010

CHRISTIAN PLASTICS OF SMALL FORMS FROM THE «TSAR'S PALACE» HILLFORT NEAR THE VILLAGE OF GOCHEVO

A.Yu. Churakova

Among the material found in the cultural layer of the hillfort the Royal Palace, a special role is occupied by finds of objects related to spiritual culture. 13 objects of Christian plasticity of small forms were found on the territory of the site of the hillfort and the settlement. Some crosses have a wide dating and can be attributed, both to the period of existence on the monument of the Lithuanian castle, and to the Old Rus period. Most of the crosses on the hillfort are widespread throughout the territory of the Old Rus state, as well as beyond. The chronological framework covers both the entire pre-Mongol period and the subsequent period, until the emergence of the Moscow kingdom.

Keywords: The Gochevsky archaeological complex, the ancient settlement the Imperial palace, Christian plasticity of small forms, crosses - pendants, the Middle Ages.

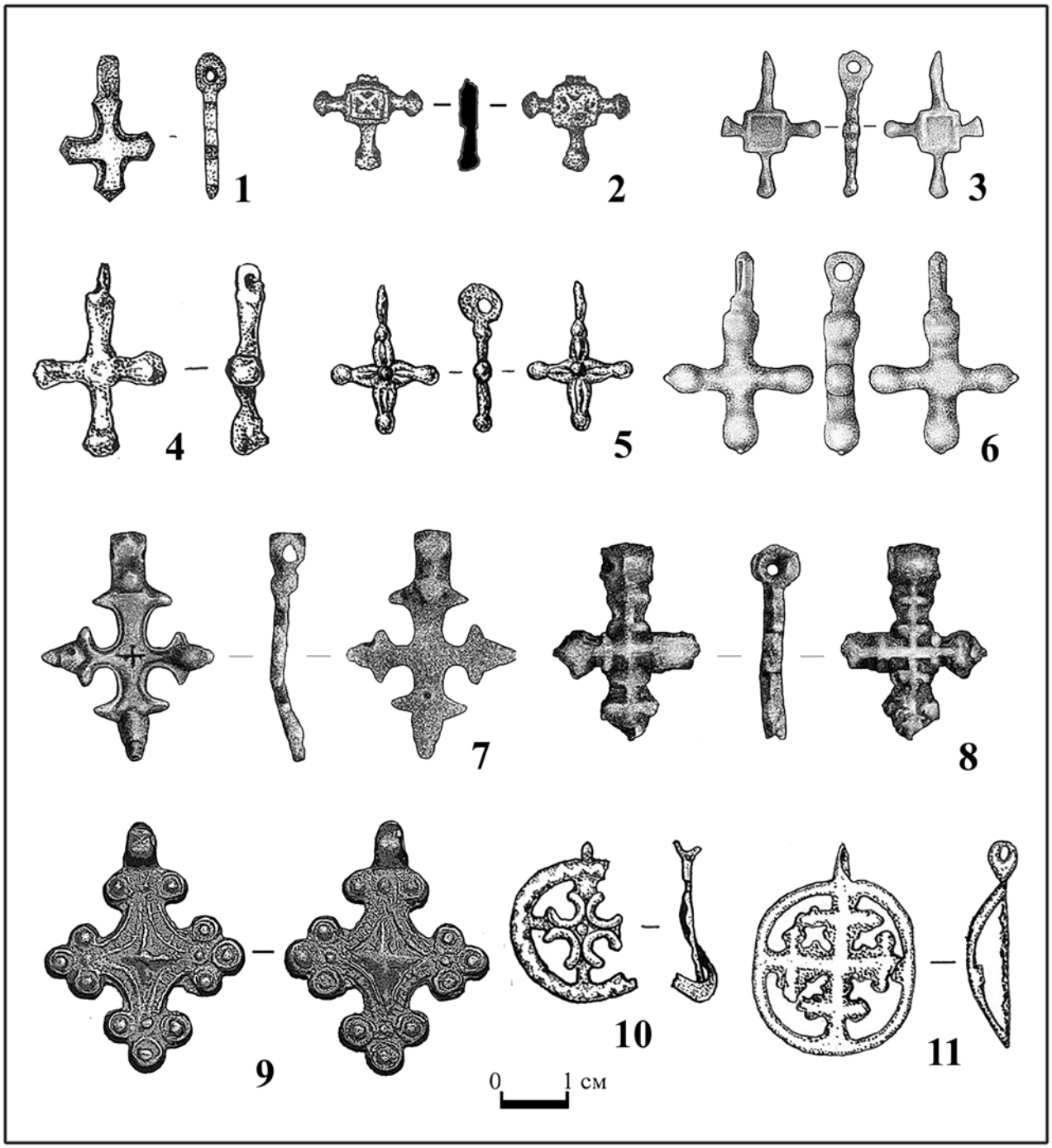


Рис. 1

Кресты-подвески с поселения и городища «Царский дворец» Гочевского археологического комплекса.

1 – Поселение (Стародубцев,1997. Рис.112,*4*); 2 – Поселение (Стародубцев, 1998. Рис. 40,*15*); 3 – ЦД (Стародубцев, 2016. Рис.47,*161*); 4 – Поселение (Стародубцев, 2003. Рис.7,*5*); 5 – ЦД (Стародубцев, 2009. Рис.175,*8*); 6 – ЦД (Стародубцев, 2016. Рис.11,*11*); 7 – ЦД (Стародубцев, 2015. Рис.24,*7*); 8 – ЦД (Стародубцев,2015. Рис.24,*8*); 9 – ЦД (Стародубцев, 2017); 10 – ЦД (Стародубцев, 2009. Рис.175,*17*); 11 – Поселение (Стародубцев, 2002).

ПЕРСТНИ ГОЧЕВСКОГО КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ

© **Т.А. Климова,** *Курск*

Статья посвящена анализу находок перстней в погребениях Гочевского курганного некрополя (конец X – начало XII вв.). Даётся характеристика основных особенностей размещения украшений по половозрастному принципу, выявляются связи погребального и прижизненного убора. К статье прилагаются таблица находок и диаграммы.

Ключевые слова: Гочевский курганный некрополь, погребальный костюм, комплекс украшений, перстни.

Гочевский курганный некрополь конца X – начала XII вв., расположенный в верховьях Псла на северо-востоке территории летописных северян (совр. Курская область), является одним из наиболее значительных археологических памятников такого рода на территории Восточной Европы. К началу XX века здесь насчитывалось более 3000 насыпей, однако из-за интенсивной распашки, вёдшейся на протяжении всего прошлого века, а также незаконных раскопок последних десятилетий, к сегодняшнему дню сохранились нетронутыми менее ста курганов. В связи с этим материалы, полученные при исследовании этого курганного комплекса в 1909 – 1915 гг. Д.Я. Самоквасовым, П.С. Рыковым, В.Н. Глазовым и В.С. Львовичем (коллекции ГЭ №816 – 819 и КГОМА №122, 125, 156 и 180) (Дневник, 1915; Самоквасов, 1915; Рыков, 1912; Глазов, 1913; Глазов, 1915; Львович, 1913) и 1995 – 2001 гг. (Стародубцев, 1995, 1996, 1997, 1999), имеют особое значение для изучения политической, этнической и культурной истории этого региона в период складывания здесь древнерусской культуры. В частности, они позволяют достаточно подробно воссоздать погребальный убор населения этих земель в XI – начале XII вв.

Среди гочевских находок довольно заметное место занимают перстни (126 экз. в 100 захоронениях). В данной работе рассматриваются особенности расположения этих украшений относительно тел погребённых, а также по половозрастному принципу. Вопросы типологии перстней рассматривались исследователями неоднократно (Недошивина, 1967; Сарачева, 1994), поэтому данная проблема в настоящей работе не затрагивается.

Перстни найдены в 100 из 668 погребений (15% от общего числа погребений Гочева). По типам их можно разделить на пять групп: «усатые», проволочные, пластинчатые, витые и подражания витым, редких типов (Рис. 1; Рис. 2). При этом количество перстней первых трёх типов практически одинаково, и они составляют 75% от общего числа находок.

При рассмотрении половозрастных особенностей распределения перстней в погребениях следует учитывать неполноту данных, объясняющуюся, во-первых, плохой сохранностью детских костяков, во-вторых тем, что во время раскопок, проводившихся в начале XX века, возраст погребённых указывался приблизительно, а пол определялся только по составу сопутствующего инвентаря. Поэтому наиболее достоверной можно считать статистику, относящуюся к погребениям взрослых, данные по погребениям других возрастов следует учитывать с поправками, тем большими, чем меньше количество учтённых погребений.

Детские погребения

Перстни (8 экз.) зафиксированы в 7 из 91 детского захоронения (4,4% от общего числа детских погребений) (Табл.1), причём по полу распределение следующее: украшения найдены в 6 из 46 погребений девочек (13% от числа погребений девочек),

в одном случае пол ребёнка, захороненного с перстнем, неизвестен, и ни разу данные украшения не зафиксированы в погребениях мальчиков.

Перстни в погребениях располагались следующим образом: в двух случаях они не были связаны с погребальным убором, являясь так называемым «милодаром» погребённому, четырежды перстни находились на правой руке и дважды – на левой. При этом в одном случае украшения носились одновременно на правой и левой руках.

Наиболее частыми в детских погребениях являются простые проволочные перстни с заходящими концами (в данном случае имеются в виду все гладкие проволочные перстни с неспаянными концами – разомкнутые, со сходящимися и заходящими концами.). Особо стоит отметить находку стеклянного перстня, являющегося довольно редким типом не только для курганов Гочева, но и в целом для древнерусских курганных памятников (Щапова, 1994. С. 90 – 92).

Погребения подростков

(указанный в отчётах или примерно определённый
по анатомическим данным возраст 12 – 15 лет).

Перстни (4 экз.) найдены только рядом с костяками девочек-подростков: 4 из 12 достоверно зафиксированных погребений (33% от числа погребений девочек-подростков и 30,7% от общего числа подростковых захоронений) (Табл. 2). В погребениях относительно тела они зафиксированы: дважды на пальцах правой руки, один раз на левой, и один случай – «милодар». При этом в трёх случаях перстни были витыми.

Погребения молодых людей

(указанный в отчётах или примерно определённый возраст 15 – 25 лет).

Перстни (10 экз.) найдены в 8 из 17 погребений женщин молодого возраста (47% захоронений молодых женщин, 30% от общего числа погребений молодых людей), рядом с мужскими костяками они не зафиксированы ни разу (Табл. 3).

В погребениях украшения были обнаружены семь раз на правой, один раз на левой руке (при этом один раз два перстня на правой руке, и один – на обеих руках), один раз в области кистей рук, в одном случае расположение украшения неизвестно. Наиболее часто встречающимся типом перстней в погребениях молодых женщин являются «усатые».

Погребения взрослых мужчин

В мужских погребениях перстни (20 экз.) обнаружены только в захоронениях взрослых мужчин (Табл. 4). Всего зафиксировано 18 погребений с перстнями из 126 погребений взрослых мужчин и из 145 достоверно мужских погребений всех возрастов (14% и 12,5% соответственно).

По расположению относительно тела погребённого украшения распределяются следующим образом: в 7 случаях перстни найдены рядом с телом, однако не входили в состав погребального убора, (возможно, в 3 случаях они все находились на пальцах рук, однако были перемещены с первоначального местоположения). В 10 случаях перстни находились на пальцах правой руки (в одном случае достоверно зафиксировано положение украшения на безымянном пальце) и в 3 – на левой руке. При этом отмечены два случая ношения одновременно двух перстней (на правой руке и на обеих руках соответственно).

Наиболее распространёнными типами перстней в мужских погребениях являются простые проволочные с заходящими концами, а также «усатые». Из редких сто-

ит отметить находку перстня, выполненного в технике ажурного плетения, а также проволочного перстня с плетёным щитком (распался при расчистке).

Погребения взрослых женщин

Перстни (73 экз.) обнаружены в 54 из 162 женских захоронений (Табл. 5), что составляет 33% от числа погребений взрослых женщин и 22% от общего числа женских погребений всех возрастов.

Относительно костяка украшения располагались следующим образом: в семи случаях перстни не связаны с погребальным убором, в двух погребениях украшения, вероятно, находились на пальцах рук, но определить особенности их ношения не представляется возможным, 41 раз перстни зафиксированы на правой руке (при этом дважды – на среднем пальце), 17 – на левой, в шести случаях точное положение украшений на кистях рук не указано. Относительно часты случаи ношения одновременно двух и трёх перстней: пять раз два перстня зафиксированы на пальцах правой руки, семь раз – на правой и левой, трижды отмечены случаи ношения трёх колец на правой и левой руках.

Чаще всего в женских погребениях встречаются проволочные, пластинчатые и «усатые» перстни (16, 23 и 21 экз. соответственно), причём среди «усатых» отмечены только два экземпляра перстней с ребром. Среди редких типов необходимо отметить два стеклянных перстня, а также три фигурнощитковых.

Погребения пожилых людей

Среди погребений Гочева исследователями начала XX века зафиксировано 5 погребений пожилых людей, и хотя расшифровка этого понятия не вполне ясна, данная возрастная группа, как и следующая за ней группа стариков, учитывается в данной работе. Перстни зафиксированы только в одном погребении пожилой женщины (33% от погребений пожилых женщин и 20% от общего числа захоронений этой возрастной группы) (Табл. 6, А). Всего найдено три перстня – два «усатых» (обычный и с ребром) на пальцах обеих рук, один (пластинчатый) являлся «милодаром».

Погребения стариков

Всего в Гочево исследователями начала XX века было отмечено 8 погребений стариков, из них 4 женских, в одном из которых находился пластинчатый перстень (Табл. 6, Б). Однако связать его с погребальным убором не представляется возможным, поскольку он находился в кротовине.

Погребения с костяками неопределённого пола

В отчётах о раскопках, проводившихся в начале XX века, значительная часть погребений отнесена к неопределённым. Главным образом это безинвентарные и малоинвентарные захоронения. Однако перстни зафиксированы и среди предметов из этих погребений (Табл. 7). Всего отмечено семь захоронений (3,5% от общего числа взрослых погребений неопределённого пола) с перстнями, при этом в трёх случаях связать данные украшения с погребальным убором не представляется возможным, дважды перстни находились на пальцах правой руки, и дважды – на левой.

Выводы

Перстни зафиксированы в 18,8% всех погребений Гочева. Они обнаружены в женских погребениях всех возрастов, (74 погребения, т.е. 30% из 244 достоверно женских). При этом отмечается постепенное возрастание количества перстней от 13% в детских погребениях к 47% в погребениях молодых женщин, что объясняется археологически и этнографически зафиксированным обычаем похорон девушек и молодых женщин в свадебном костюме, с большим числом украшений (Маслова, 1984. С.

92 – 93) (Рис. 3). В погребениях подростков и взрослых женщин процент перстней одинаков и составляет 33% от общего числа погребений этих возрастных групп. Данные по погребениям людей пожилого возраста и стариков из-за ограниченности статистики не могут в полной мере отражать реальную картину, однако с осторожностью можно говорить о постепенном уменьшении количества перстней в этих возрастных группах.

В мужских погребениях перстни встречаются намного реже и только в захоронениях взрослых мужчин (14% от общего числа погребений этой возрастной группы). При этом только в 10% погребений данные украшения связаны с погребальным убором. Возможно, к этой же половозрастной группе можно отнести и находки перстней в захоронениях взрослых неопределённого пола (семь погребений). Для мужских погребений с перстнями, в отличие от женских, характерно наличие украшений не в комплексе погребального убора, а в качестве «милодара» умершему.

Обращает на себя внимание традиция ношения перстней преимущественно на правой руке (Рис. 4), причём довольно часто – по два украшения на руке, а в двух случаях – два перстня на одном пальце. Случаи ношения перстня только на пальцах левой руки редки (однако стоит отметить, что в двух случаях, когда было зафиксировано положение стеклянных перстней относительно костяка, они носились именно на левой руке, вероятно, для большей сохранности редкого и довольно хрупкого украшения), но часто встречается вариант ношения перстней на обеих руках. Также стоит обратить внимание на два случая нахождения колец на среднем пальце; подобный обычай надевания кольца именно на средний палец умершего зафиксирован этнографическими источниками (Маслова, 1984. С. 91).

Сравнивая полученные данные с материалами других территорий Древней Руси, следует отметить схожесть процентного соотношения погребений с перстнями между гочевскими древностями и материалами Верхневолжья (соответственно 37% женских и 11,4% мужских захоронений) (Сарачева, 2009. С. 53, 63).

Обращаясь к вопросу соотношения «прижизненный/погребальный убор», следует отметить следующее обстоятельство: довольно чёткая корреляция количества перстней в женских захоронениях с возрастом погребённых соответствует этнографически зафиксированному обычаю ношения большего числа украшений девушками и молодыми женщинами, особенно в составе праздничного наряда, и подтверждает вывод об использовании в качестве погребального праздничного, вероятнее всего, свадебного комплекса украшений. О подобной взаимосвязи прижизненного и погребального убора свидетельствует и преобладание в погребениях молодых и взрослых варианта ношения перстня на правой руке, характерного для православного брачного обряда.

Таким образом, перстни являются характерной деталью женского погребального костюма девочек-подростков и женщин, а также для прижизненного праздничного наряда. Для мужского погребального костюма перстни не характерны, однако могут присутствовать в захоронении в качестве посмертного дара умершему.

Таблица 1. Перстни Гочевского курганного некрополя в детских погребениях

Расшифровка обозначений в таблицах: Р12 – Раскопки П.С. Рыкова, 1912 г., Г13 – Раскопки В.Н. Глазова, 1913 г., Г15 – раскопки В.Н. Глазова, 1915 г., Л13 – раскопки В.С. Львовича, 1913 г., С1909 – Раскопки Д.Я. Самоквасова, 1909 г., Ст1995 – Ст1999 – раскопки Г.Ю. Стародубцева, 1995 – 1999 гг.; *л.к.* – левая кисть, *п.к.* – правая кисть, *в погр.* – в погребении, *з.р.* – зона рук, *з.г.* – зона груди, *неизв.* – место находки неизвестно.

шифр	курган	пол	перстни	кол-во	расположение
Р12	46	ж	стекл.	1	*место находки неизв*
С 1909	CIII	?	провол. разомкн.	1	*л.к.*
С 1909	CVI	ж	усатый с ребром	1	*л.к.*
			витой с раск. конц.	1	*п.к.*
С 1909	CVIII	ж	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	CXII	ж	витой петлекон.	1	*в погр.*
С 1909	CXXII	ж	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	CXXIII	ж	провол. узкоконечн.	1	*п.к.*

Таблица 2. Перстни в погребениях подростков

шифр	курган	пол	перстни	кол-во	расположение
Р12	11в	ж	пластинч. широкосред.	1	*з.г.*
Г15	95	ж	витой с раск. конц.	1	*л.к.*
С 1909	XCVII	ж	витой	1	*п.к.*
С 1909	CXIII	ж	витой с раск. конц.	1	*п.к.*

Таблица 3. Перстни в погребениях молодых людей

шифр	курган	пол	перстни	кол-во	расположение
Р12	1в	ж	усатый	1	*зона рук*
Р12	12	ж	проволочн. рубч.	1	*неизв.*
Р12	62	ж	усатый	1	*п.к.*
Р12	73	ж	провол. разомкн.	1	*з.р. справа*
			витой тонкокон.	1	*п.к.*
Р12	76а	ж	пластинч. широкосред.	1	*п.к.*
Г13	39	ж	усатый	1	*л.к.*
			усатый	1	*п.к.*
С 1909	LXX	ж	перстень	1	*п.к.*
Ст1999	313	ж	пластинч.	1	*п.к.*

Таблица 4. Перстни в мужских погребениях

шифр	курган	пол	перстни	кол-во	расположение
Р12	1а	м?	усатый	1	*в засыпке*
Р12	37	м	витой обрубленнокон.	1	*зона локтя справа*
Л13	19	м?	плетёный	1	*п.к.*
Л13	26	м?	провол. разомкн.	1	*л.к.*
Л13	31	м?	усатый	1	*в погр.*
Г13	10	м?	провол. разомкн.	1	*л.к.*
Г13	30	м	пластинч.	1	*л.к.*
С 1909	I	м	витой с раск. конц.	1	*п.к.*
			провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	III	м	усатый с ребром	1	*з.р.*
С 1909	IV	м	провол. цельн.	1	*л.к.*
			пластинч.	1	*п.к.*
С 1909	Va	м	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	IX	м	усатый	1	*п.к.*
С 1909	XXII	м	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	XXIX	м	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	XXX	м	провол. разомкн.	1	*п.к.*
Ст1995	113	м	усатый	1	*з.р. справа*
Ст1997	301	м	ложновит. замкн.	1	*зона головы слева*
Ст1997	303	м	провол. с ажурн. щитком	1	*безымянный палец п.к*

Таблица 5. Перстни в погребениях взрослых женщин

шифр	курган	перстни	кол-во	расположение
Р12	23	пластинч.	1	*зона ступней справа*
Р12	27	ложновит. замкн.	1	*п.к.*
Р12	41	витой тонкокон.	1	*з.г.*
Р12	45	пластинч.	1	*п.к.*
		усатый	1	*л.к.*
Р12	54	усатый	1	*среди костей кистей рук*
Р12	58	усатый	1	*п.к.*
		стекл.	1	*л.к.*
Р12	79	перстень	1	*п.к.*
		провол. разомкн.	1	*л.к.*
Л13	13	пластинч.	1	*л.к.*
Л13	28	усатый	1	*п.к.*
		витой с раск. конц.	1	*п.к.*
Л13	32 (33)	пластинч.	1	*з.р. справа*
Г13	7	усатый	1	*в погр.*
Г13	8	усатый	1	*п.к.*
		пластинч.	1	*л.к.*
Г13	24	усатый	1	*л.к.*
Г13	32	усатый	1	*п.к.*
Г13	33	пластинч.	1	*средний палец п.р.*

шифр	курган	перстни	кол-во	расположение
Г13	41	провол. разомкн.	1	*на одной руке*
		провол. узкоконечн.	1	
		пластинч.	1	*з.р.*
Г13	71	провол. узкоконечн.	1	*л.к.*
Г13	83	ложновитой с раск. конц.	1	*п.к.*
Г13	84	провол. разомкн.	1	*п.к.*
Г13	98	стекл.	1	*л.к.*
Г13	101	пластинч.	1	*средний палец п.р.*
Г15	10	усатый	1	*л.к.*
Г15	14	рубчатый	1	*л.к.*
Г15	32	усатый	1	*л.к.*
Г15	35	усатый	1	*п.к.*
Г15	57	пластинч.	1	*п.к.*
Г15	85	рубчатый	1	*л.к.*
		витой с раск. конц.	1	*неизв.*
С 1909	XXXVIIa	пластинч.	1	*на пальцах п.р.*
		провол. разомкн.	1	
		провол. разомкн.	1	*л.к.*
С 1909	XXXVIII	пластинч. широкосред.	1	*п.к.*
С 1909	XXXIX	усатый	1	*в кротовине*
С 1909	XLII	провол. цельный	1	*л.к.*
С 1909	XLIII	пластинч.	1	*п.к.*
С 1909	XLIVa	усатый	1	*л.к.*
		провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	XLV	усатый	1	*п.к.*
С 1909	XLVI	пластинч.	1	*на одном пальце п.р.*
		провол. разомкн.	1	
С 1909	LXI	усатый	1	*п.к.*
С 1909	LXIII	провол. узкоконечн.	1	*п.к.*
С 1909	LXVI	плетёный из 7 проволок	1	*два перстня на одном пальце одной руки*
		фигурный	1	
		провол. разомкн.	1	*на пальце другой руки*
С 1909	LXVIII	усатый	1	*п.к.*
С 1909	LXXI	пластинч.	1	*п.к.*
		фигурный	1	
С 1909	LXXIII	провол. разомкн.	1	*п.к.*
		пластинч.	1	*п.к.*
С 1909	LXXVII	усатый с ребром	1	*в погр.*
С 1909	LXXIX	усатый	1	*п.к.*

шифр	курган	перстни	кол-во	расположение
С 1909	LXXX	пластинч.	1	*на одном пальце п.р.*
		фигурный	1	
С 1909	LXXXI	усатый	1	*п.к.*
С 1909	LXXXIII	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	LXXXVIII	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	XC	пластинч. широкосре-динный	1	*п.к.*
С 1909	XCVI	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	CXXVIII	усатый с ребром	1	*п.к.*
		пластинч.	1	*л.к.*
С 1909	CXXX	рубчатый	1	*п.к.*
		пластинч.	1	*л.к.*
С 1909	CCLX	пластинч.	1	*п.к.*
С 1909	CCLXI	витой петлекон.	1	*п.к.*
Ст1996	148	усатый	1	*зона бёдер справа*

Таблица 6. Перстни в погребениях пожилых людей и стариков

шифр	курган	пол	перстни	кол-во	расположение
А. Погребения пожилых людей					
Р12	106	ж	усатый с ребром	1	*Кисть одной руки*
			усатый	1	*Кисть другой руки*
			пластинч.	1	*зона голеней слева*
Б. Погребения стариков					
Р12	35	ж	пластинч.	1	*в кротовине*

Таблица 7. Перстни из курганов с костяками взрослых людей неопределённого пола

шифр	курган	перстни	кол-во	расположение
Г15	52	пластинч. широкосред.	1	*в погр.*
С 1909	CXXXIII	провол. разомкн.	1	*л.к.*
С 1909	CXXXV	пластинч.	1	*л.к.*
С 1909	CXXXVIII	провол. разомкн.	1	*п.к.*
С 1909	CXLIII	многочастный провол.	1	*п.к.*
С 1909	CCLXV	пластинч.	1	*в погр.*
С 1909	CCLXVIII	пластинч.	1	*в погр.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас Гочевских древностей. М., 1915

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915

Глазов В. Н. Отчёт о раскопках Гочевского могильника в 1915 г. //Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д. №93

Глазов В.Н. Отчёт о раскопках Гочевского могильника в 1913 г. //Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д. №123

Львович В.С. Дневник раскопок Гочевского могильника в 1913 г. //Архив ИИМК РАН. Ф.1.Оп.1.Д. №330

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских народных традициях и обрядах XIX – начала XX века. М., 1984

Недошивина Н.Г. Перстни. // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. М., 1967

Рыков П.С. Дневник раскопок курганного могильника близ городища с. Гочева Обоянского у. Курской губ. //Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 386

Сарачева Т.Г. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М., 1994

Стародубцев Г.Ю. Отчёт об охранных раскопках Гочевской древнерусской экспедиции в 1997 г. //НА КГОМА С I-96

Стародубцев Г.Ю. Отчёт об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского района Курской области в 1995 г. //НА КГОМА С I-79

Стародубцев Г.Ю. Отчёт об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского района Курской обл. в 1996 г. //НА КГОМА С I-87

Стародубцев Г.Ю. Отчёт об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского района Курской области в 1999 г //НА КГОМА С I-112

Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь, 2009

Щапова Ю.Л. Украшения из стекла // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997

THE RINGS OF THE GOCHEVO NECROPOLIS

Klimova T.A.

The article is devoted to the analysis of finds of rings in the burials of the Gochevo necropolis (the end of the 10th - the beginning of the 12th centuries). The characteristics of the main features of the placement of jewelry according to the sex and age principle are given, connections between the funerary and lifetime costume are revealed.

Key words: Gochevo necropolis, funerary suit, complex of ornaments, rings.

Подписи к рисункам

Рис. 1. Типы перстней Гочевского курганного некрополя

Пластинчатые: *а* – простой незамкнутый (курган CXXXV, Атлас, табл. XLVI); *б* – широкосрединный орнаментированный (курган XXXVIII, Атлас, табл. XVII); *в* – пластинчатый орнаментированный (курган CXXX, Атлас, табл. XLV).

Проволочные: *г* – простой незамкнутый (курган I, Атлас, табл. IX); *д* – тонкоконечный (курган LXIII, Атлас, табл. XXXII); *е* – рубчатый (курган CXXX, Атлас,табл. XLV).

Витые и ложновитые: *ж* – витой петлеконечный со стержнем в петле (курган CXII, Атлас, Табл. XLII); *з* – витой тонкоконечный (курган I, Атлас, табл. IX); *и* – витой с раскованными концами (курган CVI. Атлас, табл. CVI); *к* – ложновитой цельный (П.С. Рыков, раскопки 1912 г. Курган 27. Инв.№816/171).

Усатые: *л* – усатый орнаментированный (курган CCXXVII, Атлас, табл. XLV); *м* – усатый с ребром, орнаментированный (курган LXXVII, Атлас, табл. XXXVI).

Редких типов: *н* – стеклянный (В.Н. Глазов, раскопки 1913 г, курган 98. ГЭ Инв.№818/219); *о* – составной (курган CXLIV, Атлас, табл. XLVII); *п* – плетёный (курган LXVI, Атлас, табл. XXXIV); *р* – ажурного плетения (В.С. Львович, раскопки 1913 г., курган 19. ГЭ, Инв.№817/28); *с, т, у* – фигурнощитковые (курган LXXX, Атлас, табл. XXXVI; курган LXVI, Атлас, табл. XXXIV).

Рис. 2. Распределение перстней по типам

Рис. 3. Процент погребений с перстнями в разных половозрастных группах

Рис. 4. Число погребений с различными вариантами ношения перстней

Примечание: показаны только случаи нахождения перстней на пальцах рук, случаи с неопределённым первоначальным положением украшений и «милодары» не учитывались.

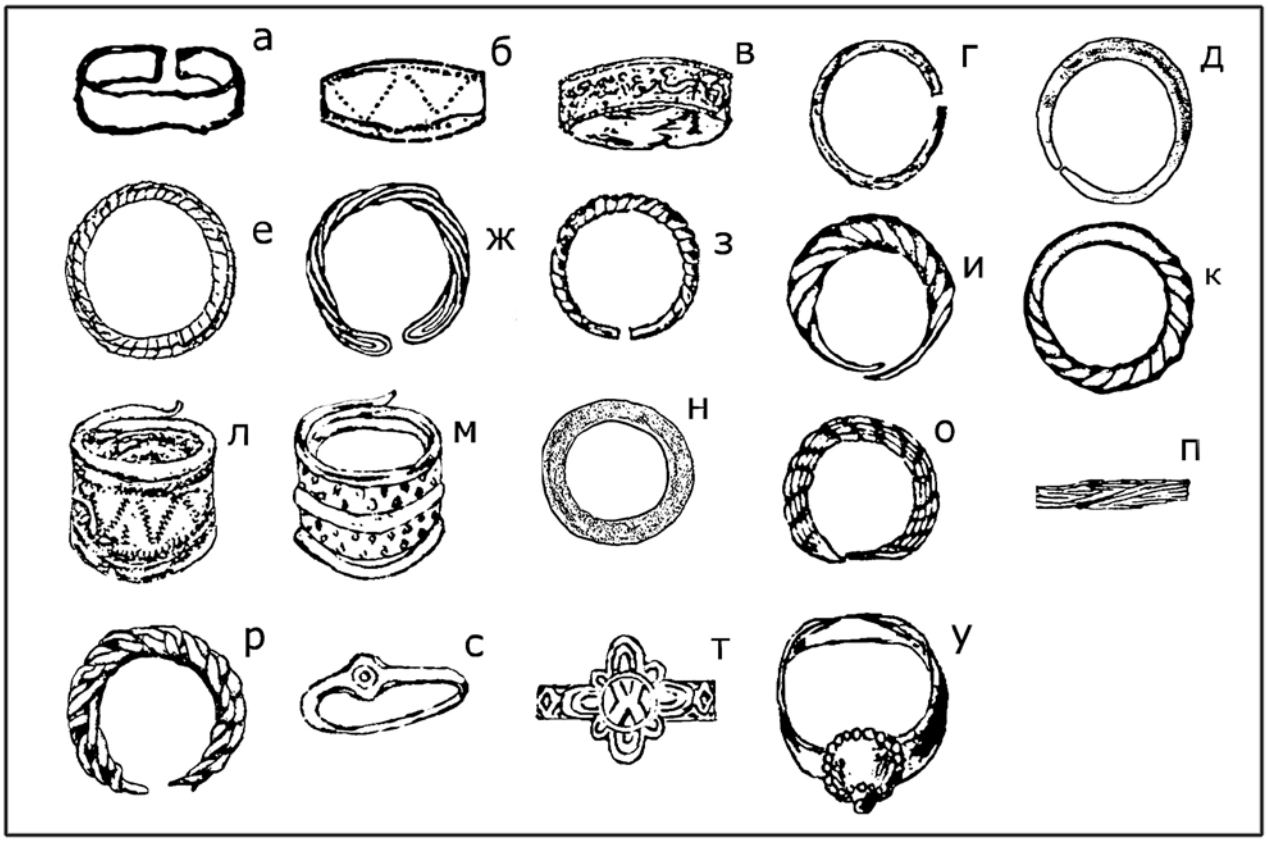

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с
т
у

Рис. 1

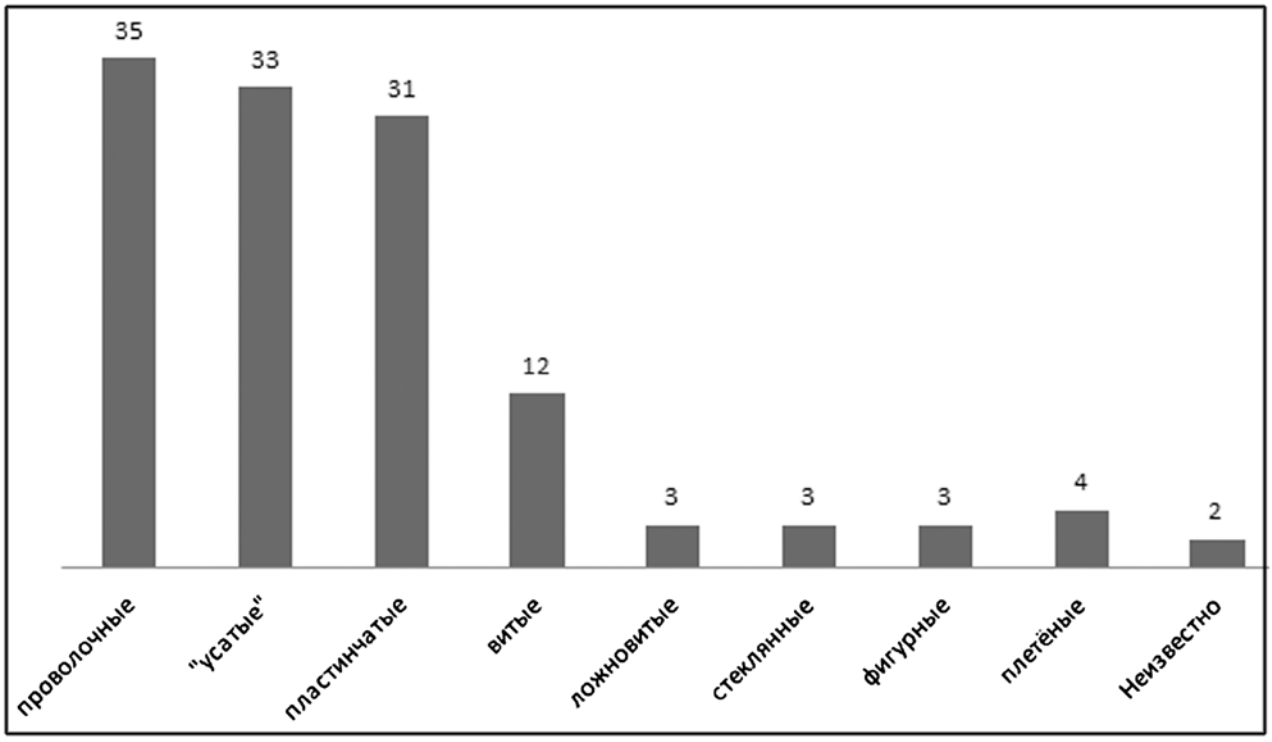

35
33
31
12
3
3
3
4
2
проволочные
"усатые"
пластинчатые
витые
ложновитые
стеклянные
фигурные
плетёные
Неизвестно

Рис. 2

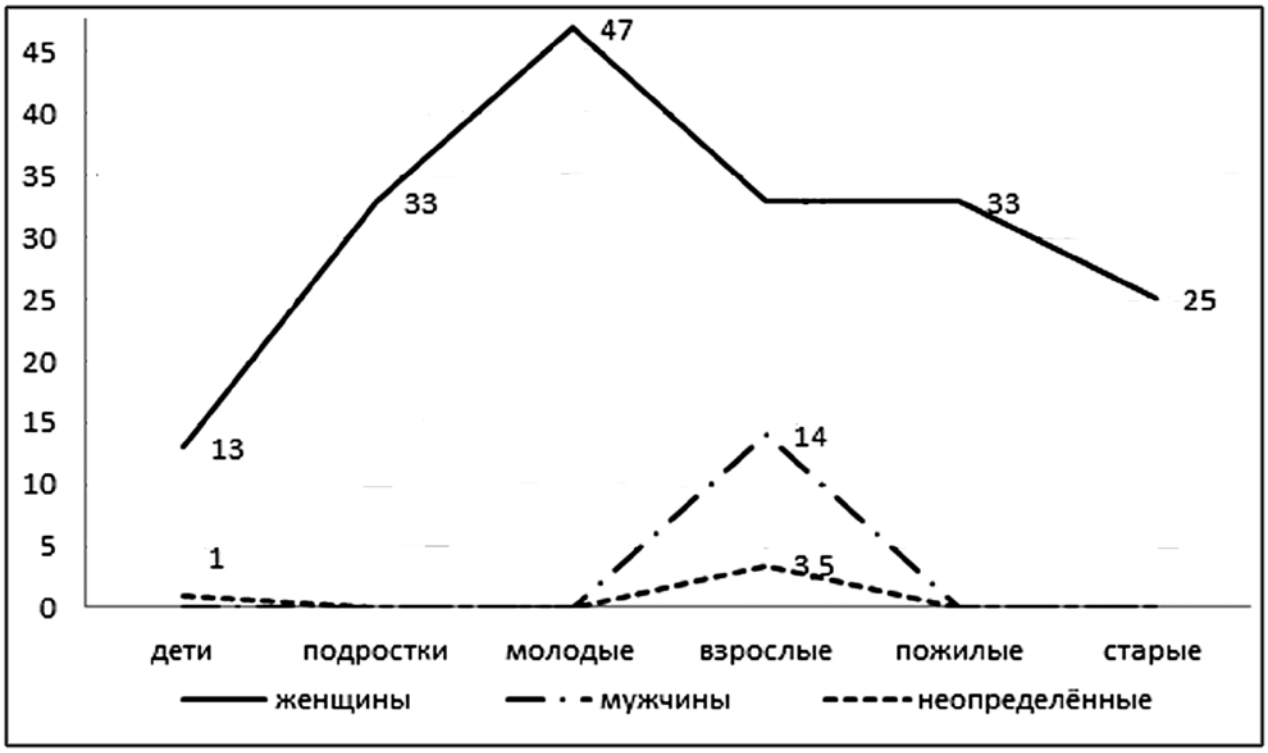

45
40
35
30
25
20
15
10
5
0
47
33
33
25
13
14
1
3,5
дети
подростки
молодые
взрослые
пожилые
старые
женщины
мужчины
неопределённые

Рис. 3

42
15
7
10
3
правая кисть
левая кисть
два на правой кисти
на обеих руках
три перстня на обеих руках

Рис. 4

ДРЕВНЕРУССКИЕ КЛАДЫ КУРСКОГО КРАЯ

© 2018 г. А.Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья является первой попыткой создания полного свода древнерусских денежно-вещевых и вещевых кладов, укрытых на территории Курского края в конце X – 1-й половине XIII вв. Клады распадаются на две хронологические группы, вероятно, связанные с крупными социально-политическими потрясениями 1-й четверти XI в. и 1237 – 1240 гг. Два кладовых комплекса вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Русские клады, русские ювелирные украшения, Курский край

Первое сообщение о находке в пределах Курского края[1] клада древнерусского времени относится к 1878 г. За прошедшие 140 лет число обнаруженных курских кладов конца X – 1-й половины XIII вв. увеличилось до 9. Поскольку сведения о них разбросаны по архивным делам и статьям в различных научных сборниках, автор предпринял попытку создания единого свода известных ему курских кладов древнерусского времени. Два клада (Больше-Алешнянский №8[2] и Железногорский 2013 г. №9) полностью вводятся в научный оборот впервые.

1) Путивльский уезд (Курская губерния). Вероятно, окрестности с. Пески Сумской области (Украина).

В «Могилах Русской земли» Д.Я. Самоквасов сообщал об обстоятельствах находки клада следующее: «В 1878 году Б.И. Ханенко сообщил мне, что в имении Ф.Н. Терещенко, в Путивльском уезде, Курской губернии, при распашке земли, был найден клад, состоявший из серебряных украшений – нашейников, ожерелий, браслет, колец и пр., и передал из этого клада в мое собрание древностей следующие предметы: серебряную узорчатую подвеску (281,–4181), серебряный перстень, с фигурною верхнею бляхою, украшенною узором под чернью (4182) и серебряный перстень с узорчатою ажурною верхнею половиною из тонкой серебряной проволоки (4183)» (Самоквасов, 1908. С.268).

Оставшаяся часть клада попала в Московский университет, откуда была передана Императорскому Российскому историческому музею. Согласно «Указателю памятников» музея за 1893 г. в витрине №10 зала №4 под №№1125 – 1139 были представлены колт, гривна, 8 лилиевидных привесок, каменная плитка в оправе, 2 перстня, часть серебряной пластинки, обломки ещё одного колта и привесок. Так же сообщалось, что место находки украшений «Курская губ. (?), местность ближе неизвестна. (Дар Ф.А. Терещенко, Колл. Моск. Унив.)» (Российский исторический музей, 1893. С.155 – 156).

Вероятно, Д.Я. Самоквасов передал Московскому университету один из хранящихся в его коллекции перстней ещё тогда, когда подаренные Ф.А. Терещенко украшения находились в МГУ. Только так можно объяснить присутствие в описаниях собраний Д.Я. Самоквасова и Исторического музея одного и того же украшения: «серебряный перстень, с фигурною верхнею бляхою, украшенною узором под чернью (4182)» (Самоквасов, 1908. С.268) и «1136. Серебряный перстень, состоящий из

[1] Под Курским краем автор подразумевает территории современных Курской и запада Белгородской областей (Россия), а так же части Сумской области (Украина), до 1920-х – 1950-х гг. входивших в состав Курской губернии/области.

[2] Два предмета (перстни) из Больше-Алешнянского клада ранее были введены автором в научный оборот (Шпилев, 2014. С.296-297. Рис.3,*3-4*).

пластинчатого кольца, расширяющегося к середине; к расширенной части кольца припаян плоский шестиугольный щиток с изображением креста, исполненным чернью и позолотой» (Российский исторический музей, 1893. С. 156). Лилиевидная подвеска и перстень с ажурным щитком из Путивльского клада могли быть подарены Д.Я. Самоквасовым музею позднее, уже после составления «Указателя памятников».

Необходимо отметить, что в работе Д.Я. Самоквасова отчество дарителя указано неверно («Ф.Н. Терещенко»), затем эта ошибка была повторена Г.Ф. Корзухиной (Корзухина, 1954. С.141), Т.И. Макаровой (Макарова, 1986. С.103) и другими исследователями. Среди землевладельцев Курской губернии 2-й половины XIX в. представителей рода Терещенко с такими инициалами нет. В «Указателе памятников» дарителем назван Ф.А. Терещенко. Фёдор Артемьевич Терещенко (1832 – 1894 гг.) был известным предпринимателем и коллекционером, находился в родственных и деловых отношениях с Б.И. Ханенко и владел поместьем в Путивльском уезде Курской губернии. Согласно Е.В. Холодовой, это имение называлось Глушец, состояло из 6 хуторов и располагалось на левом берегу р. Сейм в 10 верстах от ст. Ворожба (Холодова, 2007. С.105).

Вероятно, именно Ф.А. Терещенко передал Д.Я. Самоквасову несколько украшений из обнаруженного в Путивльском уезде клада и, таким образом, место его находки может быть определено окрестностями с. Глушец, слившегося в 1968 г. с с. Пески (совр. Бурынский р-н Сумской обл., Украина).

Единственная известная автору прорисовка вещей Глушецкого («Путивльского») клада (Рис.1, *1-7*) находится в кандидатской диссертации Е.А. Шинакова «Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – конце XIII века» (Шинаков, 1980. Таб. CLVII). Изображение одного из перстней так же присутствует в работе Т.И. Макаровой «Черневое дело Древней Руси» (Макарова, 1986. Рис.16, *№101*).

Согласно Г.Ф. Корзухиной, в состав клада входили:

1) «Гривна шейная серебряная, круто свитая из пластины, имеет вид почти трубки, полой внутри; концы пластинчатые, закрученные в трубочки» (Корзухина, 1954. С.141) (Рис.1,*1*).

2) Колты серебряные с изображением животного на черневом фоне с обнизью из шариков на трубочках – 2 шт. От одного колта сохранилось только несколько мелких фрагментов, у второго колта утеряна часть составляющих обнизь шариков и трубочек (Рис.1,*2*).

3) Подвески лилиевидные серебряные – 9 шт. (Рис.1,*3*). Одна подвеска сломана (Корзухина, 1954. С.141).

4) Перстни серебряные – 3 шт. (Рис.1,*4-6*). По Г.Ф. Корзухиной, «у одного из них к широкой части кольца припаян плоский шестиугольный щиток с изображением креста, исполненного чернью и позолотой [По Т.И. Макаровой, перстень «сильно помят, орнамент неясен» (Макарова, 1986. С.132). На прорисовке Е.А. Шинакова изображено плоское кольцо без щитка. См. Рис.1,*6* - А.Ш.]; от другого сохранился только щиток с узором в виде двух треугольников с усиками, обращенных вершинами друг к другу, рисунок нанесен зубчатой линией и покрыт чернью; у третьего перстня щиток ажурный, высокий, из тонкой проволоки [у Е.А. Шинакова изображён щиток без кольца]» (Корзухина, 1954. С.141).

5) «Прямоугольная каменная плитка зеленого цвета (яшма?), обделанная по краям в серебряную оправу с ушком вверху» (Корзухина, 1954. С.141) (Рис.1,*7*).

Клад хранится в Государственном историческом музее.

Г.Ф. Корзухина отнесла клад к группе русских кладов, зарытых между 70-ми гг. XII в. и 1240 г.

2) с. Стариково, Корочанский уезд (Курская губ., совр. Белгородская обл.)

В 1883 г. у села при распашке поля был найден денежно-вещевой клад (Рис.1,*8*; Рис.2). В Архиве ИИМК (г. Санкт-Петербург) хранятся прорисовки предметов, большая часть которых (украшения) была опубликована А.С. Гущиным в «Памятниках художественного ремесла Древней Руси X – XIII вв.» (Архив ИИМК РАН Ф. 1/1883. Арх. №32. Л.3об – 4; Гущин, 1936. С.66 – 67. Табл.XIII). Изображения колта и браслета из Стариковского клада так же приведены Т.И. Макаровой в «Черневом деле Древней Руси» (Макарова, 1986. Рис.20, *№149*; 48, *№249*).

Согласно А.С. Гущину, в Стариковский клад входили следующие вещи:

1) Гривна шейная серебряная (Рис.2,*3*). Сделана из одной перевитой полосы. Концы отломаны.

2) Обломок серебряной перекрученной полосы, подобной гривне №1, но более широкой. По предположению А.С. Гущина, может быть частью ещё одной более крупной шейной гривны (Гущин, 1936. С.67).

3) Колты серебряные – 2 экз (Рис.2,*1-2*). Каждый колт состоит из двух щитков с загнутыми назад краями, спаянными между собой. Щитки имеют обнизь из шариков. На одном колте сохранилось 11 шариков из 12, на другом – три. Согласно Т.И. Макаровой, «обнизь отличается необычайно высокими трубочками, на которые насажены шарики. Ни один мастер не повторил больше эту особенность, испортившую общий облик изделия» (Макарова, 1986. С.54).

Т.И. Макарова описывает помещенный на щитках колтов рисунок, как «одинаковое изображение древа жизни, состоящего из перевернутого крина и обрамляющих его пышных ветвей. Изображение выполнено гравировкой (след штихеля – пунктир), следы черни не сохранились. Г.Ф. Корзухина отмечает чернение. В настоящее время оно не заметно, углубления для черни не было» (Макарова, 1986. С. 136).

4) Серьги серебряные из проволоки с кольцом на одном конце и ромбообразным расширением со сквозным отверстием на другом – 2 шт. (Рис.2,*4*). На кольцо насажены три ажурные бусины из проволочных петелек. Бусины закреплены на кольце при помощи обмотанной вокруг стержня тонкой проволоки.

5) Серьги серебряные из проволоки – 2 шт. (Рис.2,*5*). Одна серьга сохранилась частично – половина кольца с петельчатым окончанием с двумя металлическими бусинами в виде шариков, составленных из спаянных между собой половин. Бусины закреплены на кольце при помощи обмотанной вокруг стержня тонкой проволоки. Расположенная у петельчатого окончания бусина меньшего размера в середине обрамлена поясом из двух рядов рубчатой проволоки. Вторая бусина более крупная, расположена в средней части кольца и украшена двумя поясками рубчатой проволоки с примыкающими к ним цепочками из соприкасающихся проволочных кругов. Верхняя часть кольца утрачена. Парная серьга сохранилась в обломках.

6) Серьги серебряные из проволоки – 2 шт. (Рис.2,*6*). Одна серьга сохранилась полностью. Она представляет проволочное кольцо, один конец которого расплющен и свёрнут в петлю, а второй имеет плоское овальнообразное окончание со сквозным отверстием посередине. На кольцо надеты три шарообразных металлических бусины. Две крайних меньшего размера, на одной (справа) сохранился поясок из рубчатой проволоки. Средняя опоясана тремя рядами рубчатой проволоки. Бусины закреплены на кольце при помощи обмотанной вокруг стержня тонкой проволоки. Парная серьга сохранилась в обломках.

7) Браслет серебряный (Рис.2,*8*). Украшение сделано из четырёх дротов, скрученных попарно. В середине дроты расходятся, а у концов сходятся спаянные вместе. Окончания браслета переходят в плоские со скруглёнными верхами наконечники, украшенными черневыми растительными завитками. По Т.И. Макаровой, «глубокой гравировкой изображены древо в копьевидном обрамлении, насечки – по краям и кружочки – в выступах. Чернь сохранилась хорошо» (Макарова, 1986. С.127).

8) Браслет серебряный из двух тиснённых створок, крепящихся на входящих в петли штырях (Рис.1,*8*; Рис.2,*7*). Одна створка сломана посередине. Каждая створка состоит из двух спаянных между собой продолговатых полос – нижней плоской и верхней с загнутыми назад концами. На каждой верхней полосе расположено по три круглых медальона разделённых валиками. Медальоны украшены гравировкой с применением черни. По Т.И. Макаровой, «в медальонах, в круге на черненом фоне, изображены пятилепестковые розетки (одна – четырехлепестковая). Они декорированы внутри пунктирной, а по краям — зигзагообразной гравировкой» (Макарова, 1986. С.94). Каждая створка браслета оканчивается схематичным изображением львиных морд. Т.И. Макарова датирует появление на Руси браслетов с львиными масками периодом «не ранее второй половины XII в.» и считает, что «небольшая группа браслетов с львиными масками несла определенную смысловую нагрузку. По всей видимости, основную роль в ней играли именно львиные маски, поскольку они всегда повторяются, составляя типическую черту этих браслетов, в то время как сюжеты, изображающиеся на медальонах, не остаются неизменными. Символика льва уходит в глубокую древность. На Востоке она многообразна: лев выступает как спутник божеств, эмблема царя и его охрана. В «Физиологе» – популярном в средние века в Западной Европе и на Руси трактате о животных, в котором реальные и фантастические звери получают символическое толкование, преобладает охранительное значение льва («Когда лев спит, очи его бодрствуют»). Очевидно, эту мысль воплощали и замыкающие браслет на запястье львиные маски с выразительными, заполненными чернью глазами. Охранительная сила львов подчеркивалась и усиливалась изображениями элементов древа» (Макарова, 1986. С.94,96,99).

9) Четыре обломка скрученных серебряных дротов.

10) Один серебряный стержень. По А.С. Гущину, «возможно, часть серёжной подвески с тремя бусинами» (Гущин, 1936. С.67).

11) Гривны монетные серебряные новгородского типа – 7 шт. Из них 5 целых и 2 половинки. Целые весом от 187,62 до 213,2 гр., половинки – 105,15 гр. (Корзухина, 1954. С.141). Вероятно, Г.Ф. Корзухина указала ошибочное число гривен, т.к. А.С. Гущин упоминает про 6 найденных слитков: «четыре серебряные монетные гривны целые и две половинки. Вес одной из них 213 ½ г.» (Гущин, 1936. С.67). У М.П. Сотниковой и И.Г. Спасского указано 5 хранящихся в Государственном Эрмитаже гривен и полтин – «3 широких с сильно закруглёнными концами слитка новгородского типа. Длина 147 – 145 мм, вес 197,53 – 187,63 г, 960º. На двух слитках по 8 нарезок. Инв. №518 – 520; 2 обрубка-полтины слитков того же типа, на одном из них – 9 нарезок. Длина 72 и 78 мм, вес 105,15 и 92,49 г, 960º» (Сотникова, Спасский, 1979. С.56). Учитывая, что одна монетная гривна была оставлена в церкви с. Стариково, общее число гривен и полтин в кладе равнялось 6.

Необходимо так же отметить, что у М.П. Сотниковой и И.Г. Спасского приведено неправильное название населённого пункта: вместо с. Стариково – «Старково» (Сотникова, Спасский, 1979. С.56).

Клад поступил в ИАК и был передан Эрмитажу.

Г.Ф. Корзухина отнесла Стариковский клад к группе русских кладов, зарытых между 70-ми гг. XII в. и 1240 г.

3) с. Коробкино, Шустовская волость, Льговский уезд (совр. Конышевский район).

В 1915 г. при вспашке поля найден денежно-вещевой клад (Рис.4,*3-4*). Фотография предметов из клада была опубликована в Отчете Императорской Археологической Комиссии за 1913 – 1915 годы (ОИАК, 1918. Рис.251). Прорисовки предметов содержатся в кандидатской диссертации Е.А. Шинакова «Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – конце XIII века» (Шинаков, 1980. Таб. CLI).

В состав клада входило 7 серебряных браслетов и золотая византийская монета:

1) Браслет из двух перекрученных дротов перевитых сканной проволокой. Концы украшения завязаны.

2) Браслет из четырёхгранного дрота (две грани покрыты пунсонными колечками) с завязанными концами.

3) Браслеты из четырёхгранного дрота с обрубленными концами – 3 экз.;

4) Браслеты из восьмигранного дрота с обрубленными концами – 2 экз.

6) Золотой византийский солид императоров Романа I Лакапина (920 – 944), Константина VIII Порфирородного (908 – 959) и Христофора (921 – 931). Монета обрезана.

Общий вес предметов клада – 409,5 г.

Клад хранится в Государственном Эрмитаже.

Г.Ф. Корзухина отнесла Коробкинский клад к группе русских кладов, зарытых во 2-й половине X в. и на рубеже X и XI вв.

4) с. Луговка, Грайворонский уезд (Курская губ., совр. Белгородская обл.).

1920-е гг. Согласно «Книге поступлений» Курского областного краеведческого музея, у с. Луговки, возле ст. Хотмыжск, при торфоразработках рабочей Егоровой было найдено 4 серебряных височных кольца: 1) Кольцо серебряное (2 х 2 см) с расположенным на нем одним шаровидным утолщением; 2) Кольцо серебряное (2 х 2 см) с расположенными на нем двумя шаровидными утолщениями; 3) Кольцо серебряное (2 х 2 см) с расположенными на нем тремя шаровидными утолщениями; 4) Кольцо серебряное проволочное (4 х 4 см) с надетой на него стеклянной бусиной.

В 1937 г. височные кольца поступили в КОКМ и, вероятно, были утрачены во время Великой Отечественной войны.

Имеющиеся в распоряжении автора сведения не позволяют сделать полноценное типологическое определение данных височных колец и время их бытования внутри древнерусского периода.

5) Белгородская область.

2008 г. Курско-белгородская граница.

На сайте «Форум Бел.Ру» (Белгородская область) месту находки и составу клада было посвящено следующее сообщение пользователя «ksey31» от 1.12.2012 г. [орфография источника сохранена]: «Ничего не сказано о Гочевском городище. Думаю из-за пограничного ныне положения оного. В 2008 году на Белгородской стороне в пойме Псла был найден небольшой клад. Осью которого являлась барма серебряная с позолотой, дуга которой к сожалению была переломлена пополам. Красивые колты с изображением грифонов (чернение), шейная гривна, браслет (выпадал по сюжету и был отнесен к хазарским), остатки перстня и половинка ещё другого браслета. Находился в 30 см от поверхности земли, лежал кучно». К сообщению прилагалось 8 фотографий входивших в состав клада предметов (Рис.5,*1*).

В 2017 г. клад был частично введён в научный оборот К.В. Ворониным, опубликовавшим 5 из 7 предметов клада: пластинчатое ожерелье с привесками, гривну, пластинчатый браслет и колты (Воронин, 2017. С.43 – 61). Необходимо отметить, что в публикации К.В. Воронина год и место находки («В 1987 году в окрестностях села Гочево Беловского р-на Курской обл.») не совпадают с указанными на белгородском сайте (2008 г., окрестности Гочевского городища «на Белгородской стороне в пойме Псла»). По мнению автора, более верные данные содержатся в сообщении «Форум Бел.Ру».

В состав Белгородского клада 2008 г. входили следующие вещи:

1) Колты серебряные с изображением птиц и сфинксов на черневом поле и обнизью из крупных шариков – 2 шт. (Рис.6,*1-2*).

У колта №1 в обнизи сохранилось 9 бусин-шариков (Рис.6,*1*). Согласно К.В. Воронину, размеры колта – 9,7 х 8,4 см, вес – 52,15 гр. Шарики обнизи пустотелые, диаметром 0,7 – 0,8 см, спаяны из чеканных полусфер толщиной 0,05 см, одеты на гладкую проволоку диаметром 0,1 см. Щиток колта собран из двух выпуклых округлых пластин с вырезом в верхней части 0,08 – 0,09 см. Пластины сделаны в технике выколотки и соединены между собой припаянными узкими полосками серебряного листа шириной 0,09 см. Шарнирный крепёж для подвешивания колта изготовлен из толстой проволоки диаметром 0,22 см и представляет собой приклёпанные к щитку округлые в сечении скобки с петельками высотой 2,3 см (Воронин, 2017. С.47).

На одной стороне колта изображена повернутая влево хищная птица. Над ней – три неровных полукруга с овальнообразными фигурами внутри. С клювом птицы соприкасается зигзагообразная линия, рядом с грудью расположено полукружье из двух линий. Птица замкнута в круг из двух полос: первая состоит из двух рядов соприкасающихся боковыми сторонами треугольников, вторая – из несомкнутых полукружий.

На второй стороне колта помещено изображение повёрнутого вправо крылатого сфинкса с процветшим хвостом. Лицо обращено к зрителю, тело стоит боком. Сфинкс заключён в фигурную рамку неправильной формы с остатками черни. Рисунок обрамлен кругом из двух переплетённых полос, поверх которого размещены полукружья с поперечными линиями в середине.

У колта №2 в обнизи 11 бусин-шариков (Рис.6,*2*). Согласно К.В. Воронину, размеры колта – 9,5 х 8,7 см, вес – 55,95 гр. С одной стороны колта изображена повёрнутая вправо хищная птица с процветшим хвостом. Птица заключена в фигурную рамку неправильной формы с остатками черни, из верхней части рамки выходит перевёрнутый крин. Рисунок обрамлён кругом из двух зигзагообразных линий. На обратной стороне колта изображен повёрнутый влево крылатый сфинкс с процветшим хвостом. Лицо обращено к зрителю, тело стоит боком. Сфинкс заключён в фигурную рамку неправильной формы с остатками черни. Из рамки у лица сфинкса выступают два листообразных образования. Рисунок обрамлен кругом из двух переплетённых полос.

По мнению автора, определение К.В. Ворониным изображённых на колтах сфинксов как львов ошибочно.

2) Ожерелье пластинчатое серебряное позолоченное с тремя подвесками, разломанное на две части (Рис.5,*2*).

Согласно К.В. Воронину, основу ожерелья составляет плоская литая пластина в виде полумесяца с тупыми окончаниями (Рис.5,*2д*). К окончаниям крепятся двойные петли из проволоки с расплющенными краями, припаянными к задней стороне пла-

стины (Рис.5,*2в средняя*). Расстояние между петлями – 12,5 см. На пластине дугой размещено семь гладких конусовидных округлых гнёзд высотой 0,6 – 0,7 см для вставок из синего стекла и горного хрусталя (Рис.5,2*г*). На нижнем краю пластины расположены три пары проволочных колец, припаянных расплющенными концами к задней стороне пластины (Рис.5,*2б, 2в левая*). К ним крепилось три восьмилепестковых подвески, каждая из которых соединялась с кольцами на пластине тремя проволочными петлями, припаянных расплющенными концами к задней стороне подвесок (Рис.5,*2б, 2в правая*).

Подвески изготовлены из слегка выпуклых фигурных пластин толщиной 0,12 см (Рис.5,*2а*). В каждом лепестке располагается гладкое конусовидное овальное гнездо высотой 0,6 – 0,7 см. В середине подвесок находится по ещё одному гнезду для вставки. Эти гнёзда более высокие и сделаны в виде фигурных розеток с волнообразными и заостренными выступами. По краям центральных гнёзд крестообразно припаяно четыре проволочных колечка с продольным рифлением поверхности шириной 0,4 – 0,5 см. К.В. Воронин считает, что они использовались для крепления несохранившейся обнизи из жемчуга.

Всего ожерелье имеет 34 гнезда, но синие стеклянные и прозрачные хрустальные вставки сохранились лишь в 22. Все вставки имеют овальную форму, выпуклую поверхность и плоское основание. Их размеры близки: длина – 1,3 - 1,4 см, ширина – 0,95 - 1,2 см и высота – 0,4 - 0,5 см. Вставки лежали в гнёздах на подкладках, состоящих из прослойки пасты на основе мела толщиной 0,3 – 0,4 см и, вероятно, органического материала. К.В. Воронин сообщает, что вставка на одной из подвесок (левая на Рис.5,*1-4*, верхняя на Рис.5,*2*,) была закреплена «на основании из текстиля, что, вероятно, связано с ремонтом этого украшения в древности». По мнению К.В. Воронина, на пластине синие и прозрачные вставки, вероятно, были закреплены поочерёдно. На привесках же синие стеклянные вставки были размещены в гнёздах перпендикулярно, «образуя таким образом четырёхконечные кресты, окончания которых маркируются этими синими вставками».

Края пластины и розеток украшены ложной проволочной сканью, а лицевая поверхность – узором в виде завитков и петель из сканной расплющенной нити, положенной на ребро и напаянной вокруг гладких оправок (Рис.5,*2г*). На проволочном узоре присутствуют петельки из тонкой гладкой проволоки, не дававшие ему сместиться перед пайкой. Лицевая сторона ожерелья покрыта позолотой бледно-желтого цвета, нанесённой с помощью огня, которым нагревалась ртутная амальгама с растворенным в ней золотом. Размер пластины – 23,4 х 17,9 см, размер привесок – 8,7 х 8,5, 8,6 х 8 см, 8,8 х 8,1 см. Общий вес ожерелья – 239,8 гр. (Воронин, 2017. С.52, 54 – 55).

3) Гривна шейная витая (Рис.5,*3*).

Согласно К.В. Воронину, «изящная немассивная витая гривна с спирально загнутыми концами наконечников, припаянными к стержню дрота, размером 18,9 х 13,8 см, весом 97,55 г, судя по присутствию на поверхности большого количества зеленоватых окислов, была изготовлена из низкопробного серебра со значительной примесью меди методами ковки, плетения и пайки… Дрот украшения с максимальным диаметром 1,1 см в средней части и диаметром 0,7 см в местах его примыкания к наконечникам свит из трех жгутов, каждый из которых скручен из проволоки толщиной 0,3 – 0,4 см. Наконечники гривны шириной 0,75 см в плоской части, откованные из пластины толщиной 0,12 см, были изготовлены отдельно от дрота…На гривне имеются следы ремонта, её поверхность потерта… Левый наконечник украшения некогда отсоединился от дрота гривны… При починке наконечник был вновь прикреп-

лен к дроту гривны плотно навитой нитью толщиной 0,08 см, зафиксированной узлом. Нить образовала пластичную муфту длиной около 2,2 см в месте соединения двух деталей… [Гривна] имела форму подковы и была сильно разогнута… Наконечники у гривны разведены на 15 см» (Воронин, 2017. С.43,45).

4) Браслет пластинчатый двустворчатый серебряный (Рис.6,*3*).

Согласно К.В. Воронину, «браслет-обруч весом 34 г… собран из двух литых пластин (длиной 7,4, шириной 4,5, толщиной 0,15 см) с шарнирным крепежом на окончаниях, основу которого составляют шесть плоских рифленых коротких колечек шириной 0,5 – 0,6 см и диаметром 0,7 – 0,8 см… Браслет украшен гравированными изображениями с элементами черни на фоне. Плотный, мелкий геометризированный рисунок структурно близкий к орнаменту, нанесен на лицевой плоскости пластин браслета внутри прямоугольников, ограниченных высоким прямоугольным бордюром из гладких рельефных прямых линий. На одной пластине браслета условно изображены сопоставленные фигуры хищников семейства кошачьих… Тела зверей с изогнутыми, горизонтально вытянутыми длинными хвостами помещены в профиль, их стилизованные морды ромбовидной формы показаны в фас… Вторая пластина браслета декорирована вытянутым горизонтально гравированным мотивом растительного орнамента из процветших побегов… в старину этот браслет был намеренно деформирован. Пластины обруча поджали друг к другу… В сомкнутом виде профиль браслета линзовидный…, максимальное поперечное расстояние между пластинами составляет 4,6 см, продольная длина украшения – 8 см» (Воронин, 2017. С.46 – 47). Изображённые на браслете звери имеют процветшие хвосты, между ними – изображение побега.

5) Браслета плетённого серебряного обломок (Рис.5,*5*). Форма окончания не понятна.

6) Перстня решетчатого обломок (Рис.5,*4*). На фотографии отверстия имеют треугольные очертания.

К.В. Воронин определяет клад как приклад (подвесное убранство) иконы древнерусского времени (Воронин, 2017. С.43). В качестве определяющего основания для этого выступают следы порчи на двух предметах (гривна и пластинчатый браслет) клада, делающие невозможным их ношение и произведённых намеренно, с целью последующего размещения на иконе (Воронин, 2017. С. 45 – 47).

На наш взгляд, определение рассматриваемого клада как набора священных даров является чисто гипотетическим построением К.В. Воронина, поскольку клад не содержит предметов или декоративных частей, которые можно точно связать с иконой или её убранством. Сильная разогнутость гривны и сплющенность браслета так же не могут служить основанием для отнесения этих украшений к священным дарам, т.к. испорченные вещи в древнерусских кладах домонгольского времени встречаются достаточно часто и их повреждения, вероятно, имеют более простые объяснение – порча вещей при укрытии, хранении или обнаружении.

По мнению К.В. Воронина, набор украшений из клада складывался на протяжении очень длительного времени – с последней трети XII в. до 2-й половины XIV в. включительно. «Корректно предположить, что в широком хронологическом диапазоне подвесной иконный приклад из Гочево в части серебряных женских украшений сформировался примерно в течение 130 лет: в период с последней трети XII века по конец XIII – начало XIV вв. Если попытаться выделить этапы формирования этого иконного убора в домонгольское время, то наиболее ранней драгоценностью из этого приклада, вероятно, первой, приложенной к иконе, является шейная гривна, время бытования которой, по М.В. Седовой, определяется периодом не позже начала XIII

столетия ... Появление колтов в этом иконном уборе, исходя из классификации Н.В. Жилиной и Т.И. Макаровой, вероятно, следует относить к первой трети XIII столетия, учитывая то, что в качестве подношения к иконе, несомненно, использовались актуальные в носке украшения. Конкретизировать время появления пластинчатого браслета в рассматриваемом комплексе, на мой взгляд, затруднительно. По статусу и ценности эти украшения, несомненно, являются не княжескими дарами священному образу, но дорогостоящими приношениями успешных представителей зажиточных слоев населения. Украшения различны по качеству серебра, массивности и стилистике декора. Этот факт, вероятно, так же свидетельствует и о том, что данные драгоценности не являются частью одного парадного женского убора, а подносились к иконе разными людьми» (Воронин, 2017. С.51 – 52). Пластинчатое ожерелье («гривенка с тремя восьмилепестковыми привесками»), по мнению К.В. Воронина, было изготовлено позже, специально для «несохранившейся домонгольской иконы во второй половине XIV века, в период её нахождения в Гочевском замке, как аристократическое украшение, созданное по обету ровно в вес всех женских серебряных драгоценностей, находившихся на почитаемой святыне к тому моменту» (Воронин, 2017. С.59).

По мнению автора, входящие в состав клада украшения, в том числе и не упомянутые К.В. Ворониным обломки витого браслета и пластинчатого решетчатого перстня, вполне обычны для выделенной Г.Ф. Корзухиной группы русских кладов домонгольского времени. Исключением является пластинчатое ожерелье с подвесками, соответствий которого автору не известно. Возможно, его присутствие в Белгородском кладе 2008 г. отмечает появление в наборе русских женских украшений домонгольского времени нового вида ювелирных изделий, начало бытования которого, предварительно, можно отнести к последним годам перед «Батыевым погромом». Вероятно, именно такие пластинчатые ожерелья послужили образцами при изготовлении гривенок и цат с подвесками, прикреплявшихся к русским иконным окладам в XIV – XVI вв.

6) Городище Кудеярова Гора (Льговский район).

2009 г. На юго-восточной (мысовой) части городища обнаружен денежно-вещевой клад (Рис.6,*4*). Клад был введён в научный оборот В.В. Енуковым и В.П. Лебедевым (Енуков, Лебедев, 2011. С.49 – 58).

В состав клада входило:

1) 23 обрезанных в кружок монет, 10 из которых являются вырезками из саманидских дирхемов X в., 1 – вырезкой из византийского милиарисия Иоанна Цимисхия (969 – 976 гг.) и 1 – вырезкой из дирхема Бувейхидов 974 – 978 гг. Остальные монеты определению не поддаются. Старшей монетой клада является вырезка из дирхема Ахмада бен Исмаила 911/12 гг. К младшим монетам с точно установленными датами выпуска относятся вырезки из дирхемов Саманида Нуха II бен Мансура 988/989 и 989/990 гг.

2) Бусина золотая полая шаровидная. Изготовлена из двух тонких тиснённых пластин. Украшение сильно смято. Согласно исследователям, «бусина относится к кругу русских древностей, а её находка является едва ли не самой ранней из числа аналогичных» (Енуков, Лебедев, 2011. С. 57).

По мнению авторов публикации, клад был укрыт на заброшенной площадке роменского городища уже в русский период истории региона. «С учётом «неревской» поправки, его тезаврация приходится примерно на первое десятилетие XI в.» (Енуков, Лебедев, 2011. С. 57).

7) Курская область.

2009 г. Между Курском и Курчатовом, неподалеку от р. Сейм обнаружен денежно-вещевой клад (Рис.7). Одна монета из клада хранится в фондах Курского государственного областного музея археологии (мультиплетный дирхем Нуха I бен Насра 953/54 гг., КМА 305/49/137) (Монеты Курского края, 2016. С.108). Остальные предметы клада известны по фотографиям. Клад был введён в научный оборот Г.Ю. Стародубцевым и В.П. Лебедевым (Стародубцев, Лебедев, 2015. С.159 – 168).

В состав клада входили:

1) Два серебряных гладких дротовых браслета (6 х 7см) с расширяющимися концами (Рис.7,*2,3*). Общий вес браслетов – 62 гр.

2) Бусина хрустальная с восемью гранями (Рис.7,*6*).

3) Бусина серебряная полая, овальная в продольном сечении (Рис.7,*4*). Концы бусины оформлены в виде выступающих цилиндров, боковая поверхность которых украшена двумя рядами зерни, идущих параллельно друг другу. Поверхность бусины декорирована поясками из проволоки и зерни. Между центральным и концевыми орнаментами располагаются два аналогичных рисунка из трёх крестов с расширяющимися концами, лопасти которых представляют собой равносторонние треугольники зерни.

3) Серебряный перстень в виде круглого кольца с усечённо-коническим округлым щитком, в который помещена округлая вставка серо-коричневатого цвета (Рис.7,*3*).

4) 18 саманидских дирхемов, 14 из которых являются мультиплетными подражаниями, не встречавшимися до этого в кладах Восточной Европы. Старшая монета – дирхем Исмаила бен Ахмада 902/903 гг. Младшая монета – мультиплетное подражание дирхему Нуха бен Мансура (976 – 997 гг.), прототип которого, по предположению Г.Ю. Стародубцева и В.П. Лебедева, был чеканен в начале правления этого эмира, в 970-х гг. Дирхемы входили в состав нагрудного ожерелья, т.к. 12 мультиплетных подражаний снабжены серебряными пластинчатыми ушками на одной заклёпке (у четырёх так же имеется по два сквозных отверстия, у двух – по три). Ещё два мультиплетных дирхема ушек не имеют. В одном пробито три, в другом – два сквозных отверстия. На монете с двумя отверстиями на лицевой и оборотной сторонах процарапано граффити: на о.с. – двузубец, на л.с. – трезубец. Изображения являются геральдическими знаками великих русских князей Святослава Игоревича (965 – 972 гг.) и Владимира Святославовича (980 –1015 гг.). Из оставшихся 4 дирхемов один снабжен ушком, у двух – по 1 сквозному отверстию и один имеет три надломанных отверстия.

По мнению авторов публикации, «данный набор женских украшений мог попасть в землю, вероятнее всего, не ранее конца X – первого десятилетия XI вв.» (Стародубцев, Лебедев, 2015. С.167).

8) д. Большая Алешня (Хомутовский район).

2009 или 2010 гг. Во время осенней распашки поля у д. Большая Алешня на глубине 30 – 40 см обнаружен клад серебряных украшений (Рис.3; 4,*1-2*). Автор смог ознакомиться с найденными вещами частично, описание остальных известно лишь по устному сообщению. Возможно, часть входивших в состав клада предметов осталась необнаруженной.

1) Перстень серебряный, литой (Рис. 3,*5*; 4,*2*). Вес – 8,75 гр. Общая длина – 24 – 26 мм (щиток в профиль имеет сильный наклон), ширина кольца у щитка – 23 мм. Щиток шестиконечный, в виде ромба со срезанными вершинами. Ширина – 26 мм, высота – 25 мм. На щитке помещено выгравированное и украшенное чернью изобра-

жение орла. В христианском символизме орёл олицетворял воскресение и новую жизнь, начавшуюся с крещенской купели или соотносился с образом Иисуса Христа (Шпилев, 2014. С. 297).

2) Перстень серебряный, литой (Рис.3,*4*; 4,*1*). Перстень сильно поврежден, кольцо и щиток сплющены, лицевая пластина щитка отделена от перстня. Общая длина сплющенного украшения – 36 мм. Лицевая пластина шестиконечная, в виде ромба со срезанными вершинами. Ширина – 16 мм, высота – 16 мм. На щитке помещено выгравированное изображение крина, который в христианской символике является одним из символов рая (Шпилев, 2014. С. 297).

3) Бусины серебряные тиснённые шарообразные с уплощёнными вершинами – 7 или 8 шт. (Рис.3,*2*). Для осмотра было доступно три бусины в виде полых внутри шариков (∅13 мм). Бусины нанизаны на серебряный стержень, входные отверстия на вершинах обрамлены кольцами из сканной проволоки. На двух сохранилась обмотанная вокруг стержня тонкая сканная проволока, при помощи которой бусины крепились на стержне.

Поверхность бусин покрывает узор из напаянной сканной проволоки в виде трёх кругов. Внутри каждого круга помещён цветок. Цветок состоит из четырёх лепестков, крестообразно расходящихся от шарика зерни. Стилистически близкий узор, но сделанный из гладкой проволоки, присутствует на височном кольце из собрания Русского музея (Клады Древней Руси…, 2015. Рис.153).

Вследствие неполной сохранности предметов, не совсем понятно, к какому виду украшений они относятся – к височным кольцам или к трёхбусинным проволочным дужкам-накладкам от очелья.

4) Колодочки тиснённые подпрямоугольные (7 х 25 мм) серебряные – около 15 шт., одна колодочка была с цепочкой. Для осмотра было доступно 6 украшений (5 целых и один обломок) с гладкой внутренней частью и внешней, состоящей из семи гладких поперечных выпуклых валиков и двух куполообразных окончаний (Рис.3,*3*).

Подобные украшения достаточно часто находят в русских кладах 1170-х гг. – 1240 г. По мнению исследователей они входили в состав подвесок для крепления колтов – «рясен» или «ряс». Согласно С.С. Рябцевой, «в целом выделяется несколько вариантов ношения ряс из тиснённых колодочек. Часто упоминаемый в литературе вариант со сложенной рясой логичен, но пока не документирован находкой in situ. Документированы варианты крепления колтов к цепочкам ряс (на экземплярах без концевых пластинок) и к колечкам, прикреплённым к концевым пластинкам» (Рябцева, 2017. С.506).

Тиснённые колодочки не только составляли «рясны», но и входили в состав шейных украшений. Так, в 1947 г. Р.Л. Розенфельдт при исследовании Липинского бескурганного могильника (Курская область) на шее костяка женского погребения №1 обнаружил «ожерелье или воротник» из 29 целых и нескольких разрушенных металлических колодочек. «Колодочки… изготовлены из тонкого серебряного позолоченного листа при помощи тиснения на матрицах. На полукруглой лицевой стороне каждого лоточка рельефный орнамент в виде пяти поперечных валиков, а на концах лоточка – по стилизованной морде животного. С боков каждого лоточка по два небольших отверстия. При помощи тонких ниток лоточки … нашивались на узкую полоску полотна, которая в свою очередь была натянута на полоску кожи шириной в длину колодочек. Между колодочками и по краю этого ожерелья или воротника, сохранились остатки обнизки из мелкого темно-синего бисера… Кожаная лента с нашитыми на неё колодочками найдена сложенной вдвое на шее погребённой. Верхняя

часть ленты лежала колодочками вверх, а нижняя колодочками вниз. Выше левого плеча костяка, рядом с ожерельем встречена небольшая круглая медная позолоченная пуговица с квадратным ушком… Ожерелье из Липинского могильника … не может быть датировано временем ранее XIII в.» (Розенфельдт, 1958. С.91 – 92. Рис.31).

К сожалению, в связи с неполным составом набора колодочек Больше-Алешнянского клада уверенно отнести их к составляющим головных (ряс) или шейных (ожерелье) украшений не представляется возможным. Сообщение о том, что одна из колодочек имела цепочку, может являться косвенным свидетельством в пользу вхождения этих колодочек в состав ряс.

5) Гривна свитая из двух проволок. Внешний вид не известен.

6) Колта половина. Внешний вид не известен.

Клад относится к выделенной Г.Ф. Корзухиной группе русских кладов, зарытых между 70-ми гг. XII в. и 1240 г.

9) Железногорский район.

2013 г. На берегу реки Свапы в окрестностях Ратмановского городища найден вещевой клад состоящий из 8 железных предметов[3] (Рис.8):

1) Удила с прямыми стержневидными псалиями увенчанными шишечками и снабжёнными боковым фигурным щитком с двумя отверстиями – 4 шт. ЖКМ/ОФ-23137 – 23140 (Рис.8,*4-7*). По классификации А.Н. Кирпичникова, все удила клада относятся к I типу, широко распространённому на Руси в IX – XI вв. «Древнейшие встречены в памятниках примерно IX в. – Старая Ладога, Федяшево и Саркел; позднейшие – из Вышгорода и Белой Вежи – частично можно связать с XI в. … По-видимому, ко второй половине XI в. описанное устройство повсеместно начинает исчезать и не только на Руси» (Кирпичников, 1973. С.14. Рис.4).

2) Стремена подтреугольные с выгнутой подножкой и пластинчатой петлей для ремня – 2 шт. ЖКМ/ОФ-23141 – 23142 (Рис.8,*1-2*). По классификации А.Н. Кирпичникова относятся к I типу стремян, являющихся «основными и господствующими в дружинных погребениях X в. … Датировка стремян рассматриваемого типа укладывается в рамки 900 – 1000 гг., и только в районе Цимлянской встречены, по-видимому, несколько более поздние образцы» (Кирпичников, 1973. С.47, Рис.29).

3) Пряжка подпружная пятиугольная со слегка вогнутыми боковыми краями. От язычка сохранилась только петля на рамке пряжки. ЖКМ/ОФ-23143 (Рис.8,*3*). Согласно А.Н. Кирпичникову, подобные пряжки встречены в конских захоронений IX – XI вв. Киевского Поросья (Кирпичников, 1973. С.76).

4) Топор узколезвийный проушный. Лезвие слегка изогнуто, со скошенной рубящей поверхностью. ЖКМ/ОФ-23136 (Рис.8,*8*). Узколезвийные проушные топоры достаточно широко представлены в балтских и финно-угорских средневековых древностях, однако наиболее типологически близким курской находке среди известных автору соответствий является топор из г. Поставы (Белоруссия). М.Ф. Гурин датировал его IX – X вв. и «по типологическим признакам» отнёс к боевым топорам, указав, что «аналогичные предметы были распространены в Западной Белоруссии и Восточной Литве» (Гурин, 1987. С.55, 136. Рис.21,*1*; Фото 1;*1*). Необходимо отметить, что курский топор примерно на треть длиннее топора из Постав.

[3] Сведения о предметах клада даются в обобщённом виде. Более подробно Железногорский клад 2013 г. будет введён в научный оборот А.А. Андреевым.

Клад хранится в Железногорском краеведческом музее (г. Железногорск, Курская область).

По мнению автора, набор предметов из Железногорского клада 2013 г. входит в круг «русских древностей», появившихся на курских землях в конце X в. Вероятная дата его укрытия – 1-я половина XI в.

Итоги

Все рассмотренные в статье русские клады конца X – 1-й трети XIII вв. достаточно чётко распадаются на две части.

В первую входят клады, укрытые в конце X – 1-й половине XI вв. (№№3,6,7,9). Некоторые содержащиеся в них предметы (браслеты и подвески из клада №7, удила клада №9) характерны и для предшествующего «северянского» периода истории Курского края, но большинство украшений (металлические бусины кладов №6 и 7, браслеты клада №3, перстень клада №7), относятся уже к «русским древностям». Эти вещи, вероятно, были принесены переселенцами, которых правители Руси направляли в курские земли после их окончательного вхождение в государство Рюриковичей в конце X в.

Возможной причиной укрытия этих кладов могла стать жестокая междоусобица, вспыхнувшая между Святополком и Ярославом после смерти Владимира Святославовича в 1015 г. и закончившаяся смертью Святополка в 1019 г.

Менее вероятной причиной выпадения кладов могла быть усобица между Мстиславом и Ярославом в 1023 – 1024 гг., т.к. «Повесть временных лет» не упоминает конфликтов между Мстиславом и населением Днепровского Левобережья при его вокняжении в Чернигове, а решающее сражение при Листвене произошло на границах признавших его власть земель. Возвращение Днепровского Левобережья под власть Ярослава после смерти Мстислава в 1036 г. так же не отмечено в летописи какими-то военными столкновениями, могущими повлечь за собой выпадение кладов.

Вторая часть курских кладов (№№1,2,5,8) входит в выделенную Г.Ф. Корзухиной группу русских кладов, зарытых между 70-ми гг. XII в. и 1240 г. Большинство исследователей считают причиной выпадения этих кладов монгольское нашествие на русские земли в 1237 – 1240 гг. (т.н. «Батыев погром»). Курские клады могли быть укрыты в 1239 г., во время разорения монголами Великого княжества Черниговского, в которое тогда входил и Курский край.

Отнесение к одной из групп Луговского клада (№4) невозможно из-за отсутствия данных для полноценного видового определения входивших в его состав височных колец.

Благодарности

Автор благодарит директора и главного хранителя фондов Железногорского краеведческого музея Т.Г. Моталыгину и О.В. Белашову, младшего научного сотрудника Курского государственного областного музея археологии А.А. Андреева, кандидата архитектуры Е.В. Холодову (Курск) и Д.А. Акулова (Железногорск) за помощь при работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронин К.В. Об уборе одной из икон древнерусского времени // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2016 г. / Труды Столичного археологического бюро. Т.I. М., 2017

Гурин М.Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX – XIII вв. Минск, 1987

Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X – XIII вв. Л., 1936

Енуков В.В., Лебедев В.П. Клад дирхемов с городища Кудеярова Гора // Stratum plus. №6, 2011

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // САИ Е1-36. Л., 1973

Клады Древней Руси в собрании Русского музея. Альманах. Вып. 457. СПб., 2015

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX – XIII вв. М.-Л., 1954

Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986

Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии. Каталог. Курск, 2016

Отчет ИАК за 1913 – 1915 годы. Петроград, 1918

Розенфельдт Р.Л. Липинский бескурганный могильник // КСИИМК. Вып.72, 1958

Российский исторический музей. *Указатель памятников*. М., 1893

Рябцева С.С. Древнерусские женские головные уборы с рясами и колтами // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908

Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI – XX веков. Материалы и исследования. Л., 1979

Стародубцев Г.Ю., Лебедев В.П. Клад украшений и монисто со знаками Рюриковичей из Курской области: предварительное сообщение // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII – XI вв. Материалы докладов и сообщений. СПб., 2015

Форум Бел.Ру / Древние поселения и культуры в БО / http:// forum. bel.ru/ index.php?showtopic=60998&st=20 (последнее посещение 6.04.2018)

Холодова Е.В. Пореформенные усадьбы Курской губернии 1861 – 1917 годов. Курск, 2007

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – конце XIII века. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1980 // НА КГОМА. IV-3,4

Шпилев А.Г. Перстни с христианской символикой конца X – XVII вв. из Курской области // Stratum plus, №6, 2014

THE HOARDS OF ANCIENT RUS' OF THE KURSK REGION

A.G. Shpilev

The article is the first attempt to create a complete set of ancient Russian monetary-commodity and commodity hoards hidden in the territory of the Kursk region at the end of the Xth – the first half of the 13th century. The treasures are divided into two chronological groups, probably connected with the major socio-political upheavals of the first quarter of the XI century and 1237 - 1240 years. Two treasure complexes are introduced into scientific study for the first time.

Keywords: Russian treasures, Russian jewelry, Kursk region

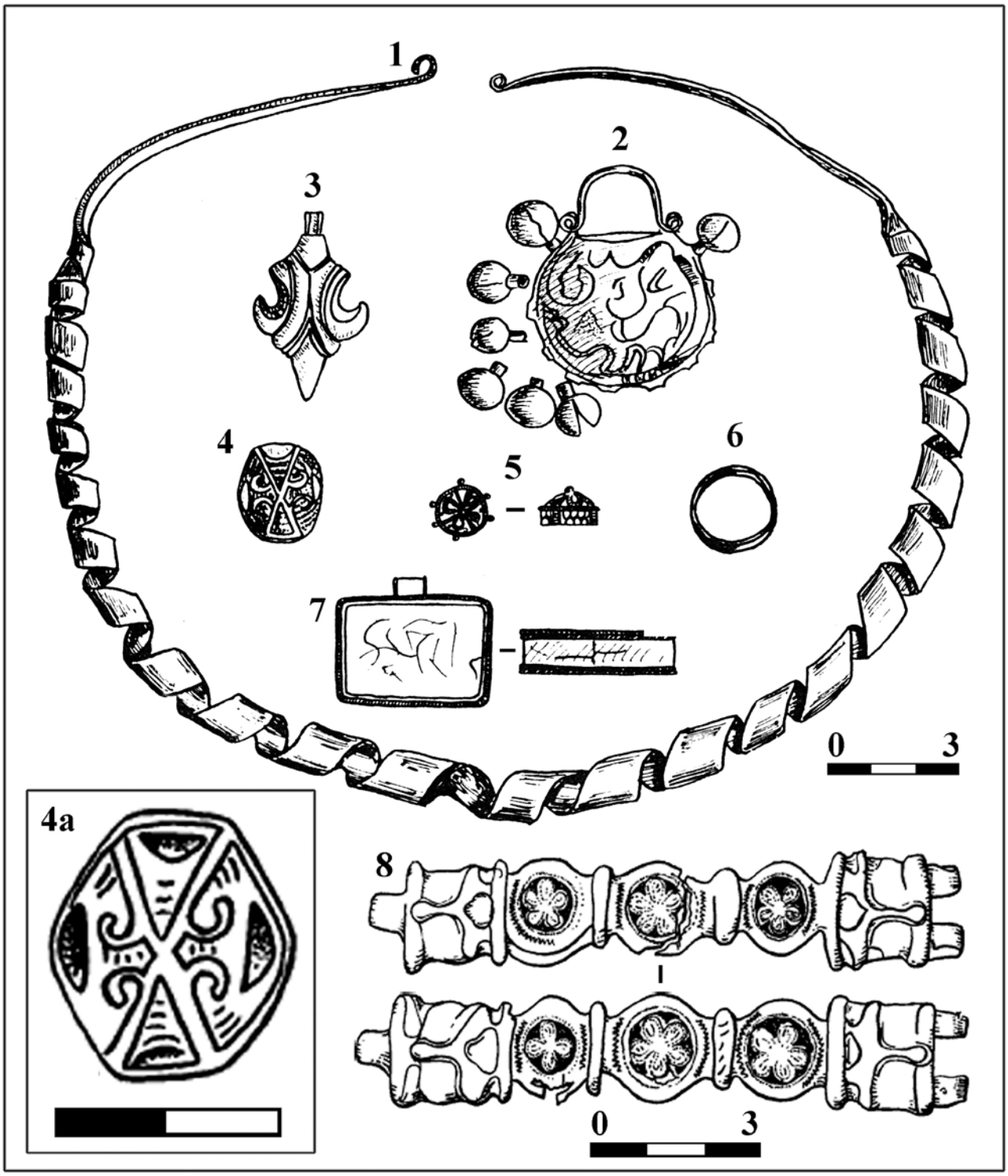


Рис.1
1 – 7 – Глушецкий («Путивльский») клад (по Е.А. Шинакову, 1980)
4а – Щиток перстня. Глушецкий клад (по Т.И. Макаровой, 1986)
8 – Браслет. Стариковский клад (по Т.И. Макаровой, 1986)

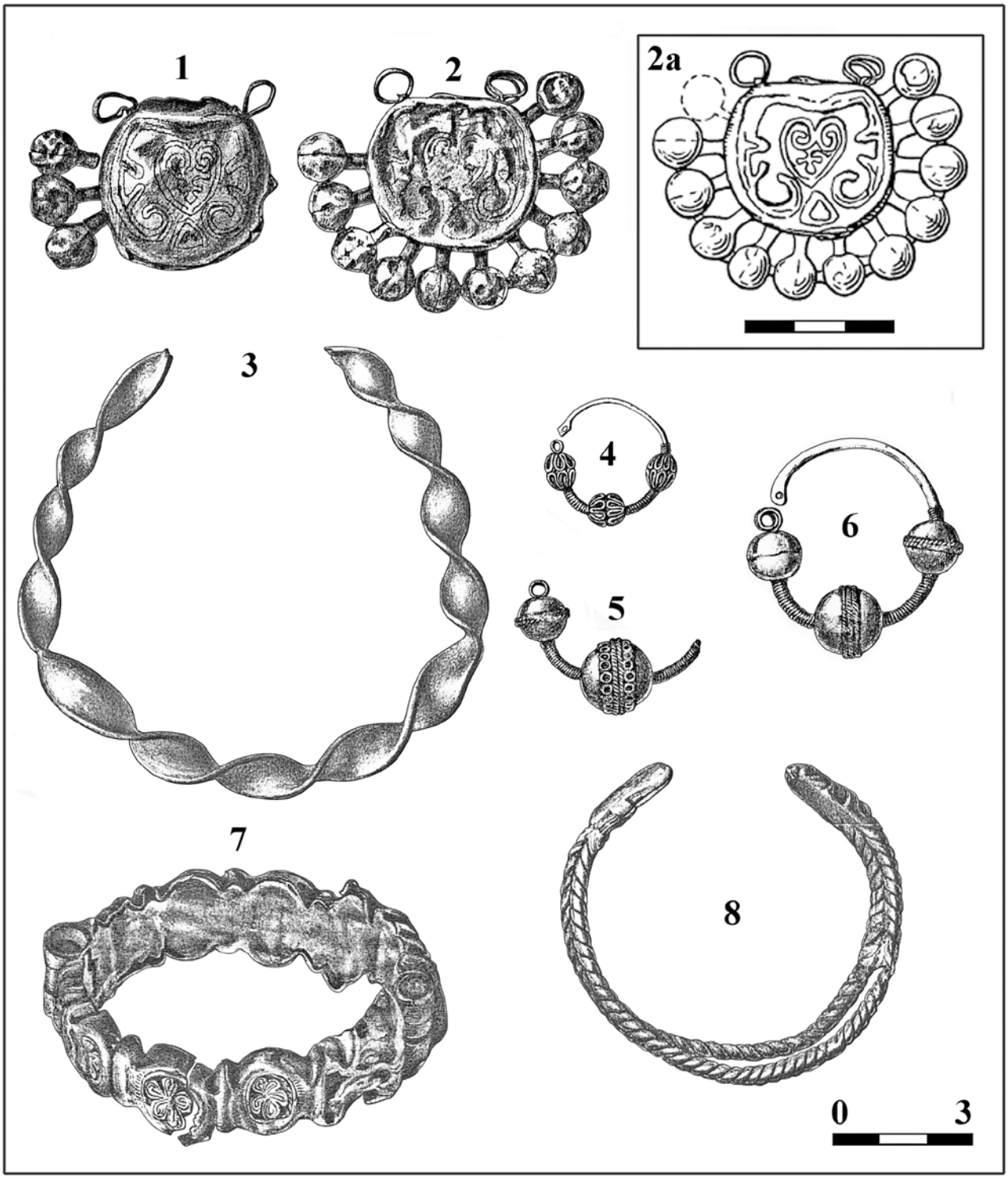


Рис.2
1 – 8 – Стариковский клад (по А.С. Гущину, 1936)
2а – Колт. Стариковский клад (по Т.И. Макаровой, 1986)

Рис.3
1 – 5 – Больше-Алешнянский клад

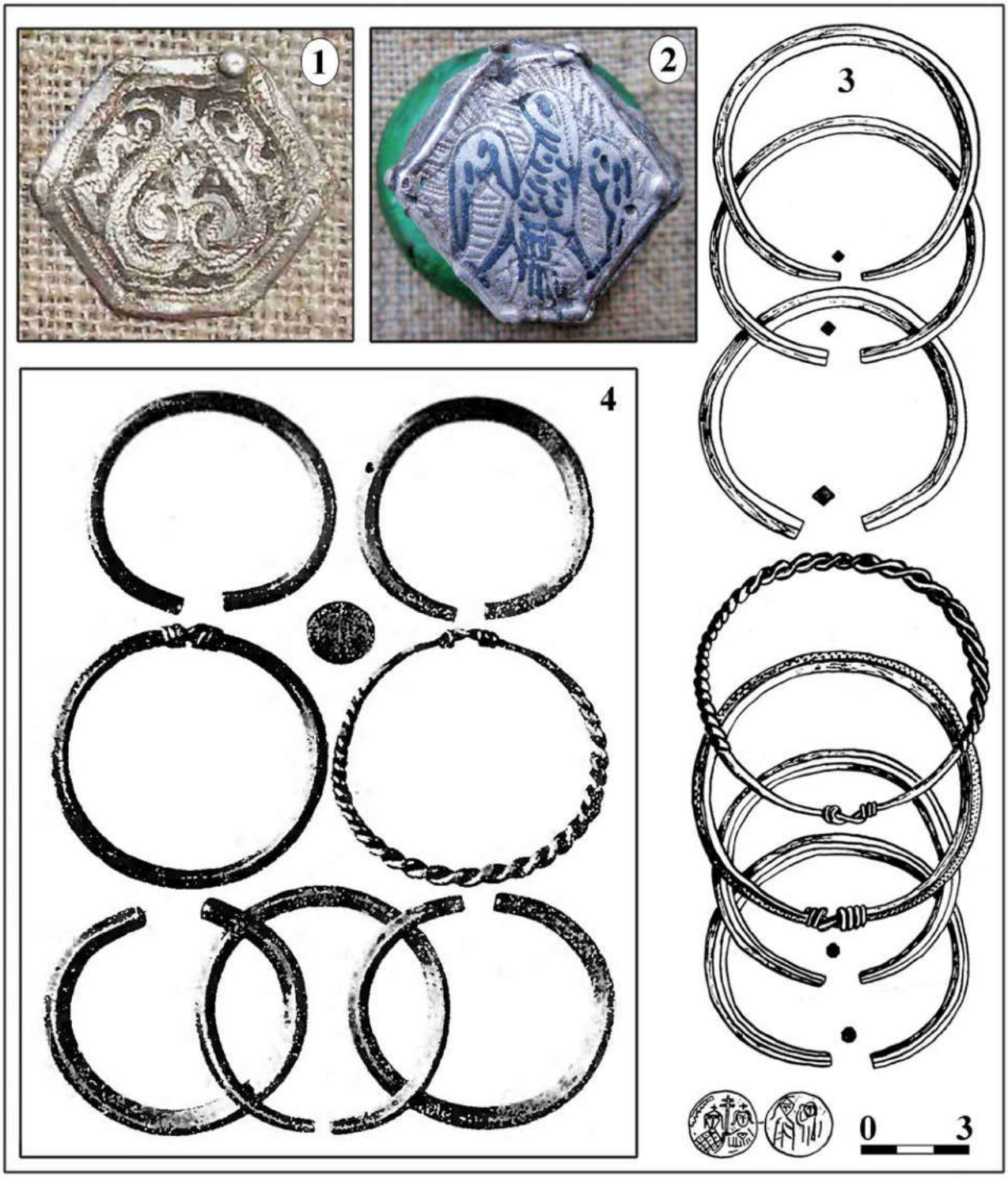


Рис.4
1 – 2 – Больше-Алешнянский клад
3 – Коробкинский клад (по Е.А. Шинакову, 1980)
4 – Коробкинский клад (по ОИАК, 1918)

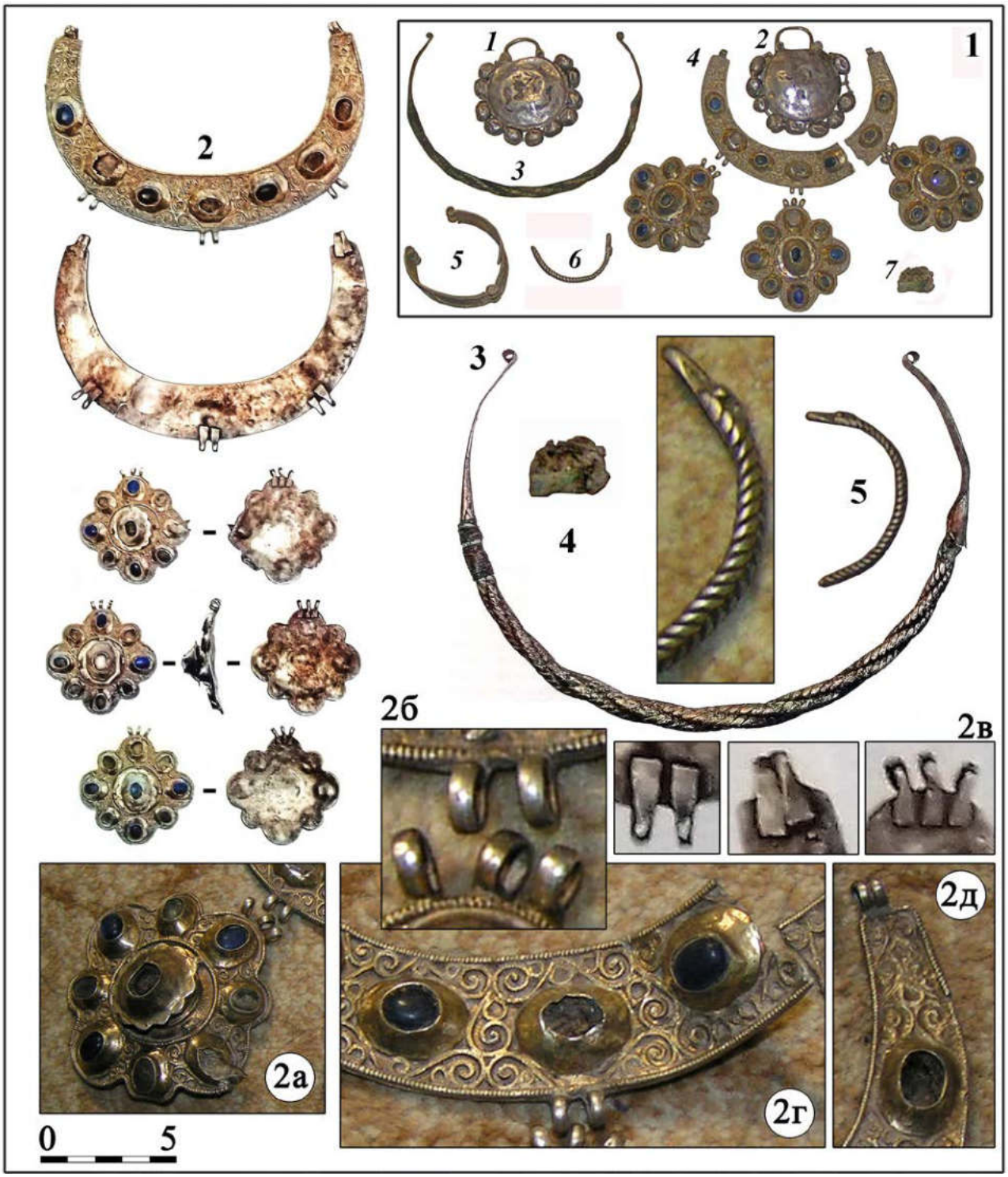


Рис.5
1– 5 – Белгородский клад 2008 г.
1,2*а*,*б*,*г*,*д*,4,5 – по «Форум Бел.Ру». 2,2*в*,3 – по К.В. Воронину, 2017

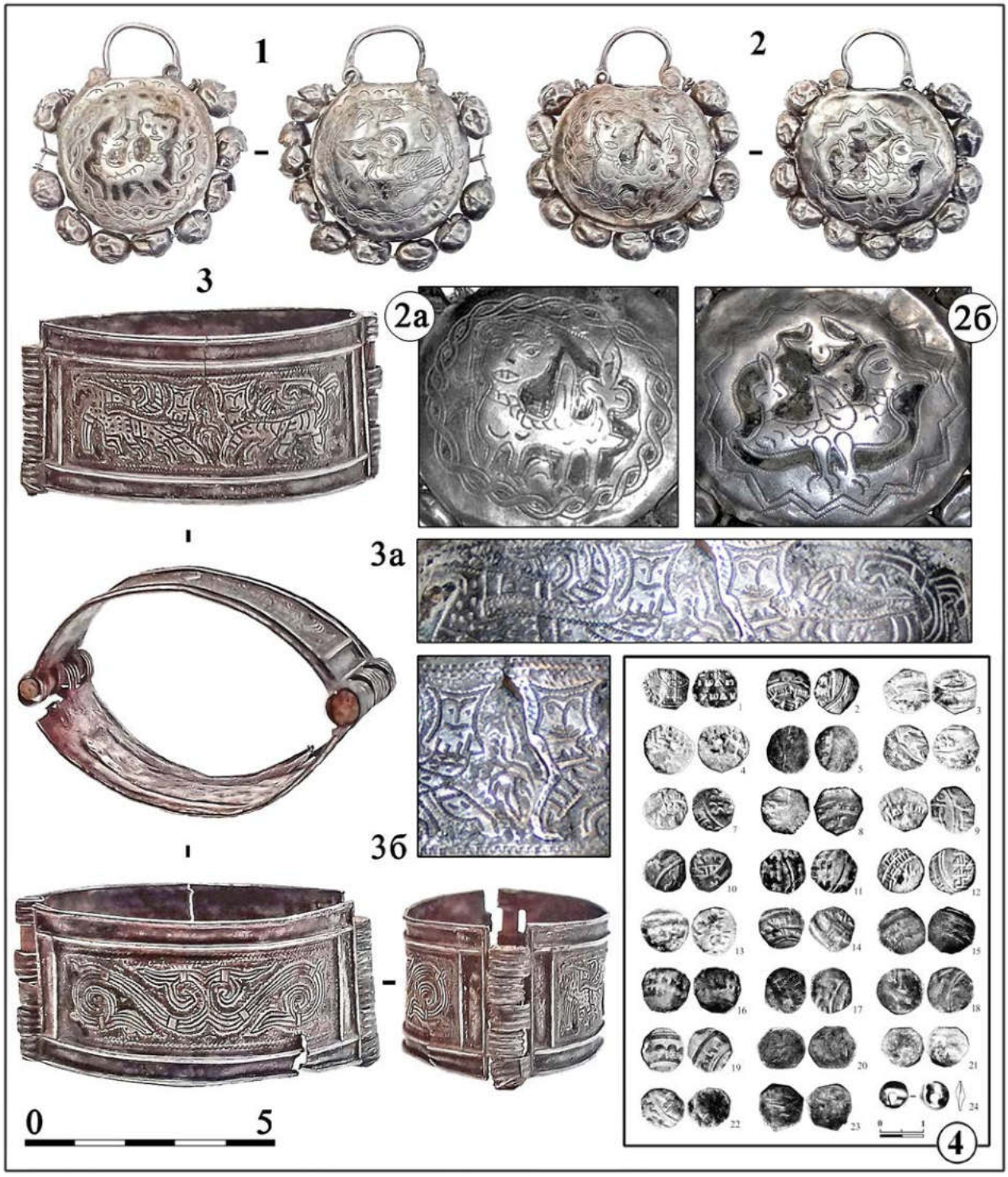


Рис.6
1– 3 – Белгородский клад 2008 г.
1 – 3 – по К.В. Воронину, 2017. 2*а-б*,3*а-б* – по «Форум Бел.Ру»
4 – Клад с городища Кудеярова Гора
(по В.В. Енукову, В.П. Лебедеву, 2011)

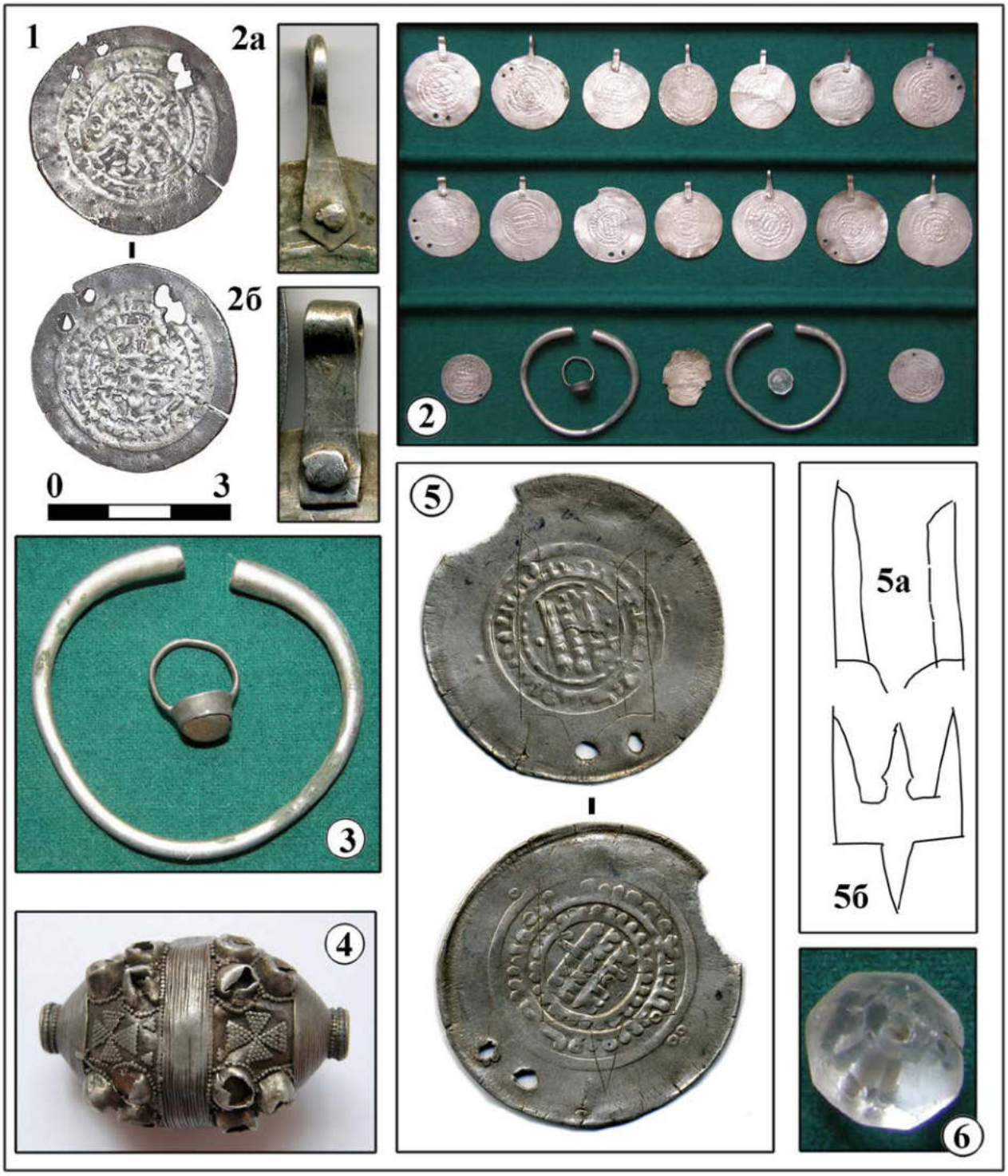


Рис.7
1 – 6 – Курский клад 2009 г.
(по Г.Ю. Стародубцеву, В.П. Лебедеву, 2015)

Рис.8
1 – 8 – Железногорский клад 2013 г.

ВЕЩЕВОЙ КЛАД СЕРЕДИНЫ XIII в. С ЛАВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2018 г. Н.А. Тропин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

Публикуется вещевой клад ломанных изделий домонгольского времени из раскопок Лавского археологического комплекса. Клад состоит из двух перстней, браслета, фрагментов котла и пластины. Предметы изготовлены из меди, бытовали в одно и то же время (середина XII – первая половина XIII вв.) и были вытеснены из употребления, т.к. сломались в процессе использования. Фактически клад являет собой лом вышедших из употребления медных изделий – украшений и предметов быта. Он соотносится с кладом ювелира. Время его сокрытия гипотетично относится к весне 1238 г.

Ключевые слова: ювелирное ремесло, клад ювелирных изделий, ювелирный лом, вятичские украшения, Лавский археологический комплекс.

В 2009 г. экспедиция Елецкого госуниверситета осуществляла охранные работы на селище – посаде Лавского археологического комплекса, расположенного на территории Елецкого района Липецкой области в 7 км от исторического центра г.Ельца. Они продолжали многолетние исследования памятника.

Работы были сконцентрированы на разрушенном карьером участке (около 5 га площади) и состояли не только из раскопок, но и сбора подъемного материала методом его фиксации по размеченному планшету. В местах скоплений находок и разрушенных сооружений были размечены 13 планшетов общей площадью 5481 кв.м. (рис. 1). На перспективном планшете № 10 был заложен раскоп № 5. За 2009 – 2014 гг. раскоп № 5 достиг размеров в 3712 кв.м. (рис. 2). Основным его результатом оказалась изученная почти полностью усадьба воеводы XII – середина XIII вв. (Тропин, 2016).

Тогда же в 2009 г. нами обследовался планшет № 13, на котором с применением металлодетектора был обнаружен клад предметов из меди. Находка была зафиксирована по местной системе координат электронным тахеометром Trimble M3, что нашло отражение в научном отчете автора.

Клад состоял из двух перстней, браслета, декоративной пластины, фрагментов котла (Рис.3; Рис. 4). Вещевой комплекс располагался на окраине северо-восточного участка планшета № 13. По всей видимости, это одна из не раскопанных еще усадеб XII – середины XIII вв., культурный слой которой был в значительной степени поврежден бульдозером. В 1991 г., обследуя этот участок, мы его зафиксировали как скопление № 26 площадью 800 кв.м. Кроме керамики мы обнаружили на нем решетчатый перстень из бронзы и секторовидный наконечник стрелы без упора для древка.

Состав клада:

1) перстень решетчатый размерами 2,2 х 3,2 см. Деформирован, края обломаны (Рис. 3, *3*; Рис. 4,*1*);

2) перстень пластинчатый, широкосрединный с незамкнутыми концами, его длина 6 см, ширина 1,4 – 2 см., толщина 0,1 см. На поверхности имеется геометрический орнамент в виде ромбов и точек, выполненный чеканом. Его концы обломаны (Рис. 3,*2*; Рис. 4,*2*). Этот тип перстней бытовал в X – XIII вв. Однако геометрический орнамент позволяет его датировать более узким временем XII – XIII вв. (Седова, 1981. С. 115, 129). Отметим, что для этого времени это был достаточно распространенный способ орнаментации (Сарачева, 1999. С. 80);

3) браслет пластинчатый, тупоконечный. Сохранившаяся длина 11,5 см, ширина 0,6 – 1 см, толщина 0,2 см, орнамент отсутствует. Один его край обломан (Рис. 3,*4;* Рис. 4,*3*). По наблюдениям М.В. Седовой тупоконечные браслеты были одной из наиболее распространенных форм украшений в Новгороде и за его пределами в конце X – XIV вв. Особенностью же новгородских браслетов, как, впрочем, и нашего из Лавского клада, является тот факт, что они имеют слабо суживающиеся концы (Седова, 1981. С. 110);

4) декоративная пластина размеры 3,2 – 4,6 х 7 х 0,1 см. По сохранившимся краям периметра накладки имеются 11 пробитых отверстий диаметром 0,2 см. Сохранилась не полностью (Рис. 3,*1*; Рис. 4,*4*);

5) шесть мелких фрагментов котла с креплением железной петли и заклепками, среди них имеется фрагмент стыка пластин «зуб в зуб» (Рис. 3, *5-10*; Рис. 4,*5*). Последний признак весьма характерен для медных котлов Волжской Болгарии XI – XIII вв. (Руденко, 2000. С. 214 – 216).

Для клада характерно то, что все предметы изготовлены из меди (медного сплава), бытовали в одно и то же время (середина XII – первая половина XIII вв.) и были вытеснены из употребления, т.к. сломались в процессе использования. Фактически клад являет собой лом вышедших из употребления медных изделий – украшений и предметов быта. В этом заключается его необычность.

Переплавка изделий из лома цветных металлов или из литейного брака – распространенное явление на Руси (Зайцева, 2006. С. 85). Наглядным примером может являться находка 2009 г. клада из Трубчевска (Чубур, 2010). Он состоял из сломанных украшений из серебра: шейных гривн, браслетов-наручей, подвесок, браслета, дробницы, фрагмента очелья.

Владелец Лавской усадьбы старательно собрал вышедшие из употребления предметы для дальнейшей переплавки. Но воспользоваться ими он не успел. Вероятно, на это повлияли события монгольского разорения весной 1238 г., когда, завершая первый поход на Русь, войска Батыя проходили через северо-восточные территории Чернигово-Северского княжества (верхнюю Оку и Верхний Дон) и разорили Лавский археологический комплекс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зайцева И.Е. Ювелирные производственные комплексы селища Минино (XI-XIII вв.) // КСИА. Вып. 220. 2006

Руденко К.А. Металлические котлы Поволжья и Приуралья IX – XIV вв. // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Вып. 122. М., 2000

Сарачева Т.Г. Инструменты для нанесения декора на вятичские украшения // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV вв.). М., 1981

Тропин Н.А. Раскопки усадьбы воеводы начала XII – середины XIII вв. на Лавском археологическом комплексе (Предварительная информация о работах 2009 – 2014 гг.) //Археология евразийской лесостепи – степи. Воронеж, 2016

Чубур А.А. Трубчевский домонгольский клад ювелирных изделий (предварительное сообщение) // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2010

TREASURE HOARD OF THE MIDDLE OF THE XIII CENTURE FROM THE LAVSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

N.A. Tropin

The article publishes a treasure trove of broken items of the 12th-13th centuries from archaeological excavations of the Lava Archaeological Complex. The treasure consists of two rings, a bracelet, fragments of a boiler and a plate. Items made of copper and existed in the middle of the XII - the first half of the XIII century. The treasure is a disused jewelry and household items. It's a jeweler's treasure. The treasure was hidden in the spring of 1238. The reason for hiding the treasure is the fact of ruin in the spring of 1238 by the Mongols of the outskirts of the Chernigov princedom.

Keywords: jewelery craft, treasure of jewelry, jewelry scrap, Vyatich decorations, Lavsky archaeological complex

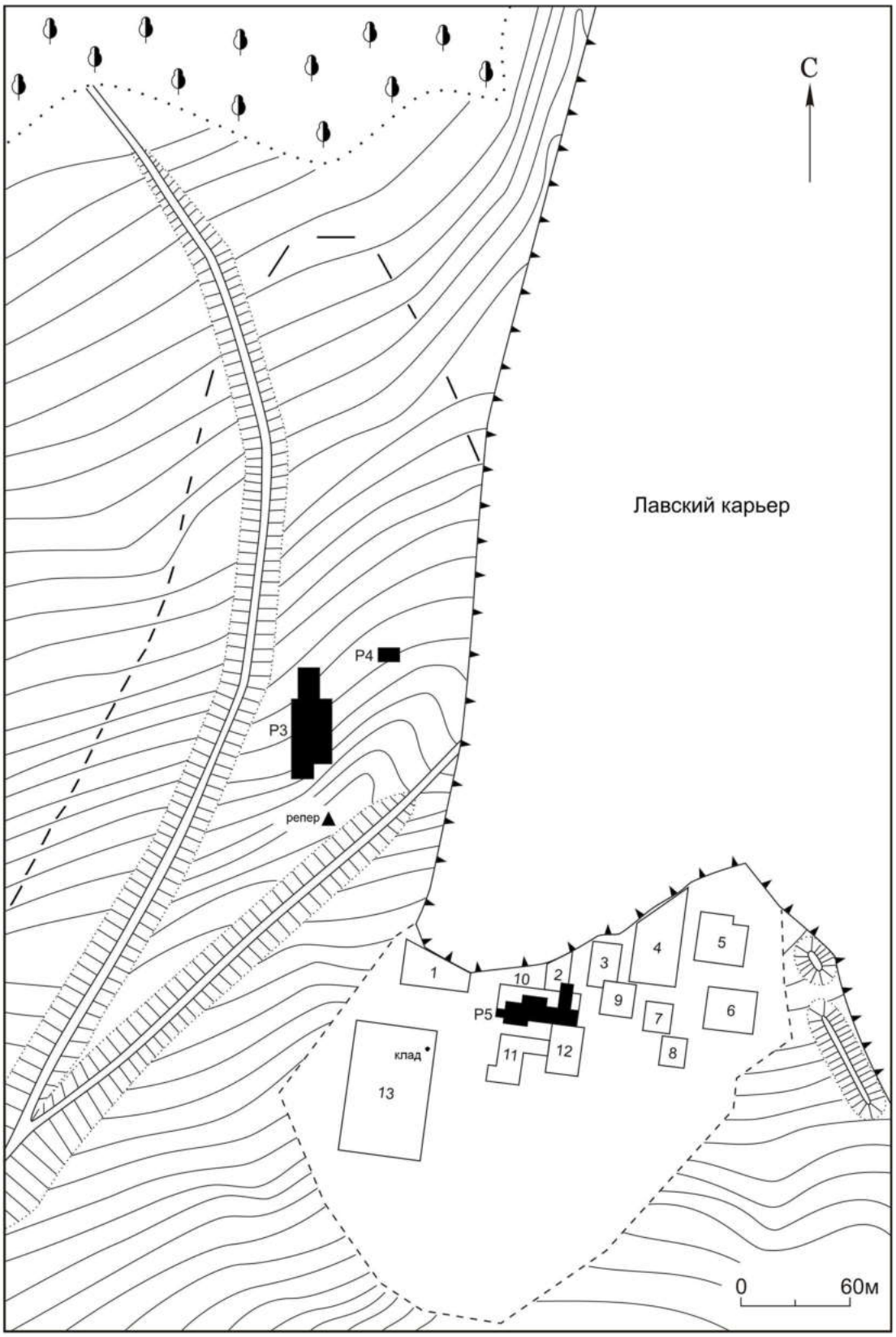


Рис. 1
Местонахождение клада в системе северо-восточной окраины Лавского археологического комплекса (раскопов и планшетов на 2009 г.).

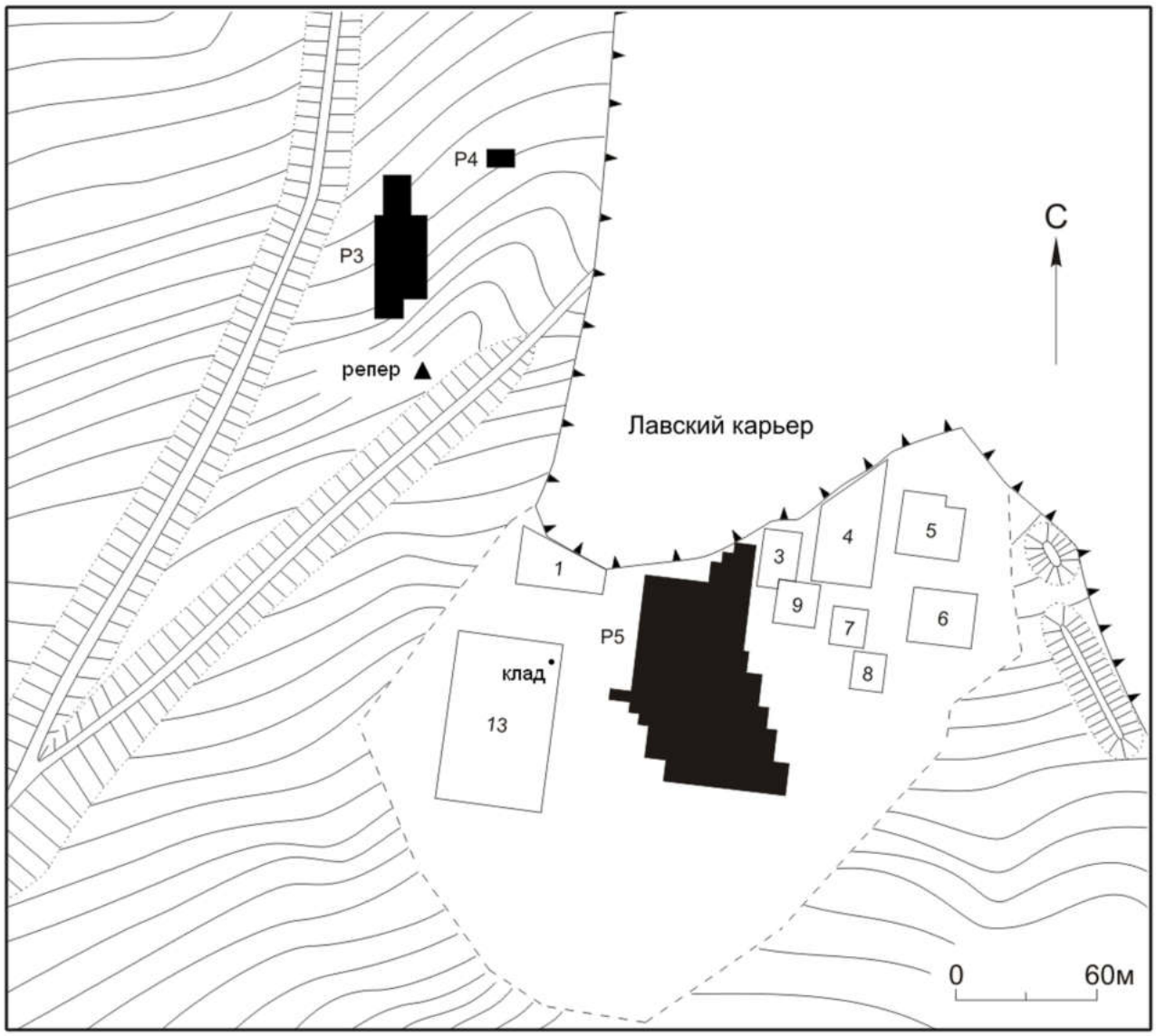


Рис. 2
Местонахождение клада в системе близ расположенной усадьбы воеводы (раскоп 5).

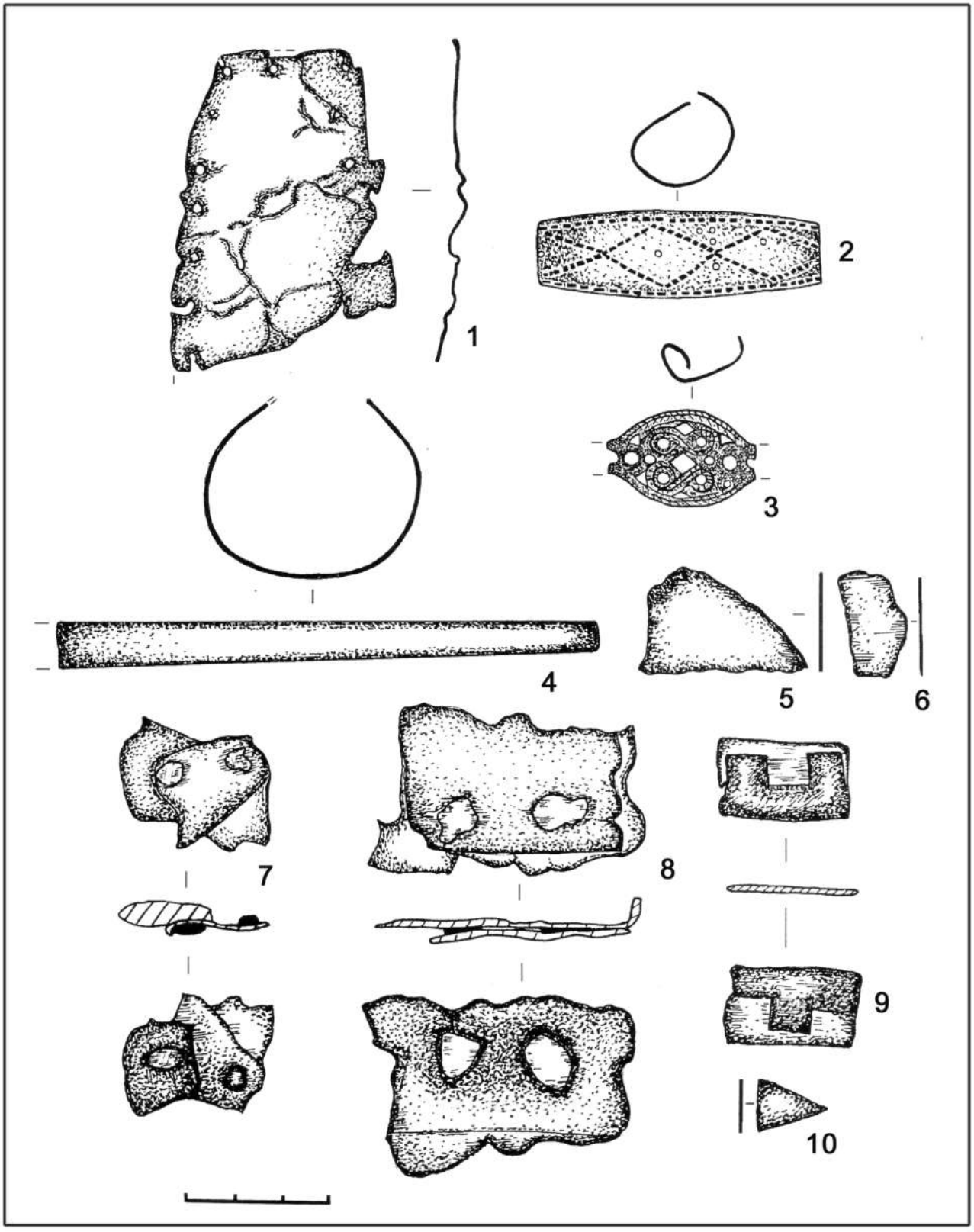


Рис.3
Клад ломанных изделий 2009 г. Лавского археологического комплекса.

Рис. 4
Клад ломанных изделий из меди. Фото.

КОМПЛЕКСНОЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАЩИТНИКОВ ПОГРАНИЧНОЙ КРЕПОСТИ XIV – XV вв. «ЦАРСКИЙ ДВОРЕЦ»

© 2018 г. С.В. Васильев[1], С.Б. Боруцкая[2], В.И. Безбородых[3], Г.Ю. Стародубцев[4], А.В. Зорин[4]

1 – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва;
2 – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва;
3 – ООО «Белгородская археологическая экспертиза», Белгород;
4 – Курский государственный областной музей археологии, Курск

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 17-29-04329 офи м)

В статье приводится полный палеоантропологический анализ населения городища «Царский Дворец», которое находится недалеко от села Гочево, Беловского района, Курской области. Большой интерес это городище представляет из-за довольно узких дат (вторая половина XIV – начало XV веков) существования на его месте приграничной крепости, которая была взята врагом и разрушена. Изучаемое нами население – это защитники крепости и люди из окрестных хуторов, которые в ней скрывались от нападающих. В работе дается их краниологическая и остеологическая характеристика. На ряде скелетов обнаружены рубленные раны, от которых скорее всего, люди погибали. Раскопки городища еще продолжаются и дельнейшие палеоантропологические исследования будут продолжены.
Ключевые слова: краниология, остеология, угловая морфометрия черепа, палеопатология, боевые травмы, деформация черепа, городище «Царский Дворец».

Введение

Городище «Царский Дворец», входящее в состав Гочевского археологического комплекса, расположено в 3 км к ССВ от с. Гочево Беловского района (ранее Обоянского уезда) Курской области и занимает один из отрогов правого берега р. Псёл. Два городища («Царский дворец» и «Крутой курган») расположены на береговом мысу, с напольной стороны укреплены валами высотой до 6 м и рвами глубиной до 8 м. С напольной стороны за внешними валами городищ располагается обширное поселение. С запада и юго-запада к поселению примыкает курганный могильник, в северной его части выявлен более поздний бескурганный могильник. Общая площадь комплекса составляла около 50 га.

В результате исследований было установлено, что в древнерусское время Гочевское поселение приобретает характер настоящего города. Это в первую очередь было обусловлено его ролью перевалочного пункта на торговом пути из Булгара в Киев (Иевлев, Моця, 1992. С. 26 – 27; Моця, 1997. С. 90 – 136). Период его расцвета приходится на середину XI – начало XII вв. С прекращением движения по торговому пути во второй половине XII в., город постепенно приходит в упадок, а по гипотезе Ю.А. Липкинга, отождествляющего данный памятник с летописным Римовым, гибнет при набеге половцев в 1185 г. (Липкинг, 1971. С. 84 – 85).

Однако следует отметить, что на настоящее время имеются данные, позволяющие продлить период существования памятника. При сборе подъёмного материала на поселении, начиная с 1997 г., обнаруживаются материалы ордынского времени — фрагменты поливной керамики и отдельные монеты (Стародубцев, 1997; Стародубцев, Зорин, 2000. С. 77 – 78; Стародубцев, 2006. С. 216 – 217; Стародубцев, 2012а. С. 112. Рис. 1, *2-4*). Ещё более интересные материалы данного периода дали раскопки городища «Царский Дворец».

Исследования его были начаты в 2004 г. Как показали уже первые раскопки, городище представляло собой мощный укреплённый пункт, контролировавший

въезд на Гочевское поселение со стороны поймы р. Псёл. Укрепления были возведены единовременно и в короткий срок согласно тщательно продуманному плану. Городище имело две укреплённые площадки. Внешняя, более обширная, служила убежищем для жителей находившегося у стен замка поселения. Внутренняя, обнесённая глубокими рвами и кольцом мощных земляных валов, являлась цитаделью крепости. Толща насыпи вала удерживалась от оползания в ров бревенчатыми срубами, а по гребню вала шли рубленые тарасами деревянные стены, забутованные суглинком и хрящом. Отдельные секции стен были полыми. Имелись здесь и отапливаемые полуподземные помещения, одно из которых было исследовано в 2005 г. Попасть на внешнюю площадку городища из поймы можно было по вырезанной в склоне мыса дороге, защищённой со стороны обрыва земляным валом. В ходе раскопок удалось установить, что при возведении крепости строителям пришлось приложить немало усилий для выравнивания площадки избранного ими мыса. Чтобы сделать её более горизонтальной, они были вынуждены соорудить подсыпку из плотной материковой глины, мощность которой достигала 4 м. Только после этого было начато возведение валов и стен. Однако, несмотря на продуманную и мощную системы укреплений, «Царский Дворец» был, в конце концов, захвачен и сожжён неприятелем. Об этом свидетельствуют как насыщенный углями и золой слой пожара, так и остатки сгоревших укреплений, а также многочисленные погребения погибших защитников крепости (Стародубцев, 2012б. С. 317 – 325; Стародубцев, Зорин. 2009. С. 113 – 121).

Из числа датирующих индивидуальных находок, прежде всего, следует отметить предметы вооружения и конской сбруи. К их числу относятся наконечники стрел, наконечник пики, панцирная наплечная пластина, фигурные накладки на сумку и конскую сбрую. Все они имеют чёткие аналоги среди материалов, относящихся ко второй половине XIV – началу XV вв. (Стародубцев, Зорин, 2008. С. 152 – 157). Помимо того, к находкам данного периода относится обломок серебряного зеркала с фрагментом арабской легенды, который датируется периодом второй половины XIII – конца XIV вв. (Недашковский, 2000. С. 54 – 56). Здесь же встречались фрагменты ордынской керамики и монеты конца XIII – начала XV вв., преимущественно времени правления Тохтамыша. Все они за единственным исключением происходят из слоя пожара.

Исходя из имеющихся в настоящее время материалов, следует предположить, что городище было основано в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после присоединения территории верхнего Псла в 1360-х гг. Гибель же городища, вероятно, следует связать с военными действиями первой трети XV вв.

В настоящее время на площадке городища выявлено 151 погребение, большая часть которых, скорее всего, принадлежит жителям поселения и защитникам крепости, погибшим при её штурме. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: все они совершены в неглубоких ямах без планомерности; некоторые захоронения положены в одну яму или перекрывали друг друга. Некоторые из них также имели следы ударов холодным оружием. Уложенные в захоронения разрозненные человеческие кости и неполные костяки свидетельствуют о том, что между гибелью людей и их погребением прошло некоторое время, и процесс разложения тел зашёл достаточно далеко. При этом стратиграфия залегания ряда погребений позволяет предположить, что данные

захоронения произведены в процессе сооружения крепости окрестности в последней трети XIV – начале XV вв., а затем были перекрыты в ходе дальнейших отсыпок грунта на внутренней площадке городища. Инвентарь ещё нескольких захоронений (№№ 80 и 84) позволяет предположить, что даже после гибели крепости окрестности её не обезлюдели и вплоть до рубежа XV – XVI вв. внутренняя площадка городища использовалась в качестве кладбища, где хоронили представителей высших слоёв местного населения.

Материалы и методы

На сегодняшний день нами были изучены останки 84 индивидов из раскопок за 2004, 2006, 2008, 2009, 2010, 2016 годы. Среди 84 индивидов определено 47 мужчин, 27 женщин и 10 детей.

Исследование черепов проводилось по двум программам: классической краниологической программе (Алексеев, Дебец, 1960. С. 128) и авторской программе Васильева С.В. по угловой морфометрии (Васильев, 1997; 1999). Методика угловой морфометрии черепа, которую мы использовали в работе, выросла из краниотригонометрических исследований. Сами же краниотригонометрические исследования в антропологии берут начало в XIX столетии с работ Лиссауера (Lissauer, 1885) и Топинара (Topinard, 1885, 1894). В XX веке антропологами Клаачем (Klaatsch, 1909), Имбеллони (Imbelloni, 1921) и Фритотом (Fritot, 1964) эти исследования совершенствуются и даже создаются программы краниотригонометрических признаков. Под термином «краниотригонометрия» понималось изучение сагиттальной проекции черепа с помощью угловых величин. В отечественной науке использование методик, базирующихся на измерениях в сагиттальной проекции черепа, связано с именами В.В. Бунака (Бунак, 1959), И.И. Гохмана (Гохман, 1962), М.И. Урысона (Урысон, 1970; 1972), Ю.Д. Беневоленской (Беневоленская, 1976), Ю.К. Чистова (Чистов, 1980), И.М. Пинчуковой (Пинчукова, 1982).

Несмотря на разработанность целой программы угловых признаков в сагиттальном контуре черепа, ряд исследователей делали вполне успешные попытки изучать угловые размеры не зависимо от сагиттальной плоскости (Бунак, 1960; Aiello, Dean, 1990; Pope, 1991). В основном эти работы были связаны с исследованием угловых размеров лицевого скелета черепа. Как показывает практика, в выявлении близкородственных связей определяющую роль играют не общие размеры мозгового и лицевого скелета, а подчас интуитивное восприятие автора, учитывающего форму отдельных частей черепа, кривизну костей и т.п. Поскольку именно угловые размеры для решения подобных задач, вероятно, являются наиболее показательными в силу что, они описывают форму черепа, назрела необходимость создания новой краниотригонометрической программы, не обязательно связанной с сагиттальной плоскостью. Логичней было бы разделить такую программу на три части: лицевой скелет, нижнюю челюсть и мозговую коробку.

Методика измерения совершенствовалась по мере исследований. В начале, мы отказались от сагиттального обвода, полагая, что такие точки, как *nasion, bregma, lambda, opisthion, prosthion* чаще не располагаются в одной плоскости, тем более на палеолитических черепах, нередко деформированных и асимметричных. Затем мы отказались и от сагиттальной плоскости, которой предпочитали пользоваться Клаач и Фритот. Построить на бумаге по трем измеренным на черепе хордам треугольник и измерить углы при помощи транспортира оказалось делом несложным. Зато появи-

лась возможность оценить и размеры, и степени искривленности и изгиба любой области мозговой коробки, т.е. оценить форму (Галеев, Васильев, 2016). Последним этапом в разработке методики было создание компьютерной программы, рассчитывающей углы по трем хордам. Таким образом, мы добились того, что углы, полученные нами, столь же достоверны, сколь достоверны собственно измерения черепа.

Было проведено измерение костей посткраниального скелета по стандартной остеометрической программе с некоторыми нашими добавлениями. Способ тех или иных измерений костей скелета основывался на правилах, описанных в работе В.П. Алексеева «Остеометрия» (Алексеев, 1966).

Результаты исследования.
Краниология и угловая морфометрия черепа.

Нами были изучены по полной краниологической программе 5 мужских и 7 женских черепов (табл. 1).

Таблица 1. Краниометрические характеристики мужских и женских черепов из городища Царский Дворец.

№№	Признак	Мужчины		Женщины	
		X	S	X	S
1	Продольный диаметр	184,2	2,96	176,9	3,6
8	Поперечный диаметр	135	5,6	139,2	4,2
17	Высотный диаметр	137,8	3,9	130,1	5,6
5	Длина основания черепа	100,3	1,1	97,5	2,0
9	Наименьшая ширина лба	94,4	2,1	97,9	3,2
10	Наибольшая ширина лба	118,8	4,2	118,3	3,5
11	Ширина основания черепа	128,3	3,3	123,6	4,2
12	Ширина затылка	105,9	3,7	109,6	3,8
45	Скуловой диаметр	140,3	4,9	129,2	3,8
48	Верхняя высота лица	70,9	3,9	63,1	2,9
43	Верхняя ширина лица	103,4	2,9	103,2	3,4
46	Средняя ширина лица	96,2	3,1	94,2	4,6
55	Высота носа	51,2	2,2	47,5	1,9
54	Ширина носа	25,7	1,3	24,1	0,9
51	Ширина орбиты от мф.	40,3	2,1	40,3	2,7
52	Высота орбиты	32	2,4	31,4	2,3
77	Назо-молярный угол	$142,4^0$	3,5	$141,6^0$	4,2
<zm	Зиго-максиллярный угол	$125,4^0$	2,3	$126,4^0$	2,2
75(1)	Угол выступания носа.	$22,4^0$	1,8	25^0	2,4
8/1	Черепной указатель	73,3	3,3	78,8	3,0
48/45	Верхний лицевой указатель	51,2	1,1	48,8	1,0
48/46	Верхний среднелицевой указатель	74,6	0,9	67,1	2,1
	Симотический указатель	44,5	9,6	35,6	8,2
	Максиллофронтальный указатель	34,1	3,3	33,9	5,7
54/55	Носовой указатель	50,2	2,6	51	3,4
52/51	Орбитный указатель	79,3	6,6	77,9	1,9

Черепа мужчин могут быть описаны как удлиненные и относительно узкие – долихокранные и достаточно высокие. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию средних. Затылок узкий. Лицевая часть средняя по ширине и высоте, по верхнелицевому указателю - мезенная (верхний отдел лица средний). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории средних и малых, т.е. лицо на среднем этаже резко профилировано. Орбиты средневысокие и относительно не широкие (мезоконхные). В абсолютных размерах нос высокий и относительно широкий (хамеринный), тоже подтверждается и носовым указателем. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию средних. Угол выступания носа малый.

Черепа женщин могут быть описаны как мезокранные и достаточно высокие. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию больших. Затылок широкий. Лицевая часть низкая и относительно широкая, по верхнелицевому указателю - эуриенная (верхний отдел лица низкий). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории средних и малых, т.е. лицо на среднем этаже резко профилировано. Орбиты средневысокие и относительно не широкие (мезоконхные). В абсолютных размерах нос высокий и относительно широкий (хамеринный), тоже подтверждается и носовым указателем. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию средних. Угол выступания носа большой.

Внутригрупповой анализ мы сделали, используя данные по угловой морфометрии черепа. Угловые параметры черепа позволяют нам включать в один анализ как мужские так и женские черепа, что дает возможность нам оценить при помощи метода главных компонент однородность группы в целом. В начале мы провели сравнительный анализ угловых параметров мозговой коробки черепа (Рис. 1). В анализе учувствовали 13 индивидов. Первые две компоненты описывают около 79% изменчивости. По первой компоненте идет уменьшение углов b-au-l и b-ast-l и увеличение угла ast-n-ast. Поэтому в правой части графика мы видим относительно укороченные с сильно искривленными теменными костями черепа, которые в основном принадлежат женщинам. Вторая компонента отражает уменьшение углов l-au-in и l-b-n и увеличение угла ast-l-ast. В связи с этим в верхней части графика располагаются черепа с более широким и не выступающим затылком. В целом видно, что группа не однородна по формообразующим параметрам мозговой коробки.

Следующий сравнительный анализ был сделан по угловым параметрам лицевого скелета (Рис. 2). В анализе приняли участие 9 индивидов с сохранившимся лицевым скелетом. Две первые главные компоненты описывают около 68% изменчивости. Первая главная компонента описывает уменьшение угла n-fmt-pr и увеличение углов zm-n-zm и fmt-pr-fmt. Следовательно, в правой части располагаются черепа с более широким и низким лицевым скелетом. По второй компоненте идет уменьшение угла zm-fmt-infor и увеличение углов zm-pr-zm и zm-n-fmt. Поэтому на графике сверху располагаются менее прогнатые черепа с более грацильной зигомаксиллярной областью и более высокой скуловой костью. В целом по лицевому скелету группа также не однородна.

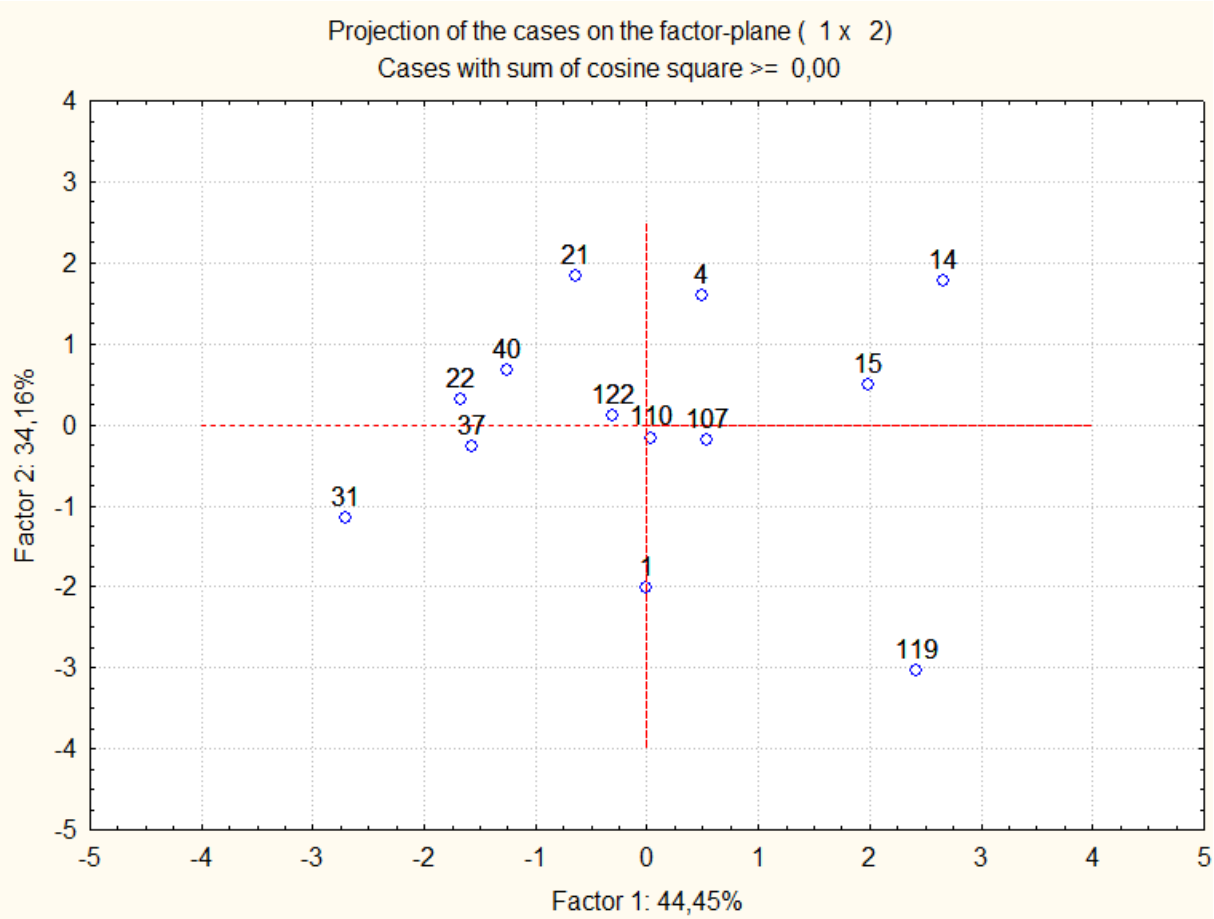


Рис. 1.
Расположение черепов из городища Царский Дворец в поле двух первых главных компонент (угловые параметры мозговой коробки)

Остеология

Нами были изучены подробно 11 мужских скелетов (табл. 2, 3, 4).

Таблица 2. Пропорции конечностей

Индекс	X	min-max	Вариации у современного человека
Интермембральный	70,28	68,77 – 71,6	60 - 84
Луче-плечевой	75,84	72,81 – 77,68	71 - 82
Берцово-бедренный	79,69	77,59 – 85,27	77,3 – 86,6

Интермембральный индекс немного ниже среднего, то есть несколько укорочены руки по отношению к ногам. Значения луче-плечевого индекса также чаще ниже среднего, что указывает на укороченность предплечья относительно плеча. Об относительной укороченности голени говорит и берцово-бедренный указатель. В пропорциях конечностей просматривается некоторая северная (холодовая) адаптация.

Таблица 3. Ширина плеч и таза мужчин группы

Показатель	X	min-max
Ширина плеч	34,13 см	30,7 см – 37,2 см
Ширина таза	27,4 см	24,3 см – 32,6 см
Тазовый индекс	81,4	73,01 – 88,85

Плечи у мужской части группы узкие. Таз чаще встречался широкий и средний по высоте.

Таблица 4. Массивность костей конечностей

Кости	X	min-max	Вариации у современного человека
Ключица (6/1)	27,0	22,76 – 31,25	20 – 30
Плечевая (7/1)	19,45	16,62 – 22,19	18 – 22
Лучевая (3/1)	16,84	15,09 – 19,74	14 – 18
Локтевая (3/2)	16,07	14,40 – 19,53	15 – 18
Бедренная (8/2)	19,76	18,40 – 21,10	18 – 21
Большеберцовая (10b/1)	20,62	18,82 – 21,53	18 – 23

У ключиц встречаются разные варианты массивности. Плечевые кости демонстрируют тенденцию к массивности. Лучевые и локтевые кости имеют низкую массивность. Длинные кости ног относительно не массивны.

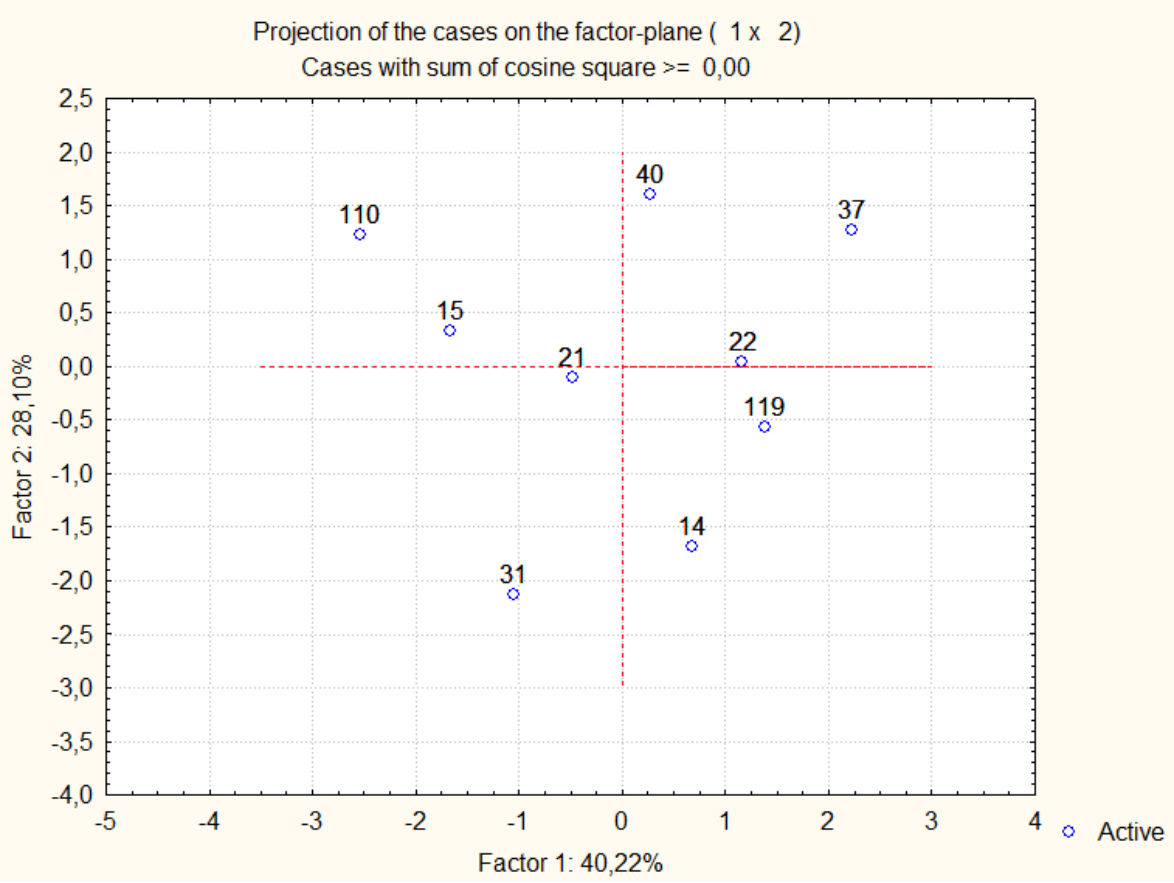


Рис. 2
Расположение черепов из городища Царский Дворец в поле двух первых главных компонент (угловые параметры лицевого скелета)

По формулам Дюпертюи и Хеддена был восстановлен прижизненный рост мужчин из погребений Царского Дворца. Он колеблется от 165,1 см до 176,6 см. В среднем для группы рост мужчин составляет 171,0 см и характеризуется как выше среднего. Минимальный рост женщин оказался равным 155,8 см, максимальный – 162,2 см. Среднее значение роста для женщин группы составило 159,6 см., то есть немного ниже среднего.

Палеопатология и аномалии скелета

У многих индивидов отмечены патологические изменения зубо-челюстного аппарата. Это парадонтит, кариес, пульпит и зубной камень. Нередко встречается на зубах такой маркер стресса как эмалевая гипоплазия. В двух случаях отмечена Cribra orbitalia, связываемая с анемией.

Исходя из того, что городище Царский Дворец было пограничной крепостью довольно часто встречаются на костях скелета и черепах рубленные и колотые раны (Рис. 3). Подобные раны нами были обнаружены у 13 индивидов, из которых 10 мужчин и 3 женщины. По нашим данным у двух женщин и семи мужчин подобные ранения были причиной гибели.

В двух случаях отмечается непреднамеренная искусственная деформация черепа в виде желобка за венечным швом. Вероятно, она может быть связана с использованием детских головных уборов того времени (Рис. 4). Как известно, искусственная деформация черепа может быть сделана в первый год жизни человека. По сведениям Дингвелла (Dingwell, 1931. С. 68-69) подобная деформация могла быть вызвана использованием специфических младенческих чепчиков, которые носили дети в средневековой Польше (Рис. 5). Поэтому искусственная деформация черепа данного типа может быть косвенным маркером этнической принадлежности индивида.

Заключение

Таким образом, в изученной нами серии из городища Царский Дворец (Курская область) датируемой XIV – XV веками, нами было изучено 84 индивида. Из взрослого населения (74 индивида) – 47 принадлежали мужчинам.

Остеологический анализ показал, что и у мужчин и у женщин укорочены предплечья и голени. Рост у мужчин в целом выше среднего, у женщин наоборот – ниже среднего.

Краниологический анализ показал, что мужская часть выборки долихокранная (длинноголовая), со средней высотой лица, с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и широким слабо выступающим носом. Женская часть выборки характеризуется мезокранией (голова средней длины и ширины), низким и широким лицом с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и хорошо выступающим носом.

Анализ угловой морфометрии черепов показал, что серия по форме мозговой коробки и лицевого скелета не однородна.

Для данного населения характерны часто встречающиеся заболевания зубно-челюстного аппарата. В 13 случаях на скелетах отмечены рубленные и колотые раны. Это 15,5% от общей выборки. Причем в 70% случаев ранения были причиной гибели индивида. В большей степени это касается мужчин.

Отмечена также непреднамеренная искусственная деформация головы у двух индивидов. Подобная деформация у ребенка первого года жизни может быть вызвана перетяжкой в области за венечным швом завязанным чепчиком, которые использовались в средневековой Польше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. М., 1960

Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1960

Васильев С.В. Тригонометрия мозговой коробки ископаемых гоминид. В кн. Новые методы - новые подходы в современной антропологии, М., 1997

Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М., 1999

Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // ТИЭ. Т. 59, М., 1959

Бунак В.В. Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения // ТИЭ. Т. 50, М., 1960

Беневоленская Ю.Д. Проблемы этнической краниологии. Л., Наука, 1976

Галеев Р.М., Васильев С.В. Методические аспекты угловой морфометрии черепов на примере кхмеров Камбоджи // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 16, 2016

Гохман И.И. Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // Сов. Этнограф, № 2, 1962

Иевлев М.М., Моця А.П. «Русский» участок пути Булгар-Киев (особенности поселений и маршрута) // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992

Пинчукова И.М. Опыт исследования краниологических серий методом краниотригонометрии. // Вопросы антропологии. Вып. 70, 1982

Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971

Моця А.П. Путь из Булгара в Киев и обратно. «Киевская» часть пути // Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев, 1997

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000

Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область) // Архив ИИМК. 1939. Ф. 1. Д. 35/1937

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915б

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевской древнерусской экспедиции в 1997 г. // НА КГОМА. 1997. Д. I – 96

Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994 – 2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2 – 3. Брянск, 2006.

Стародубцев Г.Ю. Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 2012а

Стародубцев Г.Ю. Городище Царский Дворец – замок Великого княжества Литовского на границе с Золотой Ордой (находки в ходе исследований 1997 – 2010-х гг.) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012б

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Славянский город на р. Псёл // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской сбруи из раскопок городища «Царский Дворец» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Городище «Царский Дворец» – замок на восточных границах Великого княжества Литовского (предварительные результаты исследований 2004 – 2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб, 2009

Урысон М.И. Соотносительная изменчивость компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Вопросы антропологии. Вып. 34, 1970

Урысон М.И. Изменчивость и пропорции компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека. // Новейшая тектоника, новейшие отложения и человек. Т. 3. М., Наука, 1972

Чистов Ю.К. Вопросы изменчивости медианно-сагиттального контура черепа человека в процессе антропогенеза. // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., Наука, 1980

Aiello L., Dean C. Human evolutiunary anatomy. London, 1990

Dingwell E.J. Artificial cranial deformation. A Contribution to the Study of Ethnic Mutilations. London, 1931, GBR Bale, Sons & Danielsson

Klaatsch H. Kraniomorphologie und Kraniotrigonometrie. // Arch. Anthropol., N.F., t.8, 1909

Fritot H.R. Craneotrigonometria. La Habana, 1964

Imbelloni J. Introduccion a Nuevos Estudios de Craneotrigonometria. - Anales del Musco Nacional de Historia Natural de Buenos Aires, t. XXXI, 1921

Lissauer A. Untersuchungen uber die sagittale Krummung des Ichades bei den Anthropoiden und den verschiedenen Menschenrassen. // Arch. Anthropol., t. 15, 1885

Pope G.G. Evolution of the zygomaticomaxillary region in the genus Homo and its relevance to the origin of modern humans. // J. of Human Evolution, vol. 21, 1991

Topinard P. Elements D'Anthropologie Generale. Paris, 1885

Topinard P. Anthropologia.- Historia Natural. T. 1. Barcelona, 1894

COMPLEX ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE DEFENDERS OF THE FRONTIER FORTRESS XIV – XV CENTURIES «TSAR'S PALACE»

S.V. Vasiliev, S.B. Borutskaja, V.I. Bezborodykh, G.Yu. Starodubtsev, A.V. Zorin

The article gives a complete paleoanthropological analysis of the population of the hillfort «Tsar's Palace», which is located not far from the village of Gochevo, Belaja district, Kursk region. The town is of great interest because of the rather narrow dates (the second half of the 14th and early 15th centuries) of the existence of a frontier fortress in its place, which was taken by the enemy and destroyed. The studied population is the defenders of the fortress and people from the neighboring villages that were hiding from the attackers. The paper gives their cranological and osteological characteristics. On a number of skeletons there were cut wounds, from which most likely people died. Excavations of the site are still ongoing and further paleoanthropological studies will be continued.

Key words: craniology, osteology, angular morphometry of the skull, paleopathology, combat traumas, deformation of the skull, ancient settlement «Tsar's Palace».

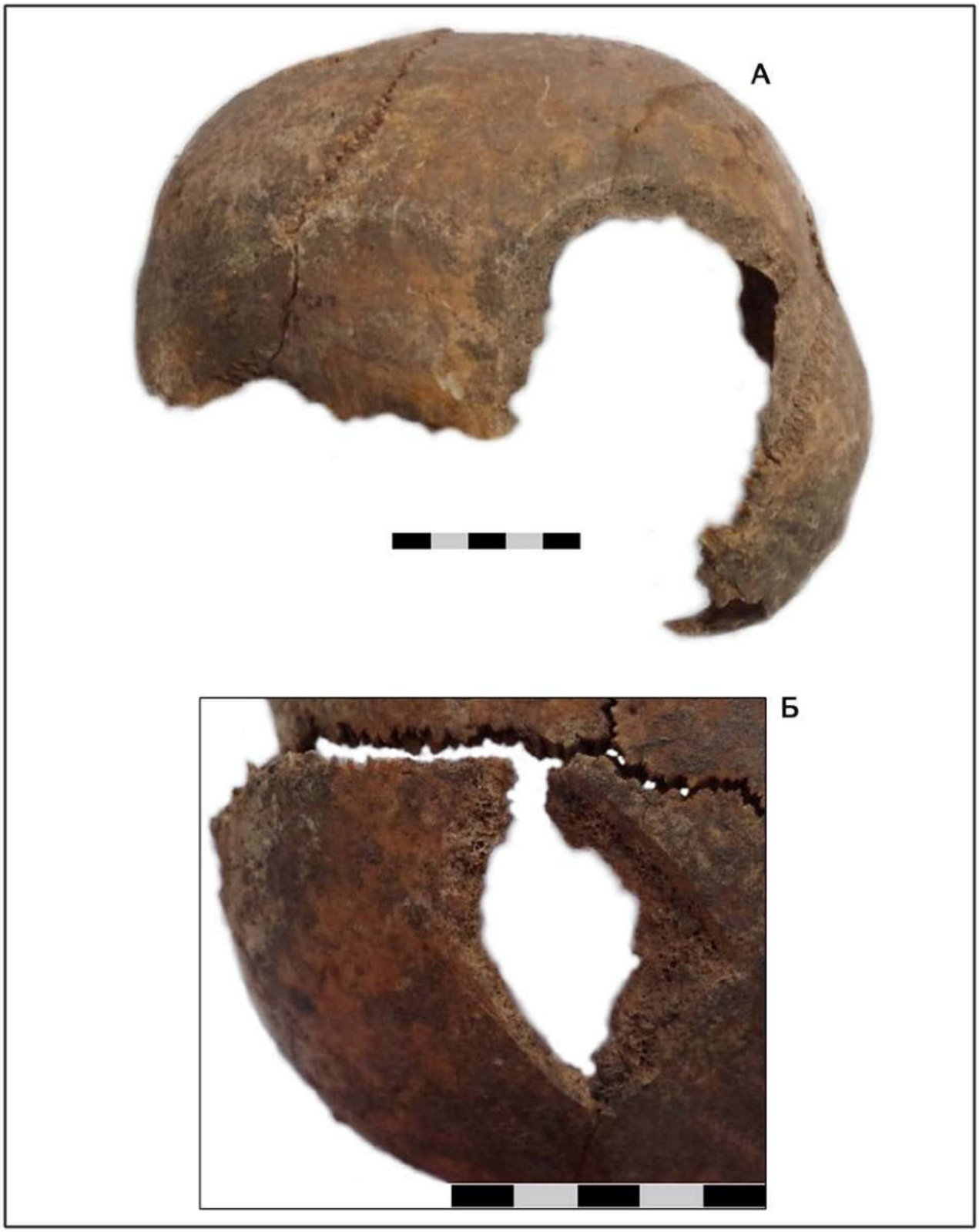


Рис 3 (а,б)
Рубленые раны у индивида из погребения 9

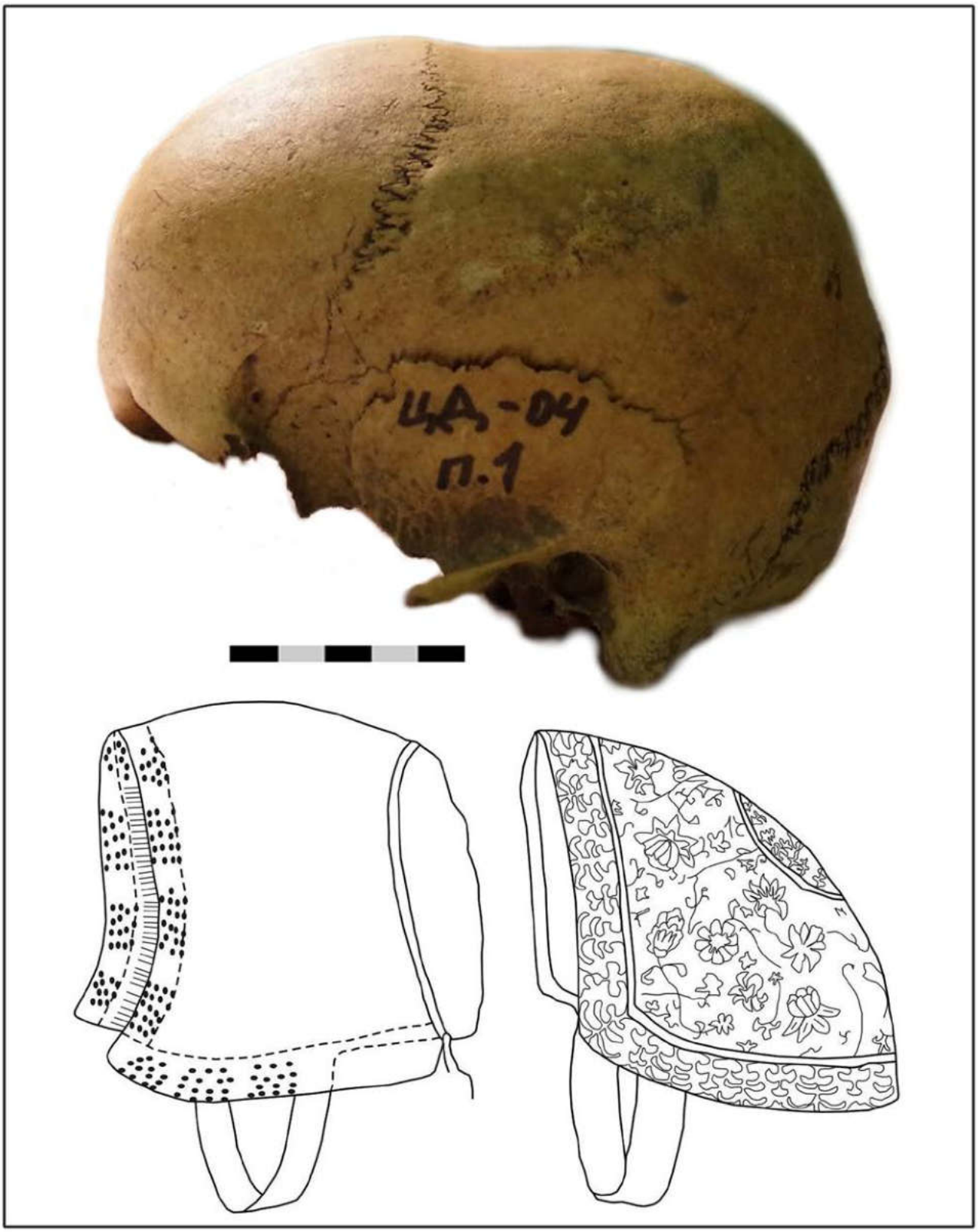


Рис. 4
Непреднамеренная искусственная деформация головы (индивид из погребения 1)
Рис. 5
Примеры чепчиков из средневековой Польши (по Дингвеллу)

КЛАД МОНЕТ XVII ВЕКА ИЗ СЕЛА АСМОЛОВО РЫЛЬСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г. А.А. Андреев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Целью данной статьи является введение в научный оборот клада монет XVII века, обнаруженного в окрестностях села Асмолово Рыльского района Курской области. Данный клад состоял из номиналов Речи Посполитой времени правления династии Ваза и монет, отчеканенных в Прибалтийских владениях Шведской короны. Находка данного клада свидетельствует о приграничных контактах населения Российского государства и Речи Посполитой.

Ключевые слова: клад, Россия, Речь Посполитая, XVII в., пограничные контакты, солид, полтора гроша, три гроша.

В декабре 2016 году в фонды Курского государственного областного музея археологии поступил монетный клад, обнаруженный в окрестностях села Асмолово Рыльского района Курской области.

Кладовой комплекс состоял из 56 монет мелких номиналов XVII в., а также нескольких слипшихся монет и двух небольших фрагментов монет. Сохранность клада можно охарактеризовать как удовлетворительную. Некоторые монеты находятся в хорошем состоянии, но подавляющая часть имеет сильные потертости, царапины, деформации и утраты, что сильно затруднило определение. На восьми монетах пробиты отверстия. Очевидно, они использовали в качестве украшений, как кулоны или монисто.

Самой старшей монетой комплекса является полтора гроша 1620 года (КМА 330/49/52) польского короля Сигизмунда III Вазы (1587 – 1632). Младшая монета представлена дрейпёлькером (1/24 талера) 1669 года (КМА 330/49/42) периода правления шведского короля Карла XI (1660 – 1697 гг.). Хронологический диапазон выпуска монет клада составляет 49 лет.

По составу клад подразделялся на три группы: монеты Речи Посполитой времени правления польской ветви династии Ваза (1587 – 1668 гг.); шведской ветви династии Ваза (1523 – 1654 гг.); Пфальц-Цвейбрюкенской династии (1654 – 1720 гг.) и неатрибутированные монеты.

К первой группе относятся номиналы *Сигизмунда III*: полуторагрошовики или полтораки (4 экз.) (Рис. 1, *1 – 4*). Из них датируется только старшая монета клада, отчеканенная в Быдгоще (Kopicki, 2007. P.73. №№ 370-371). Трёхгрошовик или трояк (КМА 330/49/1) (1экз) (Рис. 1, *5*). Трояк датируется 1622 годом, предположительно отчеканен на монетном дворе в Кракове (Kopicki, 1995. P.71. №1227; Kopicki, 2007, P.156. № 881). К первой группе вполне возможно отнести ещё одну монету (КМА 330/49/30) (Рис. 1, *6*). Она почти не имеет изображений на лицевой и оборотной стороне, за исключением слабо различимой буквы «S» и слова «REX». Аналогичные изображения и надписи присутствовали на солидах польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы (Kopicki, 1995. P.27. №473; Kopicki, 2007. P.31. №72).

Номиналы *Яна II Казимира* (1648 – 1668) представлены прежде всего пореформенными солидами (шелегами), чеканка которых началась по инициативе Тита Ливия Боратини (Рябцевич, 1977. С. 137; Синчук, 2004. С. 14).

Эмиссии Королевства Польского – солиды коронные (12 экз.) (Рис. 2. *1 – 12*). Датировать удалось три монеты 1664 и 1665 гг. В эти годы солиды чеканились только на монетном дворе Уяздова (Синчук, 2010. С. 168).

Эмиссии Великого княжества Литовского - солиды ВКЛ (17 экз.). Подавляющую часть которых составляют пореформенные солиды (Рис. 3. *1 – 16*). Кроме солида (КМА 330/49/53), который был отчеканен до денежной реформы 1659 – 1666 гг. (Рис. 3, *17*). Датировать удалось семь монет 1661, 1665 и 1666 гг., отчеканенных в Уяздове, Бресте и Вильно.

Помимо монет Речи Посполитой в комплексе находились номиналы, отчеканенные в Прибалтийских владениях Шведской короны времени правления шведской ветви династии Ваза (1523 – 1654 гг.) и Пфальц-Цвейбрюкенской династии (1654 – 1720 гг.) (14 экз.). Из них наибольшую часть составляют рижские и ливонские солиды Кристины Августы Вазы (1632 – 1654) (10 экз.) (Рис. 4, *1 – 10*). Кроме них в кладе встречаются монеты с именем Густав II Адольф Ваза (1611 – 1632) (КМА 330/49/10), Карл X Густав (1654 – 1660) (КМА 330/49/6, 48), Карл XI (1660 – 1697 гг.) (КМА 330/49/42) (Рис. 5, *1 - 4*).

В представленной группе удалось датировать пять монет 1637, 1644, 1656, 1661 и 1669 гг., отчеканенных на монетных дворах в г. Риге.

К третьей группе относятся неатрибутированые монеты (КМА 330/49/12, 16, 35, 45, 49, 50, 56) (10 экз.). У них полностью стёрты изображения и легенды на лицевой и оборотной стороне. И упоминавшиеся выше небольшие фрагменты монет (КМА 330/49/57 и КМА 330/49/59) размеры которых не превышают 8 мм. Еще один экземпляр (КМА 330/49/58) представляет собой слиток из слипшихся монет размерами d=18 мм, h=4 мм и весом 3,79 гр. На его одной стороне можно различить контуры пятипольного герба.

Рассматривая состав комплекса отдельно следует остановиться на нескольких монетах, которые представляют интерес наличием нетипичных изображений и легенд.

Первым таким экземпляром является три гроша или трояк. Трояки чеканились на семи монетных дворах короны, (Рябцевич, 1977. С. 113; Горячев, 1998. С. 49). С 1588 по 1609, в 1612, и с 1618 по 1624 гг. были изготовлены миллионы трояков, для изготовления которых использовалось большое количество штемпелей (Горячев, 1998. С. 52).

В кладе представлен один из его многочисленных вариантов (КМА 330/49/1).

Аверс: Изображена голова польского короля Сигизмунда III, профиль вправо, в гофрированном (большом испанском) воротнике и короне, делящей круговую легенду: /•SIG•III•D:G•REX•POL•M•D•L•/ (Sigismundus III Dei Gratia Rex Poloniae Magnus Dux Lithuaniae – Сигизмунд III Божьей Милостью король Польский Великий Князь Литовский).

Реверс: Изображена латинская цифра три, оформленная двумя точками (•III•), обозначающая номинал монеты (три гроша). Ниже располагается дата – 1622, на которой все четыре цифры разделены между собой гербами. Орлом – герб Королевства Польского. Сноп в треугольном щите, с плавно загибающимися боковыми сторонами – герб рода Ваза. Погоня – герб Великого княжества Литовского. Под ними находится разделённая на три строчки легенда: /GROS•ARGE TRIP•REGN POI ONI/ (Grossus Argenteus Triplex Regni Poloniae – Тройной серебряный грош Королевства Польского). Ниже находиться герб «Сас» – коронного подскарбия Миколая Даниловича (1617 – 1624 гг.), оформленный двумя точками и делящий POI ONI на две части (Рис. 1, *5*).

Монета имеет две особенности в изображении гербов и написании легенды. Во-первых, легенда на реверсе прочеканена с ошибкой. Ошибка была сделана в слове POI ONI (Poioniae). Правильный вариант POLONI (Poloniae) (Kopicki, 2007. P.156. №

881). Подобный тип ошибок допускается в легендах, когда происходит замена символа в слове. Он относится к (тип VI) (Денисенко, 2014. С. 68. Рис. 11 – 13). Во-вторых, изображение «Снопа» в треугольном щите отличается от изображений в каталоге, где представлен щит с плавно закруглённой нижней частью (Kopicki, 2007. P.156. № 881).

Вторая монета – шелег (солид) Великого княжества Литовского времени правления короля Яна II Казимира Вазы (1648 – 1668) (КМА 330/49/27) (Рис. 3, *10*).

Аверс: В поле монеты изображена голова короля с надетым париком и лавровым венком, профиль вправо, делящая круговую легенду пополам. Под изображением короля находится монограмма: /T. L. B./(Tito Livio Burattini) – инициалы Тита Ливия Боратини. Круговая легенда:/IOA[N] C[AS] REX/ (Ioan Casimir Rex – Ян Казимир, король).

Реверс: В поле монеты изображен всадник на коне, профиль влево (герб Погоня). Рука поднята вверх и держит меч выше уровня головы. На всаднике конический шлем с оперением, состоящим из одного конца. В другой руке у всадника щит. Передние ноги сложены вместе. Кончик хвоста коня опущен вниз. Над «Погоней» расположена Великокняжеская корона. Под Погоней большая монограмма «•HKPL» - Иероним Киршенштейн, Подскарбий Литовский (1662 – 1677). Круговая легенда: /SOLI•MG•DVC•LIT•1666/Solidus Magni Ducatus Lithuaniae – Солид Великого княжества Литовского 1666 год. В данном случае допущен пропуск буквенного символа в слове MAG (тип II) по (Денисенко, 2014. С. 70). Аналогичная ошибка встречается на одном из литовских солидов 1665 года чеканки Яна II Казимира (Денисенко, 2014. С. 67, 70. Рис 24, *б*).

Третья монета – солид (дореформенный) Яна II Казимира **(**КМА 330/49/53) (Рис. 3, *17*). Монета согнута вдвое, аверс прочитать невозможно.

Реверс: В поле монеты изображен всадник на коне, профиль влево (герб Погоня). Рука поднята вверх и держит меч выше уровня головы. На всаднике округлый шлем с оперением, состоящим из одного конца. В другой руке у всадника щит. Передние ноги сложены вместе. Кончик хвоста коня опущен вниз. Великокняжеская корона над Погоней затёрта. Под Погоней герб «Гоздава» Гедеона Михала Тризны, (1648 – 1652). Данное изображение помещено в круговой ободок. Круговая легенда: /SOLI[DVS M D L]IT 164/ (Solidus Magni Ducatus Lithuaniae – Солид Великого княжества Литовского). Дата частично затёрта.

Дореформенные литовские солиды чеканились на монетном дворе Вильно в первой половине 50-х гг. XVII в. (Рябцевич, 1977. С. 115; Kopicki, 1995. P.159. №№3579 – 3585). В связи с этим интересна дата отчеканенная на реверсе (164…), которая не совпадает с официальной чеканкой. Монеты с подобными нестандартными датами встречались и ранее. На них после правильно прочеканенной легенды шли фантастические даты 18, 155, 1556 (Гулецкі, 2007. С. 68-69). Возможно, как в случае с курской монетой (КМА 330/49/1) произошла замена символа в слове (тип VI) и одновременно пропущен цифровой символ (тип II) (Денисенко, 2014. С. 67 – 68).

Подобные ошибки могли возникнуть в ходе набивки легенды или украшений с помощью набора пуансонов вручную. Учитывая, что изготовление штемпеля стоило немалых денег, чтобы не увеличивать себестоимость продукции допускали использование таких штемпелей, если считали ошибку «допустимой» или «несущественной» (Денисенко, 2014. С. 66, 69).

Четвертая монета – солид Королевства Польского времени правления короля Яна II Казимира Вазы (1648 – 1668) (КМА 330/49/2) (Рис. 2, *1*).

Аверс: В поле монеты изображена голова короля с надетым париком и лавровым венком, профиль вправо, делящая круговую легенду пополам. Монограмма под изображением короля затёрта. Круговая легенда: нечитаемый набор латинских букв.

Реверс: В поле монеты изображен орёл с короной на голове, смотрящей влево, с распростёртыми крыльями и однопольным щитом с плавно закруглённой нижней частью, на котором помещен сноп пшеницы (герб Королевства Польша). Хвост орла не сохранился - затёрт. Под орлом знак минцмейстера не сохранился. Круговая легенда: /SOLID R[EG•PO]LO --66-/ (Solidus Regni Poloniae – Солид Королевства Польского).

Представленный экземпляр является имитацией солида Королевства Польского, так как штемпель данной монеты изготовлен неаккуратно, грубо, в расчете на невнимательного «продавца» (Иов, 2004. С. 24).

Пятая монета (КМА 330/49/8) – солид (Рига) времени правления королевы Кристины Августы Вазы (Рис. 4, *2*).

Аверс: В поле монеты изображен фрагмент вензеля (монограмма) «С», обозначающий королеву Кристину Августу Ваза. В центре её находится сноп пшеницы - герб рода Ваза. Корона над монограммой затёрта. Круговая легенда: /C[HRISTINA D G R S]/ (Christina Dei Gratia Regina Sveciae – Кристина Божьей Милостью королева Швеции).

Реверс: В поле монеты читаются цифры 61, обозначающие дату и фрагмент узорчатого щита.

Монеты с её именем чеканились и после отречения в 1654 г. (Фёдоров, 1966. С. 288. №825)

Подавляющую часть клада составляют номиналы Речи Посполитой времени правления польской ветви Ваза – 59%. Из них большую часть составляют номиналы Яна II Казимира – 49%. Монеты шведской Прибалтики составляют 24%. Доля неатрибутированых монет составляет 17%.

Комплексы, содержащие польские и западноевропейские монеты и раньше встречались на территории района (Зорин, Стародубцев, Шпилев, Плаксин, 2000. С.288, 290, 292, 293 – 294, 299, 310 – 311, 329, 334, 338; Монеты Курского края, 2016. С.286 – 288, 290, 293; Андреев, 2016. С. 207 – 211). Клад 2016 г. следует связать с городищем и селищем возле с. Асмолово, на которых была обнаружена керамика XVI – XVII вв. (АКР, 2000. С. 91 – 92). В XVI – XVII вв., рыльские земли на западе граничили с Речью Посполитой и найденные клады, в том числе и Асмоловский, свидетельствуют как раз о приграничных контактах населения двух государств, а в первую очередь о приграничной торговле (Терещенко, 1996. С. 61–63; Плаксин, 2014. С. 53). Таким образом, позднесредневековые клады с польскими и западноевропейскими номиналами выступают своеобразными маркерами контактов приграничного населения обоих государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А.А. Монетный клад первой половины XVII – середины XVIII вв. из Рыльского района Курской области // Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск, 2016

Археологическая карта России: Курская область. Ч. 2 /Автор-сост. А.В. Кашкин / ИА РАН, 2000

Горячев С.А. Монеты короля Сигизмунда III. СПб, 1998

Гулецкі Д.В. Фальшаванне манет Рэчи Паспалітай // Банкаўскі Веснік №31. Минск, 2007

Денисенко Ю. Ошибки в легендах монет Речи Посполитой: общая классификация и неописанные варианты // Банкаўскі Веснік №4. Минск, 2014

Иов О.В. Несвижский монетный клад 2002 года // Восточная Европа в древности и средневековье: Доклады международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора Э.М. Загорульского и 30-летию кафедры археологии и специальных исторических дисциплин БГУ. Минск, 2004

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. (при участии Плаксина И.М.), 2000. История изучения курских древностей // Курский край в 20-ти томах. Т. V. Курск

Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии. Каталог. Курск, 2016

Плаксин И.М. Монеты Речи Посполитой в составе кладовых находок на территории Курского края // «Научният потенциал на света-2014». Материали за X международна научна практична конференция. 17-25 септември 2014 г. Т.2. Закон. Държавна администрация. История. Философия. София, 2014

Рябцевич В.Н. О чём рассказывают монеты. Минск, 1977

Синчук И.И. Оболганный молвою (о Тите Ливии Боратини, учёном и предпринимателе) // Нумізматика и Фалеристика Выпуск 1. Киев, 2004

Синчук И.И. «Шеляжные» монетные дворы короны и медные солиды Яна Казимира в кладах // Pieniądz – symbol – władza – wojna: wspólne dziedzictwo Europy: Białoruś – Estonia – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Rumunia – Słowacja – Ukraina: materiały z IX Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej, Augustów, 8–11 IX 2010/Polskie Towarzystwo Numizmatyczne, Zarząd Główny. Warszawa, 2010

Терещенко А.А. Торговые связи Курского края с Украиной в 20-40-е гг. XVII века // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Сборник статей и материалов. Курск, 1996

Фёдоров Д. Монеты Прибалтики XIII – XVIII столетий. Определитель монет. Таллин, 1966

Kopicki E. Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z polską związanych. Teksty. Część. 1. Warszawa, 1995

Kopicki E. Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z polską związanych. Tablice. Część. 1. Warszawa, 1995

Kopicki E. Monety Zygmunta III Wazy. Szczecin, 2007

THE HOARD OF 17TH CENTURY FROM THE VILLAGE ASMOLOVO RYL'SK DISTRICT KURSK REGION

A.A. Andreev

The purpose of this article is to introduce the scientific circulation one hoard of 17th century coins, that found in the vicinity of the village Asmolovo, Ryl'sk district, Kursk region. This hoard consisted of coins that were minted in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the reign of the Vase dynasty and in the Baltic possessions of Swedish crown. The find of this treasure indicates on cross-border contacts between the populations of the Russia and the Commonwealth.

Key words: hoard, Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, XVII century, cross-border contacts, solid, one and a half penny, three pennies

Приложение

СОСТАВ КЛАДА (АТРИБУТИРОВАННЫЕ МОНЕТЫ)

Таблица 1
Номиналы Речи Посполитой времени правления Сигизмунда III Вазы (1587 – 1632)

№ по КП КМА	Номинал	Дата	Легенды		Вес (гр.)	Размер (мм)	Соотношение
			Аверс	Реверс			
330/49/1	Трояк	1622	/•SIG•III•D:G• REX•POL•M• D•L•/	/GROS•ARGE TRIP•REGN POI ONI/	1,64	d=20	↑↓
330/49/39	Полторак	-	/[SIGI 3 D] G [REX P M D L]/	/[MONE. N]O[. REG. POL.]/	0,36	14 x 16	↑↓
330/49/41	Полторак	-	-	/[MONE NO RE]G POL[O]/	0,55	14 x 18	↑←
330/49/44	Полторак	-	-	/[MONE NO REG] POL[O]/	0,74	d=19	-
330/49/52	Полторак	1620	/SIG[I 3] D [G REX P M] D: L°/	/[M]O[NE NO] REG•POLO/	0,5	19 x 15	↑↑
330/49/30	-	-	…REX…	-	0,63	d=16	-

Таблица 2
Пореформенные солиды Речи Посполитой времени правления Яна II Казимира (1648 - 1668) эмиссии Королевства Польского

№ по КП КМА	Дата	Легенды		Вес (гр.)	Размер (мм)	Соотношение
		Аверс	Реверс			
330/49/9	1665	/•IOAN•/CA[S•REX]/	/•S[OLID•REG•P]O LO•1665/	1,24	d=15	↑←
330/49/11	-	/IOAN•/CAS REX/	/S[OLID•REG•POL] ON•166/	0,83	d=15	↑↑
330/49/26	-	/[•IOAN•]CAS•REX/[T] L. [B]/	/[•SOLID•REG•]P]O LO 1/	1,13	d=15	-
330/49/29	1664	/[IO]AN•/C[A]S•REX/[T] L [B]/	/S[OLID•REG•POL] O 1664/ (S) /	1,03	d=15	↑ ↙
330/49/33	-	/IO[AN•CAS•REX]/	/SOLID…/	1,05	d=15	-
330/49/36	-	-	-	0,84	d=15	-
330/49/37	-	/[•IOAN•]/CAS [REX]/	/SOLI[D•REG•POL O•]/	0,84	d=15	-
330/49/43	-	/IOAN/CAS[REX]/	/SOLID•REG•[POL O•]/ (S) /	1,02	d=15	↑←
330/49/47	-	/IOAN/[CAS•REX]/	/[•SOLID•REG•]P[O LO•]/	0,66	15 x 13	-
330/49/54	1664	/°IO[AN]/CAS R[EX]/ T[•L•B•]/	/[SOLI]D•REG•POL O•1664/ (S) /	1,02	d=16	↑→
КМА 330/49/55	-	/[•I]O[AN•/CAS•REX•]/T[•L•B•]/	/SOLID°REG°POLO / (S) /	1,73	d=15	-

Таблица 3
Пореформенные солиды Речи Посполитой времени правления Яна II Казимира (1648 – 1668) эмиссии Великого княжества Литовского

№ по КП КМА	Дата	Легенды		Вес (гр.)	Размер (мм)	Соотношение
		Аверс	Реверс			
330/49/3	1666	-	/SOLI•[MAG•DVC•LIT•1]666/HKPL/	1,15	d=15	-
330/49/5	1666	/IOAN*CAS [REX]/ /[•IOAN•]CAS[•REX]/ д/ч	/SOLI M[AG•DVC•]LIT1666/HKPL/	1,31	15 x 17	↑↑
330/49/7	1665	/IOA[N•]/[C]AS•REX/•T•L•B•/	/SOLI°M[AG•DVC•]LIT•1665/HKPL/	1,35	d=15	↑↓
330/49/17	1661	/IOAN °CAS•REX/	/SO[LI MAG •DVC•L]IT•1661/	1,2	d=16	↑↑
330/49/18	-	/[IO]AN CAS[•REX]/	/[SOLI MAG•DV]C•LI[T]/	0,96	d=15	↑↘
330/49/21	1665	/IOAN/[C]AS•RE[X]/ T L B/	/SOLI•[MAG•DVC•L]IT•1665/HKPL/	1,08	d=15	↑←
330/49/22	-	/IOA[N]/CAS•RE[X]/	/[S]OLI•MAG[•DVC•LIT•]6/	1,09	d=15	-
330/49/23	-	/IOAN•/[CAS•R]EX•/•T L [B]	/SOLI•MA[G•DVC•LIT•]/	1,19	d=15	↑→
330/49/25	1665	/IOAN•/CAS•REX/	/SOLI°MAG DVC LIT°1665/HKPL/	1,38	d=15	↑↑
330/49/27	-	/IOA[N] C[AS] REX/T. L. B./	/SOLI•MG•DVC•LIT•1.6.6.66/•HKPL/	1,01	d=15	↑↖
330/49/28	-	/•IOAN CA[S RE]X•/ T. L. B./	/[•SOLI•MAG•]DVC•LIT•166/HKPL/	0,91	d=15	↑↑
330/49/31	-		/SOLI•MA[G•DVC•LIT•]/	1,15	d=15	-
330/49/34	-	/[IOA]N CA[S RE]X/	/SOLI•M[AG•DVC•L]IT/	0,76	d=15	-
330/49/38	-	/IOAN/CAS R[EX]/	/SOLI•MAG•DVC[•LIT•]/•HKPL•/	1,04	d=15	↑→
330/49/40	-	/[IO]AN° [CAS RE]X/	/SOLI•MAG°DVC[•LIT•]/HKPL/	1,32	d=16	↑↓
330/49/46	1666	/IOAN/CAS•REX/T.L. B./	/SOLI°MAG°DVC•LI[T•]1666/•HKPL/	1,27	d=15	↑→

Таблица 4
Дореформенный солид Речи Посполитой времени правления Яна II Казимира (1648 – 1668) эмиссии Великого княжества Литовского

№ по КП КМА	Дата	Легенды		Вес (гр.)	Размер (мм)	Соотношение
		Аверс	Реверс			
330/49/53	-	-	/SOLI[DVS M D L]IT 164/	0,57	15 x 8	-

Таблица 5
Солиды времени правления королевы Кристины Августы Вазы (1632 – 1654)

№ по КП КМА	Дата	Легенды		Вес (гр.)	Размер (мм)	Соотношение
		Аверс	Реверс			
330/49/4	-	/CHRISTINA D[•G•R•]S/	/[SOLID VS] LI-VONI[Æ]/	0,65	d=15	↑↑
330/49/8	1661	/C[HRISTINA D G R S]/	/…61…/	0,25	14 x 8	↑↑
330/49/13	-	/[CHR]ISTINA D G[•R•S]/	/[SOLI]DVS• CIVI•RIG/	0,36	15 x 9	↑↑
330/49/14	-	/[CHRISTINA D G]R S/	/SOLI[DVS• CIVI•RIG]/	0,22	15 x 6	↑↑
330/49/15	-	/CH[RIST]INA D:G R S:/	/[SOLIDV]S° CIVI:RIG/	0,52	d =16	↑↓
330/49/19	-	/CH[R]ISTINA° D G DR°S/	/SOLIDVS CIVI R[IG]	0,67	d=15	↑↑
330/49/20	1637	/CHRISTINA° D G D R S/	/SOL[ID]VS CI RI-GENSIS 37/	0,54	d=16	↑↑
330/49/24	-	/CHRISTINA D G[•R•S]/	/[SOLIDVS•]CIVI•RIG 1/	0,36	d=15	↑↑
330/49/32	1644	/CHRISTI[NA D•G•R•S]/	[SOLID VS] LI-VONIÆ•44/	0,73	d=16	↑↑
330/49/51	-	/C[HRIST]INA° D° G D°R°S/	SOLIDVS C[IVI RIG] 3/	0,5	d=15	↑↑

Таблица 6
Номиналы времени правления Густава II Адольфа (1611 – 1632), Карла X Густава (1654 – 1660), Карла XI (1660 – 1697)

№ по КП КМА	Дата	Легенды		Вес (гр.)	Размер (мм)	Соотношение
		Аверс	Реверс			
330/49/6	1656	/CAROLVS GVSTAV:D G R S/	/SOLIDVS CIVI [R]IG: 56•/	0,6	d=15	↑↑
330/49/10	-	/[GV]ST[A]DOL°D [G REX] S/	/[SOLI]DVS°CIVI°RI G[ENS]/	0,63	d=16	↑↑
330/49/42	1669	/CAROL[VS D. G•REX•S•]/	/MON NOV L[IVONIAE]/	0,52	19 x 9	↑↓
330/49/48	-	CAROLVS GUST D G R S	/SOLIDVS CIVI RIG/	0,44	15 x 14	↑↑

Подписи к рисункам

Рис. 1. Монеты Сигизмунда III (1587 – 1632)
1) КМА 330/49/39 – полторак (полтора гроша) Королевства Польского.
2) КМА 330/49/41 – полторак (полтора гроша) Королевства Польского.
3) КМА 330/49/44 – полторак (полтора гроша) Королевства Польского.
4) КМА 330/49/52 – полторак (полтора гроша) Королевства Польского 1620 г.
5) КМА 330/49/1 - трояк коронный (три гроша) Королевства Польского 1622 г.
6) КМА 330/49/30 – монета (предположительно солид Речи Посполитой)

Рис. 2. Монеты Яна II Казимира (1648 - 1668), эмиссия Королевства Польского
1) КМА 330/49/2 – монета, имитирующая шелег (солид) Королевства Польского
2) КМА 330/49/9 – шелег (солид) Королевства Польского 1665 г.
3) КМА 330/49/11 – шелег (солид) Королевства Польского
4) КМА 330/49/26 – шелег (солид) Королевства Польского
5) КМА 330/49/29 – шелег (солид) Королевства Польского 1664 г.
6) КМА 330/49/33 – шелег (солид) Королевства Польского
7) КМА 330/49/36 – шелег (солид) Королевства Польского
8) КМА 330/49/37 – шелег (солид) Королевства Польского
9) КМА 330/49/43 – шелег (солид) Королевства Польского
10) КМА 330/49/47 – шелег (солид) Королевства Польского.
11) КМА 330/49/54 – шелег (солид) Королевства Польского 1664 г.
12) КМА 330/49/55 – шелег (солид) Королевства Польского

Рис. 3 Монеты Яна II Казимира (1648 – 1668), эмиссия Великого княжества Литовского.
1) КМА 330/49/3 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1666 г.
2) КМА 330/49/5 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1666 г.
3) КМА 330/49/7 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1665 г.
4) КМА 330/49/17 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1661 г.
5) КМА 330/49/18 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
6) КМА 330/49/21 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1665 г.
7) КМА 330/49/22 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
8) КМА 330/49/23 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
9) КМА 330/49/25 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1665 г.
10) КМА 330/49/27 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
11) КМА 330/49/28 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
12) КМА 330/49/31 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
13) КМА 330/49/34 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
14) КМА 330/49/38 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
15) КМА 330/49/40 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.
16) КМА 330/49/46 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского 1666 г.
17) КМА 330/49/53 - шелег (солид) Великого Княжества Литовского.

Рис. 4. Монеты королевы Кристины Августы Вазы (1632 – 1654), отчеканенные в Прибалтийских владениях Шведкой короны.
1) КМА 330/49/4 – солид (Ливония) Королевство Швеция.
2) КМА 330/49/8 – солид (Рига) Королевство Швеция 1661 г.

3) КМА 330/49/13 – солид (Рига) Королевство Швеция.
4) КМА 330/49/14 – солид (Рига) Королевство Швеция.
5) КМА 330/49/15 – солид (Рига) Королевство Швеция.
6) КМА 330/49/19 – солид (Рига) Королевство Швеция.
7) КМА 330/49/20 – солид (Рига) Королевство Швеция 1637 г.
8) КМА 330/49/24 – солид (Рига) Королевство Швеция.
9) КМА 330/49/32 – солид (Рига) Королевство Швеция 1644 г.
10) КМА 330/49/51 – солид (Рига) Королевство Швеция

Рис. 5. Монеты королей, отчеканенные в Прибалтийских владениях Шведской короны.

1) КМА 330/49/10 – солид (Рига) времени правления короля Густава II Адольфа (1611 – 1632)
2) КМА 330/49/6 – солид (Рига) времени правления короля Карла X Густава (1654 – 1660) 1656 г.
3) КМА 330/49/48 – солид (Рига) времени правления короля Карла X Густава (1654 – 1660)
4) КМА 330/49/42 – драйпёлькер (1\24 талера) Королевства Шведского периода правления короля Карла XI (1660 – 1697 гг.) 1669 г.

Рис.1

Рис.2

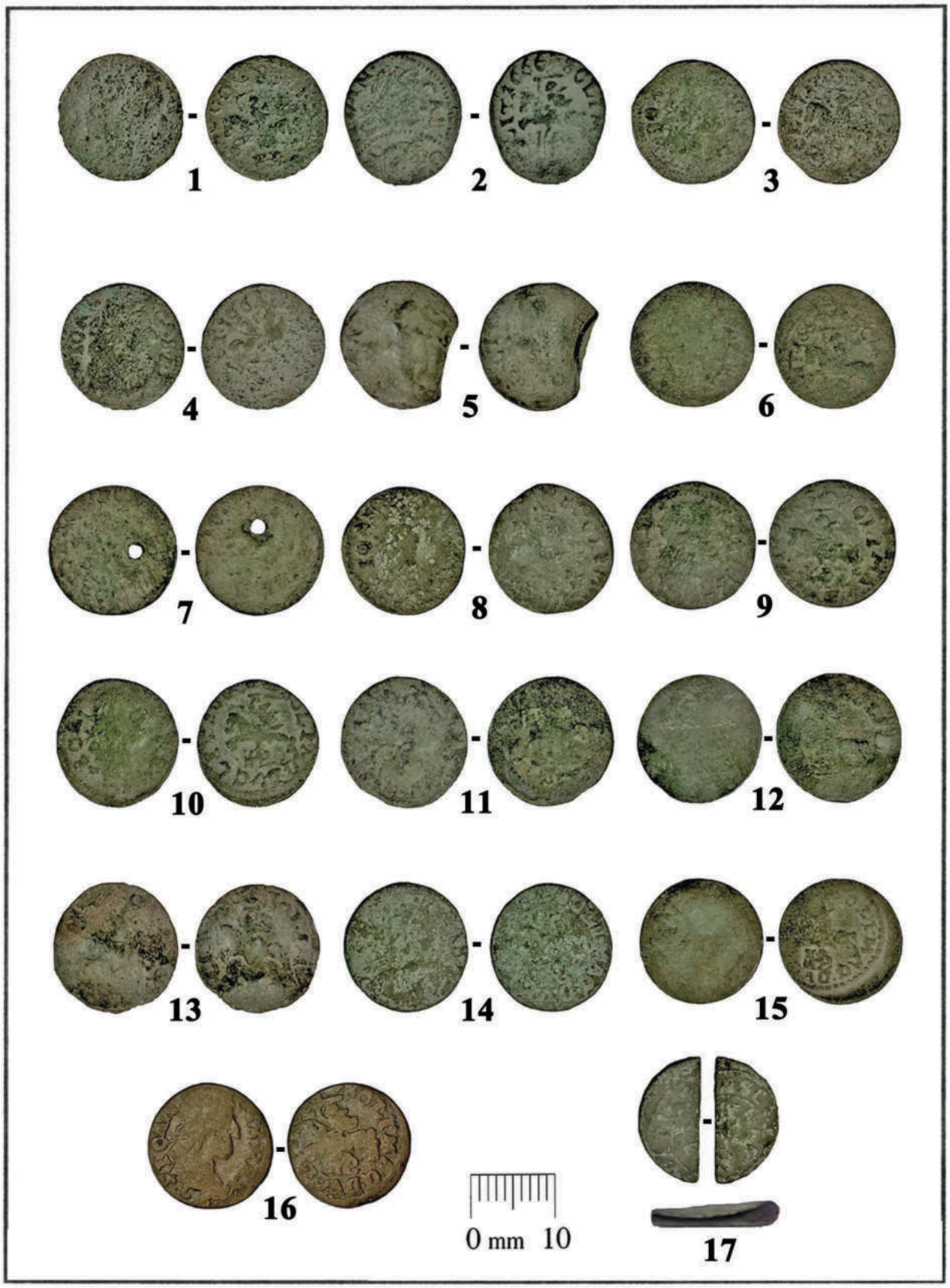


Рис.3

Рис.4

Рис.5

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОЧЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В 1909 – 1915 гг.

© 2018 г. Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-49-460002 р_а)

Статья посвящена первым упоминаниям Гочевского археологического комплекса в середине XVII – начале XX вв., а также первому этапу в исследованиях курганного могильника Д.Я. Самоквасовым, К.П. Сосновским, П.С. Рыковым, В.С. Львовичем, В.Н. Глазовым в 1909 – 1915 гг.

Ключевые слова: Гочево, археологический комплекс, курган, могильник, погребение, река Псёл

Гочевский археологический комплекс расположен на правобережной террасе р. Псёл в 2 км к северу от с. Гочево и в 0,5 км к западу от хут. Гочевок Беловского района Курской области (Кашкин, 1998. С. 135-139, 140-143). Он состоит из двух городищ («Крутой Курган» и «Царский Дворец»), селища, курганного (основного массива и «Загородья») и бескурганного могильников в северной части поселения. До недавнего времени считалось, что первое упоминание о памятнике встречается к 1760-е гг. в анкетах Белгородской губернии XVIII в., как о городище, окруженном «земляными валами», «...в дачех Обоянского уезду в деревни Гочевой...» (Географические известия…, Л. 86).

Однако в 2008 г. С.А. Остроуховым была обнаружена более ранняя запись о городище в описи архива Разрядного приказа 1668 г. (Описи архива…, 2001. С. 241.) в разделе «Столпы украинных городов, которые ведомы к Белугороду, о всяких делех»: «Столп обоянский 159-го ж году. Пол 2 тетрати в полдесть книге Елизарья Яковлева да подьячего Зенова Маркова досмотру в Обоянском уезде от реки // ото Псла от усть речки Пены к Бакаеву шляху и через Бакаев шлях до Ворскольских черней и к реке Ворсклу да от Гочевского городища вверх по Пслу меж речек напрям до Обоянского города… верст, и сколько на тех верстах меж городов сторож, и в которых местех учинены сторожи, 160-го году, за приписью дьяка Дмитрия Карпова и за Елизарьевою рукою» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 221. Л. 431 – 431 об.). Как следует из текста городище упомянуто в официальном правительственном документе, датируемом 1651 г., в контексте устойчивого географического ориентира. Сохранился ли сам документ, включенный в опись 1668 г., не установлено.

После этого о нем надолго забыли, и следующие упоминания о городище и селище А. Филиппенко датируются 18 февраля 1901 г. (*Филиппенко*, 1901); о селище и курганах Е.И. Резановой[1] – 19 августа 1904 г. (*Резанова*, 1911. С. 49).

В апреле 1909 г., когда Д.Я. Самоквасов читал в Курске публичную лекцию по теме «История культуры населения Русской земли по могильным древностям», он предложил членам Курской губернской ученой архивной комиссии «заняться собиранием сведений о древних земляных насыпях и археологическими раскопками по р. Пслу и ея притокам в пределах Обоянского уезда, где никаких исследований произведено не было» (Самоквасов, 1915б. С. III). Со своей стороны профессор внес для этой цели не только весь чистый сбор от прочитанной лекции, но и еще сверх того 200 рублей. Предложение заинтересовало комиссию и 15 мая она просила Д.Я. Самоквасова прибыть и «преподать указания относительно означенных раскопок». Для сбора

[1] Резанова Екатерина Ивановна (1866-после 1930) – дворянка, учительница школы в д. Хитровка Суджанского уезда Курской губернии, член КГУАК, затем КГОК (Стародубцев, Щавелев, 1998. С. 75).

предварительных сведений об археологических памятниках Обоянского уезда было решено предпринять поездку по нему одного из членов КГУАК. Ее осуществил К.П. Сосновский[2].

Разведка была проведена в июле 1909 г. В ходе исследований К.П. Сосновский обнаружил 245 археологических памятников (217 курганов (в том числе 10 курганных групп), 5 могильников, 5 полей погребений, 4 селища, 14 городищ) и составил археологическую карту данного региона (Сосновский, 1911. С. 299-320, карта I). О результатах своих работ Константин Петрович сообщил на собрании КГУАК 28 июля 1909 г. Комиссия приняла решение провести немедленные раскопки на вновь открытом Гочевском городище и находящемся рядом с ним курганном могильнике, который в это время насчитывал более трёх с половиной тысячи насыпей.

18 августа 1909 г. начались первые исследования курганного могильника Д.Я. Самоквасовым[3]. За период с 18 по 25 августа было раскопано 278 насыпей основного курганного массива, 5 курганов Загородья (отдельно стоящей курганной группы или части могильника, отделенного от основного массива южной частью посада), а также 4 распахиваемых насыпи около д. Бушмено. Кроме того, были заложены небольшие раскопы на городище Царский Дворец и на прилегающем к нему поселении.

Раскопки велись с размахом, особенно когда развернулись исследования разрушаемых или разрушенных распашкой насыпей. Поскольку местные крестьяне в это время уже начинали на поле посев озимых, Д.Я. Самоквасов поставил на раскопки около 80 рабочих сразу. «Подняв лопатою 2-3 аршина насыпи и найдя погребение уничтоженным, каждый копщик быстро переходил к следующей насыпи и руководителю работ в эти два дня раскопок (24-25 августа) пришлось потратить много сил, чтобы поспеть туда, куда призывал его сотрудник для выяснения своих затруднений» (Самоквасов, 1915б. С. V). Спешность и размах работ были отчасти следствием спора, который поднялся между участниками экспедиции вечером 23 августа. Они горячо обсуждали вопрос, «в какой срок должен уничтожиться распашкою курганник, даже такой исключительной величины, как Гочевский?» Итогом спора стал печальный вывод, что через восемь лет на могильнике нельзя будет отыскать ни одного погребения. После этого Д.Я. Самоквасов заявил, что он «не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкою курганах, и в таком случае должен, по возможности, все такие насыпи вскрыть» (Самоквасов, 1915б. С. V).

После окончания работ все находки, за исключением инвентаря двадцати шести курганов, которые Дмитрий Яковлевич взял с собой для более подробного изучения, были перевезены в Курск для реставрации и подготовки к экспозиции.

В ходе раскопок были обнаружены захоронения на уровне древней поверхности и в могильных ямах. В некоторых случаях были прослежены остатки ритуальных костров, свидетельствующих о сохранении языческих верований у населения этого города в древнерусское время. Инвентарь женских погребений был многообразен:

[2] Сосновский Константин Петрович (1861-после 1916) – действительный статский советник, управляющий акцизными сборами по Курской губернии, член КГУАК (Стародубцев, Щавелев, 1998. С. 87-88).

[3] Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843-1911) – дворянин, археолог, историк права, архивовед. Профессор Императорского Варшавского университета (1873-1892), директор Московского архива Министерства юстиции (1892-1911). Преподавал в Московском университете на юридическом факультете (1894-1911): экстраординарный профессор (1894-1895), ординарный профессор кафедры истории русского права (1895-1911), заслуженный профессор (с 1900 г.) (Стародубцев, Щавелев, 1998. С. 78-82).

налобные венчики, височные кольца, различные бусы, подвески, перстни, браслеты. По этим находкам удалось определить, что население Гочево было полиэтничным, то есть в городе жили выходцы из различных славянских племён (северяне, вятичи, радимичи, дреговичи), а также балты, финны и кочевники. Среди мужских погребений обнаружено несколько захоронений дружинного типа с предметами вооружения (сабли, топоры, кистени, наконечники стрел). Инвентарь основной массы курганов, однако, был достаточно беден.

Одновременно с проведением реставрационных работ, К.П. Сосновский под руководством Д.Я. Самоквасова подготовил к изданию «Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии» и «Атлас Гочевских древностей» (Самоквасов, 1915а; 1915б). Сам Дмитрий Яковлевич посетил Курск еще раз в октябре 1910 г., чтобы посмотреть на работу своих сотрудников. Продолжительная болезнь и смерть 5 августа 1911 г. не позволили ему увидеть эти издания, но его вклад в развитие археологии Древней Руси, его исследования не потеряли своего значения до настоящего времени

Работы по изучению могильника продолжались в течение ряда последующих лет. В 1910 г. П.С. Рыковым[4] было послано прошение на Открытый лист для производства раскопок данного памятника. Однако ИАК отказал в выдаче листа, мотивируя отказ тем, что запрос был направлен слишком поздно. В 1912 г. по повторной заявке, сопровождаемой рекомендацией К.П. Сосновского, такое разрешение на раскопки было дано. По этому Открытому листу и на средства ИАК (200 рублей) П.С. Рыковым было исследовано 109 курганов, основного курганного массива в залесённой части могильника (Рыков, 1912; 1923. С. 39-53). Так как работы проводились на достаточно компактной площади («квартале») некрополя (в отличие от Д.Я. Самоквасова, который в первую очередь ставил перед собой задачу исследование тех курганов, над которыми нависла угроза уничтожения в результате сельскохозяйственных работ), это позволило уточнить этапы и динамику развития этого погребального комплекса.

В 1913 г. В.С. Львович[5] продолжил раскопки курганов. Им было исследовано 35 насыпей (Львович, 1913). Однако отчёт о произведенных раскопках так и не подготовил, ограничившись сдачей в ИАК «Дневника раскопок» – изготовленного типографским способом шаблона для облегчения исследователям работы по фиксации находок в погребениях. А.А. Спицын при рассмотрении отчета В.С. Львовича в ИАК дал на него отрицательное заключение: «Детали устройства насыпей и обряда погребения не были достаточно уяснены».

Изучение могильника в предреволюционные годы были продолжены В.Н. Глазовым[6]. Им было раскопано 105 курганов в 1913 г. и 101 – в 1915 г. с целью «выяс-

[4] Рыков Павел Сергеевич (1884-1942) – археолог, профессор (с 1931 г.), декан и заведующий кафедрой истории древнего мира и археологии Саратовского университета (1935-1937) (Синицын, 2009. С. 101-102). С 1922 по 1937 гг. директор Краеведческого института изучения Южноволжской области (до 1924 г. – Научно-исследовательский археологический институт). В 1910 г. – преподаватель истории Второго Курского реального училища, член КГУАК (Стародубцев, Щавелев, 1998. С. 77-78). Репрессирован в 1937 г.

[5] Львович Владимир Сильвестрович (?-?) – выпускник Московского Археологического института (1913), служащий Курского губернского акцизного управления (Стародубцев, Щавелев, 1998. С. 56-57).

[6] Глазов Владимир Нилович (?-?) – земский начальник Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, член-сотрудник ИРАО (Стародубцев, Щавелев, 1998. С. 30).

нить устройство курганных насыпей». В ходе работ были исследованы насыпи с трупоположениями как на дневной поверхности, так и в могильных ямах. Также была вскрыта часть площади городища «Крутой курган». У основания вала крепости были заложены три подвижные траншеи общей площадью около 560 м^2, проходящие поперек площадки городища (Глазов, 1913; 1915).

К сожалению, произошедшая в 1917 г. революция, и последовавшие за ней гражданская война, а также коренное изменение государственного и общественного устройств, привели к приостановке процесса исследования археологического памятника на долгие годы. Лишь в 1937 и 1939 гг. изучение комплекса (городища «Крутой курган») было продолжено Б.А. Рыбаковым. Исследование же курганного могильника было возобновлено Г.Ю. Стародубцевым лишь в 1994 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Географические известия Белгородского, Валуйского, Карповского, Корочанского, Курского, Новооскольского, Старооскольского, Суджанского уездов. Анкеты Белгородской губернии XVIII в. Выписки Лаппо Ф. И. из документов Архива АН в Ленинграде // ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 74

Глазов В.Н. Отчет о раскопках по поручению РАО в Обоянском уезде // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 123/1913

Глазов В.Н. Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 93/1915

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998

Львович В.С. Дневник раскопок курганов у с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии // Архив ИИМК. Ф.1. Д.330/1913

Описи архива Разрядного приказа XVII в. Подготовка текста и вступительная статья К.В. Петрова. СПб, 2001

Резанова Е.А. О курганах близ с. Гочева, Обоянского уезда // Труды КГУАК. Вып. 1. Курск, 1911

Рыков П.С. Дневник раскопок Гочевского могильника в июле 1912 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 386/1912

Рыков П.С. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочево Обоянского у. Курской губ.) // Ученые записки Саратовского университета. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б

Синицын АА. Звено в цепи кафедральной родословной: И.И. Вейцковский и кафедра истории древнего мира Саратовского университета в 1937 – 1941 гг. // Рес когитанс. 2009. № 6: Интеллигенция. Интеллектуалы. Университет.

Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского у., Курской губ. // Труды КГУАК. Вып. 1. Курск, 1911

Стародубцев Г.Ю., Щавелев С.П. Историки Курского края. Курск, 1998

Филиппенко А. По губернии. Обоянь // КГВ. 1901. № 38

HISTORY RESEARCH GOCHEVO'S BURIAL MOUNDS IN 1909-1915 YEARS

G. Yu. Starodubtsev

The article is devoted to the first references Gochevo's archaeological complex in the middle of XVII – early XX centuries, as well as the first stage in the research of burial mounds by D.J. Samokvasov, K.P. Sosnowski, P.S. Rykov, V.S. Lvovich, V.N. Glazov in 1909-1915 years.

Keywords: Gochevo, archaeological complex, burial mound, burial ground, burial, river Psyol.

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГОВ ВГУ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г. Е.Ю. Захарова

Воронежский государственный университет, Воронеж

2018 год – юбилейный для экспедиции Воронежского государственного университета, ведущей свою историю с 1948 года. За прошедшие годы археологи ВГУ изучали не только территорию Среднего Подонья в административных границах Воронежской области, но и работали в Белгородской, Липецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Самарской, Тамбовской, Тульской, Челябинской областях, в Башкортостане, в восточных регионах Украины. Со второй половины 1960-х годов силами археологов ВГУ эпизодически проводились исследования и в Курской области (по Открытым листам А.З. Винникова, И.Е. Бирюкова, Г.А. Левых), в результате которых были открыты 20 разновременных памятников археологии, на одном из них (могильник у с. Азарово Касторенского района) проведены раскопки.

Ключевые слова: археологическая карта Курской области, археологическая экспедиция Воронежского государственного университета, А.З. Винников, И.Е. Бирюков, Ю.П. Матвеев, А.С. Саврасов

2018 год – юбилейный для экспедиции Воронежского государственного университета, ведущей свои самостоятельные исследования с 1948 года. За прошедшие годы археологами ВГУ выявлено более двух тысяч объектов археологического наследия, около двухсот из них раскопаны. Основной территорией, на которой проводят свои полевые сезоны университетские экспедиционные отряды, является Среднее Подонье в административных границах Воронежской области, но этим не ограничивается. За истекшие десятилетия археологи ВГУ работали в Белгородской, Липецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Самарской, Тамбовской, Тульской, Челябинской областях, в Башкортостане, в восточных регионах Украины (Разуваев, 1997. С. 145 – 177).

Силами археологов ВГУ со второй половины 1960-х годов эпизодически проводились исследования и в Курской области (по Открытым листам А.З. Винникова, И.Е. Бирюкова, Г.А. Левых)[1].

С территории Курской области начал в 1967 году свои самостоятельные полевые исследования тогдашний аспирант ВГУ Анатолий Винников (в настоящее время доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ). По Открытому листу третьей формы (№ 91 от 29 мая 1967 г.) он вместе со студентами Александром Пономаренко и Леонидом Бакумовым провел разведку по р.Кшень (Винников, 1967; Рис. 1 – 4). Как следует из отчета, разведка «затянулась» на два полевых сезона: «В августе 1967 г. мы проводили разведку по р. Кшень. Она явилась продолжением работ археологической экспедиции ВГУ по изучению правобережья Верхнего Дона. Было обнаружено два невыразительных пункта. Поэтому сознательно идя на нарушение инструкции о полевых исследованиях, мы продолжили в следующем году данный маршрут разведки… Были обследованы оба берега реки от станции Кшень (Советский район Курской области) до ее впадения в Быструю Сосну. Выявлено 6 пунктов, которые можно связать с поселениями эпохи бронзы» (Винников, 1967. Л. 1 – 2). Из открытых памятников один (пункт 1) локализуется на правом берегу р. Кшень в пределах Курской области – поселение у с.

[1] Для полноты сведений о полевых исследованиях воронежцев в курском крае укажу на тот факт, что впервые они были проведены секретарем Воронежского губернского статистического комитета С.Е. Зверевым в 1892 году в Касторенской волости Землянского уезда Воронежской губернии после обнаружения известного скакунского клада. Этот сюжет, включая подробную историографию культурной атрибуции найденных вещей, уже был предметом моего внимания (Захарова, 2010. С. 13 – 22).

Бобровки Советского района, на распахиваемой площади которого было «собрано несколько невыразительных фрагментов керамики эпохи бронзы» (Винников, 1967. Л. 2). Впоследствии этот объект не был учтен при составлении археологической карты Курской области.

Более чем через двадцать лет воронежские археологи продолжили обследование территории Курской области. Это было обусловлено выполнением в конце 1980-х – начале 1990-х гг. госбюджетной научно-исследовательской темы «Выявление, постановка на учет и изучение археологических памятников на территории Центрально-Черноземной зоны». В ее рамках разведочный отряд экспедиции ВГУ под руководством Игоря Егоровича Бирюкова, тогда младшего научного сотрудника НИЧ (в настоящее время начальник отдела археологии ООО НПО «Черноземье» (г. Липецк)), обследовал в августе 1989 года бассейн реки Олым в Касторенском районе, а на следующий год – верховья реки Оскол в пределах Мантуровского и Горшеченского районов Курской области (Бирюков, 1989; 1990). В разведках принимали участие студенты ВГУ, специализировавшиеся по археологии: Е. Беловолова, Т. Веретенникова, В. Каширин, И. Черниговских. Был в их числе и В. Ковалевский, ныне кандидат исторических наук, директор музея-заповедника «Костенки» (Бирюков, 1989. Л.1; 1990. Л.1).

К сожалению, итоговой работы, обобщающей информацию, полученную археологами ВГУ по Центральному Черноземью в процессе реализации указанной выше темы, издано не было. В сжатом виде она отражена в указанной выше сводке, составленной Ю.Д. Разуваевым. Что же касается памятников, выявленных в эти годы на территории Курской области, то сведения о них вошли в соответствующие тома серии «Археологическая карта России» (далее в тексте – АКР).

В 1989 году в ходе разведки по пойме и обоим берегам р. Олым с выходами на прилегающие участки плато была впервые обследована территория от с. Андреево до с. Апросимово. Обнаружено 13 археологических памятников, из которых девять курганных могильников, один одиночный курган, три поселения (Бирюков, 1989. Л. 13 –18; АКР. Ч. 1. 1998. С. 209 (№№ 447, 452), 210 (№№ 455, 456), 211 (№№ 460, 461), 212 (№№ 462–465), 213 (№№ 466, 467), 214 (№ 472)).

При обследовании курганов подъемный материал обнаружен на двух памятниках, которые подвергались распашке. На насыпи № 3 курганного могильника 1 у пос. Ленинский (АКР. Ч. 1. 1998. С. 211 (№ 460)) найдены «стенка лепного сосуда эпохи бронзы и обломок кости» (Бирюков, 1989. Л. 15). На одиночном кургане у с. Николаевка (Апросимово) (АКР. Ч. 1. 1998. С. 212 (№ 465)) – «кремневый патинированный отщеп» (Бирюков, 1989. Л. 17).

На площади поселений выявлены следующие находки:

у пос. Касторное (АКР. Ч. 1. 1998. С. 209 (№ 452)) – «несколько стенок лепных сосудов эпохи бронзы, кремневая пластина со следами сработанности» (Бирюков, 1989. Л. 15. Рис. 59, *3*);

у с. Олымский (Сахзавод) (АКР. Ч. 1. 1998. С. 213 (№ 467)) – «10 кварцитовых сколов и отщепов, в том числе два с рабочей поверхностью», позволивших исследователю отнести памятник ко времени мезолита – неолита (Бирюков, 1989. Л. 16. Рис. 59, *4 – 5*);

у с. Николаевка (Апросимово) (АКР. Ч. 1. 1998. С. 212 (№ 462)) – «несколько стенок лепных сосудов и кварцитовых отщепов, в том числе с рабочей поверхностью», соотносимых с эпохой бронзы (Бирюков, 1989. Л. 17. Рис. 59, *2*).

В 1990 г. обследование территории по обоим берегам и пойме р. Оскол с выходами на прилегающие участки плато от с. Ястребовка (Мантуровский район) до хут. Дубровка (Горшеченский район) проводилось повторно после работ П.И. Борисковского 1958 года, когда приоритетное внимание уделялось свидетельствам эпохи палеолита (Бирюков, 1990. Л. 13).

В процессе работ было выявлено пять поселений, четыре из которых отнесены к эпохе бронзы, одно – к раннему средневековью (Бирюков, 1990. Л. 13–15; АКР. Ч. 1. 1998. С. 172 (№№ 337, 338); АКР. Ч. 2. 2000. С. 23 (№№ 594–596)). Охарактеризуем подробнее полученный материал. На поселении 1 у с. Ястребовка (АКР. Ч. 2. 2000. С. 23 (№ 594)) в шурфе 1 х 1 м были выявлены в общей сложности 20 стенок лепных сосудов срубной культуры, несколько обломков костей и два зуба крупного рогатого скота (Бирюков, 1990. Л. 14). На поселении 2 у с. Ястребовка (АКР. Ч. 2. 2000. С. 23 (№ 595)), площадь которого распахивалась, найдены «шесть стенок лепных сосудов эпохи бронзы и три куска глиняной обмазки» (Бирюков, 1990. Л. 14). На поселении 3 у с. Ястребовка (хут. Быково) (АКР. Ч. 2. 2000. С. 23 (№ 596)) также на пашне обнаружены «10 стенок лепных сосудов и два кремневых отщепа эпохи бронзы» (Бирюков, 1990. Л. 14. Рис. 43, *3 – 4*). На поселении/селище у с. Нижнедорожное (Нижняя Дорожня) (АКР. Ч. 1. 1998. С. 172 (№ 337)), занятом под огороды, найдены «венчик, днище и 10 стенок массивных лепных сосудов с грубо заглаженной поверхностью». Памятник датирован V – VII вв. (Бирюков, 1990. Л. 15. Рис. 43, *5 – 6*). На поселении у с. Никольское (хут. Дубровка) (АКР. Ч. 1. 1998. С. 172 (№ 338)), площадь которого распахивалась, обнаружено «несколько стенок лепных сосудов эпохи бронзы» (Бирюков, 1990. Л. 15).

В проанализированных отчетах указано, что полученные материалы вместе с полевой документацией переданы на хранение в фонды археологического музея ВГУ. Проведенная сотрудниками музея, по просьбе автора, сверка перечня находок с описями хранящихся коллекций выявила, что к настоящему времени они еще не прошли обработку с учетом современных требований к паспортизации музейных предметов, но возможность ознакомиться с ними имеется.

В отчете И.Е. Бирюкова содержится также информация о передаче А.Д. Пряхину в 1980 году учителем (*фамилия, к сожалению, не указана*) из с. Правороть Мантуровского района серии керамики и обломков литейных форм срубной культуры эпохи поздней бронзы, обнаруженных им перед затоплением Оскольского водохранилища (Бирюков, 1990. Л. 13), имеется ссылка и на публикацию этих предметов в то время заведующим лабораторией естественнонаучных методов в археологии ВГУ Александром Сергеевичем Саврасовым (Саврасов, 1986). В упомянутой статье читаем: «Из сборов А.Д. Пряхина 1980 г. происходит фрагмент многопредметной формы для отливки серпов с поселения Правороть 1 на р. Оскол» (Саврасов, 1986. С. 96). Данная находка прорисована и детально проанализирована (охарактеризованы технология изготовления формы, параметры и внешний вид получаемого изделия) (Саврасов, 1986. С. 98, 100 – 101. Рис. 3, *1*). В настоящее время не располагаю информацией о сохранности этой коллекции.

Единственный случай организации раскопок на территории Курской области силами экспедиционного отряда ВГУ датируется 1991 годом. Под руководством Г.А. Левых (в то время сотрудник кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ) был исследован один из шести курганов могильника у с. Азарово Касторенского района (правобережье р. Олым). Выявлено одно погребение среднедонской катакомбной

культуры. Его материалы были опубликованы участником тех работ, доцентом кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ Юрием Петровичем Матвеевым (Матвеев, 1998. С. 16. Рис. 4, *3 – 6*). Комплекс также вошел в общую сводку курганных комплексов среднедонской катакомбной культуры (Синюк, Матвеев. 2007. С. 19 (№ 1). Рис. 2, *1 – 6*). По мнению Ю.П. Матвеева, данное захоронение примечательно тем, что в нем проявил себя факт катакомбно-абашевского взаимодействия, поскольку при наличии ярких катакомбных элементов обрядности в нем находились округлые в сечении браслеты, характерные для абашевских и покровских древностей (Матвеев, 1998. С. 16). По устному сообщению Ю.П. Матвеева автору, все найденные вещи были переданы им лично в администрацию пос. Касторное, инициатору и спонсору проведенных раскопок, для пополнения археологической коллекции местного музея (какие-либо передаточные документы отсутствуют).

Изложенной выше информацией исчерпываются сведения о полевых исследованиях археологов ВГУ на территории Курской области. Надеюсь, что она будет полезна курским коллегам, станет еще одним штрихом к богатой истории археологического изучения Курского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России: Курская область. Часть 1 / Автор-сост. А.В. Кашкин. М., 1998

Археологическая карта России: Курская область. Часть 2 / Автор-сост. А.В. Кашкин. М., 2000

Бирюков И.Е. Отчет о разведочных работах по р. Ольховатка в Воронежской области и р. Олым в Курской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14846

Бирюков И.Е. Отчет о раскопках поселения Чертовицкое VI и разведках по р. Оскол в Курской области и р. Девица в Воронежской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14961

Винников А.З. Отчет о разведке по р. Кшень, притоку Быстрой Сосны (Курская, Орловская и Липецкая области). 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3730

Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2010. № 1

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж, 1998

Разуваев Ю.Д. Полевые археологические исследования Воронежского университета (материалы к археологической карте) // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Воронеж, 1997

Саврасов А.С. Глиняные литейные формы с поселений донской лесостепной срубной культуры // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: ВГУ, 1986

Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Средедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж, 2007

RESEARCH PROJECTS OF VSU ARCHAEOLOGISTS IN KURSK OBLAST

E.Y. Zakharova

2018 is an anniversary year for archaeological expedition of the Voronezh State University tracing its history back to 1948. Over the past years, VSU archaeologists studied not only the Middle Don region within the administrative boundaries of the Voronezh Oblast, but also worked in the Belgorod, Lipetsk, Orenburg, Oryol, Penza, Samara, Tambov, Tula, Chelyabinsk Oblasts, in Bashkortostan, in eastern regions of Ukraine. Since the second half of the 1960s, VSU archaeologists have also conducted occasional research projects in the Kursk Oblast (under permits obtained by A.Z. Vinnikov, I.Y. Biryukov, G.A. Levykh), discovered 20 archaeological sites dating back to various periods and conducted excavations at one of them (burial ground near the village of Azarovo in the Kastornoe District).

Keywords: archaeological map of the Kursk Oblast, archaeological expedition of the Voronezh State University, A.Z. Vinnikov, I.Y. Biryukov, Y.P. Matveyev, A.S. Savrasov

Рис. 1
Археологическая разведка по р. Кшень: на маршруте А. Винников, А. Пономаренко.
Из личного архива А.З. Винникова

Рис. 2
Археологическая разведка по р. Кшень: обследование обнажения берега реки (А. Винников, А. Пономаренко). Из личного архива А.З. Винникова

Рис. 3
Археологическая разведка по р. Кшень: на привале Л. Бакумов, А. Винников. Из личного архива А.З. Винникова

Рис. 4
Археологическая разведка по р. Кшень: у реки Л. Бакумов, А. Винников.
Из личного архива А.З. Винникова

СОКРАЩЕНИЯ

АКР – Археологическая карта России
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ВГПУ – Воронежский Государственный педагогический университет
ВГУ – Воронежский Государственный университет
ГАКО – Государственный архив Курской области
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество
ИРАО – Императорское Русское Археологическое общество
КГВ – Курские губернские ведомости
КГОК – Курское губернское общество краеведения
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии
КГСК – Курский губернский статистический комитет
КГУАК – Курская губернская учёная архивная комиссия
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГПИ – Липецкий Государственный педагогический институт
ЛГПУ – Липецкий Государственный педагогический университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
НАНУ – Национальная академия наук Украины (Киев)
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ТИЭ – Труды института этнографии АН СССР

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Александр Алексеевич – младший научный сотрудник фондового отдела Курского государственного областного музея археологии

Ахметгалеева Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник филиала ОБУК «Курский областной краеведческий музей» «Курчатовский краеведческий музей»

Безбородых Виталий Иванович – антрополог, ООО «Белгородская археологическая экспертиза»

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, доцент, старший научным сотрудник кафедры антропологии биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Бурова Наталья Дмитриевна – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН

Винников Анатолий Захарович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета

Горобец Леонид Викторович – кандидат биологических наук, научный сотрудник Национального природоведческого музея НАНУ

Захарова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета

Зорин Александр Васильевич – кандидат исторических наук, главный хранитель Курского государственного областного музея археологии

Климова Татьяна Александровна – исследователь

Обломский Андрей Михайлович – доктор исторических наук, заведующий Отделом археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН

Провоторов Евгений Витальевич – сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН

Симоненков Алексей Владимирович – младший научный сотрудник экспозиционного отдела Курского государственного областного музея археологии

Стародубцев Геннадий Юрьевич – кандидат исторических наук, директор Курского государственного областного музея археологии

Тропин Николай Александрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Елецкого госуниверситета

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, исполнительный директор НИЦ Комплексного изучения Среднеднепровского региона, совместного с ИА РАН

Чуракова Александра Юрьевна – младший научный сотрудник отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

Шпилев Андрей Геннадьевич – заведующий экспозиционным отделом Курского государственного областного музея археологии

Материалы и исследования

по археологии Днепровского Левобережья

Выпуск V

Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур

К 25-летию Курского государственного областного музея археологии

Сборник научных трудов

Сдано в набор 10.09.18 г.
Подписано в печать 20.10.18 г.
Формат 60х84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 38,75. Тираж 100 экз.
Заказ № 254.
Отпечатано: «Деловая полиграфия»
ИП Бескровный Александр Васильевич
г. Курск, ул. К.Маркса, 61 Б.
Тел.: (4712) 36-09-45
E-mail: zakaz46@mail.ru

Курский государственный областной музей археологии
Основан
в 1993 г.